

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 2 (34)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекабаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств	5
Никифорова А.М. Газета «Le Moniteur universel» о Русско-шведском договоре о дружбе, торговле и мореплавании	10
Полякова Е.А. Церковные педагогические музеи как образовательная форма культуры конца XIX – начала XX в.	14
Ситникова Е.В., Гайдук М.Ю. Вклад купечества в формирование архитектурного облика образовательных заведений г. Тюмени в конце XIX – начале XX в.	18
Храмцов А.Б. Привлечение чинов полиции Томской губернии за противоправные действия к ответственности в 1914–1916 гг.	26
Курьшев И.В. Мариинское (Чумайское) крестьянское восстание 1918 г.: мотивы и поведение повстанцев	30
Стельмак М.М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства»	39
Кузнецов Д.Е. Проблемы в деятельности милиции Западной Сибири (1925–1932 гг.)	46
Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. Становление органов студенческого самоуправления в 1920-е гг.: (на материалах Томского государственного университета)	50
Колоколов А.А., Лизунов В.В., Пономарева Г.П., Соловьев А.А. Омский научно-образовательный комплекс и объединения ученых в предвоенные годы	59
Усольцева О.В. Социально-экономические условия изменения сельского расселения Томской области во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.	69
Данилов А.А. Особенности государственной информационной политики в области расширения культурно-воспитательной функции регионального телевидения в постсоветский период развития российского общества (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик)	78
Гамерман Е.В. Российско-китайские отношения в сфере региональной и международной безопасности после 2014 г.	81

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Носкова Н.Г. Миф о Тангуне в южнокорейской историографии	88
Пивоварова Н.С. Истоки программы «Союз ради прогресса» в идее «Панамериканской операции» Ж. Кубичека	95
Тройнина Е.Ю. Эволюция научно-технологической политики правительства Тайваня в 1970–2000-е гг.: группы влияния	98
Асатрян Г.Э. Контртеррористическая политика США в Афганистане. Дестабилизация ситуации (2006–2008 гг.)	103
Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта	108

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Жарчинская К.А., Хазанов О.В. От каббалы до «раскрешивания»: проблема осознанного выбора в современном и традиционном мистицизме	115
Петренко А.Н. Теория прогресса в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.	120

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Maslyuzhenko D.N. The Sufi orders activities on the territory of Tyumen and Siberian khanates	5
Nikiforova A.M. Newspaper «Le Moniteur universel» on Russian-Swedish Treaty of Friendship, Commerce and Navigation	10
Polyakova E.A. Clerical pedagogical museums as educational form of culture in the late XIX – the early XX century	14
Sitnikova E.V., Gaydouk M.U. The contribution of merchants in the Architectural Physiognomy Educational Institutions Tyumen in late XIX – early XX centuries	18
Khrantsov A.B. Attraction of ranks of police of the Tomsk province for illegal actions to responsibility in 1914–1916	26
Kuryshchev I.V. Mariinsky (Chumaysky) peasant uprising of 1918: rebels, motives and behavior	30
Stelmak M.M. Directory and allies: description of foreign aid on the pages of «Herald of the All-Russian Provisional Government»	39
Kuznetsov D.E. Disadvantages of the Siberian militia activity (1925–1932 years)	46
Fominykh S.F., Shandala D.E. Forming the institutions of student selfgovernment in the 1920s: on the materials of Tomsk State University	50
Kolokolov A.A., Lizunov V.V., Ponomareva G.P., Solov'iev A.A. Omsk scientific and educational complex and associations of scientists in the Prewar years	59
Usoltseva O.V. Social and economic conditions of changing rural population distribution of Tomsk region in the second half of the 1940s – early 1960s.	69
Danilov A.A. Features of the state information policy in the field of expansion of cultural and educational function of regional television during the Post-Soviet period of development of the Russian society (on materials of the Mari, Mordovian and Chuvash republics)	78
Gamerman E.V. Russian-Chinese relations in the sphere of regional and international security after 2014	81

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Noskova N.G. The Dangun Myth in South Korean Historiography	88
Pivovarov N.S. The origins of the «Alliance for Progress» in the idea of J. Kubitschek's «Pan-American operation»	95
Troynina E.Y. Evolution of science and technology policy of Taiwan's government in the 1970–2000s: interest groups	98
Asatryan G.E. The anti-terrorist policy of the US in Afghanistan. Destabilization of the situation in Afghanistan (2006–2008)	103
Pestov S.K., Bobylo A.M. «Soft power» in contemporary world politics: theoretical concept operationalization issue	108

PROBLEMS OF METHODOLOGY OF HISTORY

Zharchinskaya X.A., Khazanov O.V. From Jewish Kabbalah to Neopagan «disaffiliation»: the problem of conscious choice in modern and traditional mysticism	115
Petrenko A.N. Theory of progress in social and political thought of Russia the second half of the XIX century	120

РЕЦЕНЗИИ

Ларьков Н.С. Количество без качества, или Снова «в кроссовках по истории». Рецензия: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.	125
Бузгалин А.В. Рецензия: Воронин Д.В. Роль системы государственного арбитража в экономическом развитии Западной Сибири (1920–1950-е годы). Томск : ООО «РГ “Графика”», 2012. 220 с.; Воронин Д.В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: республиканский и региональный аспект (1950–1980-е годы). Томск : ООО «РГ “Графика”», 2013. 280 с.	129
Ларьков Н.С. Памяти Кузнецова М.С.	131
Зиновьев В.П. Памяти учителя – Блинова Н.В.	133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	135
----------------------------------	-----

REVIEWS

Larkov N.S. Quantity without quality, or superficial knowledge of history. Review. Kokoulin V.G. Democratic counterrevolution: Siberia, the Volga region, Ural (may-november 1918 y.). Novosibirsk, 2014. 548 p.	125
Buzgalin A.V. Review to the monograph of Voronin D.V. The role of state arbitration in economic development of West Siberia (1920–1950). Tomsk : ltd. “rg ‘grafika’”, 2012. 220 p.; The development of state arbitration institute and it’s impact on soviet economy: republican and regional aspect (1950–1980). Tomsk.: ltd. “rg ‘grafika’”, 2013. 280 p.	129
Larkov N.S. An obituary Kuznetsov M.S.	131
Zinoviev V.P. An obituary Blinov N.V.	133

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	135
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(57)+94(574)''15-16''
DOI 10.17223/19988613/34/1

Д.Н. Маслюженко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУФИЙСКИХ ОРДЕНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

Рассматривается вопрос о деятельности суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств в XV–XVI вв. Письменные источники позволяют реконструировать здесь деятельность братств, относящихся к трем тарикатам (Йасавийа, Кубравийа, Накшбандийа), при этом только сейиды первого из них присутствуют в окружении лидеров Тюменского и Сибирского ханств на всем протяжении их существования. Представители этих братств изначально оказывали влияние лишь на культуру и верования клановой аристократии из окружения ханов, но постепенно на протяжении позднего средневековья привели к исламу тюрко-татарские группы юга Западной Сибири.

Ключевые слова: Тюменское ханство; Сибирское ханство; суфийские ордены; исламизация Западной Сибири.

В период позднего средневековья большинство тюрко-татарских групп на юге Западной Сибири приняли ислам. В значительной степени начало этому процессу было положено соответствующей религиозной практикой на территории Улуса Джучи (Золотой Орды), северо-восточной периферией которого была Сибирь, находившаяся под управлением потомков Шибана, младшего брата Бату. В XV–XVI вв. сибирские Шибаниды основали два государства – Тюменский (1429–1510-е гг.) и Сибирский (1563–1610-е гг.) юрты, которые в российской историографии традиционно называются ханствами. Исламизаторская деятельность на этой территории связывается с представителями суфийских орденов, среди которых главную роль играли сейиды из тарикатов Йасавийа и Накшбандийа [1. С. 158].

Авторы исследований по истории сибирского ислама чаще всего опираются на комплекс сибирских манускриптов, в том числе на текст «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» и списки шаджара сибирских суфиев. Однако, по мысли А.К. Бустанова, содержащаяся в них «легенда об исламизации Сибири – всего лишь образ того, как хотели видеть процесс распространения истинной веры мусульманские ученые XVII–XVIII вв.» [2. С. 225]. При всей распространенности этого сюжета на юге Западной Сибири датировка самого события похода 366 шейхов как начальной даты исламизации населения региона достаточно спорна. Попытка отсчитывать историю ислама в регионе от конкретной даты в этих текстах, как и построение строго логичного исторического рассказа об этом, в равной степени обречены, в частности по той причине, что они содержат абсолютно разновременные сюжеты. В тексте упоминаются одновременно представители двух орденов – Йасавийа и Накшбандийа, причем первые явно подчинены второму, что могло оформиться не ранее второй половины XVI в., а указанные в текстах как современники политические и религиозные деятели в реально-

сти широко разбросаны по хронологии от середины XII до конца XIV в. Часть событий может относиться как к последней четверти XV в. в контексте борьбы тюменского хана Ибрахима и узбекского оглана Мухаммеда Шейбани, так и даже к периоду исламизации при хане Кучуме [3. С. 96–97]. Очевидно, что создатели шаджара творчески конструировали историческую действительность, вписывая в нее абсолютно разные по времени события.

Цель данного исследования – анализ имеющейся в письменных источниках информации, которая иногда носит косвенный характер, по вопросу хронологии присутствия конкретных представителей суфийских братств в окружении ханов из династии Шибанидов на территории Тюменского и Сибирского ханств.

При этом вопрос о времени формирования сибирской исламской уммы до сих пор не имеет точного ответа. На данный момент с определенной долей вероятности ее наиболее ранние следы вряд ли уходят далеко за пределы XII в., когда группы кыпчаков и канглов, служившие в государстве Хорезм-шахов, принимают в Средней Азии ислам. Кочевья этих двух групп были расположены в Северном Казахстане, и их отдельные роды заходили в западно-сибирские лесостепи [4. С. 445–446]. В условиях начавшегося после 1206 г. монгольского завоевания степной зоны они искали на бывшем крайнем севере своих владений убежище. По всей видимости, все они были суннитами и признавали ханафитский мазхаб, что способствовало сохранению местных традиций и обычаев в качестве адатов. При этом в Хорезме была чрезвычайно популярна поэзия одного из первых мусульманских мистиков, тюрка по происхождению, суфия Ходжи Йасави, основателя тариката Йасавийа [5. С. 37].

Более активная политика в этом направлении связана уже с политикой сарайских правителей начала XIV в., в частности хана Узбека, принявшего в начале своего правления ислам. Его ближайшее окружение, следуя примеру хана, также начинает переходить в но-

вую веру и распространять ее в своих улусах, как поступали и ордынские полководцы из династии Шибанидов. Так, Махмуд бен Вали в своем сочинении отмечает следующее: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» [6. С. 348]. Все это, с точки зрения автора-мусульманина, могло отражать роль этого оглана в исламизации той части Золотой Орды, которая была передана под управление потомкам младшего брата Бату Шибана, т.е. территории юга Западной Сибири. Хотя датировка правления этого Шибанида весьма условна, по счету поколений ее можно отнести к концу XIII – началу XIV в., т.е. к периоду религиозной реформы Узбека. В силу самого характера религиозной политики постмонгольских государств, придерживающихся терпимости в этом вопросе в отношении своих подданных, сомнительно, чтобы принятие ислама приобрело массовый характер за пределами городских центров и ханских ставок, где непосредственно присутствовали сейиды, ходжи и иные представители суфийских братств.

Исламизация в Улусе Джучи при хане Узбеке традиционно связывается с деятельностью сейидов суфийского тариката Йасавийа из Средней Азии (центр в г. Туркестан). Одними из главных фигур в этом процессе были легендарные ходжи и накибы Сайид-Ата и Занги-Ата из Хорезма, наследника Ходжи Ахмада ал-Йасави [1. С. 61–73; 7. Р. 101–102]. Сайид-Ата во многом выступает легендарным исламизатором всего Дешт-и-Кыпчака. В Западной Сибири, в свою очередь, также хорошо известны мюрид основателя тариката Хаким-Ата (Сулейман Бақыргани из Ургенча) и его ученик Занги-Ата. С фигурой Хаким-Ата связана так называемая «Баишевская астана», а деятельность описана в «Грамоте хранителя Юрумской астаны», иных текстах о приходе в Сибирь из Бухары 366 шейхов, а также в агиографических легендах, записанных в юртах Баишевских [8. С. 55–56]. Упоминание этих лиц в большинстве сибирских текстов явно свидетельствует о значительной роли шейхов и сейидов суфийского братства Йасавийа, хотя сама информация именно о золотоордынском этапе исламизации юга Западной Сибири носит лишь косвенный характер. На данный момент документы не дают четких оснований для реконструкции процесса исламизации региона именно в XIV в., кроме соотношения их с синхронными процессами в целом на территории Золотой Орды.

Более точные указания на конкретных сейидов имеются относительно времени правления ханов Тюменского и Сибирского юртов. Первым ханом, воз-

шедшим на престол в Чимги-Туре, был Абу-л-Хайр, чье воцарение произошло в 1429 г. при поддержке значительного числа племенных лидеров. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых “узбеков” Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином» [1. С. 150]. Эта позиция была поддержана и в недавней совместной работе А.Г. и И.А. Селезневых и И.В. Белича [8. С. 28–29]. Как правило, доказательства этого не приводятся, факт воспринимается априори. В поддержку данной версии может быть указано присутствие при дворе хана сейидов, чтение хутбы на имя хана в Орду-Базаре. Хотя в период его правления сохранялось некоторое количество политических и повседневных кочевых тюрко-монгольских традиций, которые, видимо, воспринимались как адаты. В ханском окружении значительным было число людей, имевших показательные приставки к именам типа «Суфи», «Дервиш» и «Шайх». Трое из них упоминаются в окружении Абу-л-Хайра еще периода его казначества (найманы Шайх-Суфи и Ак-Суфи, тубай Мумин-Дервиш). Еще шестеро присоединились уже в период могущества хана, т.е. после восшествия на престол, причем среди них было трое огланов, один из которых имеет сложное имя Шайх-Суфи. По всей видимости, они были близки по смыслу и обозначали непосредственную принадлежность именно к суфийским братствам, скорее всего, с учетом популярности в степной зоне все они были представителями тариката Йасавийа [9. С. 121–134].

Наиболее важным аргументом исламизации являются не столько имена представителей племенной аристократии, сколько присутствие в окружении Абу-л-Хайра Кара-сейида и Кул-Мухаммед-сейида, которые выполняли как религиозные, так и консультативные и даже военные функции, в том числе непосредственно участвуя в отдельных походах хана. По мнению известного специалиста по истории ислама Девина Де Виса, они принадлежали именно к тарикату Йасавийа. При этом представители ордена часто занимали пост накиба, особенно в Ургенче, что подчеркивало их военный функционал [10. Р. 619–620]. В историографии указывается, что эти сейиды были еще участниками курултая по выборам хана в 1429 г., однако это подтверждается лишь одним поздним источником «Тарихи Абу-л-Хайр-хани» Кухистани (1540-е гг.). В более ранних сочинениях («Таварих-и гузида-йи Нусратнаме» (1502–1504 гг.) и «Шейбанинаме» (1504–1510 гг.) среди участников данного мероприятия не указываются. Список Кухистани был сконструирован автором на основании перечней сподвижников хана Абу-л-Хайра в дальнейших событиях. Резонно предположить, что оба сейида могли присоединиться к хану уже в ходе расширения его среднеазиатских интересов и походов на Хорезм в 1430-е гг. [9. С. 123–124]. Для Кухистани поддержка сейидов в процедуре выборов

хана необходима была в рамках сакрализации этого процесса и могла рассматриваться как обязательная в силу переноса на нее правил аналогичных церемоний его времени.

Однако Мухаммад Юсуф Мунши в сочинении «Мухим-ханская история» указывает на то, что после подчинения Хорезма этому хану покровительствует Маулан-Хусейн-и-Хорезми, потомок Наджм-ад-Дина Кубрави, основателя тариката Кубравийа [11. С. 48]. Упоминание о представителях этого влиятельного в Средней Азии братства в окружении хана Абу-л-Хайра с осторожностью позволяет предположить возможное участие его представителей в процессе исламизации населения юга Западной Сибири. Это не противоречит и имеющимся указаниям на участие шейхов этого тариката в целом в процессе исламизации территории Улуса Джучи в предшествующее время.

Очевидно, что эта деятельность к последней четверти XV в. привела к закреплению ислама в среде местной аристократии, что видно, например, по именам представителей династии сибирских беков Тайбугидов (Ходжа, Мар или Умар, Адер, Мамет). Хотя степень принятия ислама рядовыми группами местного населения, которое было сибирским аналогом «бесмолвствующего большинства» Западной Европы, фактически не может быть уточнена без поиска и изучения мусульманских кладбищ этого времени. Напрямую подчеркивал свою принадлежность к исламу и один из противников Абу-л-Хайра тюменский хан Ибрахим (1467–1495), который в переписке с Москвой называл себя «бесерменским царем» [12. С. 18]. В период конца 1480-х – начала 1490-х гг. в окружении этого хана упоминаются представители казанской знати. Наиболее подробный их перечень содержится в одном из писем Ибрахиму от московского князя Ивана III в 1490 г.: «...нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [Там же. С. 21]. Косвенные данные позволили Д.М. Исхакову предположить, что казанские сейиды также были в основном из тариката Йасавийа [1. С. 92–94]. При всех известных торговых контактах сибирских государств с Казанским ханством и возможным влиянием именно местных мусульман на принятие ислама в Сибири источники показывают присутствие казанских сейидов лишь при дворе тюменского хана Ибрахима, а также, возможно, при его брате хане Мамуке, т.е. лишь в период 1480–1490-х гг. При этом их присутствие было вынужденным под действием активизации русского влияния на казанские дела.

Следующее по времени упоминание о присутствии сейидов из суфийских орденов на юге Западной Сибири имеются лишь для 1570-х гг., т.е. времени правления в Сибирском ханстве двух братьев – Кучума и Ахмед-Гирея. К этому времени влияние суфиев здесь было достаточно велико. Например, жена Бекбулата, бра-

та искерского бека Едигера Тайбугида, родила сына Сейдяка в Бухаре в доме местного сейида [13. Т. 1. С. 192], где она оказалась после восхождения на сибирский престол Кучума. В 1572 и 1574 гг. этот правитель дважды обращался к своему родственнику и союзнику бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. Мотивация этой просьбы была в желании Кучума получить наставников в вере, хотя миссионерская деятельность и женитьба одного из лидеров второй миссии Дин-Али-ходжи на дочери Кучума говорят о создании на основе ислама идеологии этого государства. При этом, хотя послы Кучума обратились непосредственно в Бухару, миссия собиралась в Ургенче, подчиненном на тот момент Хиве. По всей видимости, согласование миссии шло не по линии светской власти, а именно через суфийские братства. Бухарский хаким Ходжа-Якуб по просьбе хана обратился к своему родственнику ургенчскому хакиму Хан-сайиду-ходже. Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат Кучума Ахмед-Гирей, который, впрочем, здесь пробыл не более года, уехав обратно по причине необходимости принять юрт из рук умершего отца [Там же. С. 195].

Спустя два года после начала миссии приехавший хаким Ярым-сейид умер, а Шербати-шейх вернулся в Ургенч. В результате этого Кучум обратился в 1574 г. в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжей, младшим братом Ярым-сейида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем [14. С. 51–60].

Сам бухарский хан Абдулла пришел к власти в 1557 г. при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандийа Мухаммада Ислама, известного также как Ходжа Джуйбари [11. С. 59]. По всей видимости, именно об этом шейхе пишет Э. Дженкинсон, побывавший в Бухаре 23 декабря 1558 – 8 марта 1559 г.: «В Бухаре есть духовный глава (metropolitane), который наблюдает за столь строгим исполнением этого закона. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, относительно его предшественника, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить его ночью в его спальне; а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам» [15. С. 182]. Резонно предположить, что в таком случае и мусульманские проповедники, посланные в Сибирь, должны были происходить из этого тариката, который был основан Мухаммедом Бахаудином Накшбанди аль-Бухари в конце XIV в. под значительным влиянием идей братства Йасавийа [2. Т. 11. С. 214].

Такому выводу о происхождении не противоречат и данные трактата «О религиозных войнах учеников

шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», где поход был организован именно основателем этого тариката. По всей видимости, в середине XVI в. связь между этими братствами была достаточно тесной, хотя накшбандийа постепенно оказывало все большее влияние на своего предшественника, в том числе и благодаря поддержке среднеазиатских Шейбанидов. При этом среди участников похода значительным было число учеников Занги-бабы и Сайид-Ата из братства Йасавийа. Также относительно Дин-Али-ходжи и Ярым-сейида в трактате «Шаджара Рисаласи» однозначно указывается на их происхождение от Сейида-Ата, т.е. относит их к тарикату Йасавийа. А.К. Бустанов предположил, что они могли бежать в Сибирь к Кучуму именно в связи с конфликтом и расширением сферы влияния своих конкурентов [16. С. 59]. Однако источник не дает основания для подобного вывода, а, напротив, говорит о согласованной позиции двух орденов по отношению к процессу исламизации населения Сибирского ханства в правление Кучума. К тому же, по данным Девина Де Виса, после смерти Ходжи Джуйбари накибом и шейх аль-исламом при хане Абдулле был наследник именно Сейида-Ата Хасан Ходжа [10. Р. 622]. Так же, как при Ибрахиме, при Кучуме могли находиться и абызы, т.е. мусульман-

ские священники, из Казани, о чем сообщает «Ремезовская летопись», хотя Г.Ф. Миллер считает это сообщение сомнительным [13. С. 195]. Если признать это сообщение хотя бы частично отвечающим действительности, то следует предположить, что при дворе Кучума могли оказаться представители мусульман, бежавшие от русских.

Таким образом, на протяжении XV–XVI вв., т.е. времени исламизации тюрко-татарских групп юга Западной Сибири, присутствие сейидов в окружении местных правителей позволяет говорить о наибольшей активности деятельности представителей тариката Йасавийа. Они фиксируются в Тюменском и Сибирском юрте на протяжении всего указанного периода, а по косвенным данным и в XIV в. В отдельные периоды в этом процессе могли принимать участие шейхи и сейиды из братств Кубравийа (при тюменском и узбекском хане Абу-л-Хайре в 1430-е гг.) и Накшбандийа (в период правления хана Кучума и его брата Ахмед-Гирея в 1470–1480-е гг.). В большинстве случаев все известные сейиды в окружении ханов происходили из городов Средней Азии, наличие казанских мусульман при Ибрахиме и, возможно, Кучуме фиксируется лишь как вынужденные случаи бегства от русской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.
2. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2009. Т. 11.
3. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.
4. Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс.н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
5. Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие. Казань, 2013.
6. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.
7. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
8. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
9. Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5).
10. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 115. 4 (1995).
11. Муниш Мухаммед Юсуф. Муким-ханская история / пер. и прим. А.А. Семенова. Ташкент, 1956.
12. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. I.
14. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1897. Вып. 8.
15. Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
16. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в Древности и Средневековье. М., 2011.

Maslyuzhenko Denis N. Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

THE SUFI ORDERS ACTIVITIES ON THE TERRITORY OF TYUMEN AND SIBERIAN KHANATES.

Keywords: Tyumen khanate; the Siberian khanate; the Sufi order; the Islamization of Western Siberia.

The author considers a question of the Sufi orders activity on the territory of Tyumen and Siberian khanates in the XV–XVI centuries. Written sources made it possible to speak about the almost constant presence of sayyids, representing various Sufi brotherhoods, in the entourage of Tyumen and Siberian khans. Circumstantial data demonstrate the tendency formed in the period of inclusion of the south of Western Siberia in the Ulus of Jochi (the Golden Horde) as the inheritance of the Shiban descendants. The active Islamization which began here under the khan Uzbek upon the direct influence of the Central Asian tariqat of Yasaviya should affect the aristocracy throughout the Ulus. During the reign of the first Tyumen Khan Abu-l-Khayr after the military expedition to Khorezm in his entourage were Kara-Sayyid and Kul-Mohammed-Sayyid, carried out both religious and advisory and even military functions, including direct participating in several Khan's campaigns. They also belonged to the tariqat of Yasaviyya, whose members often held the post of Naqib, especially in Urgench, which emphasized their military functional. However, in the Khan's entourage were also representatives of the

brotherhood of Kubrawiyya. Islamization conducted by the brotherhoods, to the last quarter of the fifteenth century led to the consolidation of Islam among the local aristocracy, as can be seen, for example, in the names of the dynasty of Taibugides. Tyumen Khan Ibrahim (1467–1495) also emphasized his affiliation to Islam in the correspondence with the Princes of Moscow. In recent years of his reign for the first time for South-West Siberia only Kazan sayyids of the tariqat of Yasaviyya were detected. However, their stay in Tyumen was temporary and compulsory because of the influence of active Russian policy in Kazan. Despite their presence in Khan's entourage, even among the clan aristocracy remained a significant number of adats in everyday and political life. Nowadays the degree of influence of Islam on the ordinary population of the Tyumen khanate is impossible to find out exactly. The highest activity among all strata of the Siberian khanate population the tariqat of Yasaviyya implemented during the reign of two brothers: Kuchum and Ahmet Giray in the 1570-ies. Herewith the mission of representatives of the order of Yasaviyya from Urgench to Siberia was formed on the Bukhara Khan Abdullah II's request and direct instruction of Bukhara tariqat Naqshbandiyya leaders, which allows speaking about a coordinated brotherhoods policy on the Islamization of the Northern territories.

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. *Institut sayyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of Sayyids in Ulus of Jochi and the late Golden Horde Turks-Tatar states]. Kazan: Fan An RT Publ., 2011. 228 p.
2. Bustanov A.K. *Manuskripty sufiyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [The Sufi shaykhs manuscripts: the Turkestan tradition on the banks of the Irtysh]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [The ethnography and archaeological complexes: problems of culture and society]. Omsk: Nauka Publ., 2009, vol. 11.
3. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political history of the forest-steppe Tobol in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2008. 168 p.
4. Kostyukov V.P. *Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys.n.e.* [Cultural transformations in the Ural-Kazakh steppe in the first half of II century A.D.]. In: Botalov S.G. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006.
5. Beloglazov A.V. *Vliyaniye islama na politicheskie protsessy v Tsentral'noy Azii* [The influence of Islam on political processes in Central Asia]. Kazan: Kazan State University Publ., 2013. 294 p.
6. Ibragimov S.K. (ed.) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh Khanate in the 15th – 18th centuries (extracted from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969.
7. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania: Penn State Press, 1994.
8. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in the Siberian Islam: The specificity of the universal]. Moscow: Marjani Publ., 2009.
9. Maslyuzhenko D.N. *Turko-Mongol Traditions in the "State of Nomadic Uzbeks" of Abu al-Khair Khan. Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2014, no. 3 (5). (In Russian).
10. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia. *Journal of the American Oriental Society*, 1995, no. 4, p.115.
11. Munshi Mukhammed Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan's story]. Translated by A.A. Semenova. Tashkent, 1956.
12. Bugarov V.I., Avtokratova M.I., Lukichev M.P., Rogozhin N.M. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [The Embassy book on Russia's ties with the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow: Institute for USSR History Publ., 1984. 98 p.
13. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow, 2005, vol. I.
14. Katanov N.F. *Predaniya tobol'skikh tatar o pribytii v 1572 godu mukhammedanskikh propovednikov v g. Isker* [The tales of Tobolsk Tatars of the arrival of Mukhammedan preachers to Isker in 1572]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, 1897, iss. 8.
15. Jenkinson E. *Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu. 1558–1560 gg.* [A travel to Central Asia. 1558–1560]. In: *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in Muscovy in the 16th century]. Moscow: OGIZ Publ., 1937. 306 p.
16. Bustanov A.K. *Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Türkological collection. 2009–2010. Turkic peoples of Eurasia in Ancient and Medieval times]. Moscow, 2011.

УДК 94(47).05
DOI 10.17223/19988613/34/2

А.М. Никифорова

ГАЗЕТА «LE MONITEUR UNIVERSEL» О РУССКО-ШВЕДСКОМ ДОГОВОРЕ О ДРУЖБЕ, ТОРГОВЛЕ И МОРЕПЛАВАНИИ

Анализируется информация газеты «Le Moniteur universel» о Русско-шведском договоре о дружбе, торговле и мореплавании 1801 г. Автор дает краткую характеристику газеты «Le Moniteur universel», являвшейся рупором наполеоновского правительства, оценку полноты и достоверности французской версии документа, высказывает предположение о причинах его публикации.

Ключевые слова: «Le Moniteur universel»; Русско-шведский договор о дружбе, торговле и мореплавании; Александр I; Россия; Швеция.

Международные отношения прошлого тесно связаны с современностью. Они не теряют своей значимости, продолжая оказывать влияние на политические и экономические контакты между странами. Отношения отдельных стран, в частности России и Франции, складывались веками. В настоящее время все больше возрастает интерес к истории европейской политики России, она активно изучается как отечественными, так и зарубежными учеными. В связи с этим появляется необходимость привлечения новых источников. Расширение информации возможно за счет франкоязычных периодических изданий, в частности газеты «Le Moniteur universel». Это один из тех источников, который несет в себе информацию, позволяющую судить о динамике развития отношений между странами. Эта газета долгие годы формировала мнение французов о России. К сожалению, материалы газеты редко привлекаются российскими историками в связи с ее малой доступностью. Практически полная коллекция этой газеты хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета, что дает уникальную возможность для ее анализа как источника по истории русско-французских отношений в конце XVIII – начале XIX в. [1].

Созданная специально для освещения событий революции во Франции газета «Moniteur» не являлась выразителем интересов какой-либо политической группировки. Издатель не имел ни прямого, ни косвенного влияния на авторов статей, которые сами несли ответственность за содержание опубликованного материала. Ситуация изменилась с приходом к власти Наполеона Бонапарта. Газета стала рупором интересов агрессивной французской буржуазии, мнение которой выражал Наполеон.

Внимание Франции к России в национальной прессе, а именно в газете «Le Moniteur universel», впервые за первые годы ее существования было обращено в марте 1801 г. в связи с произошедшим в нашей стране дворцовым переворотом и последовавшим за ним воцарением Александра I. В Европе ожидали от молодого императора активных действий. Именно с именем Александра I авторы газеты «Le Moniteur universel»

связывали и выработку новой внешнеполитической концепции России. В период, когда активная дипломатическая деятельность, заседание международных конгрессов чередовались с войнами по всей Европе, в газете «Le Moniteur universel» стали публиковаться статьи, в которых все чаще и чаще проскальзывали упоминания о России. Весной 1801 г. во Франции увеличилось количество публикаций, так или иначе связанных с Россией (освещались внутренняя ситуация в стране, крах Второй антифранцузской коалиции, подписание торговых договоров России и Франции) [2. 1801. № 78. Р. 13].

Еще до дворцового переворота в России, оживившего интерес французов к России, особое внимание было уделено подписанию договора о дружбе, торговле и мореплавании между Россией и Швецией в марте 1801 г. [2. 1801. № 336. Р. 1383–1386]. Впервые центральная правительственная газета Франции опубликовала столь крупную статью о России. Ей была отведена целая рубрика в разделе «иностранные государства», ранее же в ней освещалась политическая ситуация в трех-четырёх странах, список которых строился не по алфавиту, а по принципу наибольшей заинтересованности или обеспокоенности правящей элиты Франции событиями, происходящими в той или иной стране. Необходимо также отметить тот факт, что самое большое количество упоминаний о России в газете «Le Moniteur universel» (14 раз) за 1801 г. пришлось именно на март (при этом за весь 1801 г. насчитывается 78 упоминаний о России [1]).

Для того чтобы понять, почему это событие вызвало интерес у французской прессы, необходимо изучить и проанализировать сам договор. Отечественной научной общественности документ хорошо известен. Договор о дружбе, торговле и мореплавании был опубликован в 1802 г. МИД России и помещен в Полном собрании законов Российской Империи [3. С. 549–565]. Однако в обобщающих сочинениях по истории внешней политики России он не упоминается [4]. Договор был упомянут лишь в статье А.В. Калинин как один из договоров, регулирующих торговые отношения России с европейскими странами [5. С. 23]. В этот период Рос-

сия начинает осваивать новые рынки в Западной Европе. Французскими же историками этот договор был упомянут в знаменитой «Истории XIX века» Лависса и Рамбо [6], что доказывает еще раз, что во французской правящей элите возникло некое напряжение в связи с событиями на северных морях.

В отечественной истории русско-шведский договор изучен мало, поэтому его описание в «Le Moniteur universel» представляет особую ценность. Есть смысл остановиться на его характеристике подробнее. Договор о дружбе, торговле и мореплавании был подписан 1/13 марта 1801 г. между императором всероссийским Павлом I (позже введен в действие императором Александром I) и королем шведским Густавом IV Адольфом в Санкт-Петербурге. Это один из последних международных договоров, которые подписал Павел I, убитый заговорщиками 12 марта.

Договор включает в себя преамбулу, 36 статей, общую декларацию, российский и шведский образцы морских бумаг, которые должны были регулировать условия взаимного контроля. Сравнение документов на французском и русском языках показывает, что французская сторона публиковала не полную версию, отсутствуют дополнительные образцы морских бумаг на русском и шведском языках, о которых упоминается в 29-й статье. В то же время в статье «Ратификация» в Полном собрании законов Российской империи не приводится полный титул Александра I [3. С. 562], во французской же версии оно имеется [2. 1801. № 336. Р. 1386].

Как уже было сказано раньше, прежде всего целью подписания договора стало регулирование торговых отношений России и Швеции. Договор был направлен на обеспечение дружбы, мира и согласия между двумя государствами: «Искренняя, откровенная и совершенная дружба, мир прочный и доброе согласие да существуют навсегда между его Величеством Императором Всероссийским, его Наследниками и Преемниками с одной стороны, и его Величеством Королем Шведским, его Наследниками и Преемниками с другой, между их Государствами, Королевствами, областями, городами и подданными; в следствие же такового соглашения обе сии Державы, как сами так и подданные их без изъятия взаимно друг другу оказывать будут во всех случаях, а особливо в отношении к торговле и мореплаванию, всякое пособие и всевозможное вспомоществование, поступая между собою как приятели и добрые соседи и отнюдь не предпринимая ничего могущего обратиться в предосуждение одних или других» [Там же. 1801. № 336. Р. 1383].

Договор предусматривал режим свободной торговли между договаривающимися сторонами: «Российские подданные в Швеции так как и Шведские подданные в России пользоваться имеют полною свободою торговли...» [Там же. 1801. № 336. Р. 1383]. Договор устанавливал беспрепятственное перемещение граждан обеих держав: «...вольнo им будет взаимно приходить с своими кораблями, барками, телегами и повозками по-

рожными и с грузом во все порты, гавани и города обоих Государств...» [Там же. 1801. № 336. Р. 1383].

Учитывая внешнеполитическую обстановку в Европе в это время, представляется, что особое беспокойство Франции вызвало содержание XXIV и XXV статей: «Если одной из двух Высоких Договаривающихся сторон случится быть в войне с какими-либо другими Государствами, подданные другой Договаривающейся Державы будут продолжать плавание и торговлю с этими Государствами...» [Там же. 1801. № 336. Р. 1384]. При этом должны были соблюдаться следующие принципы: «...нейтральные корабли могут свободно ходить из одного порта в другой и у берегов воюющих Держав. Товары, принадлежащие подданным воюющих Держав должны быть на нейтральных кораблях свободны, исключая заповедные воинские снаряды, как о том после будет означено, блокированным считается тот порт, который будет осажден таким числом кораблей и подведенных к нему столь близко, что предстояла бы явная опасность для входа в него.

Нейтральные корабли не иначе могут быть остановлены, как по причинам справедливым и по очевидным происшествиям, и судимы будут без промедления; судопроизводство долженствует быть единообразное, поспешное и законное, с доставлением не только безвинно потерпевшим надлежащего за убытки их вознаграждения, но и за оскорбление флага.

Объявление Офицера, командующего кораблем Императорского или Королевского флота, прикрывающим один или многие купеческие корабли, что на судах им провожаемых нет никаких заповедных товаров, должно быть достаточно, дабы не делать никакого осмотра на его корабле и на судах под прикрытием его идущих...

Вследствие вышепрписанных постановлений обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, ежели бы одной из них случилось быть в войне с какою бы то ни было Державою, не иначе атаковать неприятельские корабли, как за пушечный выстрел от берегов Своего союзника. Они также взаимно обязуются соблюдать совершеннейший нейтралитет в обоюдных портах, пристанях, заливах и на прочих водах... Обеи Державы вправе в военное время не впускать в Свои порты Арматоров¹ воюющей Державы, ни захваченных ими судов и никакое из государств не может обижаться... Но коль скоро Арматор какой-либо посторонней Державы гибельным случаем принужден будет войти в нейтральный порт с захваченным судном воюющей Стороны, то экипаж тотчас освобожден будет... По прошествии же опасности приказано будет Арматору опять выйти в море со своею добычей, отнюдь не допуская его к продаже данной добычи в земле нейтральной» [2. 1801. № 336. Р. 1384].

Внешнеполитическая экспансия Наполеона набирала обороты. Со времен Директории Франция установила прочное господство над всей Италией, Швейцарией и Голландией, захватила Мальту, провела экспедицию

в Египет. Эти шаги сильно обеспокоили европейские государства, они лишились своих территорий, их престиж как ведущих держав мог пошатнуться в любой момент, поэтому стремление в поисках союзников и подписание подобного рода договоров вполне оправданно.

В конце XVIII в. внимание Франции было приковано к постоянному противостоянию с Англией. В 1798 г. была создана Вторая антифранцузская коалиция, сущность которой сводилась к проведению действенных мероприятий, которые смогли бы положить конец успехам французского оружия, вернуть Францию к дореволюционным границам и тем самым вернуть в феодальную Европу мир, спокойствие и политическое равновесие [7. Т. 9/10. С. 418–425].

Это положило начало новой войне Франции, в которой у Наполеона уже были не столько исполнительные, сколько руководящие функции, практически со всей Европой. Став первым консулом, Наполеон понимал опасность борьбы со всей Европой и поэтому начал вести активную антикоалиционную политику. Главным при этом было использование, с одной стороны, традиционно существующих противоречий между участниками антифранцузских блоков или создание новых; а с другой – сохранение постоянного страха монархической Европы перед «непобедимой» французской армией. Антикоалиционные действия Наполеона, по словам С. Соловьева, были направлены на то, чтобы путем переговоров не давать государствам вступать в союзы, расстроить коалицию, раз-

единять интересы держав и сокрушать их силы поодиночке [8. С. 9–10].

Можно утверждать, что борьба с антифранцузскими коалициями стала стратегической задачей всей внешней политики Наполеона. Она определялась его главной внешнеполитической концепцией – установлением гегемонии Франции в Европе, а в перспективе и в мировом господстве. Именно коалиции становились на пути имперских амбиций Наполеона Бонапарта. По этой причине можно предполагать, почему подписание данного договора вызвало интерес французской стороны. Конфликт с Англией заставлял французские правящие круги внимательно следить за международной ситуацией в Северной Европе. Подписание весьма дружеского торгового соглашения между враждовавшими за Балтику весь XVIII в. Россией и Швецией относилось к значительным событиям европейской политики. 2 января 1805 г. Россия и Швеция заключили союзный договор и участвовали в Третьей антифранцузской коалиции вместе с Англией и Австрией.

Можно согласиться с известным французским историком Альбером Сорелем, что Наполеон имел цель «убить коалицию в самом ее зародыше... пытаться разъединить все, что стремится к объединению, сохраняя разногласия, по крайней мере, столько времени, сколько ему было нужно, чтобы разбить тех, которые были вооружены, и обратить в прах других» [9. Т. 7. С. 136].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Арматор (armator) – в морском страховании судовладелец или его доверенное лицо, эксплуатирующее морское судно без права собственности. Арматор снаряжает судно в рейс, нанимает экипаж, приглашает капитана и несет ответственность за его действия. URL: <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=law&word=armator>, свободный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифорова А.М. Газета «Le Moniteur universel» как источник истории русско-французских отношений в 1801–1807 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 85–88.
2. *Gazette nationale, ou Le Moniteur universel*. Paris (Национальная газета, или Всеобщий наставник, Париж).
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. XXVI. С. 549–565.
4. История внешней политики России / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Междунар. отношения, 1998.
5. Калинин А.В. Внешняя торговля России в первой половине XIX в. URL: <http://refdb.ru/look/1324935.html>, свободный (дата обращения: 21.01.2015).
6. История XIX в. / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо; пер. с фр. Е. Тарле. М.: Географгиз, 1938.
7. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9/10.
8. Соловьев С.М. Император Александр I: Политика. Дипломатия. М., 1995.
9. Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1908.

Nikiforova Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya368@inbox.ru

NEWSPAPER «LE MONITEUR UNIVERSEL» ON RUSSIAN-SWEDISH TREATY OF FRIENDSHIP, COMMERCE AND NAVIGATION.

Keywords: Le Moniteur universel; Russian-Swedish treaty of friendship; commerce and navigation; Alexander I; Russia; Sweden.

The article analyzes the information value of the newspaper «Le Moniteur universel» on Russian-Swedish treaty of friendship, commerce and navigation, as well as the comparative analysis of the French and Russian versions of this agreement. International relations of the past are closely related to the present. They do not become outdated, do not lose their value, while continuing to influence on the political and economic contacts between the two countries. Currently, there is an increasing interest in the history of European politics in Russia, it has been studied extensively by both domestic and foreign scholars. In this regard, there is a necessity to attract new sources. Expansion of information is possible due to francophone periodicals, in particular thanks to the newspaper «Le Moniteur universel». This is one of those sources, which gives a possibility to glance at Russia and its foreign policy through the eyes of Europeans. The advantage of this periodical is the fact that its materials have not been studied and analyzed by majority of Russian researchers. The newspaper «Le Moniteur universel» paid special attention to the signing of a treaty of friendship, commerce and navigation between Russia

and Sweden in March 1801. For the first time the central governmental French newspaper published such a big article about Russia, the whole column in the “foreign state” section was devoted to it. Previously that section covered the political situation in 3 or 4 countries on the principle of the greatest interest or concern of the ruling elite in France on events in one country or another. The Treaty includes a preamble, 36 articles, a joint declaration, Russian and Swedish samples, naval papers that had to regulate the conditions (terms) of mutual control. Comparison of documents in French and Russian languages shows that the French side does not publish the full version, there are no additional samples of naval papers on Russian and Swedish languages, as referred in Article 29. The purpose of this agreement was the regulation of trade relations between Russia and Sweden. The treaty was aimed at providing friendship, peace and harmony between the two countries. It fixed the creation of a free trade zone, unimpeded movement of citizens of the contracting states, regulated the movement of ships. Most probably, the attention of the French ruling circles to the Russian-Swedish trade treaty was connected with a growing maritime conflict between France and England in the northern seas, and with clarifying the international situation in this region of Europe.

REFERENCES

1. Nikiforova A.M. Newspaper *Le Moniteur Universel* as a source of Russian-French relations in 1801-1807. *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 356, pp. 85–88. (In Russian).
2. *Gazette nationale, ou le Moniteur universel*. Paris.
3. *Polnoe sobranie zakonov rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. XXVI, pp. 549-565.
4. Sakharov A.N., Sanin G.A. (eds.) *Istoriya vneshney politiki Rossii* [The History of Russian Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998. 446 p.
5. Kalinkin A.V. *Vneshnyaya trgovlya Rossii v pervoy polovine XIX v.* [Russia's foreign trade in the first half of the 19th century]. Available from: <http://refdb.ru/look/1324935.html>. (Accessed: 21st January 2015).
6. Laviss E., Rambaud A. (eds.) *Istoriya XIX v.* [History of the 19th century]. Translated from French by E. Tarle. Moscow: Geografiz Publ., 1938. 4748 p.
7. Martens F.F. *Sobranie traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossiey s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers]. St. Petersburg, 1892, vol. 9/10.
8. Solov'ev S.M. *Imperator Aleksandr I: Politika. Diplomatiya* [Emperor Alexander I: Policy. Diplomacy]. Moscow: Mysl' Publ., 1995. 637 p.
9. Sorel A. *Evropa i frantsuzskaya revolyutsiya* [Europe and the French Revolution]. St. Petersburg: Panteleyev Publ., 1908.

УДК 006.91:008
DOI 10.17223/19988613/34/3

Е.А. Полякова

ЦЕРКОВНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Потребность общества в сохранении и охране объектов православного наследия во второй половине XIX в. инициировала памятникоохранительную деятельность, что, в свою очередь, потребовало повышения качества образования будущих священнослужителей во второй половине XIX в. Принцип наглядности обучения был положен в основу профессионального, а затем и начального духовного образования. Отсутствие средств обучения, необходимых для реализации метода наглядности, актуализировало формирование церковных научно-педагогических музеев и церковных музеев наглядных пособий, которые к первому десятилетию XX в. становятся общепризнанной образовательной формой культуры.

Ключевые слова: церковные научно-педагогические музеи; церковные музеи наглядных пособий; образовательная форма культуры; метод наглядного обучения; памятникоохранительная деятельность.

Становление и развитие музея как культурной формы, осознание возможностей в сохранении и трансляции историко-культурного опыта способствовали раскрытию его образовательного потенциала. Потребность общества в просвещении актуализировала образовательную миссию музея, что инициировало становление и развитие музея как образовательной формы культуры.

Признание музея образовательной формой культуры, под которой понимается матрица, содержание которой наполняется исходя из образовательных потребностей общества в конкретной исторической ситуации, произошло в России в ходе образовательных реформ второй половины XIX в. [1]. Значительно расширившаяся структура отечественной образовательной сети, отказ от традиций схоластики и выявленные несоответствия существовавшей учебно-методической базы новым требованиям актуализировали использование новых педагогических технологий и средств обучения, одним из которых стал принцип наглядности преподавания. Его практическая реализация вызвала к жизни новую образовательную форму культуры – педагогические музеи.

Педагогический музей – это музей, создаваемый с целью разрешения дискуссионных ситуаций в образовании, выступающий инструментом реформирования образовательной системы, фонды и функции которого ориентированы на учебно-методическое обеспечение учебного процесса. Он обладает двойственным статусом по отношению к государственной системе образования, так как, с одной стороны, является следствием образовательных реформ, с другой – средством реформирования этой системы.

Традиционно считается, что потребность в педагогических музеях испытывали светские образовательные учреждения. Вместе с тем во второй половине XIX в. опыт деятельности светских педагогических музеев был воспринят и в системе духовно-учебных заведений.

С музеологической точки зрения церковные педагогические музеи, в основе генезиса которых лежали социокультурные процессы, как уникальная образова-

тельная форма культуры фактически не изучены. Их становление, в отличие от светских, было обусловлено двумя факторами: реформой образования (изменение Устава духовных учебных заведений в 1867, 1869 и 1880 гг.) и памятникоохранительным движением, активизировавшимся в России во второй половине XIX в. Многоуровневость духовного образования обусловила применение различных подходов и критериев к формированию фондового собрания и выбору реальной аудитории, что привело к разделению церковных педагогических музеев на научно-педагогические и музеи наглядных пособий.

Деятельность церковных научно-педагогических музеев, представленных кабинетами и древлехранилищами при академиях и семинариях, церковно-археологических упреждениях, монастырях, была ориентирована на нужды профессионального образования. Во второй половине XIX в. острый дискуссионный характер носила проблема охраны православного наследия. Низкая степень сохранности церковных древностей была обусловлена многими причинами. Одна из них – отсутствие у выпускников духовных учебных заведений знаний по церковной археологии. Вследствие этого участились случаи перестройки, неумелого обновления или целенаправленного уничтожения древних памятников и культовых сооружений ввиду непонимания их национальной ценности настоятелями храмов, благочинными и епархиальным начальством. В связи с этим целями научно-педагогических музеев было документирование памятников православного наследия и обеспечение наглядности преподавания дисциплины «Церковная археология», средствами которой происходило формирование атрибутивных навыков у студентов духовно-учебных заведений. Это, в свою очередь, обуславливало характер собрания, содержащего все типы аутентичных источников, методические пособия и фотоколлекции; ведение научно-исследовательской работы и дифференцированный подход к аудитории, представленной не только педагогами, но студентами и исследователями [2].

Вопросы создания и характера деятельности церковных научно-педагогических музеев обсуждались в рамках археологических съездов [3], в теологических и периодических («Православное обозрение», «Томские епархиальные ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости») изданиях. Развитие их образовательной компоненты было связано с потребностями церковной археологии как научной и учебной дисциплины. Эти музеи могли носить стационарный и реже комплексный характер. В основе структуры научно-педагогических музеев лежала научная концепция И.Д. Мансветова, в которой было учтено религиозная, образовательная и экономическая специфика России [4]. Разделы концепции церковного музея, призванные отражать художественный синкретизм христианских и дохристианских традиций в церковном искусстве, христианскую, преимущественно византийскую архитектуру и иконографию, специфику древнерусского церковного искусства и быта, были подчинены задачам наглядного обучения.

Наиболее известными научно-педагогическими музеями европейской части России были церковно-археологический кабинет Московской духовной академии (1880) и церковно-археологический кабинет Санкт-Петербургской духовной академии (1879). В Западной Сибири эта группа была представлена Тобольским церковным древлехранилищем Тобольского епархиального братства св. вмч. Д. Солунского (1902) и Томским церковным древлехранилищем Томского церковного историко-археологического общества (1912).

Сфера начального духовного образования также испытывала определённые трансформации, обусловленные, с одной стороны, необходимостью повышения общего уровня образования у населения, с другой – укреплением ортодоксии. Об этом свидетельствует особое предписание Святейшего синода от 24 июня 1884 г., в котором духовенству указывалось на необходимость «ревности в священном их служении» в деле «просвещения народа». Особая роль в достижении поставленных целей отводилась церковно-приходским школам, которые были признаны оплотом «истин православной веры» и «орудием воспитания преданности царю и отечеству» [5. С. 133]. Министерство народного просвещения рекомендовало представителям учебной администрации «оказывать всемерное содействие» представителям духовного ведомства в организации церковно-приходских школ [Там же].

Усовершенствование деятельности церковно-приходских школ также осуществлялось посредством внедрения наглядного метода обучения, что актуализировало форму музея наглядных пособий. Эта группа церковных педагогических музеев была ориентирована на решение задач начального образования; их фонды, представленные учебно-методическими материалами, отражали потребности

педагогов церковно-приходских школ и соответствовали по общим параметрам светским музеям наглядных пособий.

Первым музеем стал Кабинет церковно-школьных пособий, основанный при Синодальном училищном совете в 1896 г. после принятия «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания» [6]. В плане использования метода наглядного обучения школа церковно-приходского типа, в отличие от светской, развивалась «крайне медленно», и принятое в 1901 г. очередное «Положение о церковных школах православного вероисповедания» было призвано ускорить процесс реформирования [Там же. С. 121]. Для этого экспозиция синодального музея-кабинета была значительно расширена за счет пособий по общеобразовательным дисциплинам, ремёслам и сельскохозяйственному делу. В 1909 г. с целью популяризации идей наглядности в церковно-приходских школах была организована Первая Всероссийская церковно-школьная выставка, высоко оценённая современниками. Итоги выставки оказали непосредственное влияние на систему церковно-приходского образования и способствовали не только созданию аналогичных музеев, но включению церковно-школьных подотделов в региональные образовательные выставки. Так, в 1910 г. был открыт Саратовский епархиальный церковно-школьный музей [7], а в структуру выставки Приамурского края 1913 г., проводимой в г. Хабаровске «в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых», вошёл школьно-церковный подотдел, представлявший историко-статистические сведения и используемые средства обучения и воспитания (наглядные пособия) [8]. Сведения, содержащиеся в деле «Об устройстве в Петербурге Всероссийской школьно-церковной выставки в 1909 г.», указывают на то, что в ней приняли участие «практически все епархии страны, вплоть до кавказских, сибирских и среднеазиатских» [9. Л. 4–5]. Следовательно, можно предположить, что церковно-школьные музеи были открыты в различных регионах России. Вместе с тем главная цель Кабинета церковно-школьных пособий и церковно-школьной выставки, заключавшаяся в «создании и развитии разветвлённой ведомственной сети» [6. С. 128] церковных музеев наглядных пособий, не была достигнута. По справедливому замечанию Е.И. Лелиной, историческая действительность конца второго десятилетия XX в. помешала реализации задуманных планов.

На территории Западной Сибири групп церковных музеев наглядных пособий не было представлено. Их функции выполняли светские музеи наглядных пособий, имевшие в своей структуре специальные отделы, такие как «Закон Божий», а в числе реальной аудитории были «учащие» духовных учебных заведений [10].

Итак, активизировавшаяся во всех регионах России во второй половине XIX в. памятникоохранительная деятельность, развитие церковной археологии как научной и учебной дисциплины обусловили необходимость формирования теоретических знаний и практических навыков в области атрибуции объектов православного наследия у студентов духовно-учебных заведений. Потребность в обеспечении наглядности преподавания и изучении памятников православной культуры реализовалась посредством церковных научно-педагогических музеев, открываемых при учебных за-

ведениях, церковно-археологических обществах, братствах и монастырях.

Реформа духовного образования 1884 г., протекавшая в условиях укрепления позиций церкви, способствовала повышению социальной значимости церковно-приходских школ. Образовательная ситуация конца XIX в. обозначила необходимость применения в сфере начального духовного образования новационных наглядных методов обучения, что актуализировало форму церковных педагогических музеев наглядных пособий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Е.А. Развитие музея как образовательной формы культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 129–136.
2. Полякова Е.А. Содержательные характеристики собраний педагогических и церковных музеев наглядных пособий конца XIX – начала XX века // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 5. С. 391–394.
3. Труды археологических съездов // GBooks: книги по истории, археологии, географии, этнографии, филологии, лингвистике, генеалогии, философии, изданные преимущественно до 1917 года. URL: <http://starieknigi.info/liter/T.htm>, свободный (дата обращения: 12.06.2014).
4. Мансветов И.Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. 1872. № 2 (февр.). С. 259–282.
5. Шамахов Ф.Ф. Борьба царского правительства за усиление влияния в области народного образования в Западной Сибири во второй половине XIX века // Ученые записки Томского государственного педагогического университета. 1955. Т. XIII. С. 131–137.
6. Лелина Е.И. Кабинет церковно-школьных пособий при Синодальном училищном совете // Петербургские исследования : сб. науч. ст. / отв. ред. проф. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2010. Вып. 2. С. 121–128.
7. Саратовский епархиальный церковно-школьный музей // Саратов: Типография союза печатного дела, 1910 г. 3 с.
8. Отчёт по церковно-школьному отделу выставки Приамурского края 1913 года в городе Хабаровске в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (15 июля – 15 сентября 1913 г.). Хабаровск, 1913. С. 1–6.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 17 (1895–1917). Ст. 1. Д. 55. Л. 4–5.
10. Полякова Е.А. Коммуникативная деятельность педагогических музеев Западно-Сибирского учебного округа в конце XIX – первой четверти XX в. // Этюды культуры-2006: матер. Всерос. науч. практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 19 апр. 2006 г. / под ред. Э.И. Черныка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Ч. 1: Музеология и культурное наследие. С. 50–58.

Polyakova Elena A. Barnaul Juridical Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena2873@mail.ru

CLERICAL PEDAGOGICAL MUSEUMS AS EDUCATIONAL FORM OF CULTURE IN THE LATE XIX – THE EARLY XX CENTURY.

Keywords: church scientific and pedagogical museums; church museums of visual aids; educational form of culture; heritage conservation activity.

The need of society in conservation and protection of objects of Orthodox heritage in the second half of the XIX century stimulated the actualization of heritage conservation activity, which in turn required the improvement of the quality of religious education. It caused reforms in the educational system of the Russian religious schools. As a result of the reforms in the list of disciplines was introduced the course "Church archeology", that required visual teaching. The principle of visibility became obligatory, whereby new demands had being given to schools. The quality of the professional education directly depended on the training and methodological support including authentic and methodical materials provided the students of religious schools with skills of attribution. Absence or lack of training tools needed to implement the method of visibility in educational institutions actualized organization of new educational form of culture – church scientific and pedagogical museum. The church scientific and pedagogical museums included church and archaeological rooms and antic depositories; they were opened at schools, church and archaeological societies, diocesan congregations and monasteries with educational purposes. Pedagogical museum as an educational form of culture was also updated in primary church education. It was due to the processes of strengthening the position of the church and the preservation of the Orthodoxy. By the end of the XIX century pedagogical church museums of visual aids began to appear. Their collections, opposed to the scientific and pedagogical museums were presented by teaching materials and literature, and their structure was subordinated to the needs of educational institutions. Educational activities of museums of visual aids, aimed at teachers of primary parochial schools, were to issue educational institutions with the teaching materials for temporary use and to improve the quality of teaching that by the general parameters complied with the work of secular museums of visual aids. By the first decade of the XX century pedagogical museums reached the culmination of their development and had become a recognized educational form of culture which not only developed professional and primary religious education but as well as scientific and pedagogical museums contributed to the improvement of the heritage conservation activity of Russia.

REFERENCES

1. Polyakova E.A. Development of museum as an educational form of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2014, no. 6 (32), pp. 129–136. (in Russian).
2. Polyakova E.A. Substantial characteristics of structures of pedagogical and church museums of visual aids of Western Siberia in the end 19th – the early 20th century. *Mir nauki kul'tury i obrazovaniya – the world of science, culture and education*, 2013, no. 5, pp 391–394. (In Russian).
3. *Trudy arkhеologicheskikh s'ezdov* [Proceedings of the Archaeological Congress]. In: *GBooks: knigi po istorii, arkhеologii, geografii, etnografii, filologii, lingvistike, genealogii, filosofii, izdannye preimushchestvenno do 1917 goda* [GBooks: books on history, archeology, geography, ethnogra-

- phy, philology, linguistics, genealogy, philosophy, published mostly before 1917]. Available from: <http://stareknigi.info/liter/T.htm>. (Accessed: 12th June 2014).
4. Mansvetov I.D. Ob ustroystve tserkovno-arkheologicheskikh muzeev [On the structure of church and archaeological museums]. *Pravoslavnoe obozrenie*, 1872, no. 2, pp. 259-282.
 5. Shamakhov F.F. Bor'ba tsarskogo pravitel'stva za usilenie vliyaniya v oblasti narodnogo obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka [The struggle of the tsarist government for increased influence in the field of public education in Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1955, vol. XIII, pp. 131-137.
 6. Lelina E.I. Kabinet Tserkovno-shkol'nykh posobiy pri Sinodal'nom uchilishchnom sovete [The room of church educational aids at the Synodal School Board]. In: Krivosheev Yu.V. (ed.) *Peterburgskie issledovaniya* [Petersburg Studies]. St. Petersburg, 2010, iss. 2, pp. 121-128.
 7. *Saratovskiy eparkhial'nyy tserkovno-shkol'nyy muzey* [Saratov Diocesan Church Educational Museum]. Saratov: Tipografiya soyuza pechatnogo dela Publ., 1910. 3 p.
 8. *Otchet po tserkovno-shkol'nomu otdelu vystavki Priamurskogo kraya 1913 goda v gorode Khabarovske, v oznamenovanie 300-letiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh (15 iyulya – 15 sentyabrya 1913 g.)* [The report on the church and school department exhibition of Priamurye in 1913 in the city of Khabarovsk, in commemoration of the 300th anniversary of the Romanov dynasty (July 15 – September 15, 1913)]. Khabarovsk, 1913, pp. 1-6.
 9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 23. List 17 (1895–1917). Col. 1. File 55. L. 4–5. (In Russian).
 10. Polyakova E.A. [Communicative activities of pedagogical museums in West Siberian school district at the end of the 19th – early 20th centuries]. *Etyudy kul'tury-2006: Mater. Vseros. nauch. prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, 19 apr. 2006 g.* [Studies of Culture 2006: Proc. of the Scientific Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists, 19th April, 2006]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, pt. 1, pp. 50-58. (In Russian).

Е.В. Ситникова, М.Ю. Гайдук

ВКЛАД КУПЕЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ г. ТЮМЕНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-11-70001.

Статья посвящена архитектуре зданий учебных заведений г. Тюмени конца XIX – начала XX столетий, возведённых на средства местного купечества. Работа базируется на основе историко-архивных и библиографических исследований, а также натурного обследования. Рассмотрена просветительская деятельность отдельных крупных купцов г. Тюмени, выявлены объекты учебного назначения, построенные по инициативе и на средства этих купцов, а также определена роль выявленных зданий в формировании облика города на протяжении более чем века.

Ключевые слова: учебные заведения; купечество; архитектура; благотворительность; г. Тюмень.

Купечество во многом способствовало развитию застройки городского фонда. Строительство общественных зданий различного назначения, таких как общественные собрания, школы, театры, библиотеки, больницы, богадельни, а также и культовые постройки, возводились по инициативе, на средства и при поддержке купцов, многие финансировались ими и в период эксплуатации. Купцы-меценаты выделяли огромные средства в различные социальные сферы, но прежде всего в образование [1. С. 65].

К крупным тюменским купеческим династиям, радевшим за процветание и развитие Тюмени, принадлежали Прасоловы, Решетниковы, Колмогоровы, Аласины, Колокольниковы, Проскуряковы, П.И. Подаруев, А.И. Текутьев и др.

Особое место среди представителей тюменского купечества, занимавшихся общественной и благотворительной деятельностью, занимает **семья Колокольниковых**. Глава династии, купец первой гильдии Иван Колокольников был известен тем, что держал монополию на торговлю чаем на крупнейшей в Сибири Ирбитской ярмарке. Его торговые связи простирались далеко за пределы России. В 1895 г. предприятие Колокольниковых перешло по наследству к старшему сыну купца – Степану Ивановичу. Помимо разносторонней предпринимательской деятельности Степан Колокольников прославился своим значительным вкладом в развитие народного образования в Тюмени. На улице Никольской на свои средства Колокольниковы построили двухэтажное каменное здание школы, известное как Частная школа Колокольниковых (теперь это вечерняя школа № 2 по ул. Луначарского, 14), которую они содержали на свои средства с 1905 г. Ученики здесь не только обучались бесплатно, их также снабжали учебниками, письменными принадлежностями и даже одеждой за счет Колокольниковых. Осознавая то, что торговое население в городе является преобладающим, они открыли в Тюмени Коммерческое 8-классное училище. Сначала Колокольниковы арендовали под училище дом И.П. Попова по ул. Подаруев-

ской (ул. Семакова, 2, дом сгорел в 1995 г.). Но уже в то время шли подготовительные работы к новому строительству. В «Сибирской торговой газете» писали: «Коммерческое училище будет занимать фасадом 2 улицы, фасад очень красив. Вообще, всё здание – последнее слово науки. Это будет самым грандиозным и самым красивым зданием в городе... Стоимость здания по приблизительной смете равна 200 000 рублей. Обращает на себя внимание устройство отопления и вентиляции, что исчислено по смете в 50 000 рублей. Постройкой здания будет заведовать техник Дубровин, прибывший из Москвы...» [2]. Сейчас это здание Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. Самое крупное краснокирпичное сооружение в Тюмени – Женская гимназия «ТД И.П. Колокольников-на наследники» по ул. Знаменская, 6 – Подаруевская, 10 (совр. Володарского, 6 – Семакова, 10), также было построено на средства Колокольниковых в 1901–1904 гг. взамен старого каменного здания гимназии 1859 г. Как и предыдущие объекты, здание используется по прямому назначению, как учебный корпус Тюменского государственного университета.

Прокопий Иванович Подаруев (1818–1900) – потомственный почетный гражданин г. Тюмени, 1-й гильдии купец, городской голова (1870–1873; 1877–1881), почетный попечитель и председатель попечительного совета Тюменского Александровского реального училища, которое построил на собственные средства, о чем в газете «Ирбитский ярмарочный листок» от 1894 г. говорилось: «Здание выстроено роскошное, каменное, двухэтажное, оно потребовало денежной затраты около 200 тысяч рублей и было пожертвовано городу». Председатель попечительного совета женской гимназии (1877–1896), «редкий сибиряк, благотворитель». Кроме того, в личном деле П.И. Подаруева отмечены и такие его заслуги: «Служил в церкви св. Николая в селе Переваловском старостой, впоследствии там же возвел фонтан, стоящий 1 900 руб.; устроил через Большое городище мост, стоящий 3 000 руб.; исправил в Троицком

монастыре ограду на 1000 руб.» [3. С. 48]. За благотворительную деятельность именитый купец П.И. Подаруев был награжден многими орденами и медалями.

Значительный вклад в развитие культуры Тюмени в конце XIX – начале XX в. внес купец первой гильдии **Андрей Иванович Текутьев**. В разные годы он являлся членом комитета по обеспечению продовольствием бедных жителей Тюмени, председателем комитета городского Владимирского сиропитательного ремесленного заведения, старостой Спасской церкви, руководителем комиссии по мощению городских улиц и устройству скотобоен. С 1899 по 1911 г. Андрей Текутьев выполнял обязанности городского головы. К вкладу Текутьева в культурную жизнь города следует отнести создание школы и библиотеки, открытых в 1899 г. в честь столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Текутьева по праву считают основателем тюменского театра. Благодаря его стараниям в Тюмени была построена каменная больница, рассчитанная на 128 мест. В принадлежащих ему зданиях на Потаскуе (угол Советской, Профсоюзной и близлежащее место) бесплатно разместил мужское и женское училище на 400 человек. В 1914 г. основал Ремесленное училище (ныне – эколого-географический факультет Тюменского государственного университета – ТЮмГУ, ул. Дзержинского). Училище возводилось в период с 1911 по 1914 г., образовано учебным корпусом и литейной мастерской. В последние годы жизни Текутьевым было начато строительство еще одной больницы на улице Даудельной, в которой впервые в городе были предусмотрены рентгеновский кабинет и ряд других достижений медицины того времени. За активную благотворительную деятельность и вклад в развитие города Текутьев был удостоен звания почетного гражданина Тюмени.

В ходе историко-архивных и библиографических изысканий авторы выявили наиболее яркие и значимые объекты учебного назначения, возведенные в конце XIX – начале XX в. при поддержке тюменского купечества (рис. 1).

Рис. 1. Учебные заведения г. Тюмени, возведенные при поддержке купечества

Уездное училище и женская школа. Двухэтажное кирпичное здание уездного училища было построено в 1853 г. купцом **Кондратием Кузьмичом Шешуковым** (1802–1879). 8 декабря 1857 г. в этом здании состоялось первое театральное представление, с которого начинается история театра в Тюмени. В спектакле приняли участие многие именитые тюменцы, в том числе и сам К.К. Шешуков. Дом сохранился (ныне – административный корпус ТЮмГУ по ул. Семакова, 10). Здание выполнено в стиле классицизм и отличается простотой и сдержанностью форм (рис. 2, слева).

Начало женскому образованию в Тюмени положило открытие женской школы в 1859 г. Здание также по-

строено на средства купца К.К. Шешукова. Постройка располагалась на пересечении улиц Знаменской и Подаруевской (совр. ул. Володарского и Семакова). Школа была открыта на правах приходского училища, в 1860 г. она преобразована в трехклассное училище второго разряда на правах уездного училища, а в 1871 г. – в женскую прогимназию. Так же как и соседнее здание уездного училища, школа была выполнена в стиле классицизм (рис. 2, справа). В начале XX в. дом разобрали, чтобы построить на его месте вторую часть краснокирпичного здания женской гимназии (ныне – административный корпус ТЮмГУ по ул. Володарского, 6).

Рис. 2. Уездное училище и женская школа на пересечении улиц Знаменской и Подаруевской

Женская гимназия «ТД И.П. Колокольникова наследники» по ул. Знаменская, 6 – Подаруевская, 10 (совр. Володарского, 6 – Семакова, 10). Крупная краснокирпичная постройка возведена взамен старого каменного здания гимназии 1859 г. на средства «ТД И.П. Колокольникова наследники» в 1901–1904 гг. (рис. 3). Протяжённое двухэтажное с полуподвальным цоколем здание из красного нештукатуренного кирпича характерно для своего времени функциональностью архитектуры. Сдержанные внешние формы его отражают черты рационального декоративизма. Фасады – как торцевые, так и продольные, расчленены пилястрами, подкарнизный, междуэтажный и подоконный пояски выложены в виде стилизованных сухариков, над всеми окнами протянута лента сомкнутых архивольтов. Уличные фасады более декоративны, чем дворовые: пилястры первого этажа рустованы, а наверху имеют накладные геометрические детали вместо капи-

Тюмень. – Женская гимназия.

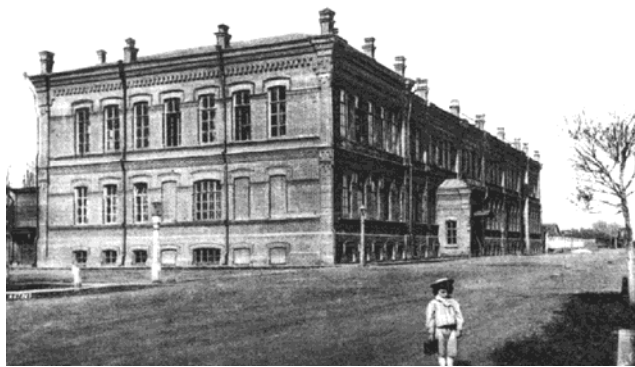

Рис. 3. Женская гимназия «ТД И.П. Колокольникова наследники»

телей, откосы окон обработаны поребриком. Главный вход устроен в тамбуре с продольного уличного фасада, второй – со двора. В традициях кирпичной архитектуры всё здание венчает множество столбиков. Планировка гимназии коридорного типа, в интерьере вестибюля обращает внимание торжественная лестница с ограждением из чугунных литых орнаментальных стоек [4. С. 266].

Коммерческое училище «ТД И.П. Колокольникова наследники» по ул. Никольская, 2 (совр. ул. Луначарского, 2). Здание Коммерческого училища возведено в 1908–1914 гг. на средства и по заказу тюменских купцов первой гильдии Колокольниковых (рис. 4). Расположенное на одном из самых красивых и выигрышных в городе мест – вершине Затюменского мыса, между Троицким монастырем и Крестовоздвиженской церковью, здание играет важную роль в облике исторического центра города.

Рис. 4. Коммерческое училище «ТД И.П. Колокольникова наследники»

Существует две версии относительно атрибуции памятника. По сведениям исследователей-архитекторов С.П. Заварихина и Б.А. Жученко, проект, получивший золотую медаль на Парижской выставке, был приобретен у столичного архитектора В.К. Олтаржевского. Другая гипотеза принадлежит Л.А. Типикину, который связывает авторство проекта

с именем И.И. Рерберга, но не исключает участие и В.К. Олтаржевского.

Крупное трехэтажное каменное сооружение с величественными фасадами в стиле неоклассицизм создает масштабный запоминающийся образ общественного здания. Достаточно сложная пространственная структура, тем не менее, облечена в ясные открытые формы

композиции. Центральное ядро на поперечной оси образует высокий прямоугольный фасад, фланкированный башнями-ризалитами и завершенный аттиком. Стройный ионический портик с большими арочными окнами между ризалитами акцентирует репрезентативность фасада. Протяженные боковые крылья сочленены с этим объемом через полуциркульные вставки. Классический характер архитектуры подчеркнут четким равномерным ритмом прямоугольных окон и пилястр, элементами строгого декора. В 1974 г. небольшой объем парадного входа был заменен трехчастным тамбуром (по проекту архитекторов Б.А. Жученко и С.П. Заварихина), что придало зданию еще более представительный вид. Интерьер училища также структурно ясен и выразителен: большой вестибюль с кессонированным потолком, широкая лестница, просторные коридоры-рекреации, аудитории, актовый зал со сценическим порталом – все это находится в пространственной связи, формируя ощущение торжественной, гармонически уравновешенной архитектуры учебного здания [4. С. 271].

Частная школа «ТД И.П. Колокольников и наследники» по ул. Никольская, 14 (совр. ул. Луначарского, 14). Школа построена на средства «ТД И.П. Колокольников и наследники» в 1910–1911 гг. по проекту архитектора К.П. Чакина. Двухэтажное кирпичное здание, выполненное на основе типового плана, внешне отражает влияние модерна. Показательна композиция главного уличного фасада, акцентированного двумя различно решенными боковыми ризалитами. Один из них имеет волнообразное завершение и глухой

фасад. Другой увенчан фронтоном, а на оси его помещается небольшой выпуклый ризалит-эркер. Остальные плоскости фасадов решены очень просто – ритмом одинаковых прямоугольных окон. Планировка коридорного типа. Над центральным входом в настоящее время надстроен поздний остекленный балкон, который нарушает композицию главного фасада.

Александровское реальное училище П.И. Подаруева по ул. Царская, 7 (совр. ул. Республики, 7). Александровского реальное училище открылось в 1879 г. и проработало до 1919 г. Здание училища строилось с 1877 по 1880 г. по проекту петербургского архитектора Е.С. Воротилова на средства тюменского купца и городского головы **Прокопия Ивановича Подаруева** (рис. 5). С 1897 по 1906 г. директором реального училища был И.Я. Словцов (1844–1907) – видный деятель культуры Западной Сибири, член Стокгольмской Академии наук. Училище состояло из двух отделений: научного и технического, а также имело «зал для художественного и технического рисования, прекрасную библиотеку и отличный музей» [5]. Двухэтажное здание училища по праву считалось одним из самых красивых каменных зданий Тюмени. На первом этаже здания располагались квартира директора училища, канцелярия, физический, механический и естественно-исторический кабинеты. Второй этаж был отдан под классы, кабинеты, актовый и рисовальный залы, библиотеку и комнату педсовета. Полуподвальный этаж училища также был оборудован под кабинеты и мастерские и, кроме того, включал в себя гимнастический зал.

Рис. 5. Александровское реальное училище П.И. Подаруева по ул. Царская, 7 (совр. ул. Республики, 7)

Архитектура здания – эклектика с преобладанием архитектурно-художественных элементов в стиле классицизм. Двухэтажное с полуподвальным этажом кирпичное оштукатуренное здание – характерный образец крупного учебного заведения. Его сложный П-образный план с дворовыми крыльями, тем не менее, симметричен, как симметрична и общая композиция относительно центральной оси, выделенной трехосным ризалитом с аттиком. В убранстве фасадов использованы междуэтажные пояски, рустованные пилястры, сомкнутая

лента пологих лучковых арок над окнами второго этажа. Объединяющим декоративным элементом фасадов служит крупный стилизованный аркатурный пояс под карнизом, опоясывающий всё здание. Планировка этажей – коридорного типа. Подвал и первый этаж перекрыты сводами. Из элементов отделки сохранились тянутые профилированные карнизы, интерьеры основных парадных помещений украшают спаренные пилястры. В училище был создан первый в Тюмени музей на основе коллекций директора реального училища,

учёного И.Я. Словцова и купца-мецената Н.М. Чукмалдина.

Народные училища в доме А.И. Текутьева на углу улиц Водопроводной и Серебряковской (совр. ул. Водопроводная, 28 и Советская, 56). Народные училища (мужское и женское) были открыты 1899 г. в здании, построенном в 1881 г. по заказу и на средства купца и городского головы **Андрея Ивановича Текутьева**. Он разместил сразу два училища на втором этаже одного из своих домов. В училищах занимались 400 учеников. Так как здание располагалось в историческом районе Тюмени под названием Потаскуй, училища получили название Потаскуйских. Архитектура здания эклектична. Постройка двухэтажная, краснокирпичная, закрепляет угол квартала срезанным тупым углом. Красивые полуциркульные окна второго этажа и прямоугольные с лёгким лучком нижнего этажа создают повторяющийся монотонный ритм, который поддерживает и парапетный карниз. Ребятишки проучились в этом здании до 1912 г., после чего А.И. Текутьев открыл в нём гостиницу. Учеников временно перевели в помещения гостиного двора, затем построили для них новое здание.

Романовское городское начальное училище. Здание училища построено в 1913 г. в стиле модерн по проекту архитектора К.П. Чакина. В честь 300-летия Дома Романовых получило название Романовское. Двухэтажное кирпичное здание принадлежит рационалистической ветви модерна. Входы в здание акцентированы выступающими высокими ризалитами, в которых размещены и лестничные клетки. Оконные проёмы на ризалитах имеют сложные переплёты из криволинейных элементов. Планировка здания коридорного типа.

Ремесленное училище и литейная мастерская А.И. Текутьева по ул. Садовая, 7 – Томская, 2 (совр. Дзержинского, 7 – Осипенко, 2). Учебный корпус ремесленного училища представляет собой двухэтажное с подвалом кирпичное здание, состоящее из двух разновременных частей. Фасады ранней северо-западной части, датируемой 1911 г., выполнены в эклектичном духе с применением наличников с сучевых сандриков, нишек, рустованных пилястр и традиционного карниза с сухариками. Вторая часть здания, пристроенная в 1914 г. по проекту архитектора К.П. Чакина (юго-западная часть корпуса), обладает более выразительной архитектурой с элементами в стиле модерн. Главный фасад симметрично расчленён двумя фланкирующими и одним центральным ризалитами с возвышенными под карнизом изогнутыми аттиками-пилонами. Своеобразную ритмику фасаду задают разные по форме оконные проёмы, объединённые широкими лучевыми перемычками. Плоскости простенков заполнены характерным для модерна тонким линейным орнаментом. Над парными окнами первого этажа имеется надпись: «1914 год». В противоположность фасаду интерьеры здания решены сугубо рационально. На первом этаже

расположен большой зал каркасной конструкции с перекрестно-ребристой, новой для того времени системой перекрытий.

Литейная мастерская расположена в глубине двора. Это одноэтажная кирпичная постройка с прямоугольным планом, построенная по проекту архитектора К.П. Чакина в стиле модерн. Обращённый в сторону Туры главный фасад мастерской, как и фасад основного корпуса училища, симметрично расчленён тремя плоскими ризалитами. Каждый ризалит завершён оригинальным пилоном, по форме напоминающим «ласточкин хвост» – элемент, знакомый в традиционном русском оборонном зодчестве. Декор фасада тоже носит накладной линейно-орнаментальный характер, но более изыскан, пластичен по рисунку. Помещённый на угловых ризалитах и над окнами гибкий узор графично выделяется на фоне кирпичной стены. Крупность всех членений и удлинённая форма окон, объединённых по единому радиусу широкими перемычками, придают камерному по размерам сооружению значительный архитектурный масштаб.

Частная школа А.И. Текутьева по ул. Центральная, 13 в селе Борки. Здание школы возведено в 1912 г. на средства тюменского купца и городского головы А.И. Текутьева. Двухэтажное кирпичное сооружение с простым прямоугольным планом показателью для своего времени характерностью типологии небольшой учебной постройки и чертами рационального «кирпичного стиля». В декоре фасадных плоскостей доминируют междуэтажный и подоконный пояски, рустованные пилястры и широкий многослойный карниз, выложенный ступенчатыми городками. Два симметричных боковых входа оформлены большими металлическими козырьками на кронштейнах. Нарядные и ажурные, они являются ярким украшением фасада. В затаённый орнаментальный рисунок фронтонов введены инициалы Текутьева и дата постройки школы. Внутри здания сохранилась коридорная планировка. Помещения частично переделаны [4. С. 388].

Церковно-приходская школа Г.Т. Молодых по ул. Спасская, 41 (совр. Ленина, 41). Здание церковно-приходской школы было построено при Спасской церкви на средства тюменского купца Гаврилы Тимофеевича Молодых в 1898 г. Освящение нового здания Спасской церковно-приходской школы состоялось 8 ноября 1898 г. Небольшое кирпичное одноэтажное на полуподвале здание (11,5 сажени в длину и 8 сажени в ширину) поставлено с северо-западной стороны от храма. Архитектура решена в эклектичной манере, декорирован архитектурно-художественными элементами лишь главный фасад, обращённый к улице. Симметрия композиции главного фасада подчеркнута центральным ризалитом парадного входа и высоким аттиком с угловыми тумбами и криволинейным завершением. Стройные окна, соединённые подоконной тягой, вверху выделены рельефными перемычками с замками, а внизу – неглубокими нишами. Здание вен-

чает широкий карниз из многослойных городков. Со стороны двора к дому примыкают каменные сени [Там же. С. 284].

В соответствии с планом школа была разделена на две «ровные и по устройству и во всем одинаковые половины». Одну заняла мужская школа на 40 детей, переведенная из помещения Архангельской церковной школы, а вторая была предназначена для женского отделения, которая «предполагалась к открытию, как только позволят средства обзавестись мебелью и школьными принадлежностями, а также запастись отоплением». На всю эту постройку было потрачено около 7400 руб. [6. С. 156].

Школа и парк в селе Кулаково Тюменского уезда. Школьная усадьба была устроена в 1890-е гг. по инициативе и на средства купца-мецената Николая Мартемьяновича Чукмалдина на берегу р. Пановка. Школа действовала как двухклассное сельское училище. В состав усадьбы входили: каменное двухэтажное здание, построенное в 1887 г., в нём размещались квартиры учителей и библиотека с читальным залом; двухэтажный учебный корпус, одноэтажное деревянное здание мастерских, кухня, сарай и другие постройки. При школе был разбит большой красивый парк с прудом и беседками. Сад разбит в лучших традициях садово-паркового искусства конца XIX – начала XX в., для которых характерно сочетание регулярной планировки вблизи дома и пейзажной в стороне пруда. Отборные саженцы для сада Н.М. Чукмалдин специально заказывал, а некоторые и сам привозил из-за границы. Усадебный комплекс в с. Кулаково не имеет аналогов в Сибирском регионе и представляет большую историко-культурную ценность.

Роль образовательных заведений в формировании архитектурного облика Тюмени. Для определения роли образовательных заведений в формировании архитектурно-художественного облика Тюмени проведём сравнительный анализ панорам города разных временных периодов – конца XIX в., начала XX в., середины XX в. и начала XXI в., на примере панорамы Затюменки.

На панораме «Вид на Затюменку» конца XIX в. доминантами являются храмы Троицкого монастыря и Крестовоздвиженской церкви, которые явно возвышаются над достаточно мощными двухэтажными зданиями Затюменки. Можно также представить и панораму, раскрывающуюся с р. Туры, нарядно украшенную макетками церквей.

С постройкой здания Коммерческого училища «ТД И.П. Колокольникова наследники» в 1914 г. панорама Затюменки меняется. Крупное трёхэтажное кирпичное здание образовательного заведения доминирует на равных с главными доминантами – храмами. Что и говорить – храм науки!

Историческая панорама Затюменки с р. Туры также подчёркивает значимость учебного заведения как одной из главных доминант исторического района. Крупное

здание училища является главной фигурой панорамы, а храмы являются вырвзительными акцентами, обогащающими общий силуэт застройки (рис. 6, вверху).

Панорама середины XX в. не так нарядна и радостна. Обезглавленные Крестовоздвиженская и Вознесенская церкви уже не явно доминируют в панораме города, а вместе с тем роль учебного заведения – бывшего Коммерческого училища – возрастает.

Современная панорама Затюменки с р. Туры наглядно демонстрирует появление новых градостроительных доминант, теперь это опоры нового подвесного моста и современные кубы многоэтажных зданий. Роль здания бывшего Коммерческого училища в современной панораме Затюменки важна, но она перестаёт быть доминирующей (рис. 6, внизу).

Таким образом, роль здания образовательного заведения – бывшего Коммерческого училища Колокольниковых, с момента его появления и до настоящего времени продолжает оставаться одной из главных в панораме города. Данный объект как на рубеже XIX–XX вв., так и в настоящее время является одним из основных элементов, участвующих в раскрытии панорамы Затюменского мыса наряду с комплексом Троицкого монастыря и Крестовоздвиженской церковью (рис. 6). Значение других крупномасштабных построек образовательного назначения, таких как здания бывшего Александровского реального училища или женской гимназии, также велико. Они продолжают оставаться значимыми градоформирующими элементами центрального исторического ядра г. Тюмени.

Также можно отметить здание бывшего Александровского реального училища (ныне – учебный корпус Государственного аграрного университета Северного Зауралья), бывшее ремесленное училище А.И. Текутьева (в настоящее время – учебный корпус эколого-географического факультета Тюменского государственного университета) и бывшую женскую гимназию «ТД И.П. Колокольникова наследники» (сейчас – учебный корпус Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета). Эти объекты продолжают оставаться значимыми градоформирующими элементами центрального исторического ядра г. Тюмени.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что роль учебных зданий г. Тюмени конца XIX – начала XX в. в формировании архитектурного облика города достаточно велика, они являются одними из самых выразительных и крупномасштабных построек общественного назначения, и большинство из них являются памятниками истории и культуры.

В результате анализа исторических панорам г. Тюмени определено градостроительное значение образовательных заведений в формировании архитектурного облика г. Тюмени в разные временные периоды (на примере Коммерческого училища Колокольниковых).

а

б

Рис. 6. Вид на Затюменку с р. Туры. Фото начала XX (а) и начала XXI в. (б)

Проведенное исследование подтверждает, что Сибирское купечество широко занималось благотворительной деятельностью. Купцы-меценаты вкладывали значительные средства в строительство учебных заведений, что в высшей мере способствовало развитию образования и просвещения в Сибирских городах. В данной работе выявлены наиболее яркие учебные заведения г. Тюмени, построенные при поддержке тюменского купечества, проанализированы архитектурные и планировочные особенности, стилевые направления, а также выявлено историческое и современное функцио-

нальное использование учебных зданий конца XIX – начала XX в. В настоящее время большая часть исследуемых объектов имеет статус объектов культурного наследия – памятники архитектуры и градостроительства, памятники истории. Основным выводом является то, что значимость исследуемых объектов сохранилась и в современной градостроительной ситуации города. Как на рубеже XIX–XX вв., так и в настоящее время эти объекты сохранили свою важную градостроительную роль, назначение крупного общественного здания и большинство из них – учебную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, В.П., Ситникова Е.В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2008. 180 с.
2. Сибирская торговая газета (Тюмень). 1898. 18 ноя.
3. Портреты городов Тобольской губернии и ее обитателей XVII – нач. XX в. Историко-краеведческий альбом. Тюмень : Изд. дом «Слово», 2006.

4. Козлова-Афанасьева Е.М. Архитектурное наследие Тюменской области. Тюмень : ООО «Издательство Искусство», 2008. 488 с.
5. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб. : Издание В. Врублевского, 1906. 458 с
6. Календарь Тобольской губернии на 1891 год: год 4-й. Тобольск : Губ. тип., 1890. 193 с.

Sitnikova Elena V. E-mail: elensi@vtomske.ru; Gaydouk Marya U. E-mail: mary.gaydouk@mail.ru. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation).

THE CONTRIBUTION OF MERCHANTS IN THE ARCHITECTURAL PHYSIOGNOMY EDUCATIONAL INSTITUTIONS TYUMEN IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: educational institutions; merchants; architecture; charity; Tyumen.

The article is dedicated to the architecture of buildings of educational institutions of Tyumen in late XIX – early XX centuries, built at the expenses of local merchants. The work is based on the historical and archival and bibliographic research, as well as investigation on location. The article describes educational activities of certain prominent merchants of Tyumen, identifies objects for educational purposes, built on the initiative and at the expenses of those merchants, and also defines the role of the revealed buildings in shaping the face of the city for more than a century. The leading role of the Siberian merchants in the development of building up the city is noted in the article. Public buildings for various purposes, such as buildings for public meetings, schools, theaters, libraries, hospitals, almshouses, as well as religious buildings were built on the initiative, funded and supported by the merchants, many of them were funded also during operation. Merchants invested vast sums of money into various social sectors, but especially into education. In the course of historical and archival and bibliographic research, the authors discovered the most striking and important objects for educational purposes, built in the late XIX – early XX centuries with the support of the Tyumen merchants. District school and girls' school were built by merchant Kondratii Kuzmich Sheshukov. Women's Gymnasium, Commercial and private school were built and maintained at their own expenses by Kolokol'nikov brothers. Merchant A.I. Tekutjev put Public School into his own house; he opened Vocational School with foundry of A.I. Tekutjev and built a private school in his native village Borki. Aleksandrovsкое non-classical secondary school of P.I. Podarueva became the most beautiful and grandiose building in Tyumen. In this article the authors reveal the most striking educational institutions of Tyumen built with the support of the Tyumen merchants, analyze architectural and planning features, style trends. They also reveal historical and modern functional use of school buildings in late XIX – early XX centuries. Currently, most of the objects under study have a status of the objects of cultural heritage, such as monuments of architecture and urban planning, historical monuments. The main conclusion is that the significance of the objects under study has also remained in the modern urban situation of the city. At the turn of the XIX–XX centuries as well as at the present time, these objects have retained their important role of urban planning, the function of a large public building, and most of them have educational function.

REFERENCES

1. Boyko V.P., Sitnikova E.V. *Sibirskoe kupechestvo i formirovanie arkhitekturnogo oblika goroda Tomska v XIX – nachale XX v.* [Siberian merchants and the architectural outlook of Tomsk in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Design Publ., 2008. 180 p.
2. *Sibirskaya torgovaya gazeta* (Tyumen'), 1898, 18 November.
3. Sezeva N.I., Vychugzhanin A.L., Vorob'ev V.A. *Portrety gorodov Tobol'skoy gubernii i ee obitateley XVII – nach. XX vv.* [The portrait of the cities of Tobolsk province and its people in the 17th – early 20th centuries]. Tyumen: Slovo Publ., 2006.
4. Kozlova-Afanasyeva E.M. *Arkhiteturnoe nasledie Tyumenskoy oblasti* [The architectural heritage of Tyumen Region]. Tyumen: Iskustvo Publ., 2008. 488 p.
5. Kennan D. *Sibir' i ssylka* [Siberia and Exile]. St. Petersburg: V. Vrublevskiy Publ., 1906. 458 p.
6. *Kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1891 god: god 4-y* [The Calendar of Tobolsk province in 1891: Year 4]. Tobolsk: Guberniya Typography Publ., 1890. 193 p.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЧИНОВ ПОЛИЦИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В 1914–1916 гг.

Исследуется процесс привлечения чинов полиции Томской губернии за противоправные действия к ответственности в 1914–1916 гг. В случае доказанности следствием вины полицейских к ним могли применяться разные меры наказаний – от дисциплинарных (замечание, выговор, увольнение) до уголовных. Приведены факты произвола, взяточничества и жестокого обращения полицейских с жителями. Рассмотрена «охранительная» политика департамента полиции МВД в отношении нерадивых служащих, свидетельствующая о том, что проступки должностных лиц зачастую замалчивались, дела не возбуждались.

Ключевые слова: полиция; полицейские; преступление; ответственность; Томская губерния.

Полиция в Российской империи не пользовалась в народе уважением, ее не почитали, а зачастую презирали, в связи с тем что чины полиции действовали вне правового поля, «погрязли» в бюрократизме и взяточничестве, арестовывали и избивали невиновных: «они могли ни за что посадить в «кутузку», заехать в зубы, наложить штраф...» [1. С. 113]. Безнаказанность чиновников способствовала их халатному отношению к службе, бесчинству и вседозволенности. Как отмечал один из современников, полицейские были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления» [2. С. 137]. К этому следует добавить небольшое жалование полицейских, подталкивающее их к взяточничеству, а также слабый надзор за полицией со стороны МВД и губернских управлений. При этом административная власть в этом вопросе отличалась сдержанностью и лишь малый процент чиновников подвергался наказаниям, о чем свидетельствуют архивные документы.

Руководство департамента признавало, что такие факты имеют место и они «должны быть преследуемы и искореняемы самыми решительными мерами» [3]. Однако каких-либо антикоррупционных акций (скажем, «чистые руки») и широкомасштабных профилактических мер не проводилось. Центральный орган лишь собирал различные сведения о состоянии полиции на местах, в том числе о привлечении к ответственности за преступления по должности классных (полицмейстер, уездный исправник, помощник исправника, частный или становой пристав, околоточный надзиратель) и нижних (городовой, стражник, урядник) чинов.

Циркуляр департамента полиции от 23 января 1914 г. за № 1752 предписывал губернаторам доставлять ему такие сведения по специальным ведомостям (формам) каждые два месяца (и за год) с указанием цифровых значений по классным и нижним чинам, а также именных списков классных чинов, привлеченных к ответственности и оправданных [4. Л. 1]. По этим спискам можно установить: фамилии, имена, отчества, должности и чины привлеченных к ответ-

ственности полицейских; статьи закона, по которым должностное лицо привлечено к следствию и суду. В случае доказанности следствием вины полицейских к ним могли применяться разные меры наказаний – от дисциплинарных (замечание, выговор, увольнение) до уголовных. В зависимости от характера и объема противоправных действий наказания могли применяться в совокупности, по нескольким статьям закона.

В 1914–1916 гг. томский губернатор регулярно представлял такие ведомости, содержавшие как количественные, так и качественные сведения. По данным ведомостей, следует, что полицейские чаще всего привлекались к ответственности по ст. 341 (превышение или бездействие власти); ст. 347 (оскорбление словом или действием); ст. 377 и 378 (вымогательство); ст. 1533 (нанесение тяжких побоев) и ст. 1540 (противозаконное задержание и заключение) [5. С. 275, 277, 296, 299, 614, 622]. В частности, в отношении бывшего заведующего полицейской частью г. Татарск, ныне пристава 4-го стана Бийского уезда, не имевшего чина, В.К. Дементьева по журналу Томского губернского управления от 26 апреля 1913 г. за № 113 было возбуждено уголовное преследование по ч. 1 ст. 347 Уложения о наказаниях. Он был предан суду, но на момент донесения губернатором судебного решения еще не последовало [4. Л. 2–3].

Интересно, что в период нахождения под следствием чинам полиции разрешалось продолжать службу в другом уезде или городе. Скажем, бывший полицейский надзиратель г. Барнаула В.М. Санников по журналу Томского губернского управления от 28 февраля 1914 г., привлеченный к следствию по ст. 544 (установление новых повинностей и сборов, не определенных законом) и ч. 1 ст. 378 Уложения о наказаниях, до решения суда временно исполнял обязанности околоточного надзирателя г. Томска. Вердикта суда пришлось ожидать более года. Омской судебной палатой 7–8 марта 1915 г. он был «признан невиновным и по суду оправданным» [Там же. Л. 2–3, 90–105].

В связи с тем что нахождение под следствием и судом могло затянуться на несколько лет, дела в отношении одних и тех же чиновников «переходили» из

одной ведомости в другую. Поэтому цифры, представленные в таблице, следует рассматривать не как количество чинов полиции Томской губернии, привлеченных к ответственности, а как наличие нерешенных дел в году.

За 1914–1916 гг. лишь 27% дел были завершены обвинительным приговором, из них в отношении классных чинов – 7,5%; нижних – 92,5%; больше всего классных чинов привлекалось к ответственности в 1914 г. Правда, из них только трое (9%) были осуждены. В 1916 г. сократилось общее количество дел на стадии следствия и суда (в сравнении с 1915 г. на 42%) и на 50% – обвинительных приговоров. Ни один из классных чинов в 1916 г. не находился под следствием.

По более чем 60% дел суды вынесли оправдательные приговоры. Например, в отношении бывшего пристава 4-го стана Каинского уезда, не имевшего чина И.А. Гельмера, привлеченного к следствию по ст. 377 и 378 Уложения о наказаниях, по журналу Томского губернского управления от 17 сентября 1914 г., дело «за недостаточностью улик прекращено». В отношении бывшего пристава 3-го стана Мариинского уезда, не имевшего чина, В.В. Кипиани, обвиненного по ст. 341, 354, 359, 362 Уложения о наказаниях, по журналу Томского губернского управления от 3 октября 1914 г., дело «за отсутствием состава преступления производством прекращено» [4. Л. 24–31].

Сведения о привлечении к ответственности и оправдании чинов полиции Томской губернии. 1914–1916 гг. [4. Л. 35–36, 88–89, 107–123]

Положение чинов полиции	1914 г.		1915 г.		1916 г.		Всего
	Классные чины	Нижние чины	Классные чины	Нижние чины	Классные чины	Нижние чины	
Под следствием	21	204	2	255	–	154	636
Под судом	13	191	6	150	6	81	447
С обвинительными приговорами	3	41	6	79	4	39	172
С оправдательными приговорами и прекращенными следствиями	6	182	9	111	1	88	397

В ряде уездов Томской губернии противоправность действий полиции приобрела «тотальный» (от нижних до классных чинов) и хронический характер, на что указывали многочисленные жалобы населения [6. Л. 8–16, 98–100 об., 103]. По объему незаконных действий и фактов привлечения к ответственности «лидировали» чины полиции Бийского и Новониколаевского уездов. В частности, бывший надзиратель г. Бийска, коллежский регистратор Л.В. Сергеев, обвиненный по ст. 447, 14, 1524, 341 Уложения о наказаниях, по приговору Омской судебной палаты от 12 июня 1914 г. был лишен всех особых прав и преимуществ и заключен в арестантское отделение сроком на 1 год и 8 месяцев [4. Л. 90].

Газета «Русское знамя» 9 июня 1911 г. писала, что в период службы полицмейстера Б.П. Висмана (латыша) новониколаевская полиция развратилась донельзя. Полиция превратилась с головы до ног в хорошо организованную шайку разбойников. Ограбленные и доведенные до нищеты обыватели обратились к губернатору, но из этого ничего не вышло. «Губернская власть не могла похвастаться энергией Висмана – посмотрите, как он усмирил хулиганов, сколько раскрыто им краж... При этом крупные кражи не были открыты, например ограбление сборщика винных лавок на 27 тыс. руб.». Подобные же деяния наблюдались и в томской полиции. Местный полицмейстер А.М. Фукс (латыш) обвинялся сразу по нескольким статьям. Газета замечала, что в Томской губернии «вся полиция инородческая». Департамент полиции МВД по фактам газетной заметки обязал губернатора дать разъяснения.

8 августа 1911 г. губернатор донес о злоупотреблениях бывших чинов новониколаевской полиции, что в настоящее время это дело находится в стадии следственного производства; 30 октября 1911 г. губернатор доложил, что в отношении чинов томской полиции также возбуждено уголовное дело. В частности, Фукс обвинялся по ст. 354, 372, 373, 377, 378 Уложения о наказаниях. Он, состоя в должности полицмейстера, ежемесячно получал от содержателя ресторана «Европа» и сада «Буфф» в г. Томске Морозова по 100 руб. за назначение полицейских нарядов в летний сад. Кроме того, присвоил более 300 руб. за изготовление табличек домов [7. Л. 103, 105–106].

Жителям изобличить нерадивых полицейских и доказать их виновность было делом крайне сложным. Процесс обжалования действий чинов полиции в большинстве случаев ни к чему не приводил. В связи с тем, что губернские управления оставляли заявления граждан без последствий, то и департамент полиции со своей стороны давал традиционный ответ: дело «никаких распоряжений со стороны МВД не вызывает» [8. Л. 72]. Тем не менее в одно из дел департаменту пришлось вмешаться. Томское губернное управление в течение нескольких лет замалчивало о преступлениях чинов новониколаевской полиции, о чем неоднократно сообщали газеты: «Голос правды» («Полицейские поборы», «Сибирская правда» («Произвол и взятки полиции в Новониколаевске», «Русское слово» («Новониколаевские взяточники»), «Сибирская жизнь», «Утро России», журнал «Сибирские вопросы» и др. Беспрецедентность дела взбудоражила широкую обществен-

ность. Очевидно, что такого непомерного произвола, взяточничества и жестокого обращения полицейских с жителями еще не случалось. Местная полиция превратилась с головы до ног в хорошо организованную шайку разбойников. От жителей города, пострадавших от их неправомερных действий, поступило более 400 заявлений, а общая сумма взяток превышала 250 тыс. руб. [9. С. 28].

17–20 апреля 1914 г. в Новониколаевске состоялась выездная сессия Омской судебной палаты по результатам следствия в 1909–1914 гг. На скамье подсудимых оказались местный полицмейстер Висман и 7 полицейских города. Выяснилось, что вместо 7 официально разрешенных домов терпимости полиция «допустила» действие 113 (в 16 раз больше). При этом содержатели публичных заведений исправно платили полиции сборы до 300 руб. в месяц. Девиц они были обязаны отпускать только в трактир Чиндорина, совладельцем которого и был Висман. За несколько лет на банковском счету полицмейстера накопилось до 120 тыс. руб. В результате почти весь личный состав полиции был предан суду. Полицейстер был заключен тюрьму на 4 месяца «без ограничения в правах и с освобождением

от последствий, но с оставлением денежных взысканий 1 340 руб.»; приставы и надзиратели за преступления были приговорены от 4 до 8 месяцев арестантских рот [4. Л. 90–105].

Пожалуй, указанные примеры стали теми немногими фактами привлечения классных чинов полиции Томской губернии за их служебные преступления к ответственности. Приведенная статистика судимости местных полицейских за 1914–1916 гг. наглядно отражает отношение правительства к «слугам государевым». В большинстве случаев проступки должностных лиц административная власть «замалчивала», дела не возбуждала, а чтобы избежать «народного гнева», переводила чиновников для продолжения службы в другие регионы. Сдержанная, «охранительная» политика и слабая реакция на жалобы населения привели к тому, что в общественном мнении полиция уже прекратила быть органом обеспечения правопорядка, гарантом личной и имущественной безопасности граждан, а, напротив, служила символом невежества, бесчинства и вседозволенности полицейских, что и стало одним из факторов краха Российской империи в феврале 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масалимов А.С., Масалимов Т.С. Нарушение законности полицией Российской империи при осуществлении полномочий по охране общественного порядка // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2008. № 5 (37). С. 112–120.
2. Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 251 с.
3. Сысоев А.А., Кожин А.В. Оперативно-розыскная деятельность сысской полиции Восточной Сибири в ракурсе российского общественного мнения начала XX в. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/7.html#15, свободный (дата обращения: 17.04.2013).
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 112. Д. 194 (Ч. 65).
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб. : Изд-во Н.С. Таганцева, 1892. 796 с.
6. ГАРФ. Оп. 109. Д. 28.
7. ГАРФ. Оп. 109. Д. 75.
8. ГАРФ. Оп. 111. Д. 51.
9. Храмцов А.Б. Городская полиция Западной Сибири в 1902–1917 гг. // Городское управление. 2013. № 1. С. 21–29.

Khramtsov Aleksandr B. Tyumen State Architectural University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ATTRACTION OF RANKS OF POLICE OF THE TOMSK PROVINCE FOR ILLEGAL ACTIONS TO RESPONSIBILITY IN 1914–1916 YEARS.

Keywords: police; police officers; crime; responsibility; Tomsk province.

The police in the Russian Empire wasn't held in the people in respect, her didn't esteem, and often despised because ranks of police worked out of a legal framework, "wallowed" in bureaucracy and a *vzyatnichestvo*, arrested and beat the innocent. The administrative power in this question differed in restraint and only small percent of officials subjected to punishments to what archival documents testify. The management of department recognized that such facts take place and they "have to be pursued and eradicated by the most drastic measures". However any anti-corruption actions (we will tell, "clean hands") and large-scale preventive measures it wasn't held. In 1914–1916 the Tomsk governor regularly submitted sheets about involvement of police officers to responsibility. According to sheets follows that police officers were most often made responsible according to Art. 341 (excess or inaction of the power); Art. 347 (insult word or action); Art. 377 and 378 (extortion); Art. 1533 (drawing a heavy beating) and Art. 1540 (illegal detention and conclusion). It is interesting that during stay under a consequence, ranks of police were allowed to continue service in other district or the city. For 1914–1916 only 27% of affairs were finished by a conviction, from them concerning cool ranks – 7,5%; the lower – 92,5%; most of all cool ranks it was made responsible in 1914. However, from them only three (9%) were condemned. In 1916 the total of affairs was reduced by stages of a consequence and court (in comparison with 1915 for 42%) and for 50% – convictions. Any of cool ranks in 1916 wasn't under examination. On more than 60% of affairs courts pronounced justificatory sentences. In a number of districts of the Tomsk province illegality of actions of police got "total" (from lower to cool ranks) and chronic character, on what specified numerous complaints of the population. To inhabitants to expose careless police officers and to prove their guilt was business by the extremely difficult. Process of the appeal of actions of ranks of police in most cases to anything I didn't lead. The given statistics of a criminal record of local police officers for 1914–1916 visually reflects the relation of the government to "servants monarchic". In most cases offenses of officials the administrative power "suppressed", proceedings didn't initiate and to avoid "people's wrath" transferred officials for continuation of service to other regions. The reserved, "guarding" policy and weak reaction to complaints of the population led to that in public opinion the police already stopped being body of providing a law and order, the guarantor of personal and property security of citizens, and opposite served as a symbol of ignorance, excess and permissiveness of police officers, as became one of factors of crash of the Russian Empire in February, 1917.

REFERENCES

1. Masalimov A.S., Masalimov T.S. Narushenie zakonnosti politsey Rossiyskoy imperii pri osushchestvlenii polnomochiy po okhrane obshchestvennogo poryadka [Violation of the law by the police of the Russian Empire in exercising the powers of public order]. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarной akademii*, 2008, no. 5 (37), pp. 112-120.
2. Shilovskiy D.M. *Politsiya Tomskoy gubernii v bor'be s prestupnost'yu v 1867–1917 gg.*: diss. kand. ist. nauk [The police in Tomsk province in the fight against crime in 1867-1917. History Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2002. 251 p.
3. Sysoev A.A., Kozhin A.V. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' sysknoy politzii Vostochnoy Sibiri v raketse rossiyskogo obshchestvennogo mneniya nachala XX v.* [Special investigative activities of the secret police of East Siberia in Russian public opinion in the early 20th century]. Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/7.html#15. (Accessed: 17th April 2013).
4. The State Archive of the Russian Federation (further referred to as GARF). Fund 102. List 112. File 194 (pt. 65). (In Russian).
5. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Penal and Criminal Corrections Code in 1885]. St. Petersburg: N.S. Tagantsev Publ., 1892. 796 p.
6. GARF. List 109. File 28. (In Russian).
7. GARF. List 109. File 75. (In Russian).
8. GARF. List 111. File 51. (In Russian).
9. Khramtsov A.B. *Gorodskaya politsiya Zapadnoy Sibiri v 1902-1917 gg.* [The city police in Western Siberia in 1902–1917]. *Gorodskoe upravlenie*, 2013, no. 1, pp. 21-29.

И.В. Курышев

МАРИИНСКОЕ (ЧУМАЙСКОЕ) КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 г.: МОТИВЫ И ПОВЕДЕНИЕ ПОВСТАНЦЕВ

Рассматриваются малоизученные аспекты сопротивления крестьян Мариинского уезда Томской губернии репрессивным мероприятиям аппарата Временного Сибирского правительства по взиманию лесных штрафов.

Ключевые слова: сбор налогов и недоимок; самовольные порубки леса; поведение повстанцев.

Одной из наиболее актуальных проблем современной отечественной историографии Гражданской войны в Сибири является изучение протестного поведения крестьянства, ярко проявившегося в антиправительственных восстаниях. Изучение крестьянского движения в белой Сибири на основе комплекса не введенных в научный оборот источников (делопроизводственной документации, хранящейся в архивах, материалов периодической печати, воспоминаний) позволит выявить анатомию крестьянского протеста, более детально проследить вехи крестьянского сопротивления политическому курсу белых властей.

Целью данного исследования является изучение природы, мотивов, особенностей социального поведения крестьян в ходе Мариинского (Чумайского) восстания в октябре 1918 г.

Чумайское восстание стало предметом внимания исследователей прежде всего со второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., получив отражение в трудах М.И. Стишова [1. С. 95–96], В.А. Кадейкина [2. С. 343–348], М.Е. Плотниковой [3. С. 204], сборнике документальных материалов, посвященных борьбе за установление Советской власти в Томской губернии [4. С. 369–383]. Все они базировались исключительно на формационном подходе и марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Так, существенно преувеличивая роль и влияние большевистского подполья в организации крестьянского движения, В.А. Кадейкин доказывал, что деятельное участие в подготовке восстания принимала подпольная организация большевиков в Мариинске. Более того, он утверждал, что восстание, якобы, готовилось заранее [2. С. 344]. Слабая организованность, нерешительность и разрозненность действий повстанцев в этой части Томской губернии, по его мнению, привела к поражению восстания. При этом историк связывал восстание с началом поворота в настроениях крестьянских масс Сибири, начавших борьбу против «эсеров-белогвардейщины» [Там же. С. 347].

На современном этапе, по справедливому мнению М.В. Шиловского, «необходимо на качественно новом уровне, с введением в научный оборот новых источников и непредвзято используя традиционные, проанализировать коммунистическое подполье и повстанческо-

партизанское движение» [5. С. 176]. В данном направлении работает и автор представленной статьи, исследуя на основе не введенных в научный оборот источников нравственно-психологический облик и социальное поведение участников повстанческо-партизанского движения в Западной Сибири [6. С. 298–307].

Анализ степени научной разработанности проблемы позволил сформулировать следующую задачу: реконструировать социальное поведение повстанцев Мариинского уезда в ходе восстания в октябре 1918 г. на основе междисциплинарного подхода (исторического синтеза, интеграции системного, социально-психологического, социокультурного аспектов исследования).

Массовые стихийные крестьянские восстания, вспыхнувшие в ряде уездов в период «демократической контрреволюции» (среди которых выделялось своей ожесточенностью, масштабностью и сопротивлением крестьянства Мариинского уезда Томской губернии), стали предтечей партизанского движения в Западной Сибири. Они вобрали в себя борьбу крестьян за общедемократические идеалы. По справедливому мнению Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, «...крестьянский идеал – “свободный труд на свободной земле”. Он предполагал возможность осуществления его каждым, кто желал и мог обрабатывать землю своим трудом. Таков нравственный императив социального и физического выживания. Его осуществление и явилось главным двигателем аграрно-крестьянской революции в России, победившей в 1917–1922 гг.» [7. С. 31].

Несмотря на пассивно-выжидательное, а порой и враждебное отношение сибирского крестьянства к падению советской власти, оно проявило известную сдержанность и настороженность и в оценке уже первых мероприятий эсеров-меньшевистского Временного Сибирского правительства. Так, даже в одном из наиболее информированных, Томском уезде, из докладов инструкторов-информаторов информационно-агитационного отдела МВД выяснилось, что из 10 волостей, в которых они побывали в августе 1918 г., только 5 волостей определенно высказались в поддержку Временного Сибирского правительства. Остальные отнеслись к правительству неопределенно, проявив выжидательную позицию («Если правитель-

ство будет хорошо относиться к нам, – говорят крестьяне, – тогда мы его будем поддерживать») [8. Л. 1 об.]. Семь волостей однозначно высказались за мобилизацию молодых возрастов. Ответы же трех остальных волостей различались между собой. В частности, Телеутская инородческая волость заявила, что она боится огнестрельного оружия и пойдет только охранять порядок, но не воевать. Крестьяне Бобарыкинской волости сказали, что «лучше повеситься, чем идти на войну». Петуховская волость вообще не высказала своего мнения о мобилизации [8. Л. 1].

Крестьянство повсеместно стремилось избежать уплаты недоимок за 1917 – первую половину 1918 г. Значительная часть сельских обществ отказалась от раскладки поземельных налогов. «Крестьянство было убеждено, – справедливо отмечает В.М. Рынков, – что раз инициатива прекращения поземельных сборов в конце 1917 – первой половине 1918 г. исходила от государственной власти, каковой в то время являлись большевики, значит, оно законно. В правосознании крестьянства сбор недоимок за этот период был противоправной акцией властей, так как придавал закону обратную силу. Неплатежеспособность сельского населения стала камнем преткновения, что многократно отмечалось и налоговыми чиновниками, и сторонними наблюдателями» [9. С. 97]. При этом, по мнению историка, действия правительства по реализации налогово-фискальной политики не привели к массовому активному сопротивлению, основными стали пассивные формы борьбы: отказ от раскладки налогов между хозяйствами, описи имущества недоимщиков. Местные власти уже с лета 1918 г. стали широко привлекать милицию к взысканию недоимок и составлению описей недоимщиков.

Можно согласиться с В.М. Рынковым, что открытые, вооруженные формы сопротивления налоговым сборам проявлялись только в тех случаях, когда они сопровождались другими насильственными мероприятиями, в частности по борьбе с дезертирством новобранцев из армии, взиманием лесных штрафов. Несмотря на довольно широкий диапазон применения репрессивных мер при сборе поземельного налога, эти акции властей вызвали мощное вооруженное сопротивление только в Мариинском уезде Томской губернии, где сопровождались неправомерными, с точки зрения крестьян, действиями по взиманию лесных штрафов (Чумайское восстание).

В то же время значительные усилия по сбору налогов и недоимок, позволившие контрреволюционным правительствам собрать с крестьян около половины причитавшихся прямых налогов, подорвали поддержку белогвардейского режима. «Получив от поземельных сборов 1–3% бюджетных средств, – справедливо отмечает В.М. Рынков, – государство возбудило против себя недовольство многомиллионной массы крестьянства» [Там же. С. 98].

В Западно-Сибирской деревне усиливалось социальное напряжение, порождая социальные конфликты, связанные со стремлением к насильственным действиям с применением оружия. В совокупности все эти обстоятельства являлись составными факторами, повлиявшими на формирование протестных представлений и поведения крестьян. Это подразумевает наличие в менталитете крестьянского населения не только выражения критического отношения к курсу правительства и несогласия с ним, но и способность к замене ряда негативных обстоятельств жизнедеятельности новыми.

Борьба с «демократической контрреволюцией» в деревнях и селах Западной Сибири развернулась против мобилизации в белую армию, увеличения налоговых сборов, возвращения частновладельческих земель и в целом политического режима. Крестьянство не ограничивалось только пассивными формами борьбы, обусловленными недовольством внутренней политикой правительства.

В конце лета – осенью 1918 г. в сибирской деревне вспыхнули крупные крестьянские восстания: Тюкалинское (24–29 августа), охватившее 7 сел с количеством участников в 1–1,5 тыс. чел., Змеиногорское (середина августа – середина сентября) – 60 сел, 13 волостей, 1 тыс. вооруженных участников; Славгородское (2–10 сентября) – 17 волостей, 15 тыс. участников; Больше-Муртинское (17–21 сентября) – 9 деревень, 400–500 чел.; Чумайское (19–28 октября) – более 10 волостей, 7 тыс. вооруженных участников; Бийское (вторая половина октября – ноябрь) – 9 волостей. По данным Ю.В. Журова, из 75 руководителей крестьянских восстаний каждый третий был членом РКП(б) и каждый десятый – промышленным рабочим [10. С. 50–51]. На наш взгляд, масштабы участия большевиков и рабочих в руководстве повстанческим движением летом – осенью 1918 г. были существенно преувеличены автором. Это было обусловлено влиянием господствовавшей в советской историографии концепции о руководящей роли РКП(б) в борьбе трудящихся против белогвардейцев и интервентов, а также союзе рабочего класса и крестьянства Сибири в период строительства социализма.

В письме от 29 октября 1918 г. члена Омского комитета РКП(б) А.А. Масленникова сообщалось: «В крестьянской среде <...> настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском (от) Исилькуля, Змеиногорском, Кузнецком, на всем Алтае, в Мариинском уездах. Восстают ряд волостей, образуют революционные комитеты, но подавляются со страшной жестокостью. **К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства** (выделено мной. – И.К.). Поводы к ним – набор новобранцев, взыскания старых недоимок, ненависть к карательным отрядам и белочехам, выселения и т.д. Среди новобранцев настроение великолепное; они

ждут призыва к восстанию и на фронте сдадутся» [11. С. 52].

Довольно ожесточенный характер приняла повстанческая борьба в Мариинском уезде Томской губернии, где с 19 по 28 октября 1918 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, охватившее более 10 волостей с общим количеством участников около семи тысяч человек вооруженных крестьян [12. С. 53]. Причины Мариинского восстания в целом объективно выявлены в докладе мариинского уездного комиссара томскому губернскому комиссару. Среди них он выделил энергичное взыскание податей и штрафов с местного населения за самовольные лесные порубки в пределах Чумайского лесничества, водворение в свои части бежавших с военной службы новобранцев-дезертиров; большевистскую агитацию, рассчитанную на глубокую темноту населения, провоцирующие бунт действия командированного из Томска в село Чумай военного отряда прапорщика Дмитриева [4. С. 352].

Вместе с тем положение лесного хозяйства в этой части обширной Томской губернии действительно было весьма удручающим и тревожным. Размеры самовольных порубок леса из государственных дач достигли ужасающих размеров. По словам лесного ревизора 3-го района Томской губернии А.П. Куликова, особенно негативно влияли на население воззвания, призывы и разъяснения о ненужности лесной администрации, лесной стражи и т.п. [13. Л. 88]. «Эти специальные выступления некомпетентных во многом лиц, взявших в некоторых местностях бразды государственного управления, – писал он, – развратили население, и оно при них получило возможность осуществить свою всегдашнюю мечту – самостоятельного хозяйничанья в лесах, до сего времени охраняемых с большим трудом специальным, но, к сожалению, крайне малочисленным в Сибири штатом стражи. После периода особо частых наездов агитаторов и различных разъяснителей население деревень и сел, да отчасти и городов, никем и ничем не сдерживаемое, обратило свой гнев на лиц, до сих пор непосредственно мешающих ему свободно, без всяких стеснений, пользоваться лесными богатствами. Во многих местах чины лесного ведомства подверглись незаслуженному оскорблению, насилию, и дело доходило даже до диких расправ» [Там же].

Особенно угрожающим было положение дел в Чумайском лесничестве. Всю весну и лето 1918 г. по р. Кие сплавлялась масса леса, исчислявшаяся десятками тысяч кубических сажень; по обеим берегам реки находились огромные склады самовольно нарубленного леса. Вблизи кордона, на котором жил чумайский лесничий Я.И. Солодовников, производилась самовольная рубка леса; прикордонная полоса раскорчевывалась и распахивалась. В селе Чумае и окрестных деревнях все дворы были завалены казенным лесом. Более того, на кордон стали приходить толпами и в одиночку сельские жители, чтобы захватить казенное

имущество – лошадей, сбрую, канаты, заготовленные лесные материалы и пр. Отрицательный пример подавал мариинский союз кооперативов, заготавливавший самовольно лес с помощью своего техника Останина и жителей Чумая, несмотря на многократные требования лесничего. Такого леса, по расчетам Я. Солодовникова, было заготовлено на сумму около 12 тыс. руб. [14. Л. 12].

В конце концов, видя бесплодность попыток обращения за помощью к мариинскому земству и бессилие местной милиции в борьбе с расхищением лесных богатств, начальник управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии обратился к губернским властям оказать содействие в отправке вооруженного военного отряда. По распоряжению начальника гарнизона г. Томска в Мариинский уезд был командирован отряд, состоявший из 44 солдат под командованием двух офицеров. Затем в г. Мариинске к этому отряду присоединился начальник уездной милиции с 15 милиционерами и пятью солдатами местного гарнизона. 6 и 7 октября прибывшим карательным отрядом производился пересчет леса в деревне Покровке; всего с местных крестьян было собрано 1 674 рубля, кроме того, здесь было арестовано несколько дезертиров.

После отряда отправился в деревню Ивановку, где со 130 дворов взыскал 1 618 рублей. 11 октября отряд прибыл в село Чумай, где толпа местных жителей около 300 человек после переговоров с лесничим категорически отказалась уплачивать какие-либо сборы. Тем временем лесная стража приступила к пересчету пней и обмеру распашек в прикордонной полосе. 12 октября в канцелярию лесничего явились делегаты от жителей Чумая и заявили, что они вырубili прикордонную полосу по общему приговору, а потому взыскание должно быть предъявлено ко всему обществу; участок же выше кордона по левому берегу реки Кии и по р. Кожуху каждый рубил по собственной воле [Там же. Л. 12 об.].

13 октября в канцелярию лесничества явился житель села Чумая, член Мариинской уездной земской управы, Евграф Фролов и стал требовать, чтобы взыскание денежных сборов с односельчан было прекращено. Получив отказ, он в повышенном тоне в присутствии начальника милиции заявил: «Придется, должно быть, крестьянину подняться и сорвать ту петлю, в которую попадаем» [Там же. Л. 13].

Сам Я. Солодовников так описывал процесс взысканий в рапорте, направленном начальнику управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии: «Будучи вызваны в определенный срок, вечером явились и чумайцы, прося оставить за ними оброчную статью, но недоимки за два года, числящейся за ними, не внесли. Имея объявить, что сейчас моя задача – не взыскание по оброчным статьям, а за самовольное пользование лесом и его порчу. 13-го в полдень в канцелярию на кордоне явился член земской управы

Евграф Фролов, житель Чумая, вместе с начальником милиции. Затем от имени общества Фролов настаивал на том, чтобы взыскание с чумайцев было бы прекращено. Категорически объявил, что все, что причитается с чумайцев, мною будет взято, в повышенном тоне, по-видимому, нервничая, местный земец в присутствии всех и начальника милиции заявил: «Придется, должно быть, крестьянину подняться и сорвать ту петлю, в которую попадаем»... Чумайцы все же подати несут, и, по-видимому, оплатят и лес. Но настроение настолько скверно, что, конечно, не может быть и речи о моем пребывании здесь в лесничестве, тем более что по всем дорогам из Чумая, то есть в Ивановке, Покровке, Михайловке, Алчедатке, – везде буду и везде соберу. <...> В Мариинске в полчаса покончил с кооперативом, председатель коего обещал немедленно уплатить все, что ему будет предложено; а думаю, тысяч 12 сгребу и с него. Всего ожидаю не менее 20 тысяч» [15. Л. 17 об.–18].

После этого действовавший в Чумае отряд оказался в осадном положении и вынужден был бездействовать. 14 октября начальник милиции выехал за помощью в г. Мариинск. Тем временем повстанцы обезоружили отряд и жестоко расправились со всеми, кого считали причастными к своим бедствиям. 21 октября был убит лесничий Я.И. Солодовников, кордон, находившийся в четырех верстах от села Чумая, сожжен, имевшееся здесь казенное имущество разграблено или уничтожено. Лесничего Солодовникова перед смертью пытали с целью узнать, где спрятаны оружие, пулеметы, патроны. Лишь спустя несколько дней было обнаружено изуродованное тело Солодовникова, доставлено в г. Томск, где и погребено 1 ноября.

Поведение восставших крестьян отличалось повышенной агрессивностью; в нем нашло яркое выражение насилие из мести. Как докладывал мариинский уездный комиссар, 19 октября толпа крестьян задержала лесничего Солодовникова и стала избивать его палками со словами: «Пусть на том свете собирает лесные штрафы» [4. С. 370–371]. Обездчик Мариинского лесничества Яков Лукьянов, временно командированный в Чумайское лесничество, также был убит взбунтовавшимися крестьянами, другой обездчик Андреев, приговоренный к смерти, успел сбежать. Жена лесничего Солодовникова, арестованная чумайцами, была освобождена прибывшими на помощь воинскими отрядами [14. Л. 13].

Семипалатинская кадетская газета «Свободная речь» со слов собственного корреспондента подробно рассказывала о мотивах Мариинского (Чумайского) восстания, нравственном облике и поведении повстанцев. «Население Чумая, развращенное приисковой жизнью, самогонкой, после падения большевиков с крайней раздражительностью встретило воинскую повинность и установление правил лесных порубок. Во всем этом деревенские пролетарии видели старый режим», – писал корреспондент [16]. По его мнению,

также значительное влияние на возникновение восстания оказала агитация эсеров и социал-демократов.

Автор публикации под названием «Тяжелые дни в Мариинске» отмечал невероятную жестокость, озлобленность восставших крестьян, представив их действия как «страшную, безрассудную расправу». Подчеркивая руководящую роль в организации восстания солдат-фронтовиков и частично искажая детали происходивших событий, он, например, писал: «Прежде всего, чумайцы расправились с лесничим, которого подвергли на глазах жены невероятным истязаниям. Покончив с ним, они убили и его жену, надругавшись, при этом, над ее трупом. Видя, что творится страшная безрассудная расправа, священник села Чумай мужественно выступил со словами отрезвления к толпе. Но толпа заревела: «Смерть долговязому буржую! Убить его!» И священник был убит. Первые воинские части, посланные на усмирение, были захвачены в плен. Особенно жестокая расправа постигла офицеров. Тела их исполосованы снятием кожи в виде широких ремней и сильно исколоты» [Там же].

Лесничий В. Москаленко из села Тисуль сообщал 8 октября 1918 г. в томское управление земледелия и государственных имуществ более точные и достоверные сведения о ходе Чумайского восстания и поведении повстанцев. Крестьяне ночью отобрали оружие и арестовали милиционеров, причем 7 человек из них убили, а остальных заперли в холодный амбар. Священник отец Павел (Соловьев), попытавшийся увещевать крестьянскую толпу, был раздет донага и брошен в холодный амбар, где умер. Затем утром на кордоне участники восстания убили лесничего Солодовникова. Жена его сумела убежать в лес, кордон сожгли. Узнав, что представителями власти в Мариинск послано за подкреплением, крестьяне села Чумая разослали по соседним деревням делегатов с просьбой об оказании им помощи. К восставшим присоединилось около 10 селений, в частности Кураково, Карачаровка, Нижняя Серта, Михайловка, Шестакова, Алчедат, Покровка, Ивановка и др. Обращались они за помощью в тисульское лесничество, но здесь им помощь не оказали. Жители села Тисуль ответили посланцам мятежников: «Мы не о двух головах, чтобы идти помогать вам» [15. Л. 32].

В Иркутянке, угрожая расправой, чумайские делегаты и новобранцы заставили председателя управы дать расписку в том, что они обязываются выслать помощь в село Чумай, однако ему удалось бежать в село Тисуль. В Тисуле волнения крестьян не были отмечены, приобретались лесные билеты.

В вину убитому лесничему Солодовникову ставилось несправедливое взыскание лесных сборов по трехкратной таксовой стоимости за лес, самовольно нарубленный еще при Советской власти (на что указывал, например, в секретном рапорте помощник томского губернского комиссара [4. С. 370–371]). Однако данные обвинения не являлись бесспорными. На наш

взгляд, справедливой является точка зрения, высказанная в докладе начальника управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии от 7 ноября 1918 г., направленном управляющему Министерством земледелия и колонизации. В нем он, в частности, утверждал: «Полагаю, что приведенные обвинения не могут иметь под собой достаточных оснований: обязательным постановлением губернского комиссариата от 8 июля 1918 г. и последовавшими в развитие его указаниями управления земледелия и государственных имуществ, преподанным лесничим, имелось в виду производить взыскания за лес, самовольно вырубленный лишь в последний зимний период 1917–1918 гг. и при том не употребленный в дело. Покойный Я.И. Солодовников был назначен в Чумайское лесничество только летом 1917 г.; ни прежде служивших помощников лесничего, ни объездчиков в лесничестве ко времени производства за самовольно вырубленный лес не было, а потому давать какие-либо указания о произведенных несколько лет тому назад порубках никто не мог. Кроме того, местными жителями были произведены за последний год настолько большие порубки, что учесть их для лесничего с крайне незначительным кадром лесной стражи являлось уже непосильным трудом; думать же об отыскании еще и старых порубок представлялось явно неразумным и бесцельным» [14. Л. 13 об.].

Автор доклада считал, что взыскание за самовольно нарубленный лес могло быть не более чем поводом к восстанию, причины же его крылись более глубоко, в характере направления деятельности мариинского уездного земства и местного союза кооперативов. Рассматривая обстоятельства возникновения восстания, он подчеркивал, что беспорядки охватили южную часть Мариинского уезда (до 30 сел) и носили вполне организованный характер; бунтовщики были хорошо вооружены и, очевидно, объединены общими директивами [Там же. Л. 13].

Чиновники лесного ведомства выражали неоднократно серьезную обеспокоенность состоянием лесного хозяйства, проблемами лесопользования, охраны лесов, чрезвычайно обострившимися в пореволюционный период. Затравленные и никем не поддерживаемые на местах лесные чиновники вынуждены были искать убежища в городах или, оставаясь на месте, жить изо дня в день под страхом смерти и избиения. Незадолго до антибольшевистского переворота губернское руководство большевиков, вняв голосу лесных специалистов, делало попытки водворить порядок в лесном хозяйстве, издавая декреты и рассылая воззвания к населению о недопустимости хищения лесов, но, не имея достаточно реальной силы на местах, не смогло добиться существенных результатов.

Временное Сибирское правительство, в свою очередь, также попыталось принять меры по улучшению положения лесного хозяйства. Восстановленные в своих правах лесные чины решили воздействовать на

население путем уговоров и бесед как с отдельными лицами, так и сельскими сходами. Лишь отдельные граждане соглашались с ними, в общем же в лесах продолжалось и продолжается огульное и бессистемное хищение. В конце концов пришлось прибегнуть к крайней мере, к приглашению вооруженных отрядов.

Однако, к сожалению, приглашенные для ликвидации лесных хищений представители военных нередко не отделяли данного поручения от других и наказывали на местах крестьян и за другие провинности (дезертирство, самогонварение). Предпринятыми жесткими мерами власти восстановили в некоторых районах население против лесных чиновников, которое посчитало, что все те наказания, которым оно подверглось, выпали на его долю благодаря приглашению военных отрядов лесничими. Различия, и порой весьма существенные, в деятельности военизированных отрядов привели к соответствующим результатам. В тех местах, где отряд действовал только в качестве охраны лесных чиновников от возможных выступлений, ликвидация самовольных порубок прошла успешно, без последующих осложнений. Там же, где применялись исключительные меры наказания и за проступки, совершенно не относившиеся к лесным нарушениям, население после ухода военных отрядов постаралось отомстить лесничим за полученные обиды и взыскания. Правда, в некоторых селах, под страхом повторения наказания, население пошло к лесным чиновникам за выбором билетов, но многие селения, как отмечал в докладной записке уже упомянутый А.П. Куликов, и до сих пор продолжают рубить лес самовольно, истощая дачи неправомерными сплошными порубками и не неся в казну пошлин [13. Л. 88–89].

В некоторых районах Томской губернии после появления партизанских отрядов («разбойничьих шаек») население прекратило приобретать лесные билеты и доходность заметно упала. Лесные дачи вырубались, лучший лес вывозился. Для восстановления порядка в лесном хозяйстве А.П. Куликов предлагал комиссии предпринять следующие меры: «1) Ликвидировать немедленно до полного уничтожения шайки различных «Лубковых», убеждающих население словом и делом не платить податей, не брать лесорубочных билетов, убивающих милиционеров и чинов лесной стражи. 2) Для прекращения порубок в уездах теперь же выслать особые военные отряды для воздействия на некоторые селения, продолжающие производить массовые хищения и не желающие выбирать билетов. 3) Увеличить число стражи до норм, просимых лесничими. 4) Образовать временные отряды лесной милиции, с правами обыкновенной лесной стражи, с подчинением ее управлению земледелия или отдельным чинам корпуса лесничих – по указанию Управления Земледелия. Общую численность отряда по губернии пока довести до 75–80 человек. Размещение по уездам предоставить усмотрению Управления Земледелия. Содержание отрядов отнести на общегосударственные

кредиты, ассигнуемые в распоряжение Министерства Земледелия» [13. Л. 89].

Действительно, плохо вооруженная лесная стража не имела возможности противодействовать вооруженным до зубов отрядам лесным порубщикам, систематически и целенаправленно уничтожавшим лесные массивы. Так, начальник управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии в ноябре 1918 г. в рапорте министру земледелия отмечал: «К сожалению, не говоря уже о неравенстве численных сил нападающих по сравнению с небольшим наличным составом лесной стражи, хищники имеют значительный перевес и в отношении вооружения. В то время как порубщики являются в леса целыми отрядами, вооруженные казенными трехлинейными винтовками и револьверами “Нагана”, лесная стража в лучшем случае может оказать отпор лишь единичными выстрелами из ветхих, ржавых винтовок “Бердана” и револьверов “Смит-Вессона”; в большинстве же случаев стража совершенно безоружна.... Не в лучшем положении находятся и классные чины лесной администрации Томской губернии, не получая ранее казенного оружия. Лесные ревизоры, лесничие и их помощники, несмотря на безусловную необходимость иметь при себе оружие в настоящее, весьма опасное для них время, в целях самозащиты, не могут приобрести таковое» [17. Л. 68].

События в селе Чумай неоднозначно отразились в других лесничествах. Так, в Тисульском лесничестве население начало усиленно брать билеты в значительной степени и потому, что здесь находился отряд Померанцева. В Алчедатском лесничестве слухи о чумайских событиях дошли в искаженном виде («говорили, что описывают весь нарубленный лес, что взыскивают очень строго и отбирают в уплату «домашность», белье, полотенца и пр.»). Некоторые села приняли решение противостоять таким недопустимым способам взыскания. Другие категорически отказались присоединяться к повстанцам, мотивируя это тем, что «им доподлинно неизвестно, кто виноват в Чумайских событиях» [Там же. Л. 67]. При этом хищение леса здесь продолжалось.

В Мариинском лесничестве деревни, принимавшие, по слухам, активное участие в событиях в Чумае, не прекращали самовольную вырубку леса (Николаевка, Усманка). Комиссаровка, отказавшаяся поддержать мобилизацию в повстанческие отряды, также участвовала в самовольных порубках.

На Закийском, Черемшанском, Причетском и Боготольском лесничествах крестьянские выступления непосредственно не отразились, однако население и далее расхищало лесные богатства.

В целом же, по мнению лесного ревизора, «усиленные порки с солью и раздача ударов плетью направо и налево воздействовали, вероятно, на Чумай, да на два, на три селения близлежащих. А в общем – какая-нибудь Николаевка, Усманка и многие другие будут

продолжать рубить лес и мечтать о возврате большевиков, если правительством не будет организована в деревнях контрпропаганда против большевиков-коммунистов и черносотенцев-монархистов» [Там же. Л. 17–17 об.].

Действительно, самовольные порубки леса не прекращались и после подавления Чумайского крестьянского восстания не только в период Гражданской войны, но и нэпа. Причем проблемы лесопользования обострились, грозя сибирской деревне экологическими бедствиями. Так, лесничий села Боготол Виторт доносил 12 ноября 1918 г. начальнику Томского управления земледелия и государственных имуществ о том, что самовольные порубки во вверенном ему лесничестве приняли угрожающие размеры для леса. С установлением санного пути жители окружающих сел и деревень выезжают в лес большими партиями, вооружены наганами и винтовками и производят сплошную рубку ценных лесных насаждений. Причем как администрация лесничества, так и лесная стража, разбросанная по разным концам лесничества, не чувствуют за собой никакой поддержки со стороны правительства [Там же. Л. 29].

В качестве возможных мер для прекращения самовольных порубок, а также возможных насилий со стороны населения лесничий Боготольского лесничества предлагал следующие:

1. Широкое оповещение населения соответствующими властями о том, что Боготольское лесничество объявляется на военном положении и вся власть по охране лесов снимается с боготольского лесничего и передается военным властям; всякий виновный в незаконной рубке леса или же в другом нарушении Лесного Устава будет предаваться военному суду и караться по всей строгости закона вплоть до расстрела.

2. Немедленная организация в Боготольском лесничестве постоянного военного отряда из 100 надежных людей, достаточно вооруженного, имеющего 30–50 лошадей. Отряд этот предполагал бы сконцентрироваться в двух местах, по 50 чел. в каждом; одну часть в усадьбе лесной школы, другую – на Симахинском кордоне в Краснореченской даче. Так как ни лесничий, ни его помощники не возьмут на себя всю ответственность за последствия возможных столкновений с порубщиками, необходимо во главе каждой из двух частей отряда назначить по одному начальнику, которые и руководили бы этими частями на местах.

Указанная военная сила, по мнению лесничего, должна действовать лишь в пределах Боготольского лесничества и ни в коем случае не выезжать в окрестные деревни в виде карательных экспедиций. Основные функции данных отрядов следующие: охрана леса от самовольных порубок и прочих нарушений Лесного Устава, охрана усадьбы школы и кордонов от непрекращавшихся нападений и грабежей и, наконец, сопровождение лесничего и его помощников в их поездках по делам службы. Помимо всего прочего, лесничий

изъявлял желание, чтобы с него хотя бы частично была снята обязанность по снабжению отряда продовольствием и фуражом и возложена на сам отряд [17. Л. 29 об.].

После подавления восстания в Чумае властями было произведено расследование по делу об убийстве лесничего Чумайского лесничества Я.И. Солодовникова. В ходе дознания объездчик Мариинского лесничества И.К. Андреев, в частности, показал: «Я догнал отряд в деревне Покровке, где мы приступили к обмеру леса, **обмеряли только бревна и сутунки нынешней рубки, а также срубы из свежего леса, ни дров, ни дранки не касались** (выделено мной. – И.К.). В Покровке и Ивановке никаких выступлений крестьян не было. Отсрочек, очевидно, Лесничий не давал, так как на неуплативших я видел составленные протоколы. Из Ивановки двинулись в село Чумай и прибыли туда в 10–11 часов вечера. Лесничий уехал с двумя из отряда на кордон. <...> Через 2 дня приехал член земской управы Фролов, который говорил в канцелярии, что нужно противодействовать сбору с крестьян, производимому отрядом, вообще восстать против отряда. После его отъезда с начальником милиции крестьяне нам отказали во всем... После этого крестьяне, должно быть, меня заподозрили, арестовали и отвезли в Чумай, отобрав револьвер и сто рублей денег. Здесь на сходе кто кричал, что необходимо сейчас же расстрелять, кто был за то, чтобы разобрать дело. Между ними нашелся один крестьянин из Покровки, Аким Иванович Чернов, который взял меня на поруки и увез в Покровку...» Далее объездчик утверждал, что в деревне Усманке крестьяне вели разговоры, что лесничий взыскивает неправильно, описывает старый лес и берет от шестидесяти копеек до шести рублей с вершка: «Я их разубеждал, что этого не делается, что описывается только лес нынешней рубки, население было настроено против лесничего, и некоторые говорили, что я их обманываю и желаю подвести. Говорили, что за лес описывает все масло, полотенца и т.д., и разубедить их не удалось» [18. Л. 19 об.].

Непосредственно способствовала возникновению восстания, по мнению начальника управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии, деятельность социалистических организаций – Мариинского уездного земства и Мариинского союза кооператоров. 20 сентября 1918 г. начальник Мариинской уездной милиции сообщал томскому губернскому комиссару о произведенных обысках в конторе общества потребителей г. Мариинска, а также в квартире члена правления Семена Берестинского, выехавшего в Ново-николаевск. Милицией были обнаружены прокламации антиправительственного характера, содержавшие призывы срыва выплаты податей, мобилизации в армию, уверявшие о приближении большевиков из России [15. Л. 43]. Однако решающей роли в возникновении и раз-

витии восстания подобные прокламации, на наш взгляд, не могли сыграть.

Широкий социальный состав повстанческого движения, его слабая организованность летом – осенью 1918 г. стали одними из главных факторов отсутствия единства среди участников восстаний, сравнительно быстро и легко разгромленных белогвардейцами. Главным авангардом повстанческой борьбы, несомненно, являлись бедняцко-батрацкие слои деревни, самоотверженно сражавшиеся с карателями. Представители же кулачества, зажиточного крестьянства, как правило, при первых же боевых неудачах дезертировали, увлекая за собой всех слабых духом и колеблющихся.

Ценой неслыханной жестокости белым удалось подавить эти восстания, но не удалось потушить злобу и ненависть к себе со стороны бедняцко-батрацкой части деревни, бывших фронтовиков, как известно, составивших основное ядро повстанчества. По данным Ю.В. Журова, карателями было убито и замучено 5,5 тыс. участников антиправительственных выступлений. Потери карателей же составили около 700 солдат и офицеров убитыми и примерно столько же ранеными [12. С. 51]. Учитывая многократное превосходство противника в военной организации и оснащенности, можно утверждать о высоком уровне сопротивления восставших.

В заключение подчеркнем, что значительные усилия по сбору налогов и недоимок, позволившие контрреволюционным правительствам собрать с крестьян около половины причитавшихся прямых налогов, подорвали поддержку белогвардейского режима, в совокупности с другими насильственными мероприятиями порождали социальные конфликты, связанные со стремлением к насильственным действиям с применением оружия. Крестьянское восстание в Мариинском уезде вспыхнуло стихийно под влиянием ряда факторов: жесткого целенаправленного взыскания платежей и штрафов за самовольные системные порубки леса, а также как крестьянский протест против насильственной мобилизации в белую армию, карательных акций военного отряда под командованием прапорщика Дмитриева. Как и в ходе прочих крестьянских выступлений, поведение восставших отличали в значительной мере стихийность, прагматизм и рационализм интересов, агрессивность, деструктивные черты, выразившиеся в серии убийств. При этом, несмотря на жестокое подавление восстания, самовольные порубки леса в Мариинском уезде не прекращались на всем протяжении Гражданской войны.

С конца 1918 г. антиколчаковские вооруженные выступления крестьян положили начало партизанскому движению в охваченных крестьянскими волнениями районах, представлявшему серьезную опасность для белогвардейского тыла, в особенности на этапе решающих сражений с Красной Армией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 418 с.
2. *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1968. 557 с.
3. *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 252 с.
4. *Борьба за власть Советов в Томской губернии* : сб. док. матер. Томск, 1957. 565 с.
5. *Шиловский М.В.* Как изучали историю белой Сибири (1995–2005 гг.) // Сибирь в период Гражданской войны : матер. междунар. науч. конф. (6–7 фев. 2007 г., г. Кемерово). Кемерово : ГОУ «КРИПО», 2007. С. 174–177.
6. *Курьшев И.В.* Повстанческое движение осенью 1918 – весной 1919 гг. в Западной Сибири (по материалам периодической печати) // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия : сб. матер. междунар. науч.-прак. конф. / под ред. А.А. Штырбула. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. Ч. 1. С. 298–307.
7. *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) : матер. междунар. конф. М., 1996. С. 22–39.
8. *Государственный архив Томской области* (далее – ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179.
9. *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 211 с.
10. *Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)*. Новосибирск, 1983. 387 с.
11. *Сибирское бюро ЦК РКП (б)*. 1918–1920 гг. : сб. док. Новосибирск, 1978. Ч. 1. 350 с.
12. *Жуков Ю.В.* Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975. 88 с.
13. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 92.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 183.
15. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 78.
16. *Свободная речь*. Кадетский орган печати (Семипалатинск). 1918. 27 окт. (9 ноя.).
17. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 45.
18. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 295.

Kuryshch Igor V. The branch of Tyumen State University in the town Ishim (Ishim, Russian Federation). E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

MARIINSKY (CHUMAYSKY) PEASANT UPRISING OF 1918: REBELS, MOTIVES AND BEHAVIOUR.

Keywords: taxes and arrears collecting; unauthorized tree felling; behaviour of the rebels.

The forerunner of the partisan movement in Western Siberia was the massive spontaneous peasant uprising that broke out in a number of districts in the period of «democratic counter-revolution». Analysis of the degree of scientific problem elaboration allowed to formulate the following problem: to reconstruct the social behavior of the Mariinsky district rebels during the uprising in October 1918, based on a multidisciplinary approach (historical synthesis, system integration, socio-psychological, socio-cultural aspects of the study). Rather violent insurgency began in the Mariinsky district of Tomsk province; where on 19th to 28th of October, 1918 a powerful peasant uprising broke out in more than 10 volosts with a total number of participants about seven thousand armed peasants. The state of forestry in this part of the vast province of Tomsk was very frustrating. The scale of unauthorized timber felling from state dachas reached terrifying proportions. Particularly threatening was the situation in Chumaysky forestry. Throughout the spring and summer 1918 tens of thousands cubic yards of timber were floated on the river Kiya; on both banks of the river there were big warehouses with illegally felled timber. In the 6th and 7th of October a punitive detachment arrived at the village of Pokrovka to recalculate the forest. After the detachment in Chumay had been besieged, it was forced to remain inactive. Meanwhile, the rebels disarmed the detachment and murdered everyone whom they considered to be involved in their disasters. The rebellious peasants behaved with extreme aggressiveness which manifested itself in violence out of revenge. The authors of newspaper articles noted the incredible cruelty and anger of the rebellious peasants, presenting their actions as "a terrible, reckless violence". More objective reasons for the Mariinsky (Chumaysky) uprising are presented in the report of the Mariinsky county commissioner submitted to Tomsk province commissioner. Among them, he singled out heavy taxation and penalties imposed on the local population for unauthorized tree felling within Chumay forestry; taking the recruits fleeing from military service to the ranks of the Red Army; Bolsheviks' propaganda aimed at the ignorance of population; the inept actions of the detachment under the command of warrant officer Dmitriev who had been sent from Tomsk. Forestry Department officials repeatedly expressed concern about the state of forestry, forest management issues, the protection of forests, which were serious problems in the post-revolutionary period. Unfortunately, the representatives of the military, who had been sent to eliminate forest theft, acted indiscriminately and punished local farmers for other infractions (desertion, moonshine). The strict measures in some areas set the local population against the forest officials. People felt that all those penalties, which they were undergoing, had been caused by foresters' invitation of military units. The differences, sometimes quite significant, in the activities of military units led to such results. Unauthorized felling of forest did not stop after the suppression of the Chumaysky peasant revolt, not only during the Civil War, but the NEP. Since the end of 1918 Anti-Kolchak armed uprisings of the peasants initiated a guerrilla movement in their areas, which posed a serious threat to Kolchak's rear, especially at the stage of the decisive battles with the Red Army.

REFERENCES

1. Stishov M.I. *Bol'shevistskoe podpol'e i partizanskoe dvizhenie v Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.)* [The Bolshevik underground and guerrilla movement in Siberia during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Moscow State University Publ., 1962. 418 p.
2. Kadeykin V.A. *Sibir' nepokorennaya (bol'shevistskoe podpol'e i rabochee dvizhenie v sibirskom tylu kontrrevolyutsii v gody inostrannoy voennoy intervetsii i grazhdanskoy voyny)* [The Unconquered Siberia (the Bolshevik underground and the Labor movement in Siberian counter-revolutionary hinterland during the foreign military intervention and civil war)]. Kemerovo: Kemerovo Book Publ., 1968. 557 p.
3. Plotnikova M.E. *Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny v Sibiri (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.)* [The Soviet historiography of the Civil War in Siberia (1918 – first half of the 1930s.)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1974. 252 p.
4. Flerov V.S. (ed.) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoy gubernii* [The struggle for the Soviet power in Tomsk province]. Tomsk: CPSU Party Archive Publ., 1957. 565 p.

5. Shilovskiy M.V. [How the history of White Siberia was studied (1995-2005 gg.)]. *Sibir' v period Grazhdanskoy voyny: mater. mezhdunar. nauch. konf. (6–7 fev. 2007 g., g. Kemerovo)* [Siberia during the Civil War: Proc. of the International Scientific Conference (6-7 February, 2007, Kemerovo)]. Kemerovo: KRIRPO Publ., 2007, pp. 174-177. (In Russian).
6. Kuryshch I.V. [Insurgency in autumn 1918 – spring 1919 in Western Siberia (based on the periodical press)]. *Politicheskie partii, organizatsii, dvizheniya v usloviyakh krizisov, konfliktov i transformatsii obshchestva: opyt ukhodyashchego stoletiya: sb. mater. mezhdunar. nauch.-prak. konf.* [Political parties, organizations, movements in crises, conflicts and transformation of society: the experience of the past century. Proc. of International Scientific-Prac. Conference]. Omsk: OmGPU Publ., 2000, pt. 1, pp. 298-307. (In Russian).
7. Danilova L.V., Danilov V.P. [The peasants' mentality and the community]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX – XX vv.): mater. mezhdunar. konf. [Mentality and agricultural development in Russia (the 19th – the 20th centuries): Proc. of the International Conference]*. Moscow, 1996, pp. 22-39.
8. The State Archive of Tomsk Regions (further referred to as GATO). Fund R. 1362. List 1. File 179. (In Russian).
9. Rynkov V.M. *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* [The financial policy of the anti-Bolshevik governments of Eastern Russia (second half of 1918 – early 1920)]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2006. 211 p.
10. Gushchin N.Ya. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The peasants in Siberia during the construction of Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. 387 p.
11. *Sibirskoe byuro TsK RKP (b). 1918–1920 gg.: sb. dok.* [The Siberian Bureau of the Central Committee of the RKP (b). 1918-1920: Collection of documents]. Novosibirsk, 1978, pt. 1, 350 p.
12. Zhurov Yu.V. *Krest'yanstvo Sibiri v gody grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.): avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Peasants in Siberia during the Civil War (1918–1920). Abstract of History Doc. Diss.]. Tomsk, 1975. 88 p.
13. GATO. Fund R-1362. List 1. File 92. (In Russian).
14. GATO. Fund R-1362. List 1. File 183. (In Russian).
15. GATO. Fund R-1362. List 1. File 78. (In Russian).
16. *Svobodnaya rech'*, 1918, 27th October (9th November).
17. GATO. Fund R-1362. List 1. File 45. (In Russian).
18. GATO. Fund R-1362. List 1. File 295. (In Russian).

М.М. Стельмак

ДИРЕКТОРИЯ И СОЮЗНИКИ: ОСВЕЩЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Рассматривается образ иностранных союзников антибольшевистского движения на примере Североамериканских Соединённых Штатов, Франции и Японии на страницах официального органа печати Временного Всероссийского правительства (Директории), реконструируется отношение к военному присутствию иностранных сил на территории России. Акцентируется внимание на неустойчивом положении Директории в Омске, её попытках показать себя как авторитетное правительство в глазах иностранных союзников антибольшевистского движения для дальнейшего противостояния с правым флангом контрреволюции в Омске.

Ключевые слова: Гражданская война в России; союзники; Директория; пресса.

Конец мая 1918 г. был ознаменован началом мятежа чехословацкого корпуса и последовавшими за ним полномасштабными боевыми действиями Гражданской войны на Востоке России. В течение лета 1918 г. объединёнными усилиями различных антибольшевистских сил советская власть на территории Сибири была свергнута. В первое полугодие противостоящие большевикам силы получили наименование «демократической контрреволюции». Её участники – правые эсеры и меньшевики – планировали, что свержение власти большевиков приведёт к установлению республики, подобной режиму Временного правительства А.Ф. Керенского. Но в реальности на освобожденной от большевиков территории ситуация стала принимать нежелательный для этих партий оборот, неумолимо двигаясь в сторону правого фланга контрреволюции. Борьба между левым и правым флангами антибольшевистского движения внутри «белой» Сибири существенно ослабляла его. Потенциальные союзники за границей также хотели видеть в России общепризнанную сильную власть, которой бы они могли оказывать помощь в борьбе с большевиками.

В сентябре 1918 г. начинает свою работу совещание в Уфе, ставящее своей целью создание единой антибольшевистской власти на территории России. В ходе совещания было образовано Временное Всероссийское правительство (Уфимская Директория). «Днём 23 сентября закончились заседания Уфимского государственного совещания, а ночью прошло первое заседание образованной на заседании Директории» [1. С. 436]. После долгих дебатов и согласований эсеры уступили буржуазным кругам. Однако уже с самого начала правления власть Директории оказалась в крайне неустойчивом положении. Офицерские круги относились к ней настороженно, вспоминая соглашательскую оппозицию во Временном правительстве. Кроме этого, Директория сама остро чувствовала свою слабость, неспособность создать сильную власть. Впоследствии министр продовольствия и снабжения в Российском правительстве А.В. Колчака К.Н. Неклютин вспоминал: «Была создана Директория в таком составе: эсер Авксентьев, кадет Виноградов и беспартийный генерал

Болдырев. Было очевидно, что такой состав – результат компромисса, и никто из этих людей не обладал “сильной рукой”» [2. С. 115].

Однако находиться в Уфе становилось всё более проблематично. «Опасность самой Уфы удручающе действовала на членов Совещания, заставляя их больше отдаваться чувству, чем разуму» [3. С. 428]. Вскоре Директория, в связи с наступлением Красной армии, переезжает в Омск к 9 октября 1918 г.

1 ноября 1918 г. состоялось соглашение между Временным Сибирским правительством и Директорией о передаче власти, которая состоялась 3–4 ноября 1918 г. А 2 ноября 1918 г. Директория принимает решение об упразднении Временного областного правительства Урала и Совета управляющих ведомствами Комуча, даёт санкцию на образование комиссии по выработке положения о выборах в сибирский представительный орган, утверждает обращение Временного Всероссийского правительства ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского по поводу ликвидации областных правительств и утверждения Всероссийского Совета министров. Наконец, 3 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство в лице оставшихся министров П.В. Вологодского, И.И. Серебренникова, И.А. Михайлова, управляющего делами Г.К. Гинса принимают декларацию «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству» [4. С. 286]. С этого момента в сложных, противоречивых условиях начинается короткое правление Директории в Омске, продлившееся до военного переворота 18 ноября 1918 г.

Целью данной работы является исследование особенностей формирования образа иностранных союзников антибольшевистского движения на страницах Вестника Временного Всероссийского правительства (официального правительственного печатного органа). Поскольку Директория оказалась в довольно затруднительном положении в чужом городе, с большой долей недоброжелателей на правом фланге контрреволюции, поддержка на международном уровне играла для неё решающее значение. После Октябрьской революции союзники, фактически встав на одну из сторон в Граж-

данской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли» и т.п.), и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, возможно, и в будущем [4. С. 271]. Проследить отношение с союзниками представляется возможным, прежде всего, анализируя материалы «Вестника Временного Всероссийского правительства» – ежедневного официального печатного органа, издававшегося в Омске с 6 по 17 ноября 1918 г. За непродолжительный период издания в вестнике было напечатано порядка 40 статей, касавшихся вопросов взаимоотношений с иностранными союзниками. В международных вопросах Директория продолжала политику предыдущих контрреволюционных режимов, тем более что вскоре после переезда Великобритании и Франция обещали предоставить Омску аванс в 15 млн руб. [5. С. 279].

Так, уже во втором номере можно увидеть заявление Н.Д. Авксентьева о необходимости единой власти в антибольшевистском лагере для налаживания благоприятных отношений с союзниками. В статье подчёркивается, что только единая Всероссийская власть гораздо лучше всяких слов способна показать антибольшевистский лагерь сильным и авторитетным. Напротив, большое количество региональных правительств только усилит недопонимание за рубежом. «Калейдоскопичная пестрота различных правительственных образований, в особенности на Востоке, где в одном Владивостоке существовало чуть ли не до восьми правительств, заставляли даже тех из наших союзников, которые с глубокой симпатией относятся к русскому народу и судьбам России, несколько не доверять способности русского народа создать в настоящий момент власть, авторитетную и признаваемую всеми» [6. С. 2].

Далее из заявления Н.Д. Авксентьева следует, что все вопросы внешней политики будут напрямую касаться вопросов организации единой власти. Только так можно укрепить международные связи во имя будущей победы, тем более, не за горами конгресс по итогам Первой мировой войны, куда могут допустить лишь единое правительство России. «Нам это необходимо не только во имя устройства нашей внутренней жизни, но и во имя тех задач, которые должны стоять перед Россией на будущем мирном конгрессе» [Там же].

В этом же номере выходит большая аналитическая статья «Производительные силы союзных стран (Америка)», где даются подробный анализ экономики США, отчёты о состоянии американской промышленности и будущих взаимовыгодных перспектив торговых отношений с Россией после победы над большевиками. В самом начале статьи делается довольно оптимистич-

ный прогноз по поводу грядущих экономических взаимоотношений между Россией и США. Сделан акцент на выгоды таких связей. «Торговля между Соединёнными Штатами и Россией широко развивалась и до войны, несмотря ни на какие препятствия. Развивалась и потому, что Соединённым Штатам нужны были русские товары, по преимуществу русское сырьё, несмотря на то что около 52% всего русского ввоза падало на долю Германии, а России нужны были фабриканты американской промышленности, в особенности американские с/х орудия и всевозможные принадлежности» [7. С. 2]. Отмечается, что и противники признают пользу сотрудничества. «Задача экономического подъёма России требует, прежде всего, громадных технических средств. И эти средства, как не ошибается на этот раз и господин Луначарский, может дать России Америка (это страна-кредитор) вместе с организационными творческими талантами [Там же]. Далее проводятся общие параллели в истории. «Сейчас мы лишь укажем, что положение России нашего времени напоминает положение Соединённых Штатов 50 лет назад: такая же война за национальное существование и громадный государственный долг. После войны в Америку хлынули иностранные капиталы, которые в сочетании с естественными богатствами страны и трудолюбием культурного народа создали чудо. Того же надо пожелать и России вместе с полным освобождением от анархии» [Там же].

Через подобный экскурс в историю редакция показывает, с одной стороны, своё видение будущего, где большевики будут разбиты и в России начнётся экономический подъём, с другой – преподносит США как достойный образец для подражания, советов которого, а уж тем более помощи, никак не стоит гнушаться. По всей вероятности, редакция планировала анализировать в будущем экономическое положение всех дружественных белому движению стран, что не удалось осуществить в связи со свержением Директории. Несмотря на это, в рассмотренных выше публикациях союзники на примере США предстают в виде силы благожелательно настроенных на приход к власти единого правительства. Более того, перспективы от налаживания экономических отношений с американскими союзниками и в будущем принесут России несомненную пользу ввиду экономического потенциала Америки.

Часто на страницах газеты можно увидеть заметки, рассматривающие конкретные действия, направленные на помощь для восстановления экономического потенциала России. «Из Нью-Йорка сообщают: комиссия по коммерческому контролю сообщает об образовании общества с основным капиталом в пять миллионов долларов для образования экономической, бескорыстной помощи России» [8. С. 2].

Сомнения в бескорыстности Америки сразу опровергаются. «Корреспондент СТА из авторитетного источника осведомлен, что толки печати о соперничестве России и Соединённых Штатов в вопросе управления

железной дорогой не отвечают действительности» [Там же]. Подробно разясняются причины допуска союзников к важным стратегическим объектам. «Речь идёт не о посягательстве на Сибирскую магистраль, а лишь о временном контроле над управлением, тем более что улучшение транспорта и покрытие эксплуатационного дефицита невозможны в данное время без союзной помощи техническим оборудованием и денежными средствами» [8. С. 2].

В последующих публикациях прочно переплетаются идеи о сильной, единой власти, общем враге (большевики и Германии) и необходимости оказать помощь в одном деле. На страницах вестника статьи зачастую начинаются с заявлений о неприемлемости путей, не связанных с Всероссийской властью. «Объединение власти – это необходимое условие единства решительных действий, налицо» [9. С. 1].

13 ноября 1918 г. в Омск поездом Американского Красного Креста прибывает известный американский журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», специалист по России Г. Бернштейн, сразу же принятый для продолжительной беседы с председателем Совета Министров П.В. Вологодским. Уже 17 ноября 1918 г. в газете публикуется его подробная беседа с сотрудником Иностранного информационного бюро печати при Временном Всероссийском правительстве. В данной публикации Г. Бернштейн как специалист, внимательно следивший за событиями на своей родине, даёт подробную характеристику антибольшевистской России и её противников через призму восприятия населения Америки. Так, читатели могли увидеть, что в самой Америке сложилось полное единодушие в отношении большевиков. Уже никто не воспринимает их как прогрессивную силу, особенно после заключения мира с Германией. «После Брестского мира роль большевиков стала яснее, но всё же они имели своих защитников и сторонников среди американских политических деятелей. Между тем факты развала России и военной и экономической зависимости её от Германии стали мало-помалу выясняться» [10. С. 1].

Далее интервьюер упоминает документы, якобы доказывающие связь большевиков с немцами. «Кроме того, нашим Правительством был опубликован ряд важных документов, доказывающих, без всякого сомнения, что большевики, назвавшие себя социал-демократами, а впоследствии коммунистами, действовали сообща с милитаристической партией и правительством Германии, которые оказывали большевикам материальную и финансовую поддержку и помогли им свергнуть правительство Керенского» [Там же]. По всей видимости, здесь имеются в виду известные документы Сиссона о финансировании большевиков Германией, признанных поддельными ещё в марте 1918 г. [11].

Тем не менее газета прямо указывает, что в Соединённых Штатах нет никаких сомнений в сотрудничестве большевиков с общим для России и Америки врагом – Германией. В связи с этим не только у Амери-

канского правительства, но и у простых граждан одна цель – отправить войска для победы над общим врагом. «Отношение Америки к России определилось неоднократно выступлениями президента Вильсона и заявление Соединённых Штатов о решении послать войска во Владивосток являлось выражением воли американского народа. Идеализм президента Вильсона яснее высказывался в течение настоящей войны, и его глубокое и искреннее сочувствие к России не подлежит сомнению» [10. С. 1].

Акцентируется, что несомненно положительное влияние, которое будет оказывать столь могучий союзник, уважающий демократические институты, в связи с чем не потерпят и крайностей с правого фланга контрреволюции. «Президент Вильсон – величайший демократ нашего века. Я уверен, что его влияние и моральная поддержка демократической Америки окажут помощь русской демократии и, хотя всякая возможность вмешательства Америки во внутренние дела России исключена, но влияние демократической Америки будет иметь огромное значение в борьбе с реакционерами, пытающимися восстановить прежний государственный строй» [Там же. С. 3]. В результате интервью, опубликованное на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» в последний день его существования, демонстрирует читателям абсолютное единение американского общества в отношении большевиков. Причём редакция газеты не подвергает сомнению точку зрения Г. Бернштейна. Хотя ещё в августе 1918 г. в Америке на конференции Совета защиты свободы резко осуждалось вмешательство в Гражданскую войну в России [12. С. 18]. Спустя почти три месяца, 30 ноября 1918 г., на митинге в Сент-Луисе была принята резолюция с требованием немедленного отзыва войск с территории России [Там же. С. 64].

Однако во время беседы предстаёт образ полностью единого американского союзника. Все слои населения, от самых низов и до президента В. Вильсона, уверены в том, что большевики являются всего лишь ставленниками Германии и готовы и дальше продолжать борьбу с ними, не покушаясь на суверенитет России, помогая молодой демократии.

Должное внимание уделялось действиям французских союзников, которым было посвящено порядка десяти публикаций. В статье от 10 ноября 1918 г. подробно излагаются цели визита генерала М. Жанена, командующего иностранными войсками в Сибири. Главной целью М. Жанена являлась организация антибольшевистской армии и объединение её разрозненных частей. Кроме этого, французский генерал обеспокоен угрозой германского завоевания и риском утраты плодов участия России в войне. «Вряд ли русская армия может быть организована до заключения мира, но необходимо, чтобы она была создана для отпора колонизаторскому натиску немцев и, главным образом, для того, чтобы Россия имела право принимать участие в работе мирного конгресса и быть на нём представлен-

ной» [13. С. 1]. При этом Франция не имеет планов, ставящих под угрозу суверенитет России. «Для создания русской армии генералу Жанену союзникам открыт большой кредит. Задача его облегчается полной незаинтересованностью Франции в каких-либо приобретениях в России» [Там же]. Здесь прослеживается противопоставление Франции хищническим интересам Германии и большевиков, в то время как французская сторона всеми силами пытается помочь России, учитывая её заслуги на полях Первой мировой войны.

Большое внимание в газете было уделено встрече эшелона французских войск 14 ноября 1918 г. За день до прибытия был опубликован подробный церемониал встречи из 12 пунктов [14. С. 3]. Но уже за день, не дождавшись торжественной встречи, члены Директории Н.Д. Авксентьев и А.А. Аргунов, возвращавшиеся в Омск, встретились в Каинске с французской делегацией. «После приветствий представителей городских самоуправлений Каинска–Барабинска, военных властей и общественных организаций, Н.Д. Авксентьев со своей стороны в ответной речи, поблагодарив всех граждан, подчеркнул единое желание каждого русского гражданина видеть единую великую Россию, цельную свободную Россию, цельную и неделимую. В своей речи он отметил верность Франции России, несмотря на тяжесть переживаемого ею момента, посылающей союзническую помощь. “Да здравствует прекрасная Франция, да здравствует свободная Россия”, – закончил он свою речь» [15. С. 2]. Далее газета сообщает, что все участники остались довольны встречей. «А.А. Аргунов подчеркнул, что несмотря на то, что он коренной сибиряк, как русский он не мыслит свободной Сибири без свободной великой России. Н.Д. Авксентьев долго беседовал с полковником Мильо. Тесное единение всех общественных деятелей, военных и brave вид почётного караула произвели прекрасное впечатление на наших гостей. В час наш поезд отошёл в Омск при громких криках “Ура”» [Там же]. Читателям французские союзники показаны как дорогие и желанные гости, приезду которых рады ещё до официального прибытия, никогда не отказывающие оказать помощь, и главное – ничего не имеющие против идеи цельной и нерушимой России.

В следующем номере тема получает продолжение. В статье даётся подробное описание встречи французского эшелона в Омске. «Ещё задолго до прихода поезда с французами вокзал и платформа были загружены народом. А публика всё прибывала и прибывала; неслись к вокзалу автомобили, тянулись извозчики, шли толпы пешеходов и бежали дети [16. С. 3]». Политические деятели Омска в статье даже не упоминаются. Акцент делается на реакции рядовых горожан, той радости, которую они испытывают от встречи с дружественными войсками. «В руках у многих дам и детей были живые цветы. Толпа нервничала и напряженно ждала. Около пяти с половиной вдали показался дымок и ясно обозначился украшенный флагами паровоз, и за

ним и состав поезда. Толпа стихла, впившись глазами в медленно приближавшийся поезд. Видны гости, они стройно замерли в дверях и окнах вагонов, отвечая на приветствие. Все молодые, стройные, очень красивые и мужественные люди. Это французские воины» [Там же]. Высокий приём и гостеприимство горожан не оказали впечатления на союзников. «Французы улыбаются; многие из них машут и кричат *vive la Rus*» [Там же]. Горожане отвечают взаимностью, радуясь приезду столь почтенных гостей. «Все стремились подойти ближе к поезду и месту официальной встречи. Толпа нажимала, двигалась и колыхалась. Усилия распорядителей охранять порядок парализовались толпой. Толпа всё время кричала: “Ура”. В заключение можно было бы сказать, что Омск давно уже не видел такого подъёма, как в этот день. Эта встреча оставила неизгладимый след в нашей памяти навсегда» [Там же].

В статье можно увидеть чётко поставленную цель: показать реакцию простых омичей как искреннюю и никак не связанную с официальным церемониалом встречу. Французские союзники выглядят как друзья народа, с которыми сразу находят общий язык. Естественно, у таких солдат не может быть тайных помыслов о захватнических намерениях.

Подобным образом делался акцент при описании действий Японии. Так, 12 ноября 1918 г. в номере публикуются три статьи, на примерах показывающие действия японцев. Причём такая помощь касается самых различных сфер. Это и крайне необходимое снабжение лекарствами и медперсоналом, как показано на примере Читы. «Японские военные врачи предложили городу бесплатно оказывать помощь бедным при условии предоставления помещения. Особенно ценно предоставление медикаментов» [17. С. 3]. В другой статье сообщаются новости из Харбина, куда прибыл представитель японской промышленной компании Курачи с целью выяснения условий для создания Русско-Японского банка. «Основной капитал, по плану Курачи, должен быть составлен поровну из вкладов русских и японских капиталистов. Японские финансовые круги придают большое значение проектируемому банку» [18. С. 3].

Кроме этого, японцы не замечены в присвоении трофеев, наоборот, возвращают имущество законным хозяевам. «Япония официально заявила согласие возвратить собственникам отбитые её войсками у большевиков пароходы амурской флотилии» [19. С. 3]. Продолжая данную тему, на следующий день в новой статье читателям дают понять, что нет никаких причин для опасений ввиду присутствия иностранных контингентов. Их наличие вынужденно, и как только исчезнет надобность, они сразу же вернутся домой. «В Токио опубликовано сообщение военного министерства, что железнодорожное движение Сибири налажено, ввиду чего достаточно оставить японские войска на индустриальной службе, а излишние войска возвращаются в Японию» [20. С. 2].

И, наконец, чтобы расставить все точки, 14 ноября в газете публикуются выдержки из трёхчасовой беседы редактора «Приамурской жизни» с начальником двенадцатой японской дивизии генерал-лейтенантом Ооба, командующим всеми японскими войсками в Сибири. Перепечатка статьи должна была развеять все опасения по поводу посягательства на российский суверенитет. Заявления генерала Ооба как раз соответствовали этой цели: «Мы делали и делаем всё, чтобы охранить интересы России, мы не делали и не делаем никаких захватов и не желаем ничего взять на себя. Союзные армии обязаны охранять достояние России и передать его в руки правительства, которое сформируется после очищения России от немцев и большевиков, мы обязаны оберегать железную дорогу и прииски, золото и военные предприятия, леса, мосты и прочее, мы не желаем вмешиваться во внутренние дела, но охрану ценностей берем себе. Это наша обязанность» [21. С. 2]. Делается упрек сомневающимся в бескорыстной помощи: «В смутные дни, переживаемые Россией, нас не понимают, это очень печально. Япония не промышляет брать ничего у России, мы, как и другие, понимаем её тяжёлое, трагическое положение. Разве можно поступать с ней плохо. У кого поднимется на это рука. Союзники не допустят этого» [Там же].

Таким образом, на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» союзники в лице Соединённых Штатов, Франции и Японии предстают в виде силы, готовой до конца бескорыстно поддерживать белое движение. Кроме того, проводятся исторические параллели между США и нынешней Россией как стран, знающих на практике, что такое Гражданская война. Полная солидарность проявляется начиная от президента и заканчивая массами, желающими поражения большевизму. Несмотря на окончание войны в Европе, союзники готовы и дальше продолжать оказывать помощь, поскольку Германия и большевики на страницах газеты изображены одним противником. Приводится характеристика экономического положения США, показывая читателям, что и после завершения войны продолжится взаимовыгодное сотрудничество, поскольку сами союзники заинтересованы в сильной, экономически развитой России. Союзники не поддаются иллюзиям, отличают захватчиков от легитимного правительства и нацелены до конца выполнить свой долг в отношении союзника по Первой мировой войне.

Такого рода публикации были вызваны необходимостью заручиться поддержкой иностранных союзников антибольшевистского движения и продолжить сформированный курс на военное сотрудничество. Кроме этого, требовалось ясно объяснить населению, что, в отличие от «подчинения» большевиков Германии, с союзниками установлены отношения на совершенно иной платформе, основанной на сотрудничестве и взаимопомощи.

Однако главная причина появления подобных публикаций крылась в неустойчивом положении Директории в Омске, которой приходилось постоянно доказывать (как внутри, так и за пределами России) свою уверенность, опасаясь, что их перестанут воспринимать всерьёз. Глава МИДа Временного Всероссийского Правительства Ю.В. Ключников отмечал по этому поводу: «Вместе с тем политические настроения на территории Временного Всероссийского правительства таковы, что правительству нельзя не считаться с весьма сильными противодействиями как справа, так и слева. Благодаря этому за границей могут прийти к убеждению, что ВВП не вполне отражает политический облик даже и той части России, на которую распространяется его верховенство. В представлении иностранцев может получиться, что ВВП держится лишь на равнодействии борющихся противоположных сил, не имея за собой самостоятельной реальной силы, и что оно кажется не в состоянии охранить себя, когда одна из двух сил получит резкий перевес над другой» [22. С. 333].

В Управлении иностранных дел не было чёткого ответа о сроках признания. «Ключников высказывает по этому вопросу большие сомнения. Союзники или отсрочат признание Временного Всероссийского Правительства, или вовсе откажут ему в признании ввиду притязательности его претензий и несоответствия их с реальной политической обстановкой. Вряд ли союзники в состоянии считать теперь территорию Временного Всероссийского Правительства единственным политическим центром, к которому должно направляться дело всероссийского объединения» [23. С. 203]. Не имея опоры, прочных связей в Омске, Директории приходилось уповать исключительно на помощь иностранных союзников. «Сами члены Директории не имели соответствующих данных, чтобы управлять антисоветской частью России на Востоке. Они не принадлежали к категории людей сильной воли, широкого кругозора и личной известности в России и за её пределами» [3. С. 438].

На страницах своего официального органа печати Директорией была сделана попытка продемонстрировать своим омским оппонентам справа о наличии у неё за спиной сильной поддержки за рубежом, в лице как населения, так и высших должностных лиц. Именно поэтому в статьях зачастую поднимался вопрос о необходимости единой власти в стране в лице Директории. В заявлениях подчёркивалось, что лишь при её наличии можно оказать России существенную военную и материальную поддержку. В случае исчезновения Директории союзники могут и вовсе отказаться от поддержки антибольшевистских сил, поскольку привыкли иметь дело с организованной политической силой. Давалось понять, что со Временным Всероссийским правительством шутки плохи, в случае чего придётся иметь дело с иностранными державами. Союзники были представлены как сила, разделяющая не только ин-

тересы объединённой России, но и, конкретно, заинтересованная в существовании Временного Всероссийского правительства в Омске.

Вопрос официального признания Директории иностранными государствами требует отдельного научного исследования. Есть вероятность полагать, что незадолго до переворота могло состояться признание западными государствами. Посол Директории в Лондоне К.Д. Набоков вспоминал, что как раз 17 ноября 1918 г. английским правительством была заготовлена телеграмма в Омск с обещанием Директории призна-

ния и помощи. Не успели телеграмму подписать, как были получены сведения о свержении Директории и установлении диктатуры Колчака [24. С. 111]. Из этого следует, что внешняя политика Временного Всероссийского правительства, возможно, могла возыметь положительный эффект, пользу от которого, правда, извлечь не удалось ввиду малого времени пребывания данного правительства у власти. Если бы переворот произошел немного позже, союзники могли бы пойти Директории навстречу в вопросе о признании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май – ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.
2. Неклютин К.Н. От Самары до Сизгала. Воспоминания. Самара : ООО «Самарский дом печати», 2011. 208 с.
3. Переверзев А.Я. Кому чужда Директория. Колчак. Антисоветский лагерь в Гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах, лицах. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 703 с.
4. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
5. Голубев А.В. Россия и Запад. М., 1998. 334 с.
6. Авксентьев о текущем моменте // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7 ноя.
7. Производительные силы союзных стран (Америка) // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7 ноя.
8. Россия и союзники // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 13 ноя.
9. Омск // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 8 ноя.
10. Беседа с американским корреспондентом Бернштейном // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 17 ноя.
11. Бахурин Ю.А. «Германский след» в Октябрьской революции. Анализ одной из главных исторических мифологем XX века. URL: http://scepsis.net/library/id_2749.html, свободный (дата обращения: 22.05.2014).
12. Советский Союз глазами американцев. 1917–1977 : док. и матер. М. : Мысль, 1979. 348 с.
13. Помощь Франции России // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 10 ноя.
14. Церемониал встречи французских войск в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 13 ноя.
15. Встреча французских друзей // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 14 ноя.
16. Французы в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 14 ноя.
17. Японские врачи в Чите // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 12 ноя.
18. Русско-Японский банк // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 14 ноя.
19. Японцы на Амуре // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 13 ноя.
20. Япония и Китай // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 13 ноя.
21. Беседа с генералом Ооба // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 14 ноя.
22. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и матер. Новосибирск, 2010. 362 с.
23. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М. : Крафт+, 2007. 704 с.
24. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М. : Воениздат, 1966. 384 с.

Stelmak Maksim M. Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: stelmakmm@mail.ru

DIRECTORY AND ALLIES: DESCRIPTION OF FOREIGN AID ON THE PAGES OF «HERALD OF THE ALL-RUSSIAN PROVISIONAL GOVERNMENT».

Keywords: Russian Civil War; the Allies; Directory; press.

On September 23, 1918 in Ufa, the All-Russian Provisional Government (Directory) was formed. However, representatives of the right wing of the counterrevolution were negative about such Government. On the territory free from the Bolsheviks the situation began to be undesirable for these parties inexorably moving towards the right flank of the counterrevolution. The struggle between the left and right flanks of the anti-Bolshevik movement within the white Siberia significantly weakened it. Potential allies from abroad wanted to see in Russia the strong recognized power, which they could assist in the fight against the Bolsheviks. From the very beginning of the reign, the power of the Directory was in an extremely unstable position. Officers circles treated it warily, remembering conciliatory opposition to the Provisional Government. In addition, the Directory itself keenly felt its weakness, inability to create a strong Government. After moving to Omsk, on October 9, 1918, Directory was trying to consolidate its power. So, on November 2, 1918 approved all the regional governments and to all citizens of Russia concerning the liquidation of the regional governments and the creation of the All-Russian Council of Ministers. From this moment on, in complex and contradictory conditions began a short reign of Directory in Omsk, which lasted until the military coup on November 18, 1918. Since the Russian Provisional Government felt its weakness, it was in need of foreign support. Therefore, in the newspaper "Bulletin of the All-Russian Provisional Government" were placed the materials on the activities of foreign allies of anti-Bolshevik movement. Allies were characterized exclusively positive, it was constantly emphasized that they were interested in the existence of the Russian Provisional Government. The newspaper often quoted statements of foreign politicians about their interest in the united Russia. Such Russia, according to the authors, could only be created by the Directory. The newspaper articles often began with statements about the unacceptability of ways unrelated to the All-Russian government. In the case of the disappearance of the Directory the Allies could refuse to support anti-Bolshevik forces, because they were accustomed to deal with organized political force. It was given to understand that the All-Russian Provisional Government was not a force to be trifled with, therefore one would have to deal with foreign powers. So, the foreign Allies of the anti-Bolshevik movement were presented as a friendly force not only for the White Russia, but for the Directory.

REFERENCES

1. Kokoulin V.G. *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya: Sibir', Povolzh'e, Ural (may-noyabr' 1918 g.)* [Democratic counter-revolution: Siberia, the Volga region, the Urals (May–November, 1918)]. Novosibirsk, 2014. 548 p.
2. Neklyutin K.N. *Ot Samary do Sietla. Vospominaniya* [From Samara to Seattle. Memories]. Samara: Samarskiy dom pechati Publ., 2011. 208 p.
3. Pereverzev A.Ya. *Komuch. Direktoriya. Kolchak. Antisovetskiy lager' v Grazhdanskoy voyne na Vostoke Rossii v dokumental'nom izlozhenii, portretakh, litsakh* [Komuch. Directory. Kolchak. The Anti-Soviet camp in the Civil War in the East of Russia in documents, portraits, faces]. Voronezh: Voronezh University Publ., 2003. 703 p.
4. Shilovskiy M.V. *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2003. 428 p.
5. Golubev A.V. *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. Moscow: Institute of Russian History Publ., 1998. 334 p.
6. Avksent'ev o tekushchem momente [Avksentiev on the current situation]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 7th November.
7. Proizvoditel'nye sily soyuznykh stran (Amerika) [The productive forces of allied countries (America)]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 7th November.
8. Rossiya i soyuzniki [Russia and its allies]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 13th November.
9. Omsk [Omsk]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 8th November.
10. Beseda s amerikanskim korrespondentom Bernshteynom [An interview with the American correspondent Bernstein]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 17th November.
11. Bakhurin Yu.A. *“Germanskiy sled” v Oktyabr'skoy revolyutsii. Analiz odnoy iz glavnykh istoricheskikh mifologem XX veka* [The “German trace” in the October Revolution. The analysis of a main historical mythology of the 20th century]. Available from: http://scepsis.net/library/id_2749.html. (Accessed: 22nd May 2014).
12. Krasnov I. (ed.) *Sovetskiy Soyuz glazami amerikantsev. 1917–1977* [The Soviet Union through the eyes of Americans. 1917–1977]. Moscow: Mysl' Publ., 1979. 348 p.
13. Pomoshch' Frantsii Rossii [French assistance to Russia]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 10th November.
14. Tseremonial vstrechi frantsuzskikh voysk v Omske [The ceremonial meeting of the French troops in Omsk]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 13th November.
15. Vstrecha frantsuzskikh druzey [Meeting French friends]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 14th November.
16. Frantsuzy v Omske [The French in Omsk]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 14th November.
17. Yaponskie vrachi v Chite [Japanese doctors in Chita]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 12th November.
18. Russko-Yaponskiy bank [The Russian-Japanese bank]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 14th November.
19. Yapontsy na Amure [The Japanese on the Amur]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 13th November.
20. Yaponiya i Kitay [Japan and China]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 13th November.
21. Beseda s generalom Ooba [An interview with General Ooba]. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva* (Omsk), 1918, 14th November.
22. Shishkin V.I. (ed.) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.)* [The All-Russian Provisional Government (September 23 – November 18, 1918)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2010. 362 p.
23. Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротный момент russkoy istorii 1918–1920: vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history 1918–1920: impressions and thoughts of the member of Omsk government]. Moscow: Kraft+ Publ., 2007. 704 p.
24. Eiche G.Kh. *Oprokinutyy ty'l* [The overturned rear]. Moscow: Voenizdat Publ., 1966. 384 p.

УДК 94(470)“1925/1932”
DOI 10.17223/19988613/34/8

Д.Е. Кузнецов

ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1925–1932 гг.)

Рассматриваются проблемы недобросовестного исполнения сотрудниками милиции своих служебных обязанностей в период 1925–1932 гг. Особое внимание уделяется причинам появления данных недостатков, а также инструментам в борьбе с ними в исследуемый период. Приводятся конкретные примеры преступлений и иных нарушений, совершаемых милиционерами. Отдельно выделяется употребление работниками милиции алкоголя как фактор, провоцирующий совершение преступных действий. Затрагивается метод использования репрессивных мер в борьбе с нарушениями со стороны милиционеров.

Ключевые слова: советская милиция; Западная Сибирь; преступление; проблемы.

На сегодняшний день правоохранительные органы, в частности российская полиция, находятся под пристальным вниманием государства и общества. В условиях современности к полицейским предъявляются все новые и новые требования, так как, по мнению граждан, не все правоохранители способны решать возложенные на них ответственные задачи. Схожие проблемы имели место в период становления советской милиции. В такой ситуации ценным является опыт прошлого, обращение к которому может быть использовано для разрешения и недопущения схожих проблем, чем обуславливается актуальность выбранной тематики исследования. Изучение становления милиции именно в Западной Сибири требует углубленного изучения по причине специфики западносибирского региона, а именно: обширности территории, низкой плотности населения, высокой концентрации ссыльного и преступного элемента, наличие контрреволюционных сил и пр. Не случаен и выбор исследуемого периода, который начинается с объединения ряда субъектов в Сибирский край 25 мая 1925 г., что влекло за собой существенные изменения в структуре милиции, и ограничивается 1932 г., так как именно в это время стали видны первые плоды реорганизации органов милиции, начатой 25 мая 1931 г. [1. Л. 57]. В указанное время явственно проявились все ошибки и недочеты в деятельности милиции, во многом по причине которых и была осуществлена реорганизация.

Попытка комплексного изучения проблем в деятельности советской милиции Западной Сибири середины 1920-х – 1930-х гг. делается впервые. В советский период издавались работы по истории милиции с явными признаками идеологической марксистско-ленинской подоплеки. Немногочисленные работы постсоветского периода «грешат» излишней политизированностью, стремлением представить деятельность милиции как некую репрессивно-карательную структуру.

Перед советскими правоохранительными органами ставились сложные задачи, связанные с выполнением служебных обязанностей. Осложнялось формирование дееспособной милиции обширностью территории Западной Сибири, суровым климатом, экономической

неразвитостью региона, разрушительными последствиями гражданской войны.

Нередко встречались в деятельности западносибирской милиции волокита и бюрократизм. Процент раскрываемости уголовных преступлений оставался низким, высылка уголовного элемента из региона была неорганизована, связи с общественностью были часто формальными, квалификация работников милиции и уголовного розыска недостаточной [2. Л. 77].

Одной из основных проблем в работе правоохранительных органов в Сибири был дефицит квалифицированных кадров. В милицию приходили малограмотные, имеющие слабые представления о милицмейской службе молодые люди [3. С. 59]. При приеме на службу прева-лировал классовый подход. Представители «эксплуатировавших классов» не могли рассчитывать на милицмейскую должность. В то же время выходцы из среды беднейшего крестьянства и пролетариата, несмотря на уголовное прошлое и серьезные проблемы со здоровьем, принимались на службу на «ура».

К основным проблемам в работе рабоче-крестьянской милиции (РКМ) начальник милиции Сибирского края относил:

- 1) слабую подготовку командного и руководящего состава административных органов;
- 2) высокий процент совершения преступления самими сотрудниками милиции;
- 3) недостаточное обеспечение снаряжением (до 65%), в частности канцелярскими принадлежностями, служебной документацией (бланками, протоколами), конским составом, вооружением и необходимыми для его обслуживания принадлежностями;
- 4) малограмотность младших милиционеров (до 90%), незнание ими своих служебных обязанностей;
- 5) слабую дисциплину, выражавшуюся в небрежном ношении форменной одежды, формальном отношении к ведению служебной документации и инструктажам;
- 6) бытовую неустроенность сотрудников, а именно отсутствие служебного жилья, а также его несоответствие требованиям санитарии и гигиены;
- 7) отсутствие плана в деятельности отделов и отчетов перед населением [4. Л. 10–30].

Данные недостатки значительно усиливались на фоне высокого уровня преступности в регионе. Количество тяжких преступлений, таких как убийства, бандитизм, разбой, кража личной и государственной собственности в 20-е – 30-е гг. прошлого века было значительным. Кроме того, широкое распространение получили такие негативные явления, как пьянство и хулиганство, попрошайничество, бродяжничество, спекуляция, нарушение паспортного режима.

Состояние здоровья и физическая развитость действующих сотрудников милиции были далеки от идеала. Произведенное в 1931 г. освидетельствование физического состояния группы руководящих сотрудников районов выявило из 341 милиционера здоровых лишь 41. 20–25% от общего числа оказались абсолютно не пригодными к милицмейской службе. Усугубляло проблему отсутствие оздоровительных мероприятий, а также регулярных медицинских осмотров в органах милиции [5. Л. 42].

Вследствие нерешенных кадровых проблем в деятельности милиции был крайне низкий уровень исполнительской дисциплины. Многие милиционеры предпочитали решать личные дела в служебное время, спали на посту, халатно работали с документами. Так, младший милиционер ведомственной милиции Черлакского района Кусков допустил побег кулака, так как вместо охраны арестованных совершал половые акты с одной из арестованных женщин [Там же. Л. 134–134 об.].

На повестке дня оставался вопрос слабой дисциплины в рядах милиции. Далеко не все сотрудники осознавали значимость возложенных на них обязанностей, не до конца понимали понятие «служебный долг». В следствие чего в 1927 г. за пьянство увольнению из РКМ подверглись начальник 1-го отделения милиции Барнаула Шипицын и начальник Ребрихинского управления Малахов. Доказательством может служить и тот факт, что в период рейдов против самогонщиков были выявлены случаи употребления конфискованного самогона самими милиционерами [6. Л. 25, 30].

Ряд милиционеров злоупотребляли своим служебным положением. Помощник начальника Ключевского райуправления милиции Пугачев был осужден на четыре года за избивание кулака при выселении, нанесение телесных повреждений нетрезвому гражданину, угрозу оружием милиционеру, избивание члена сельсовета, причинение телесных повреждений контролеру сельского клуба (сбросил его с крыльца) [5. Л. 74].

Имело место и участие в преступных действиях самих стражей закона:

1. В 1928 г. в Барабинском округе Татарского района сотрудники милиции организовали преступное сообщество и в течение двух лет промышляли хищениями государственной собственности. Кроме прочего, ими было похищено 12 наганов. Только на увеселительные мероприятия за счет похищенных средств милиционерами-«оборотнями» было потрачено не менее 1 900 руб. Показателен тот факт, что

данные события происходили с ведома и при непосредственном участии начальника милиции Межецкого. Данная банда была ликвидирована в 1930 г. [7. Л. 19–20, 28].

2. Во второй половине 1920-х гг. два милиционера Рубцовского округа принимали деятельное участие в координации бандитской группы Кузьменко [8. Л. 79–80].

3. В первой половине 1930-х гг. участковый инспектор Прокопьевского РУМ, оставаясь на службе в милиции, организовал банду, в составе которой совершал грабежи и даже убийство [5. Л. 44].

Многие должностные преступления в исследуемый период совершались в состоянии опьянения или же становились результатом систематического пьянства. Так, уполномоченный Топкинского района Богрянков при допросе избивал невинных граждан, грозил им расстрелом. В итоге отпускал, присваивая деньги и водку.

Пьянство и половой разврат по значительному большинству дел были одной из причин совершения должностных преступлений. Огласку получили случаи попыток изнасилования женщин сотрудниками милиции. Женщин задерживали под выдуманными предлогами с целью вступления с ними в половую связь, шантажируя возбуждением уголовного дела [Там же. Л. 133].

Низкая раскрываемость преступлений порождала безнаказанность для преступников, а также рисовала образ беспомощности правоохранителей в глазах граждан. Розыск преступников был неудовлетворительным, скорость и качество проведения дознания и следствия были низкими [Там же. Л. 135].

Пытаясь увеличить раскрываемость преступлений, ряд милиционеров намеренно не регистрировали обращение граждан о совершенных преступлениях в книгу учета. В результате искажалась общая криминогенная картина в регионе, снижалось доверие населения к органам милиции.

Серьезным недочетом в деятельности милиции являлся порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях. Так, в РУМе Коченевского района данные дела рассматривались одним начальником управления милиции; в ряде районов вместо представителей общественности в комиссиях по рассмотрению данных дел принимали участие следователи или работники Райисполкомов, в Чумышском районе такая комиссия вообще существовала формально на бумаге; в некоторых районах начальники управлений милиции, не вникая в дела, занимались только «штамповкой постановлений в соответствии с указаниями» [Там же. Л. 31].

Все это являлось следствием низкого уровня профессионализма сотрудников милиции, сопровождавшегося неумением или слабым использованием в работе научно-технических методов раскрытия преступлений [9. Л. 86]. Редко применялись собаки-ищейки в оперативной деятельности Уголовного розыска. В то же время сотрудники использовали неправомерные мето-

ды допроса, что влекло за собой нарушение социальной законности и злоупотребления служебным положением. Осмотр места происшествия производился сотрудниками милиции неумело [10. Л. 71 об.].

Отсутствие профессиональной подготовки, незнание правил порядка применения оружия и неумелое обращение с ним вели часто к трагическим последствиям. Так, например, милиционеры Логинов и Чебанов, пытаясь усмирить разбушевавшегося нетрезвого гражданина Шокинова в с. Алексеевском, погибли от пуля его нагана [11].

Имели место случаи незаконного и необдуманного применения оружия со стороны милиционеров. Причинами подобных случаев служили: несоблюдение правил применения оружия, превышение мер самообороны и превышение власти. Наиболее характерными случаями являлись следующие: в Ачинском округе милиционер стрелял в вызванного на допрос гражданина, ранив его; были случаи стрельбы в пьяных, нарушавших общественное спокойствие и тишину, которые не подчинялись требованиям милиционеров; в Ачинском и Барабинском округах имели место случаи убийств, совершенных милиционерами из низменных и личных побуждений [12. Л. 8–8 об.].

Приведенные примеры указывают на незнание правил применения оружия милиционерами, а также на халатное отношение сотрудников к инструктированию [13. Л. 61].

Нередки были случаи утраты оружия сотрудниками милиции по причинам небрежного обращения с ним, оставления без присмотра, передачи посторонним лицам. Так, младший милиционер Омского дивизиона Шумилов во время несения службы, находясь у себя на квартире, отдал свой револьвер пьяному товарищу, который ушел с ним и в итоге его потерял; старший милиционер третьего взвода милиции г. Омска хранил револьвер «Кольт» в незакрытом столе. В результате чего оружие было похищено неизвестными лицами [5. Л. 134 об.].

Существенным недостатком в работе РКМ было фактическое отсутствие полноценных контактов между милицией и уголовным розыском, с одной стороны, и народными массами – с другой. Данная тенденция вела к замкнутости и изолированности органов милиции от прочих структур и населения, а также к бюрократизации, что дискредитировало

власть в глазах общественности. Опасным для сохранения прежде всего боеспособного уголовного розыска являлось необратимое изменение правосознания ряда сотрудников, происходило заимствование ими жизненных принципов из бандитской среды.

Заместитель Наркома внутренних дел РСФСР Егоров в августе 1928 г. обращал внимание руководителей сибирской милиции на возможную деформацию сотрудников уголовного розыска в связи с систематическими связями с преступным миром. Часть сотрудников поддавалась соблазну вступать в регулярные интимные отношения с занимающимися проституцией женщинами [14. Л. 185–186], брать взятки, вести разгульный образ жизни, не соответствующий образу блюстителя закона.

Пытаясь повысить дисциплину среди сибирских милиционеров, в отношении нарушителей применялись различные виды наказания вплоть до увольнения из органов внутренних дел и возбуждения уголовного преследования. Только за 6 месяцев 1925 г. в не самом крупном в Сибирском крае Боровском районе за сон на посту было наложено 12 взысканий милиционерами [6. Л. 8]. Всего же в период с 1926 по 1927 г. на милиционеров Сибирского края было наложено более 3 тысяч взысканий [15]. Правда, репрессивные меры не носили постоянного характера, были цикличны и не могли полностью решить кадровый вопрос.

Таким образом, проблемы в деятельности милиции Западной Сибири в 1925–1932 гг. были значительны и связаны они были прежде всего с дефицитом кадров, низким уровнем материальной мотивации, отсутствием полноценной профессиональной подготовки, недостаточным контролем со стороны руководителей. Карательные меры не только не решали существовавшие проблемы, но и еще больше обостряли кадровый вопрос. В то же время нельзя не отметить, что при всей неидеальности системы органов милиции и ее сотрудников данная структура в исследуемый период в целом справлялась с выполнением поставленных задач и являлась незаменимым инструментом в процессе становления молодого советского государства. В исследуемый период комплексного решения существовавших проблем найти так и не удалось, однако уроки прошлого следует учитывать в процессе дальнейшего развития органов полиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание Законов СССР*. 1931. № 12. Ст. 85.
2. *Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)*. Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 30. Л. 77.
3. *Суверов Е.В.* История алтайской милиции (1917–1953 гг.): учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2013. Ч. 1. С. 59.
4. *Государственный архив Алтайского края (ГAAK)*. Р.-Ф. 110. Оп. 1. Д. 31. Л. 10–30.
5. *Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)*. Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 140.
6. ГAAK. Р.-Ф. 110. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАНО. Р.-Ф. 20. Оп. 2. Д. 162. Л. 19–20, 28.
8. ГАНО. Р.-Ф. 47. Оп. 1. Д. 950. Л. 79, 80.
9. ГАНО. Р.-Ф. 47. Оп. 1. Д. 154. Л. 86.
10. ГАНО. Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 44. Л. 71 об.
11. *Советская Сибирь* (Новосибирск). 1927. 12 ноя.
12. ГАНО. Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 76. Л. 8–8 об.
13. ГАНО. Р.-Ф. 20. Оп. 2. Д. 61. Л. 61.

14. ГАНО. Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 72. Л. 185–186.

15. *Коммуна* (Татарск). 1930. 28 авг.

Kuznetsov Denis E. Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: goodjobman@inbox.ru

DISADVANTAGES OF THE SIBERIAN MILITIA ACTIVITY (1925–1932 years).

Keywords: Soviet militia; West Siberia; crime; problems.

On the basis of archival documents the author analyze the problems faced by local authorities in the formation of law enforcement. The article considers the process of creation and implementation of the Siberia militia. It also discusses issue related to the protection of public order by officers of the Soviet militia in the end of the 20s years and the beginning of the 30s years of the last century. Changes in the country affected the Siberian region. In that period militia had a great number of duties. During the period of establishing of the Soviet power in Western Siberia the number of crimes, committed by militiamen has dramatically increased. The article tells about reasons of that process. First of all there was a bad financial situation in the Siberia region which made a great influence on the militiamen. One of the main problems was a shortage of qualified personnel. The number of qualified militia workers was insufficient. Many of the militiamen did not even have a primary education. The level of legal competence of militiamen was not high. There was an interrelation between the legal nihilism of militiamen and general increase in criminality. There was also a question of the weak discipline. A great number of militiamen did not understand the moral foundation of their profession. There was also a question of professional ethic. A lot of militiamen were involved in corruption schemes. Being a form of stealing, corruption in that time was a specific form of misconduct acts designed to obtain financial benefits and other personal gain in exchange for not pursuing, or selectively pursuing, an investigation or arrest. One common form of corruption in that period was soliciting and accepting bribes in exchange for not reporting about prostitution, moonshining and other illegal activities. More rarely, militiamen took part in organized crime activity themselves. Such situation negatively affected the society, including political, economic, and sociological aspects. The author pays some attention to the physical condition of Soviet militia officers which was in a low level. A special attention was paid to the problem of alcohol because a large number of militiamen abused alcohol. Besides there was an active process of development of the normative-legal base of the young Soviet state, in order to improve such negative tendencies. Despite the difficulties, the staff of the Western Siberia militia carried out all their duties in order to change such situation.

REFERENCES

1. *Sobranie Zakonov SSSR* [The Collection of Laws of the USSR], 1931, no. 12, Art. 85.
2. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 5. File. 30. P. 77. (In Russian).
3. Suverov E.V. *Istoriya altayskoy militsii (1917–1953 gg.)* [The history of the Altai militia (1917–1953)]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2013, pt. 1, p. 59.
4. The State Archive of Altai territory (GAAK). R.-Fund 110. List 1. File 31. P. 10–30. (In Russian).
5. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 5. File 140. (In Russian).
6. The State Archive of Altai territory (GAAK). R.-Fund 110. List 1. File 4. (In Russian).
7. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 20. List 2. File 162. P. 19–20, 28. (In Russian).
8. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 1. File 950. P. 79, 80. (In Russian).
9. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 1. File 154. P. 86. (In Russian).
10. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 5. File 44. P. 71 ob. (In Russian).
11. *Sovetskaya Sibir'* (Novosibirsk), 1927, 12th November.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 5. File 76. P. 8-8 ob. (In Russian).
13. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 20. List 2. File 61. P. 61. (In Russian).
14. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). R.-Fund 47. List 5. File 72. P. 185–186. (In Russian).
15. *Kommuna* (Tatarsk), 1930, 28th August.

УДК 378.4(571.16)''1920''
DOI 10.17223/19988613/34/9

С.Ф. Фоминых, Д.Е. Шандала

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

*Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ П 220
в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности» № 14.В25.31.0009.*

На основе архивных источников (отчеты, справки, протоколы заседаний партийных и профсоюзных органов) и периодической печати реконструируется история становления органов студенческого самоуправления в Томском государственном университете в 1920-е гг. Особое внимание уделяется характеристике профсоюзной студенческой организации: структуре, деятельности (учеба, быт, стипендии, досуг, вневузовская и т.д.). Прослеживается влияние на работу студенческих профсоюзов со стороны партийных органов.

Ключевые слова: Томский государственный университет; высшая школа; студенты; студенческое самоуправление; профсоюзы; партия; комсомол.

В последнее время актуализировалась тема российского студенчества в переломный период не только для государства в целом, но и для его высшей школы, какими были 1920-е гг. Если советская историография рассматривала эту категорию молодежи главным образом с точки зрения подготовки кадров «советских специалистов» как составной части «советской интеллигенции», то современные историки все больше внимания стали уделять повседневной жизни студенчества. Особенно наглядно это проявилось в монографии А. Рожкова «В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов», посвятившего этой проблеме обширную часть под названием «Студенческий мир: практика общения» [1. С. 193–371].

Однако это был и период становления студенческого самоуправления, одной из наиболее жизненных форм которого оказались профсоюзные организации, так называемые профсекции. Правда, уже в то время коммунистическая партия стремилась всеми силами подчинить их своему влиянию.

В современной отечественной высшей школе у студенческих профсоюзов вновь открылось второе дыхание. В отсутствие в стенах вузов партийных и комсомольских организаций, как это было в советское время, они существенным образом влияют на жизнь студентов во всех ее проявлениях. Занимаясь отстаиванием интересов членов профсоюза и их социальных прав, поиском и внедрением методов самореализации студенческой молодежи, развития у нее творческого, спортивного и научного потенциала и т.п., они в своей практической деятельности стремятся охватить все сферы жизни студента начиная с организации учебного процесса и заканчивая досугом. Наряду с этим студенческие профсоюзные организации играют важную роль в формировании активной жизненной позиции учащейся молодежи.

То, как происходило становление студенческого самоуправления в 1920-е гг. в отечественной высшей школе, можно проследить на материалах деятельности

студенческих организаций первенца высшего образования в Азиатской России, Томского государственного университета (далее – ТГУ).

Томский университет к началу 1920-х гг. имел уже более чем 40-летнюю историю. Учрежденный в 1878 г. и открытый спустя 10 лет в составе одного медицинского факультета, он к концу Гражданской войны функционировал в составе четырех факультетов: медицинского, юридического, историко-филологического и физико-математического. В Гражданскую войну, когда в Томск белыми была эвакуирована часть преподавателей и студентов Казанского, а затем Пермского университетов, и сюда, спасаясь от советской власти, переехала часть студентов из столичных вузов, численность студентов возросла до 4 900 человек [2. С. 217].

С восстановлением советской власти в конце 1919 г. произошли изменения в структуре университета. В состав факультета общественных наук (ФОН), открытого в 1920 г., вошли ликвидированные юридический, а в 1921 г. и историко-филологический факультеты соответственно в качестве правового и этнолого-лингвистического отделений с последующим кардинальным изменением их программ и учебных планов. В июле 1922 г. ФОН по указанию Главпрофобра был закрыт и в составе университета осталось три факультета. В целях пролетаризации студенчества при ТГУ в мае 1920 г. был открыт рабочий факультет (рабфак) [3. С. 120, 140, 141, 142].

Во втором полугодии 1921/22 учебного года в ТГУ обучались 3 279 человек, в том числе 2 270 человек на медицинском факультете, 390 – на физико-математическом, 423 – на факультете общественных наук и 196 – на рабочем факультете [4. Л. 113 об.].

Однако процесс пролетаризации вуза протекал медленно. В 1923/24 учебном году процент рабоче-крестьянской группы среди студентов составил всего 10,7%, спустя два года (1926/27 учебный год) – 33,7%. Подавляющую массу студенчества ТГУ по-прежнему составляли выходцы из служащих, интеллигенции и

мещан. Таким образом, в классовом отношении состав студенчества был еще недостаточно пролетаризирован.

Социальный состав студенчества отразился и на его группировке по общественно-политическим симпатиям. На первом месте по численности была мещанско-обывательски настроенная часть студенчества, составлявшая в середине 1920-х гг. до 40–50%. Причем половина из них состояла в профсоюзах, о которых речь пойдет ниже, и играла в них пассивную роль. Она не отличалась особой активностью, «свое политическое лицо, – как подчеркивалось в информационной сводке о состоянии ТГУ во второй половине 1926 г., – не показывает: скрывает, шипит и кое-что выявляет себя только по квартирам, официально боясь, что сочтут идущей против власти, она идет официально за партией, и партвлиание на нее в у[ниверсите]те, в смысле голосований, предложений кандидатов, выдвигаемых комфракциями, обеспечено полностью» [5. Л. 7].

Второй по численности группой в ТГУ, отмечалось в той же сводке, была партийно-комсомольская с примыкающей к ней просоветски настроенной и искренне идущей за ВКП(б) частью беспартийных студентов. Она достигла в середине 1920-х гг. 35–40% от общей массы студенчества.

Остальные 10% на то время составляло «контрреволюционное» студенчество, «злбно настроенное против большинства мероприятий, проводимых парторганами и профсекциями». В вышеупомянутой сводке относительно этой незначительной по удельному весу части студенчества говорилось: «Группа эта не сплочена организованно, активно не выступает, а если и были случаи выступлений (в отношении влияния на б[ес]п[артийное] студенчество и т.д.), то редкие, и особенно слабо влияние ее на студенчество в жизни вуза на квартирах, в быту она, конечно, влияние на мещанско-обывательское студенчество имеет еще сильное» [Там же].

Представители этой части студенчества были больше заняты учебой и «свою физиономию» проявляли «путем критики различных мероприятий, путем заявлений, что студенческие представители в различных органах не отражают мнения всего студенчества...» [Там же].

Попытки создания студенческих организаций были предприняты уже вскоре после освобождения Томска от белых. Инициативу проявили немногочисленные в то время студенты-коммунисты. 23 декабря 1919 г. в помещении студенческой столовой по ул. Черепичной, 5 (ныне ул. Кузнецова) состоялась сходка студентов-коммунистов и сочувствующих. После доклада студента ТГУ Л.Г. Крепляка об организации студенческого бюро коммунистов прошли выборы. В состав бюро вошли Крепляк, Баук, Гоberman, Богуславский и Батаев. Собрание приветствовало восстановление «рабоче-крестьянской власти» и решило «своими силами помочь великому делу коммунизма и интернационализма» [6. 27 дек.].

В принятой собранием резолюции, в частности, говорилось: «Общее собрание студенческих коммунистов

г. Томска, обсудив вопрос об отношении к студенческим организациям г. Томска и принимая во внимание, что: 1) Организации студентов, основанные по принципу территориальной принадлежности, игравшие в свое время довольно видную роль в истории студенческого движения, утратили теперь свое первоначальное значение и раздробили силы студенчества, тем самым обессиливают наиболее революционные ряды его; 2) Организация студенчества под флагом т.н. социалистического об[щест]ва уклонилось от своего прямого задания – изучения вопросов научного социализма, приняла характер политической организации под определенным лозунгом» [Там же].

В резолюции речь шла в первую очередь о дореволюционных землячествах, создававшихся по территориальному принципу (студенты одной губернии, области, края и т.п.), которых в Томском университете до 1917 г. насчитывалось свыше 30 [7. С. 212–213].

Землячества – своего рода органы студенческого самоуправления, занимались главным образом оказанием материальной помощи студентам и удовлетворением их культурных потребностей. С этой целью, например, организовывались благотворительные вечера не только в Томске, но и в тех городах, откуда приезжали на учебу в Томск студенты. Землячества устанавливали также связи с общественными организациями, органами местного самоуправления. Только за период с 1907 по 1913 г. в пользу землячеств в Императорском Томском университете поступило 34 818 руб. 73 коп. [Там же. С. 214].

В первое время после Гражданской войны землячествам, как форме студенческой самоорганизации, было выказано недоверие из-за опасения их возможного противодействия советской власти. Они рассматривались в роли «организации, не только не могущей возникнуть, но не нужной и лишней» [8. 3 янв.]. То же собрание студентов-коммунистов постановило: «1) Всех студентов-коммунистов из земляческих организаций отозвать» [6. 27 дек.].

Такую же неприязнь вызвало и «Социалистическое общество студентов», организованное еще в конце ноября 1917 г. и объединившее «вокруг себя все социалистическое студенчество г. Томска, а также сочувствующих идеям социализма на почве вопросов всестороннего изучения вопросов социализма», и занимавшееся главным образом культурно-просветительной работой [9. С. 12].

В резолюции того же собрания студентов-коммунистов о судьбе этого общества было записано: «Впредь до выяснения настоящего положения соц[иалистическое] о[бщест]во должно подчиняться постановлению студенческой фракции коммун[истов] от января 1918 года» [6. 27 дек.].

Наряду с этим собрание постановило, что «коммун[исты]-студенты должны принимать активную роль в реформе высшей школы и управлении делами последней, участие студ[ентов]-коммунистов в предсто-

ящих органах студ[енческих] сов[етов] старост считать допустимым и необходимым вести в широкую агитацию для завоева[ния] большинства мест в названных организациях» [Там же].

В январе 1920 г. газета «Сибирский коммунист» сообщила о самороспуске Амурского землячества. От имени этого землячества было заявлено: «Признавая, что при современной грандиозной перегруппировке общественных сил и идей, при коренной «переоценке ценностей» институт студенческих землячеств отжил и превратился в рухлядь, <...> наступила пора для постройки новых ассоциаций на новых принципах и во имя их». Землячество обратилось ко всем студенческим землячествам Томска с призывом разрушить «узкие, территориальные, нежизненные свои группы и приступить к построению новых широких свободных и здоровых ассоциаций» [10. 22 янв.].

Однако в дальнейшем отношение к землячествам было пересмотрено. К середине 1920-х гг. они возродились практически во всех российских университетах и занимались задачей улучшения материального быта своих земляков-студентов. После дискуссии, развернувшейся на страницах газеты «Красное знамя», было принято «Положение о землячествах». В начале 1926 г. горстудбюро разрешило организацию землячеств, но в отличие от дореволюционного времени землячества не получили большого размаха. Отчасти это объяснялось заметным сокращением потока приезжавших молодых людей для учебы в Томск из Европейской России. В ТГУ было создано лишь два землячества: якутское и казакское (казахское) [11. 29 дек.].

Большую роль в жизни студенчества играла комсомольская организация, которая стала создаваться практически одновременно с партийной организацией. Первое организационное собрание студентов томских вузов – членов Коммунистического союза молодежи состоялось 5 января 1920 г. На нем был избран комитет, который возглавил студент ТГУ Иван Зудилов. В силу малочисленности комсомольцев они были объединены в межвузовскую ячейку. Самостоятельная организация в ТГУ появилась лишь в апреле 1924 г., когда было избрано исполнительное бюро во главе с С.Г. Чеканом. Осенью того же года его возглавил И. Колышев [12. 18 окт.].

В 1926 г. комсомольские фракции стали создаваться на факультетах. Студенты-комсомольцы занимались ликвидацией неграмотности, шефствовали над предприятиями и учреждениями города, близлежащими селами и деревнями, занимались антирелигиозной пропагандой, работали в ячейках добровольных обществ, проводили культурно-массовую работу и т.д. [Там же. 25 окт.].

Однако удельный вес студентов-комсомольцев в общей массе студенчества был незначителен. Так, в наборе на первый курс ТГУ в 1926 г. их оказалось всего 63, причем рабочих и их детей было всего 19, а остальные происходили из крестьян и служащих. В ходе проверки удалось выявить, что в ряды ВЛКСМ вступали не только из идейных побуждений, но и что-

бы получить льготы для поступления в вуз. К тому же проведенная политпроверка комсомольцев обнаружила, что 90% поступивших в университет были безграмотны или полуграмотны. В целом влияние партийно-комсомольской прослойки на беспартийное студенчество было тогда незначительным [5. Л. 6, 7].

7 августа 1920 г. по инициативе комячейки вузов Томска было созвано собрание «всех ответственных студентов, как работающих в высшей школе, так и вообще в советских учреждениях г. Томска», на котором был рассмотрен вопрос о новом «Положении о высших учебных заведениях», предложенных коллегией по управлению вузами Томска. Комиссия в составе Найдича (коммунист), Белже (кандидат в партию), Федмана (беспартийный) и Гобермана (коммунист) разработала тезисы, в которых подчеркивалась необходимость активного участия студенчества в управлении вузами [13. 11 авг.].

Один из тезисов гласил: «Действенное, активное участие коммунистического студенчества в деле строительства и управления высшей школой возможно лишь при условии равного с преподавательским персоналом участия в органах управления». По мнению авторов резолюции, новые органы управления высшей школы должны быть построены на основе равного представительства преподавательского состава, с одной стороны, «коммунистического студенчества и студенчества партий, стоящих за истинно-советскую власть, с другой стороны» [Там же].

Итогом этого явилось широкое представительство студентов в предметных и методологических комиссиях, а также включение их в состав президиумов факультетов, в правление вуза. Один из студентов стал занимать должность проректора университета по студенческим делам.

Формой низовых студенческих организаций сделались предметные комиссии, принимавшие активное участие в реформе учебных планов и программ, методов преподавания и т.п. Так, например, в 1922 г. в состав биологической предметной комиссии ТГУ наряду с преподавателями входили 13 студентов [14. Л. 16].

Студенты, а их в комиссиях было до половины, участвовали в обсуждении программ читаемых курсов, играли также важную роль в выборах по конкурсу профессоров и преподавателей. Нередко кандидатуры, предлагаемые профессорами, не получали их поддержки.

Взросшее участие студентов в управлении университетом встречало сопротивление профессуры. «Старая профессура, – отмечалось в упоминавшейся выше информационной сводке, – продолжает гнуть линию на то, чтобы студенчество все меньше и меньше принимало участие в органах управления вуза. Особенно профессура негодует против реакционной работы студенчества, ей не по душе, что студенчество почти всегда выступает организованно, с одним общим мнением, благодаря чему довольно часто удается проводить кое-какие решения, которые профессуре не по их духу» [5. Л. 3].

Более подробно охарактеризуем еще одну форму самоорганизации студенчества в 1920-е гг. Речь идет о профсоюзах. Правда, в начале 1920-х гг. президиум ВЦСПС посчитал нецелесообразным вхождение в них студентов, полагая, что последние являлись прежде всего организацией производителей. Вместе с тем, считая необходимым привлечь студентов к культурно-просветительской работе, президиум поручил тогда культотделу выработать соответствующее решение по этому вопросу [15. 15 ноя.].

Однако уже вскоре позиция ВЦСПС поменялась. В вузах страны стали создаваться профсоюзные секции (профсекции), которые стали рассматриваться в качестве основной формы сплочения всего пролетарского студенчества, включая беспартийных. С весны 1923 г. пролетарское студенчество Томска, испробовав другие виды организаций, в том числе и землячества, также выбрало профсекции формой своего объединения. Основной причиной нежизненности прежних студенческих организаций послужило отсутствие у них крепкой связи с рабочей массой, которая должна была составить базу советского студенчества. Считалось, что член профсоюза, поступив в вуз, не терял связи со своим профессиональным союзом, по направлению которого он не только принимался в вуз, но и даже отчасти содержался, получая от производства стипендию.

Действительно, профобъединения нагляднее и эффективнее отражали состав студенчества того времени, делали «легкодоступным овладение его социальной базой», а также сближали «пролетарского студента, будущего пролетарского спеца, с общей массой трудящихся», приучали его к дисциплине и способствовали выработке у него «организационно-классово-созидательных наклонностей» [16. 9 сент.]. Насколько жизненной окажется эта форма организации студентов, должно было показать время.

24 апреля 1923 г. в Томске была организована профсекция студентов Рабпрос (профсоюз работников просвещения). Первое время ее работа была чисто организационной. Она насчитывала всего 194 человека. Члены профсекции принимали активное участие в общественно-политической и профессиональной работе, состояли в различных обществах (ОДВФ, МОПР, «Друзья детей» и др.), выписывали газеты, принимали участие в кампаниях, проводимых профессиональными и партийными организациями [17. 21 сент.].

Организованная весной того же года в вузах Томска регистрация студентов по профсекциям, а всего ее прошли 1 128 студентов, дала следующие результаты: профсоюз горняков насчитывал 183 члена, профсоюз советских работников – 160, Всероссийский профсоюз работников медико-санитарного труда (Всемиркосантруд) – 145, Рабпрос – 139, линейный профсоюз железнодорожников (Линпрофсоюз) – 14, профсоюз швейников – 18, профсоюз металлистов – 88, строители – 28, профсоюз работников коммунального хозяйства – 17, профсоюз работников связи (Нарсвязь) – 16,

профсоюз химиков – 17, профсоюз работников земли и леса (Землес) – 43, районный комитет водников (Райкомвод) – 44. В остальных союзах число зарегистрированных студентов-членов профсоюзов колебалось от 2 до 10 человек. В профсекциях Томского технологического института состоял 321 человек, в политехникуме им. К.А. Тимирязева – 161, в университете – 467, на рабфаке – 179 человек [16. 15 апр.].

В дальнейшем численность профсекций стала заметно увеличиваться. В декабре 1923 г. в профсекциях ТГУ насчитывалось уже 970 студентов, а к весне 1924 г. они объединяли 1 644 студента. Однако в число членов профсоюзов принимали и тех, кто в силу своего социального происхождения и трудового стажа не имел на это права. В профсоюз, как писала газета «Красное знамя», попадали «юркие, пронирыливые», умеющие приспосабливаться [17. 22 окт.].

Возникла необходимость в проведении чистки профсекций с целью улучшения их качественного состава. В результате из профсекции Всемиркосантруд было исключено 400 человек, из Рабпроса – 25, совработников – 51. Правда, часть исключенных после рассмотрения их заявлений была восстановлена. В связи с этим профисполбюро ТГУ, о котором пойдет речь ниже, рекомендовало «обратить внимание на формулировки, даваемые при исключении, которые часто не совпадают с фактами» [18. Л. 32–33].

В 1924 г. на повестку дня встала и проблема реорганизации самих студенческих профсекций. При существовавшем большом числе профсекций члены профсоюза нередко тратили впустую много времени на заседания, хотя стоявшие в их повестке вопросы могли не иметь к ним никакого отношения. Губотделы отраслевых профсоюзов были в полной мере не знакомы с работой интересующих их факультетов, так как обучавшиеся на них студенты входили в другие профсекции. Так, на декабрь этого года в ТГУ насчитывалось 1 185 членов профсекций. Причем студенты каждого факультета состояли членами в 10 различных профсекциях. На физико-математическом факультете ТГУ 148 членов профсоюза были рассредоточены в 9 профсекциях, хотя по роду своей будущей специальности они были тесно связаны главным образом только с союзами «Земля и лес», «Рабпрос» и химиков. Такая же картина наблюдалась и на медицинском факультете, где имелось 8 профсекций [17. 12 дек.].

Реорганизация, а она происходила в масштабах страны на основе постановлений VI съезда профсоюзов путем профессионального объединения студентов данного вуза или факультета по производственному принципу, предусматривала изменения в их структуре с тем, чтобы в итоге на 2 факультетах университета должно было остаться только 4 профсекции. Это дало бы возможность сэкономить силы и учебное время, оживить массовую работу среди студентов. Более того, губернские отделы профсоюзов были бы в курсе жизни тех факультетов, в которых они были заинтересованы [Там же].

Реорганизация профсекций в ТГУ произошла в феврале 1925 г. В ее основу, как говорилось выше, был положен принцип будущей производственной деятельности студентов. В результате осталось только 3 профсекции: при медицинском факультете – секция профсоюза медикосантруд, при физмате – секции рабпрос и химиков. Профсекция химиков объединяла студентов химического отделения, а секция рабпрос – всех остальных.

Остановимся на структуре студенческих профсоюзных организаций ТГУ. Первоначально она выглядела следующим образом: 1) профсекции; 2) факультетские комитеты (факкомы); 3) профсоюзное исполнительное бюро (профисполбюро).

Во главе профсекций стояли бюро. Факультетские комитеты (факкомы) избирались на общем собрании членов профсекций факультета. Все студенческие профсоюзные организации университета возглавляло ВУЗПрофисполбюро (ПИБ). В масштабах города таким руководящим органом было горпрофстудбюро при городском совете профессиональных союзов [Там же. 18 апр.].

Факкомы просуществовали до февраля 1925 г. Они руководили студенческой частью предметных и методологических комиссий, принимали участие в подборе научных работников, руководили работой научно-медицинской секции на медицинском факультете и физико-математического кружка на физико-математическом факультете.

В период реорганизации профсекций факкомы были упразднены, а вместо них появились профкомы. Постоянно действующими органами профсекций, наряду с профкомами, стали профсоюзные делегаты (профделегаты).

Профделегаты избирались по одному от академической группы, состоявшей из 16 человек. Внедрение института профделегатов усилило массовость участия студентов в профработе. Профделегаты занимались взиманием членских взносов, через них студенты подавали заявления в профком, кассу взаимопомощи и т.д. Они также организовывали подписку на газеты и журналы, выявляли студентов, которые могли бы заняться культработой, регистрировали безработных, давали рекомендации вступающим в профсоюз, ходатайствовали о назначении на стипендию или получение ссуды [8. 28 окт.].

Таким образом, профделегаты являлись связующим звеном между рядовыми членами профсоюза и его руководящими органами в лице профкомов и вузпрофисполбюро.

Как протекала жизнь профсекций? Проиллюстрируем это на примере профсекции химиков. Она в сентябре 1925 г. объединяла 93 студента, 64 из них принимали участие в общественной работе, большинство из них вне вуза. 25 студентов были заняты работой в Доме заключенных, часть студентов работали на фабрике «Сибирь», в фармлаборатории и в Обществе содей-

ствия жертвам интервенции. Профсекция занималась также улучшением материального положения студентов, которые не получали стипендии. Последним выдавали бесплатные обеды. Был осуществлен учет безработных студентов, для которых подыскивалась работа [Там же. 19 сент.].

Обычно, через каждые 2 недели, по воскресеньям устраивались общие собрания профсекций. Часть членов профсекций была вовлечена в работу кружков рабклуба (рабочих клубов), занималась ликвидацией безграмотности среди членов союза путем индивидуального прикрепления ликвидаторов к неграмотным. Занятия проводились не менее 4 раз в неделю по 2 часа [17. 2 апр.].

Деятельность профкомов сводилась к проведению следующих мероприятий: а) организационная работа (прием в члены, учет, общее направление, созыв собраний, связь с вышестоящими организациями и др.); б) экономическая работа (участие в распределении стипендий, кооперирование членов, учет и борьба с безработицей, снабжение льготными талонами на свет и воду); в) культработа (в клубах, детдомах, частях Красной Армии, внутри воспитательной работы в самом вузе – кружки, массовые постановки и ряд других мероприятий); г) академическая работа.

Исполбюро профсекций университета периодически созывало собрания как всего вуза, так и по факультетам и курсам, регулярно заслушивало отчеты низовых студенческих профсоюзных органов. О работе профисполбюро ТГУ можно составить представление из материалов обследования последнего горстудбюро в феврале 1928 г. [19. С. 27–32].

ПИБ состоял из 7 членов и 2 кандидатов. Среди членов были 2 партийца, 4 члена ВЛКСМ и 1 беспартийный. Председателем ПИБа был студент 3-го курса медицинского факультета Карасев. Его заместителем являлся студент 3-го курса того же факультета Лапченко. Академическим отделом заведовал студент 4-го курса медфака Чернаков. Экономический отдел возглавлял студент 4-го курса того же факультета Турченко. Студент 2-го курса медфака Кутузов заведовал культотделом. Членами ПИБа являлись также студенты 3-го курса физико-математического факультета Раузин и Кравченко (от химиков) [Там же. С. 28].

Кандидатами в члены ПИБа были студент физико-математического факультета Колесников, который одновременно был казначеем и помощником заведующего экономотделом, и Богоявленский, занимавший должность помощника заведующего академотделом.

Связь с горстудбюро (ГСБ) осуществлялась путем получения от последнего директивных указаний. Кроме того, к ПИБу ТГУ был прикреплен член горстудбюро. Наиболее важные вопросы согласовывались с ГСБ.

Члены профкомов посещали заседания ПИБа и согласовывали все важные вопросы с последним. Планы профкомов просматривались ПИБом. Профкомы присылали все свои протоколы. ПИБ заслушивал на своих

заседаниях отчеты академработников и культработников по отдельным вопросам.

Профкомы осуществляли учет общественно-активного студенчества. Однако, как отметила проверявшая работу университетского ПИБа комиссия, «особой работы с активом не велось. Собирались лишь общеузовский актив по отдельным вопросам». Учет академической успеваемости актива позволял ориентироваться при распределении общественных нагрузок [Там же. С. 28].

В итоговом документе по материалам обследования ПИБа ТГУ указывалось на неудачный выбор профделегатов. Отмечалось, в частности, что их состав был обновлен незначительно. Большинство профделегатов остались прежними. Некоторые группы не хотели переизбирать своих делегатов. В то же время на медицинском факультете был создан институт профуполномоченных по курсам, избираемых на курсовых собраниях. Профуполномоченные руководили профделегатами на курсе, проводили профделегатские собрания на курсе и факультете.

Вопросы, которые ставились на профделегатских собраниях, включали различные стороны жизни вуза: академическую успеваемость и повышение качества учебы; подписка на заем индустриализации; распределение стипендий и т.д. [Там же. С. 29].

Культкомиссия профисполбюро, помимо проведения разного рода культурных мероприятий (вечера, концерты, походы в кино, театр и т.п.), занималась также организацией спортивно-массовой работы. В ТГУ был организован физкультурный кружок. Самыми многочисленными, как отмечалось в акте обследования работы ПИБа ТГУ, были лыжная секция (122 человека) и гимнастическая (50 человек). Гимнасты выступали с показательными упражнениями на студенческих вечерах. Однако не хватало спортивного инвентаря. По предложению ГСБ была открыта секция тяжелой атлетики. Студенты медицинского факультета занимались изучением физического состояния студентов. Культкомиссия оказывала помощь стрелковой секции, насчитывавшей более 50 человек и созданной при ячейке ОСОАВИАХИМа. ПИБом поднят вопрос о включении физкультуры в учебный план. Была составлена комиссия из военрука, представителя от культкомиссии, которая занималась разработкой сметы [Там же].

По линии культкомиссии в университете проводились различные вечера. Они, как правило, увязывались с революционными и памяtnыми датами: вечер памяти Ленина, Октябрьское торжество, X годовщина Красной Армии, заем индустриализации и т.п.

Культурной комиссией ПИБа была организована встреча Нового года. Представляли интерес и такие мероприятия, как вечера «спайки» и художественной самодеятельности. Вечера обычно завершались танцами и играми [Там же. С. 30].

С участием ПИБа в ТГУ выпускалась стенгазета. Уполномоченный от профсоюзной организации Лит-

вин занимался подпиской на периодические издания. Студентами на 1928 г. было выписано 14 экземпляров журнала «Красное студенчество», 388 экземпляров газеты «Красное знамя», 207 экземпляров центральных газет, 46 экземпляров других изданий. Всего было выписано 655 экземпляров [Там же. С. 29].

ПИБ руководил также работой экскурсионного бюро. Только в 1925/26 учебном году университетские музеи посетили 18 000 человек, а в 1926/27 учебном году – 22 000 человек. С октября 1927 г. по январь 1928 г. в университетских музеях побывали 9 986 человек. Из посетивших музеи преобладали красноармейцы [Там же. С. 29].

Профсоюзы вели работу в общежитиях через жилищные комиссии профкомов. Так, за общежитие ТГУ, расположенное на ул. Белинского, отвечал профком Рабпрос, на ул. Ленина – Медикосантруд. Большой популярностью пользовались организованные в общежитиях диспут-клубы и вечера. Имелись шахматно-шашечные кружки. Что касается спортивного инвентаря в общежитиях, то он был скуден: имелось всего по 4 пары лыж.

ТГУ вплоть до середины 1930-х гг. был плохо обеспечен местами в общежитиях. В малоприспособленных для этой цели домах проживали всего 213 человек из расчета 4,3 м³ на человека. Плата за общежитие составляла 1 руб. 50 коп. в месяц. Причем правление ТГУ поднимало вопрос о повышении платы до 2 руб. 50 коп., но экономкомиссии Вузпрофисполбюро удалось отстоять прежнюю стоимость проживания [Там же. С. 30].

Наряду с этим профсоюзные органы занимались устройством безработных студентов, кассой взаимопомощи, кредитованием студентов, подпиской на займы и т.д.

Одним из важных направлений в работе профсоюза была академическая учеба. Академкомиссия состояла из председателя – члена ПИБа, студенческого представителя в деканате, академработников профкомов и представителей научных кружков. Академработник принимал участие в совещаниях при проректоре по студенческим делам.

Учебно-методологическая работа в ТГУ находилась в ведении учебно-плановой комиссии из двух студенческих представителей, а на факультетах ею занимались методологические бюро, руководившие предметными комиссиями, создаваемыми на факультетах. В состав методологического бюро входили представители деканата и 5 студентов [Там же. С. 31].

В орбиту деятельности профорганов попал и институт студентов-выдвиженцев. Они участвовали не только в обсуждении кандидатур, но и способствовали освобождению студентов-выдвиженцев от общественной работы, обеспечению их стипендиями. Важное место отводилось рационализации учебной нагрузки, учету бюджета времени студента, повышению успеваемости [Там же].

Если говорить о работе профсекций вне вуза, то ее можно проиллюстрировать на примере самой многочисленной в 1920-х гг. в ТГУ профсекции «Медсантруд». В марте 1925 г. в нее входили до 900 человек. Основная масса студентов была занята культработой в 17 красных уголках коллективов МСТ. Более 100 человек были заняты работой в добровольных обществах (МОПР, ОДВФ и др.) [8. 25 марта].

Однако самостоятельность студенческих профсоюзных организаций была далеко не полной. Дело в том, что влияние коммунистической партии на профсоюзы осуществлялось через коммунистические фракции в них, а через профсекции – и на беспартийное студенчество. Их отчеты регулярно заслушивались на собраниях ячейки и заседаниях бюро ячейки ВКП(б) ТГУ, там же и рассматривались кандидатуры в руководящие профсоюзные органы.

Так, на заседании исполнительного бюро коммунистической ячейки университета, состоявшемся 9 марта 1923 г. и обсуждавшем вопрос о работе среди беспартийных масс, было решено активизировать ее не только «среди рабочих университета путем активной работы в месткоме», но и «среди беспартийного студенчества путем активной работы коммунистов в профсекциях, кассе взаимопомощи и научных кружках». В качестве ответственной за руководство работой в профсекциях, кассе взаимопомощи, месткоме, обкультвузе» была утверждена студентка-коммунистка Волкова [19. С. 21].

На заседании исполнительного бюро той же ячейки университета, проходившем 19 апреля 1923 г., были намечены кандидатуры от партячейки в бюро профсекций. Причем намечаемые представители должны были быть не обязательно членами партии, но пользоваться ее поддержкой. Так, для усиления партийного влияния в профсекции Всемедикосантруд в нее были переведены коммунисты Баклан (из профсекции Рабпрос) и Шварц (из профсекции совработников) [Там же. С. 23].

На заседании исполнительного бюро коммунистической ячейки университета от 7 октября 1923 г. рассматривался вопрос о формировании академических и профессиональных органов на новый учебный год. Были намечены следующие кандидатуры. В состав факультетского бюро профсекции при медфаке Альтгаузен (председатель), Цветков (беспартийный), Файбушевич, Ходанов и Гинзбург-Юдкина (беспартийная).

В состав общеуниверситетского бюро профсекций были рекомендованы (беспартийный) Тронов с физикоматематического факультета, (беспартийный) Васильковский и Сысоев с медицинского факультета. Кроме того, бюро партячейки постановило ходатайствовать перед рабфаком в числе двух представителей от этого факультета выдвинуть кандидатуру Букина с тем, чтобы он был избран председателем общеуниверситетского профисполбюро. Представителем от рабфака в кандидаты была предложена Платонова. От того же факультета для работы в месткоме университета были выдвинуты Шустер и Опрелков [Там же. С. 24, 25].

На заседаниях комфракций предварительно рассматривали вопросы, выносившиеся затем на обсуждение профсекций. Они касались как подбора кандидатов на руководящие должности в профсоюзных органах, в состав предметных комиссий, так и назначения стипендий, предоставления различных льгот и т.п.

Так, на заседании комфракции профкома МСТ ТГУ, состоявшегося 27 мая 1927 г., в повестке дня был пункт «О льготах на проезд студентам на летние каникулы». В ходе рассмотрения этого вопроса выяснилось, что профкому для студентов-медиков, отъезжающих на каникулы, было выделено 80 льготных билетов». В протоколе записано: «...мы должны строго разобраться, кому даем. Прошлый год у нас был установлен следующий порядок: в первую очередь рабфаковцы, партийцы и комсомольцы, а затем все остальные». В итоге обсуждения постановили: «Выдавать льготы в первую очередь студентам старших курсов, причем 50% льготок должно упасть на членов партии и комсомола, а 50% на б/партийных» [20. Л. 15].

На состоявшемся в начале сентября 1927 г. партийно-комсомольском совещании при профкоме МСТ ТГУ обсуждалась предстоящая предвыборная кампания. Постановили до 15 сентября провести по курсам предвыборные собрания, а перед делегатским собранием проработать вопрос об избирательной комиссии [Там же. Л. 16].

Наряду с комфракциями вопросы профсоюзной жизни нередко рассматривались и на заседаниях бюро ячейки ВКП(б) ТГУ. Так, на заседании бюро, состоявшемся 26 августа 1927 г., был заслушан отчетный доклад о работе ПИБа, который сделал председатель Корочкин [21. Л. 54].

Бюро партячейки 27 сентября того же года рассмотрело вопрос о кандидатах в новый состав ПИБа и профкома Медикосантруд [Там же. Л. 61].

Партийная организация играла решающую роль в решении многих проблем, в том числе и касающихся профсоюзной жизни, нередко лишая профсоюзы инициативы. Поэтому члены профсоюза, основная масса студенчества, проявляли мало заинтересованности в том, чтобы принимать участие в жизни вуза.

В результате кажущаяся солидарность беспартийного студенчества с партией и с руководящими звеньями профсекций зачастую оказывалась показной. Так, студенчество, хотя и голосовало за предложения партии, откликалось на лозунги ее и профсоюзов, но в то же время «вне вуза думало и говорило совершенно другое». Объяснение этому содержится в информационной сводке о состоянии ТГУ за июль–декабрь 1926 г. В ней, в частности, говорится: «Здесь сказывается работа 1920 г. – методы революционной работы, а также и то, что руководители профсекции в настоящее время иногда недостаточно выслушивают предложения беспартийного студенчества, мало обращают внимание на проведение мероприятий – запросов, выдвигаемых низовым студенчеством, недостаточно прислушиваются к голосу массовика – студента. Вслед-

стве указанных отрицательных сторон профсекций есть мнение среди студенчества, что профкомы – бюрократические казенные органы, не полностью выражающие мнение студенчества» [5. Л. 7].

На состоявшейся в 1925 г. городской студенческой конференции, а она начала свою работу 14 ноября в актовом зале ТГУ, в развернувшихся прениях по докладом председателя горстудбюро Кутузова «О работе горстудбюро» и Болохова «О ближайших задачах студорганов» среди недостатков в работе горстудбюро отмечалось, что «в профсекциях студенческие массы слабо привлекались к активному участию в работе и нарушался принцип профсоюзного демократизма». Выступавшие также указывали на то, что «зачастую на выборах руководящие органы навязывали массам кандидатские списки», а выбывшие члены профсекции и даже профисполбюро заменялись людьми по назначению свыше. В связи с этим конференция «твердо решила бороться с назначением свыше, чтобы предоставить право выборов и смену выбранных работников самим студенческим массам» [8. 18 ноя.].

На конференции присутствовали с правом совещательного голоса представители студенчества, не состоявшие в профсоюзах, процент которых насчитывал в томских вузах до 23%. Конференция высказалась за «широкое вовлечение в общественную работу не стоящего в союзах студенчества, вовлекая наиболее активных в профессиональные организации» [Там же].

Большую озабоченность вызвала и перегрузка студентов общественной работой, что отрицательно сказывалось на учебе. Конференция ратовала за то, чтобы выполнение общественных нагрузок не отнимало у членов профсекций больше 6 часов в неделю. Студентов же, которые выполняли ответственную общественную работу, отнимавшую больше 6 часов, решено было на время заменять, чтобы они могли наверстать упущенное в учебе.

Выступавшие на конференции обратили внимание на общую низкую успеваемость в томских вузах, доходившую до 55%, и объясняли это не только перегрузкой общественной работой, но, главным образом, недостаточной материальной обеспеченностью студенчества,

поддержке которого необходимо было уделять больше внимания со стороны партийных и государственных органов. В целях повышения уровня подготовки будущих специалистов предлагалось усилить работу научно-технических кружков, увязав ее с производством. Причем эту работу решено было проводить совместно с профсоюзной организацией научных работников – СНР. Не забыла конференция и о важной функции советских профсоюзов – проводить политико-воспитательную работу. Делегаты конференции, отметив «недостаточное знакомство студенчества с вопросами текущей политики, неподготовленность для политико-воспитательной работы в рабочих массах», высказались за расширение внутривузовской сети секторов и кружков [Там же].

На это же нацеливали студенческие профсоюзные организации и принимавшиеся в те годы партийные постановления. Так, в январе 1925 г. ЦК ВКП(б) по докладу комиссии оргбюро ЦК по вузам принял ряд постановлений по вопросам высшей школы: о партработе в вузах, структуре, взаимоотношениях и задачах студенческих организаций и о ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством [22].

Рассматривая в целом историю становления студенческих органов самоуправления в 1920-х гг. на примере ТГУ, следует отметить, что различные стороны жизни студенчества и в значительной степени самого вуза были в те годы связаны не только с партийными и комсомольскими, но и с профсоюзными студенческими организациями. В отличие от малочисленных на то время партийной и комсомольской организаций, стремившихся оказывать максимальное влияние на деятельность профсоюзных организаций, именно последние стали формой объединения значительной массы студенчества. С ними были тесно связаны не только академическая, но и другие стороны жизни вуза. Они решали не только вопросы материального обеспечения студентов, их культурного досуга и отдыха, но и активно действовали на академической стезе, курировали работу научных, спортивных кружков, занимались вневузовской работой и т.д. Опыт самоорганизации студенчества, накопленный в 1920-е гг., может быть востребован и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
2. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 478 с.
3. Томский университет. 1880–1980. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1980. 431 с.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 143.
5. Центр новейшей документации Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 330.
6. Знамя революции (Томск). 1919.
7. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.
8. Красное знамя (Томск). 1925.
9. От редакционного коллектива Студенческого социалистического о-ва // Известия советов студенческих старост г. Томска. 1918. № 1 (апр.). С. 12–13.
10. Сибирский коммунист (Томск). 1920.
11. Красное знамя (Томск). 1926.
12. За советскую науку (Томск). 1973.
13. Знамя революции (Томск). 1920.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-815. Оп. 1 Д. 165.
15. Знамя революции (Томск). 1921.
16. Красное знамя (Томск). 1923.

17. *Красное знамя* (Томск) 1924.
18. *ЦДНИ ТО*. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4.
19. *История профсоюзной организации Томского университета в документах и материалах (1905–2005)* / под. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 218 с.
20. *ЦДНИ ТО*. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1.
21. *ЦДНИ ТО*. Ф. 115. Оп. 2. Д. 12.
22. *О работе ячеек РКП(б) высших учебных заведений: Материалы совещания вузовских ячеек при ЦК РКП(б) 25–27 февраля 1925 г.* М. : Изд-во ЦК РКП(б), 1925.

Fominykh Sergey F. E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru, Shandala Daniil E. E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

FORMING THE INSTITUTIONS OF STUDENT SELFGOVERNMENT IN THE 1920S: ON THE MATERIALS OF TOMSK STATE UNIVERSITY.

Keywords: Tomsk State University; high school; students; institutions of student selfgovernment; trade unions; party; komsomol.

On the basis of archival sources (reports, certificates, protocols of meetings of party and trade union bodies) and periodicals there is reconstructed the history of the forming institutions of student selfgovernment at Tomsk State University in the 1920s. It is noted that attempts to create student organizations were taken soon after the release of Tomsk on whites. Initiative was showed by a few students communists and then komsomol ones. Efforts and attempts to revive the fraternities. Form of grassroots student organizations had become subject commissions which took an active part in the reform of curricula, teaching methods, teachers elections through competition, etc. The students were presented in the board of the university too. At the same time, the increased participation of students in the management of university was met by professors with resistance. One of the most effective forms of student government became trade unions. Trade union organizations more clearly and objectively reflected the composition of the student at the time. Initially, it looked as follows: 1) profsections; 2) faculty committees; 3) the trade union executive bureau. During the period of reorganization of profsections, faculty committees were abolished and instead there appeared trade union committees. Profsections permanent representatives along with the trade union committees became steel union delegates. The article deals with the various activities of student union organizations, covering all aspects of life of the university: academic performance and improvement of the quality of learning; subscription on the industrialization loan; distribution of scholarships and places in hostels, cultural and sports activities, literacy, patronage, etc. At the same time, according to documents, student independence of trade unions was far from complete. The students were under active control of communist fractions. The party organization played a crucial role in deciding many problems including trade union life, depriving trade unions initiative that ultimately played a negative impact on their work. Union members, the majority of students, showed little interest in participation in the life of the university. As a result, the apparent non-partisan solidarity with the party of students and managers were often negative in the work of profsections. There was concluded that in contrast to the minority at the time of the party and komsomol organizations aimed at providing the maximum impact on the activities of trade unions, it was the latter which began to form associations of considerable mass of students. The experience of self-organization of students gained in the 1920s., can be claimed today too.

REFERENCES

1. Rozhkov A. *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [Among the peers. The life of a young man in the Soviet Russia of the 1920s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 640 p.
2. Zaychenko P.A. *Tomskij gosudarstvennyj universitet im. V.V. Kuibysheva. Oчерki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955)* [Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University for 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1960. 478 p.
3. *Tomskij universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980.]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1980. 431 p.
4. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1053. List 1. File 143. (In Russian).
5. The Center for the latest documentation of the Tomsk region (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 330. (In Russian).
6. *Znamya revolyutsii* (Tomsk), 1919.
7. *Kratkij istoricheskij oчерk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical sketch of Tomsk State University for the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk, 1917. 544 p.
8. *Krasnoe znamya* (Tomsk), 1925.
9. Ot redakcionnogo kollektiva Studencheskogo sotsialisticheskogo O-va [From the editorial staff of the Student Socialist Society]. *Izvestiya sovetoj studencheskikh starost g. Tomsk*, 1918, no. 1, pp. 12–13.
10. *Sibirskij kommunist* (Tomsk), 1920.
11. *Krasnoe znamya* (Tomsk), 1926.
12. *Za sovetskuyu nauku* (Tomsk), 1973.
13. *Znamya revolyutsii* (Tomsk), 1920.
14. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 165. (In Russian).
15. *Znamya revolyutsii* (Tomsk), 1921.
16. *Krasnoe znamya* (Tomsk), 1923.
17. *Krasnoe znamya* (Tomsk), 1924.
18. The Center for the latest documentation of the Tomsk region (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 4. (In Russian).
19. Fominykh S.F. (ed.) *Istoriya profsoyuznoj organizatsii Tomskogo universiteta v dokumentakh i materialakh (1905–2005)* [The history of the trade union organization at Tomsk University in the documents and materials (1905–2005)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 218 p.
20. The Center for the latest documentation of the Tomsk region (TsDNI TO). Fund 115. List 1. File 1. (In Russian).
21. The Center for the latest documentation of the Tomsk region (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 12. (In Russian).
22. *O rabote yacheek RKP(b) vysshikh uchebnykh zavedeniy: Materialy soveshchaniya vuzovskikh yacheek pri TsK RKP(b) 25–27 fevralya 1925 g.* [The work of the cells of the RCP (b) institutions of higher education: Proc. of the meeting of university cells at the RCP (b) February 25–27, 1925]. Moscow: TsK RKP(b) Publ., 1925.

УДК 061.62 (571.16)
DOI 10.17223/19988613/34/10

А.А. Колоколов, В.В. Лизунов, Г.П. Пономарева, А.А. Соловьев

ОМСКИЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС И ОБЪЕДИНЕНИЯ УЧЕНЫХ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Исследуются вопросы формирования омского научно-образовательного комплекса и объединения омских ученых в предвоенные годы. Подробно изложены события, связанные с созданием и деятельностью первых научных объединений, в частности – Омского Дома ученых.

Ключевые слова: возрождение культуры; развитие образования и науки; объединения ученых; Омский Дом ученых; секции.

В 1920-х гг. Омск трудно, но достаточно быстро преодолевал наследие Гражданской войны: разруху, нужду, болезни, безграмотность. Школы были закрыты, так как в них находились лазареты для тифозных больных и госпитали с ранеными. Потребовалось немало усилий местных Советов, чтобы освободить школы и начать в них учебу [1]. Началось возрождение культуры. Летом 1921 г. в Омске была организована первая в Сибири музыкальная школа, были открыты 12 молодежных, детских и национальных клубов и более 20 народных библиотек.

К концу восстановительного периода, в 1925–1926 гг., в школах обучалось уже 64,8% детей. В декабре 1919 г. начались занятия в сельскохозяйственном институте. В то время в нем было три факультета: агрономический, лесной и инженерный. В апреле 1920 г. ветеринарно-зоотехнический факультет сельхозинститута был преобразован в ветеринарно-зоотехнический институт. В августе следующего года был основан медицинский институт, который уже через три года произвел первый выпуск врачей. В это же время в Омске был открыт институт народного образования, впоследствии преобразованный в педагогический техникум.

В марте 1920 г. при сельхозинституте был открыт рабочий факультет, на котором осенью начали заниматься 546 человек. В этом же году были начаты занятия и в механико-строительном, сельскохозяйственном, педагогическом, художественно-промышленном, железнодорожно-строительном и музыкально-педагогическом техникумах.

В 1931 г. было принято постановление городского Совета «Об обязательном всеобщем начальном обучении детей от восьми до одиннадцати лет». По данным переписи населения Омска в 1938 г., в городе было 99,4% взрослого населения грамотных, этому в значительной мере способствовала широкая сеть городских и областных ликбезов [1].

В годы первых пятилеток значительно возрос промышленный потенциал Сибири. В 1930-е гг. среди городов Западной Сибири Омск занимал первое место по темпам роста численности населения: с 1929 по 1939 г. оно увеличилось в 1,6 раза [2. С. 161–173; 3]. Возрастала его роль не только в качестве транспортно-распределительного узла, но и крупного промышлен-

ного и культурного центра. В 1934 г. Омск вновь становится областным центром и опорным пунктом развития обширного региона, что также способствовало его развитию. Повышение административного статуса Омска привело к резкому росту городского населения в середине 1930-х гг. Так, если с 1932 по 1935 г. среднегодовой прирост населения Омска составлял не более 20 тыс. чел., то в 1935–1936 гг. число его жителей выросло сразу на 45 тыс. чел. [4. Л. 2].

Широкое развитие получили машиностроение и металлообработка. Именно в эти годы Омск из города полукустарной промышленности превратился в один из индустриальных центров России. В 1937 г. в Омске насчитывалось уже 107 государственных и кооперативных фабрик и заводов [5. С. 154–156].

В это время разрабатывались проекты, предусматривавшие реконструкцию и дальнейшее развитие сложившихся городов на новой градообразующей и социальной основе. В 1935 г. Новосибирским филиалом института «Горстройпроект» были составлены четыре варианта схем расширения территории Омска. В 1935–1937 гг. разработан генеральный план Омска, которым предусматривалось значительное уплотнение правобережной застройки [3].

Пополнение городского населения шло ускоренными темпами главным образом за счет вынужденной массовой миграции сельского населения, которое, вторгаясь в городскую среду, во многом нарушало историко-культурные традиции города как системы, зачастую превращая его в «большую деревню».

В таких условиях в сибирских городах, в том числе в Омске, все большее распространение получает гибридная культура. Согласно современным научным представлениям, гибридная (квазиурбанистическая, или квазигородская) культура возникает в составе культуры города как результат неполной и искаженной адаптации традиционной сельской культуры к новым условиям урбанизации.

Исследователи делают выводы о формировании в советских условиях особого типа культуры, возникавшей на базе промежуточных типов поселений, главным образом поселков городского типа и рабочих окраин больших городов, которые характеризуются термином

«слобода». Типичными образцами «слободской» (или гибридной) культуры являлись рабочие окраины Омска, например такие, как Порт-Артур [6. С. 42].

В 1930-е гг. были закрыты и разрушены многие храмы, которые на протяжении столетий были системообразующими элементами городской социокультурной среды. Возникла потребность в создании широкой сети новых культурных учреждений, обостренная притоком сельского населения в города, поэтому происходит значительный рост числа таких очагов культуры, как клубы и учреждения клубного типа. С 1934 по 1939 г. их количество в Омске увеличилось более чем в 2 раза. В 1939 г. в городе действовало более 30 клубных учреждений, обеспечивавших около 1 млн посещений [7].

Большую роль в просвещении и адаптации «новых горожан» в эти годы играли библиотеки. Число массовых библиотек увеличилось с 9 в 1932 г. до 39 в 1940 г. Развивается кинематограф, увеличивается число киноустановок, растет количество театров. Происходит расширение социально-культурных функций города и городской среды.

Об этом свидетельствует и изменение структуры занятого населения. В просвещении, науке, искусстве численность занятых, по данным демографических переписей населения 1920 и 1939 гг., выросла в 5,5 раза, а удельный вес среди занятого населения – с 5,1 до 9,7%. Омск становится одним из ведущих культурных центров Сибири [8. С. 168–170].

К концу 1930-х гг. в Омске значительно расширяется сеть высших учебных заведений, город превращается в крупнейшую кузницу кадров в регионе. К сельскохозяйственному, ветеринарному и медицинскому институтам прибавились Сибирский автомобильно-дорожный институт (СибАДИ), Омский институт инженеров транспорта (ОИИТ), Омский педагогический институт, Сибирский астрономо-геодезический институт и Вторая Западно-Сибирская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (с двумя отделениями – для руководящих работников МТС, совхозов и колхозов, а также для районных партийных и советских организаций) [9].

Омск закрепил за собой репутацию одного из *крупнейших вузовских центров за Уралом*. В 1938 г. на каждую тысячу жителей Омска приходилось 35 студентов, в то время как в 1923 г. – только 3 [10. С. 41]. В эти же годы Омск превратился в *крупный научный центр*, где наибольшее развитие получила сельскохозяйственная, медицинская и биологическая наука. В 1928 г. было открыто Сибирское отделение почвенного института, в 1930 г. организована зональная станция молочного хозяйства.

В годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) в Омске уже работали 15 научных учреждений, в которых вели исследования около 250 научных работников. Во второй пятилетке (1933–1937 гг.) значение Омска как научного центра возрастает. Преобразование Западно-Сибирской опытной станции, согласно постановлению ВАСХНИЛ

в 1931 г., в крупнейший в стране научно-исследовательский институт зернового хозяйства (СибНИИСХоз) значительно укрепило омскую науку. В 1939 г. в 16 лабораториях и на опытных полях института трудились 224 научных работника.

Значительный объем научно-исследовательских работ выполнялся в омских вузах, в которых трудились крупные ученые. Имена многих из них были известны не только в стране, но и за её пределами. В довоенные годы Омск был одним из немногих научных центров за Уралом, высшим учебным заведением которого было предоставлено право приема к защите кандидатских и докторских диссертаций по ряду отраслей научных знаний [10. С. 41].

В соответствии с Отчетом Обкома союза работников высшей школы и научных учреждений от 13 июля 1939 г. в то время в Омске было 37 профессоров, 138 доцентов, 68 старших научных работников, 115 ассистентов, 88 младших научных работников, 44 аспиранта и 98 прочих научных работников [11. С. 276–278; 12. Л. 10–13]. Из них за 1937–1939 гг. защитили диссертации и получили ученые степени: докторов – 9 чел., кандидатов наук – 55 чел., получили ученые звания: профессоров – 12 чел. (32% всего состава), доцентов – 58 чел. (42%), ассистентов – 65 чел. (52%). Один из ведущих омских ученых – профессор Н.В. Цицин – был избран действительным членом Академии наук СССР.

На научно-исследовательскую работу в 1937 г. в Омской области было выделено из бюджета около 1 млн руб., а в 1938 г. – свыше 2 млн руб., однако из 200 тем в 1938 г. план был выполнен только по 125 темам и на 30% средства остались нереализованными. В связи с этим ассигнования на научно-исследовательскую работу в 1939 г. были снижены.

В соответствии с Отчетом Омского горкома ВКП(б) от 5 апреля 1940 г. в 1940 г. в Омске было 7 вузов и 17 техникумов, которые за последние 5 лет дали стране 4 350 специалистов высшей и средней квалификации [13. С. 288–294]. В вузах учились 5 514 студентов, трудились 564 научных работника, ученую степень доктора наук имели 26 человек. Однако в вузах ощущался острый недостаток преподавательского состава.

На Всесоюзной сельхозвыставке от омских вузов и научно-исследовательских институтов участвовали 35 научных работников. В главном павильоне «Зерно» был организован специальный стенд для пшенично-пырейных гибридов доктора сельхознаук, профессора Н.В. Цицина. Сельхозинститут представил на выставку плоды стелющихся садов – достижения доктора сельхознаук, профессора А.Д. Кизюрина. Научно-исследовательский институт зернового хозяйства участвовал в выставках в Париже и Нью-Йорке и был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В сфере образования была поставлена задача осуществления обязательного всеобщего среднего обуче-

ния, роста числа школ и учащихся всех ступеней. Охват всеобщим вырос с 33,6 тыс. человек в 1938 г. до 36,1 тыс. человек в 1940 г. Если в 1937 г. в Омске было 12 средних школ, то в 1940 г. – 17, и в 1941 г. планировалось открыть ещё 2 школы. В школах города работали 1 087 учителей, но из них только 213 имели высшее образование, а 258 не имели среднего педагогического образования. Ставилась задача повысить уровень квалификации и качество работы учителей, успеваемость учащихся [13. С. 288–294; 14. Л. 34–37].

Значительную роль в подведении итогов и дальнейшей организации научной работы в Омской области сыграла III Областная научно-техническая конференция научных работников вузов и научно-исследовательских учреждений, проведенная в 1940 г. Областным комитетом Союза работников высшей школы и научных учреждений совместно с сектором культуры Обкома ВКП(б). Общее руководство конференцией осуществлял заместитель председателя Обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений А.П. Кузьмищев, в организационную комиссию входили: доцент А.Я. Вялых, профессор В.Н. Ручкин, инженер М.А. Дьячков, доцент А.В. Копырин, профессор П.А. Соколов и профессор А.Е. Ефимов. Редакционная комиссия по изданию тезисов конференции работала под руководством ответственного редактора – профессора К.П. Горшенина – и состояла из редакторов по секциям: агрономической – профессора Н.Н. Кулешова, социально-экономической – доцента В.П. Вахрушева, зооветеринарной – профессора В.А. Цинговатова, медицинской – профессора П.А. Соколова, инженерно-технической – заведующего кафедрой механизации сельского хозяйства С.В. Башкирова [15].

Уже в 1920-е гг. в Омске делаются попытки создания различных объединений ученых. В 1925 г. профессор А.И. Акаевский, подводя итоги работы в этом направлении («организоваться, сплотиться, чтобы одной тесной, дружной работой войти в общественную жизнь Омска», необходимость чего хорошо осознавалась научными работниками омских вузов), указывает на неудачный опыт организации «ОРНАЛИС», имевшей своей целью объединить работников науки, литературы и искусства. Эта организация просуществовала недолго [16]. Другой подобной попыткой было создание Омской комиссии по улучшению быта ученых (ОмКУБУ), задачей которой было улучшение быта омских ученых, что выражалось в продовольственном и коммунальном обеспечении и не могло удовлетворить духовные потребности и профессиональные стремления научных работников. Губернский отдел Рабпроса, идя навстречу научным работникам, поставил задачу организовать Секцию научных работников – СНР. После ряда заседаний с местными вузов 22 марта 1924 г. ими были выдвинуты представители профессорско-преподавательской коллегии, которым и была поручена организация секции. Второй задачей было установить тесную связь (или даже объединение) с ОмКУБУ. Пока вырабатывались детали сотрудничества и велись по этому по-

воду переговоры, «был получен из центра циркуляр о ликвидации КУБУ и слияния его с секцией» [17. С. 104].

С декабря 1927 по лето 1928 г. в крупнейших культурных и административных центрах Сибири – Омске, Новосибирске, Иркутске – прошли первые совещания работников вузов, учреждений, актива СНР, на которых были заслушаны сообщения о новой общественной организации ВАРНИТСО – Всесоюзной ассоциации работников науки и техники содействия социалистическому строительству [18]. Летом 1928 г. Центральное бюро ВАРНИТСО утвердило первое сибирское отделение ассоциации в Новосибирске – по сути это была инициативная группа. В течение 1929 г. инициативные группы, а затем отделения создаются в Омске (март), Томске (декабрь), Иркутске (февраль), Кемерово (январь–март), а также ячейки в городах Восточной Сибири – Верхнеудинске, Сретенске, Киренске.

В декабре 1930 г. в Новосибирске прошла 1-я краевая конференция ВАРНИТСО. Председателем президиума краевого совета был избран Г.П. Черемных, ответственным секретарем – А.Л. Азлецкий. Инициативные группы ВАРНИТСО состояли преимущественно из представителей научно-педагогической интеллигенции – профессоров и преподавателей вузов, руководителей местных секций научных работников. Например, в Омске в нее входили Л.С. Сливко, К.М. Гречищев, Г.Г. Петров.

В Омске, Новосибирске и других городах организация отделений ВАРНИТСО происходила по предложению партийных органов, инициатива снизу и направленная деятельность партийных органов удачно сочетались. Работа Омского отделения в целом складывалась успешно. Ячейки ВАРНИТСО были созданы в вузах города (сельскохозяйственном, ветеринарном, медицинском), в педагогическом техникуме, правлении Омской железной дороги, на сельскохозяйственной опытной станции и др.

С ноября 1931 по 1934 г. в Омске работал Дом науки и техники, объединявший ученых и инженеров, которые собирались для общения и отдыха, постановок художественной самодеятельности. Но в 1934 г. Дом науки и техники был передан военному учреждению, потом Комбанку, а в 1936 г. в нем разместился Дом пионеров [19]. Научные работники остались без помещения, актив растерян. В № 8–9 журнала «Высшая школа» за 1937 г. говорилось о необходимости строительства в Омске «специального здания под Дом Науки и Техники. Город сильно вырос как областной центр, и такой Дом Науки и Техники совершенно необходим» [20].

В письме-обращении к депутату Верховного Совета СССР (от Омского избирательного округа) Е.М. Ярославскому от Омского обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений говорилось, что «научные работники вузов, врачи, инженеры крайне разобщены, не имеют своего единого центра для повседневной политвоспитательной и культурно-

массовой работы, для ведения художественной работы, для культурного отдыха. Среди научных работников имеются крупные культурные силы, одаренные люди в области искусства: пения, музыки, живописи и т.д., не говоря уже об ораторах, лекторах, которые полностью не используются» [21].

В 1937–1938 гг. Областным комитетом Союза высшей школы и научных учреждений и Областным бюро секции научных работников проведена значительная работа по привлечению внимания «к такому большому политическому и культурному событию, как организация Омского Дома ученых». Вопрос ставился на общих собраниях научных работников с присутствием представителей партийных организаций, на Облбюро СНР, на 1-й конференции Союза высшей школы и научных учреждений Омской области. Вопрос о создании Дома ученых в г. Омске был включен в решение Всесоюзного съезда Союза высшей школы и научных учреждений. «Таким образом, – говорится в письме Омского обкома Союза в Центральный комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений, – такой назревший вопрос, как открытие Дома ученых, пройдя длительную стадию, получил окончательное оформление на съезде в Москве» [22].

В связи с решением съезда постановлением «Обкома ВКП(б) в лице секретаря тов. Лаврентьева» Дому ученых было выделено место в одноэтажном здании областного Дома партпроса (ул. Республики, дом 3) на правах «углового» жилья. Это здание было построено в 1859 г. До революции в нём размещалось Общественное собрание, оно было центром культурной жизни Омска, в его стенах рождалось много замечательных идей, повлиявших на экономическое и культурное развитие города. В первые годы советской власти здание занял парткабинет, затем – Коммунистический клуб [23]. Решение Обкома ВКП(б) о Доме ученых было принято в феврале, но отсутствие уведомления Обкома Союза и необходимость разработки сметы и договора с Домом партпроса задержало заключение договора до марта. Договор на 1938 г. (с возможностью пролонгации на 1939 г.) был подписан директором Омского областного Дома партийного просвещения Обкома ВКП(б) И.А. Котлячковым и Председателем комиссии по организации Дома ученых, уполномоченным Обкома Союза, доцентом Александром Ивановичем Баландиным (Омский медицинский институт), который в дальнейшем стал первым директором Дома ученых.

В соответствии с договором с апреля 1938 г. «Дом партпроса представляет ежемесячно не менее 3–5 раз все помещения для культурно-массовых мероприятий Дома ученых по плану, заранее составленному и согласованному», «выделяет одну комнату для постоянной работы кружков музыкального, хорового и одну комнату гостиную для непосредственного пользования научными работниками (с 8–9 часов вечера)», «представляет право посещения его научными работниками и членами семей во все дни за исключением

особо оговоренных случаев и закрытых собраний, устанавливая для посещения особый вид пропусков (билеты и членские книжки)», «обеспечивает обслуживание научных работников всеми своими возможностями: читальней, библиотекой, залами, кино, буфетом, сценой и пр.», «представляет место для правления Дома ученых» [24].

В соответствии с договором Дом ученых несет расходы по своему содержанию и работе: оплачивает содержание одного библиотекаря читального зала (в пределах ставки не выше 300 руб.), коммунальные расходы на отопление (40 кубометров дров), освещение (100 руб. ежемесячно), вносит 5 000 руб. на текущий ремонт помещения до конца 1938 г. и пр.

«Другие виды расходов, связанные с мероприятиями по Дому ученых и не укладывающиеся в рамки штатов Дома партпроса или требующие особой квалификации, производятся Домом ученых по своим сметам и статьям расходов». «Дом ученых имеет право проводить свои мероприятия согласно плана, включая концерты, постановки, семейные вечера», «...обязуется развернуть консультационную помощь инженерно-техническим работникам, стахановцам и рядовым рабочим по производственно-техническим вопросам, а также по вопросам культурно-образовательного характера, согласно плана», «имеет право проводить свою кружковую работу во всякое время открытия Дома партпроса по взаимной договоренности. Дом партпроса учитывает необходимость представления времени для работы и шумных кружков (пение, музыка) и выделяет одну специальную для этого комнату» [24].

15 апреля в Областном Доме партпроса состоялось организационное собрание, а 24 апреля 1938 г. – торжественное открытие Дома ученых Обкома союза и Облбюро секции научных работников Союза высшей школы и научных учреждений Омской области [25, 26]. Вступительную речь произнес председатель Обкома Союза доцент А.Н. Кузьмищев, профессор Л.А. Розеньер (Омский медицинский институт) сделала доклад о творчестве П.И. Чайковского, далее следовало концертное отделение по произведениям П.И. Чайковского: баркарола, скерцо и финал из 4-й симфонии, романсы, арии из опер, скрипичные произведения. Ответственным за организацию вечера был А.И. Баландин.

Обкомом союза и Облбюро СНР было создано «организационное ядро для разворачивания Дома ученых» – «комиссия из представителя Облбюро доц. Баландина А.И. и членов: доц. Вялых А.Я., доц. Смылова С.Л., доц. Жглинского И.А., проф. Вальзаментова, асс. Смирнова А.Н.», выделены средства (82 тыс. руб.) на развитие Дома ученых, составлен план работы (с апреля 1938 г.) с учетом разнообразных интересов его членов, образован актив Дома ученых – порядка 40–60 человек с использованием «актива, когда-то хорошо работавшего в Доме науки и техники» [22].

В 1938 г. работа Дома ученых строилась по следующим секторам:

1) партийного и марксистско-ленинского обучения и воспитания (в том числе – марксистско-ленинский университет Облбюро СНР, который до этого времени имел «случайное помещение», кружок текущей политики и консультации);

2) учебно-производственный (для производственников и инженеров, стахановцев, ударников путем постановки лекций, в том числе «кинолекций, что вполне возможно, т.к. установлено звуковое кино», докладов, консультаций, а также консультаций для молодых научных работников);

3) методической работы (доклады, лекции, консультации, вечера вопросов и ответов – для вузов, кафедр, отдельных научных работников и студентов, для других секторов Дома ученых, а также для Дома пионеров);

4) культурно-художественной и самодеятельной работы (драмкружок и художественного чтения, хоркружок, музыкальный, сольного пения и оперных постановок, танцевальный для взрослых и детей, шахматный, кино, лекции по вопросам живописи, культуры, истории и т.д.).

Вокруг кружков и секций создавались свои активы. Среди активистов Дома ученых – А.И. Овчинникова, пианистка (Сибирский автодорожный институт), К.С. Донченко (Музыкальное училище), М.К. Петерс (художник), проф. М.Д. Львов (Сибирский автодорожный институт), проф. В.А. Штаркер и проф. М.И. Киселев (Сибирский автодорожный институт) – скрипачи. Была группа руководителей оркестром и музыкантов, играющих на народных инструментах, актив певцов в составе 15 человек.

«Создался хороший актив докладчиков по вопросам музыки и даже определился известный особый интерес к отдельным композиторам: проф. Журавлев И.Н. (Омский педагогический институт) и доц. Иванов П.А. (Сибирский ветеринарный институт) – о Мусоргском М.П.; проф. Розеньер Л.А. – о Чайковском П.И. и Бородине А.П.; проф. Штаркер В.А. – о симфонической музыке; проф. Бугаев А.А. (Омский медицинский институт) – о Глинке М.И.; Донченко К.С. – об истории музыки и т.д.» [22].

В течение 1938 г. проводились тематические вечера, концерты, лекции для научных работников, производственников и партактива, методические доклады о методике преподавания химических дисциплин в вузах, о научно-исследовательской работе в вузах, вечера классической музыки, концерт оперно-вокальной и музыкальной группы, струнного квартета и симфонического оркестра, семейные вечера, кинолекции, тематические доклады с концертами, собрания актива Дома ученых.

Ввиду тесноты помещений и планирования выделения для Дома ученых 1 млн рублей Обком Союза предложил провести надстройку Дома партпроса («это одноэтажное здание совершенно не гармонирует с общим видом площади и соседними зданиями»). Надстройка будет стоить дешевле, чем строительство, здание будет

выправлено в фасаде и приобретёт до 2000 кв.м площади, которая пойдет на Дом ученых, что позволит ему развернуть работу. Просилась также дотация со стороны ЦК Союза Высшей школы и научных учреждений на оборудование и собственный инвентарь для Дома ученых (в том числе на мебель, пианино, радиоприемник, радиолу и пр.).

В эти годы г. Омск вообще имел мало «крупных помещений», а «культурный рост населения требует все новых учреждений, нужда в помещениях обострилась. В частности, острая нужда возникла в помещении для культурного отдыха детей, в связи с чем был создан Театр юного зрителя» [21]. Омский ТЮЗ «сначала работал в прекрасном железнодорожном клубе, правда, несколько отдаленном от центра, но здание и место для театра были прекрасными во многих других отношениях. Тем не менее 9 августа 38 г. Обком ВКП(б) вынес решение о переводе ТЮЗа в центр города и временно предоставил для ТЮЗа место также в Доме партпроса. Это создало большие трудности для работы Дом ученых».

«Работа же Дома ученых в условиях Омска особенно нужна, ибо город из общих культурных центров имеет только драмтеатр. Музыка бедно представлена в Омске, и Дом ученых являлся в этом отношении местом, где этот голод восполнялся, – сейчас мы этого лишены». «Нельзя ученых собрать на общее собрание, ибо в городе нет зала, где бы собралось столько людей, уже не говоря о собраниях семейного характера с докладами по вопросам истории, международного положения, искусства, музыки и т.д.» [Там же]. Поэтому Обком Союза обращался «с горячей просьбой» к Е.М. Ярославскому и в Центральный комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений с просьбой помочь:

«1. Получить в г. Омске временное, но конкретное и полноценное место для работы Дома ученых, уже имеющего актив, и желающих в нем работать, но не имеющего фактически места.

2. Добиться включения в лимит строительных объектов г. Омска в третью пятилетку обязательное строительство Дома ученых» [Там же]. Докладную записку аналогичного содержания Обком Союза направил в Обком ВКП(б).

В 1939 г. газета «Омская правда» опубликовала статью известного омского профессора Л.А. Розеньер под названием «В Омске должен быть Дом ученых» [27], которая актуальна и в настоящее время. В ней говорится о том, что в г. Омске – одном из культурных центров нашей страны, имеется «замечательный отряд советской интеллигенции», отдающей «все свои силы и знания на благо своей Родины», «советские ученые, живущие в Омске, вправе иметь свой клуб, где они могли бы культурно отдохнуть, встретиться друг с другом и обменяться мнениями, опытом своей плодотворной работы <...> неизвестно по каким причинам в план культурного строительства г. Омска строительство До-

ма ученых вовсе не включено. По нашему мнению, это ошибка, которую не поздно сейчас исправить. В Омске должен быть построен Дом ученых... На время строительства необходимо организовать работу Дома ученых в одном из старых помещений. В частности, есть возможность оборудовать Дом ученых в здании, принадлежащем Омскому военному училищу имени Фрунзе, тем более что командование училища против этого не возражает».

8 июня 1939 г. газета «Омская правда» перепечатала статью из газеты «Правда» за 5 июня 1939 г., в которой по ряду фактов делается вывод о том, что в Омской области обком и горком партии «к нуждам и запросам интеллигенции относятся с непонятным безразличием».

Несмотря на множество трудностей, проведение интересных лекций и докладов, музыкальных, литературных и театральных концертов и вечеров на различных площадках сделали Дом ученых центром не только научной, но и культурной жизни омской научной общности и интеллигенции. Это была новая форма общения, значительно отличающаяся от других и чрезвычайно необходимая. Разносторонний характер занятий и интересов участников обеспечивал взаимообогащение ученых и преподавателей, происходило сближение между специалистами, работавшими в разных областях, и тем самым создавалась возможность комплексного, всестороннего обсуждения и освещения различных проблем.

Наладились дружеские связи с представителями художественных кругов города. Благодаря этому в Доме ученых удавалось устраивать встречи со многими знаменитостями. Первый большой концерт пианиста К.С. Донченко состоялся в Доме ученых 12 мая 1938 г. и имел большой успех. На нем присутствовали свыше 400 человек. В программе концерта были произведения Листа, Шопена [28]. 13 мая 1938 г. в Доме ученых состоялось два спектакля приехавшего в Омск Московского центрального театра водного транспорта: «Забавный случай» Гальдони и «Воспитанницы» – Островского. 19 декабря 1938 г. прошел вечер-концерт, посвященный творчеству М.И. Глинки. Концерт проводился силами оперно-вокальной и музыкальной группы, струнного квартета и симфонического оркестра под управлением А.Н. Карасика – дирижера и композитора (с осени 1938 г. работавшего заведующим музыкальной частью и дирижером оркестра Омского драматического театра) [29]. Подобные тематические вечера-концерты стали регулярными.

При Доме ученых находился художественно-самостоятельный актив, подготовивший несколько дуэтов из опер «Князь Игорь», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», трио из оперы «Русалка» и квартеты вокальный и инструментальный под руководством профессора В.А. Штаркера [28].

В первый состав Омского Дома ученых (ОДУ) входили известные ученые, профессора, доценты, научные

сотрудники, ассистенты и аспиранты, писатели, деятели искусства, руководители вузов и др.

Александр Иванович Баландин (1891–1962) был председателем организационной комиссии по созданию Дома ученых и его первым директором, членом президиума обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений (кандидат медицинских наук с 1931 г., доцент Омского мединститута). Он закончил медицинский факультет Томского университета, одновременно учился в музыкальном училище, затем работал в Новосибирске, Самаре, Томске. Активно участвовал в деятельности Томского Дома ученых; обладая драматическим тенором, пел в любительском дубль-квартете, выступал в камерных концертах.

В мае 1932 г. он становится деканом вновь организованного педиатрического факультета Омского мединститута и доцентом кафедры социальной гигиены детей. К этому времени он был автором трех монографий: «Сибирская рабочая молодежь», «Здравоохранение в Ойротии», «Здравоохранение в Кемерово». Много лет подряд он был редактором стенной газеты института, председателем совета художественной самодеятельности, знал немецкий и французский языки, имел огромную личную библиотеку – прекрасное собрание медицинской, биологической, исторической, искусствоведческой и художественной литературы. В своих работах он делился богатым опытом в деле организации советского здравоохранения в Сибири, так как находился у истоков его становления в двадцатые годы.

В 1934 г. совместно с М.Г. Пантофелем он организовал из преподавателей мединститута, музыкального техникума и медицинских работников творческую группу, проводил тематические музыкальные вечера, впервые в Омске поставил в концертном варианте оперу Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Концерты сопровождалось докладами о музыке и композиторах профессора Л.А. Розеньер.

А.И. Баландин участвовал в литературно-музыкальных передачах «Советская интеллигенция», организованных Облрадиокомитетом. В годы войны, несмотря на интенсивную врачебную деятельность, активно выступал с концертами в госпиталях. В 1954 г. переехал в г. Новосибирск, работал доцентом кафедры организации здравоохранения Новосибирского медицинского института [30, 31].

Любовь Алексеевна Розеньер (1885–1956) работала в Омске с 1918 по 1944 г., сначала – заведующей Инфекционной больницы, а затем – заведующей кафедрой инфекционных болезней Омского мединститута. Она была прекрасным лектором, человеком высокой принципиальности, активным общественником, много сделала для Дома ученых. Кроме того, Любовь Алексеевна являлась членом правления общества детских врачей, делегатом Второго чрезвычайного съезда Советов и членом президиума съезда, председателем оргкомиссии. Она была награждена орденами Трудового Крас-

ного Знамени, «Знак Почета», двумя медалями и знаком «Отличнику здравоохранения». Л.А. Розеньер была организатором конференции «Женщины-ученые г. Омска», проходившей 12–13 марта 1937 г. [32].

В 1940 г. происходят изменения, касающиеся дальнейшей реорганизации Дома ученых: ОДУ объединяется с Клубом журналистов и писателей [19]. В газете «Омская правда» за 24 октября 1940 г. помещена информация о созданном в Омске Доме журналистов, писателей и ученых, первое время занимавшем небольшое помещение на нижнем этаже здания редакции «Омская правда» по ул. Ленина, 4 (зал на 150 человек и три комнаты) и находившемся в ведении областных комитетов союзов работников печати и высшей школы.

Устав новой организации предусматривал создание секций, удовлетворяющих различные профессиональные и культурные запросы работников печати и науки, устройство вечеров и лекций. Лекциям придавалось большое значение. Были проведены платные лекции Б.Ф. Леонова: «Система Станиславского и проблемы советского театра» (25 октября 1940 г.), «Основные черты диалектического метода» – лектора Татаренкова, лекции о международном положении, о Писареве и др.

Проводились художественно-культурная работа, литературные вечера, концерты силами самодеятельности, вечера отдыха. Например, 4 декабря 1940 г. состоялся вечер, на котором с докладом о Конституции выступил лектор Цепке, а 20 декабря этого же года – доцент пединститута П.Е. Петров с сообщением о своей работе над сибирским фольклором. При Доме журналистов, писателей и ученых работали секции, шахматные комнаты.

В годы Великой Отечественной войны работа Дома журналистов, писателей и ученых продолжалась. Он по-прежнему оставался местом, где встречались, устанавливали творческие связи, обменивались информацией научные работники разных специальностей. Осуществлялось культурно-бытовое обслуживание членов Дома. В целях всемерного содействия задачам обороны 26 декабря 1941 г. в помещении городского агитпункта (ул. Республики, 3) состоялось общее собрание ученых и инженерно-технических работников г. Омска, созванное по инициативе горкома ВКП(б) с повесткой дня: «О создании Омского объединения работников науки, техники и искусств», где было принято решение организовать объединение работников науки, техники и искусств города.

Заслуженные деятели науки, техники и искусств, профессора и доценты, доктора и кандидаты наук, инженеры, конструкторы, изобретатели в единодушно принятом ими решении заявили: «Каждый из нас обязуется, сверх очередной своей производственной работы, читать бесплатные лекции, давать консультации и инструктаж по вопросам рационализации, изобретательству, использованию геологических недр и производительных сил природы, по сельскому хозяйству и медицинской помощи» [33]. При объединении органи-

зуются секции: техническая, сельскохозяйственная, медицинская, геологическая, секция общественных наук и секция искусств. В избранный президиум объединения вошли: академик Б.М. Завадовский, видные деятели науки, техники и искусств.

В это непростое для омской науки время ученые продолжали читать лекции. Большое значение придавали лекциям на моральные, политические темы. 16 января 1941 г. состоялась лекция доцента пединститута С.Д. Добромыслова на тему: «О коммунистическом воспитании детей», 27 января 1942 г. профессор Г.А. Баткис выступил с лекциями на тему: «Фашистская фальсификация медицины», «Советская интеллигенция в Отечественной войне», был организован цикл лекций профессора Л.Я. Зимана: «Политическая карта мира». В чтении лекций принимали участие ведущие ученые города.

В 1942 г. была проведена научная медицинская конференция, имевшая оборонное значение и посвященная проблемам военной медицины. 31 октября этого же года состоялось общегородское собрание ученых и научных работников с повесткой дня: «Текущий момент и наши задачи» (докладчик – секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде Е.М. Тетерев).

Художественно-концертная деятельность сократилась, но продолжали действовать творческие вечера: поэта И. Коровкина с вступительным словом Л. Мартынова (11 января 1941 г.), вечер известного ученого и поэта П.Л. Драверта (25 января 1941 г.), собиравшие большое количество слушателей.

Организовывались встречи работников науки, техники и искусства с бойцами – командирами и политработниками РККА, проходили вечера обсуждения поэм, рассказов, например оборонных рассказов писателя Рахманова (19 мая 1941 г.). Незабываемыми были концерты известных театров страны, в том числе артистов театра им. Е. Вахтангова (в 1942 г.).

С целью изучения местных минеральных ресурсов и сельского хозяйства в объединении работников науки, техники и искусства в феврале 1942 г. было создано Бюро геолого-минералогической секции под руководством профессора П.Л. Драверта. Члены секции за короткое время дали около 30 консультаций, в частности по оценке обнаруженных в Омской области залежей озерного мела, имеющего большую ценность в качестве минеральной подкормки для сельскохозяйственных животных и заменяющего мел, который ввозился для этой цели с берегов Черного моря или из Белгорода. Секция принимала участие в подборе экспонатов для выставки местных строительных материалов, организуемой по решению исполкома областного Совета депутатов трудящихся.

В 1942 г. действовала сельскохозяйственная секция Омского объединения работников науки, техники и искусств в составе профессора А.П. Мацкевича (председатель, директор ОмСХИ), трех заместителей (К.П. Горлянина, В.А. Цинговатова, С.В. Башкирова) и ответственных секретарей – доцента М.В. Гошекина и

старшего научного сотрудника И.Х. Нанадопуло. Секция включала в план своих работ как прямое обслуживание совхозного и колхозного производства, так и проведение консультаций для организаций и всего населения города и области силами квалифицированных специалистов. На заседаниях секции были обсуждены и одобрены предложенный академиком Б.М. Завадовским и профессором И.Б. Ризга план мероприятий, направленный на укрепление и развитие птицеводства в Омской области и переданный в исполком областного Совета и Наркомзем РСФСР. Большое значение придавалось поднятию коневодства и развитию кролиководства в области.

Работниками науки, техники и искусства были приняты обязательства по установлению тесной связи с оборонными предприятиями и учреждениями и оказанию им всемерной помощи в успешном выполнении заказов фронта, широкому внедрению в практику результатов научно-исследовательских работ, развитию тематики, имеющей оборонное значение, организации помощи рационализаторам и изобретателям.

В годы войны в некоторых городах возникают комитеты ученых. В конце 1942 г. такой комитет создается и в Омске. Однако он не сумел объединить научных и научно-технических работников города, его деятельность носила более формальный характер в отличие от предшествующей научной организации [34]. Несмотря на это, научная общественность города продолжала вносить свой вклад в дело развития науки и культуры. По-прежнему велась лекционная работа. Профессором И.Н. Шуховым прочитаны 44 лекции на самые разные темы.

Проходили различные конференции в вузах города. В 1943 г. в Омском пединституте состоялась научная сессия Совета института, посвященная 300-летию со дня рождения И. Ньютона. Были заслушаны доклады «Ньютон и классическая механика», «Математические труды Ньютона» и другие работы [35]. Проведена конференция на тему: «Великие русские ученые и их вклад в мировую науку» (1945 г.). 16–17 мая 1945 г. прошла научная конференция, посвященная 100-летию со дня

рождения И.И. Мечникова. Возрождаются литературные четверги. Профессор Рабинович представил свою работу «Чехов и медицина» (9 октября 1944 г.). Прошли четверги с участием П.Л. Драверта, поэта Л. Мартынова, несколько заседаний было посвящено творчеству Л.Д. Ландау.

Не так давно ушли из жизни одни из последних участников этих памятных вечеров: Михаил Ефимович Бударин – доктор исторических наук, профессор, член Российского Союза журналистов и Омского отделения Русского географического общества, и Ольга Константиновна Михайлова – доктор экономических наук, профессор, действительный член Петровской Академии наук и искусств.

В послевоенные годы жизнь города постепенно входит в обычное русло. Возникают новые научно-исследовательские институты и учебные заведения, развиваются открытые ранее, действуют различные научные и научно-технические общества. Отметим, что в послевоенные годы в Омске работали 23 научно-исследовательских учреждения и 9 вузов, не считая вечерних и заочных филиалов и отделений вузов других городов страны. В них вели исследования 1 942 научных работника, среди которых было свыше 550 человек с учеными степенями и званиями, в том числе три академика и члена-корреспондента отраслевых академий наук, свыше 50 профессоров, около 400 доцентов и старших научных сотрудников [36].

В 1991 г. Омский Дом ученых возобновил свою деятельность, прерванную во время войны [37. С. 97–100]. В 2008 г. омская научная и образовательная общественность ярко отметила его 70-летие [38; 39. С. 420–423]. Однако, несмотря на то что город Омск стал «миллионником» и по численности населения является вторым городом в Сибири (после Новосибирска), Омский Дом ученых до сих пор не имеет своего помещения. Кроме того, в отличие от других городов, где дома ученых являются либо межвузовскими, либо академическими учреждениями, в Омске дом ученых является общественной организацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Образование* в Омске в 1920–30 годы. URL: <http://www.nashomsk55.ru/his/120-obrazomsk>, свободный.
2. *Очерки истории города Омска* / под ред. А.П. Толочко. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. Т. 2: Омск. XX век. С. 161–173.
3. *Оглы Б.И.* Строительство городов Сибири. Л., 1980.
4. *Государственный архив Омской области* (ГАОО). Ф. 2122. Оп. 4. Д. 218.
5. *Касьян А.К.* Омская промышленность в годы социалистической реконструкции (1926–1937 гг.) // Омская область за 50 лет. Омск, 1968. С. 154–156.
6. *Глазычев В.Л.* От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. М., 1988.
7. *Омская правда* (Омск). 1939. 22 ноя.
8. *Алисов Д.А.* Изменение численности населения городов Омского Прииртышья. 1917 – начало 1990-х годов (по материалам переписей населения и статистического учета) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 168–170.
9. *Сибирская советская энциклопедия*. Нью-Йорк, 1992. Т. IV. Стб. 163.
10. *Касьян А.К.* Советский Омск (1917 – июнь 1941 г.) // Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 г.). Омск, 1975.
11. *Из отчета* о работе Омского обкома союза работников высшей школы и научных учреждений с 1 января 1937 г. по 1 июня 1939 г. о подготовке научных кадров (13 июля 1939 г.) // Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 г.): сб. док. и матер. Государственного архива Омской области. Омск : Ом.отд-е Зап.-Сиб. кн. изд-ва, 1975. С. 276–278.
12. *Отчет* о работе Омского обкома союза работников высшей школы и научных учреждений с 1 января 1937 г. по 1 июня 1939 г. о подготовке научных кадров (13 июля 1939 г.) // ГАОО. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 4.
13. *Отчетный доклад* Омского горкома ВКП(б) на 8-й городской партийной конференции 5 апреля 1940 г. // Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 г.): сб. док. и матер. Гос. архива Омской области. Омск : Ом. Отд-е Зап.-Сиб. кн. изд-ва, 1975. С. 288–294.

14. Отчетный доклад Омского горкома ВКП(б) на 8-й городской партийной конференции 5 апреля 1940 г. // ГАОО. Ф.14. Оп. 11.
15. Тезисы и авторефераты научных докладов на III Областной научно-технической конференции научных работников вузов и научно-исследовательских учреждений. Омск : Обл. комитет Союза работников высш. шк. и науч. учреждений Омской области, 1940.
16. Акаевский А.И. Секция научных работников // Рабочий путь. 1925. 21 янв.
17. Сигутов П.Т. О формировании населения города Омска (1917–1939 гг.) // Межвуз. науч. конф. Мат-лы географ. секции. Омск, 1967.
18. Пыстина Л.И. Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири 20–30-е гг. / отв. ред. проф. В.Л. Соскин. Новосибирск : Наука, 1987. 220 с.
19. Маикарин М.И., Яшин В.В. Омское Прииртышье в истории одного дня: хроника событий XVI–XX вв. Омск : Диалог – Сибирь, 1999. 351 с.
20. Высшая школа. 1937. № 8–9.
21. Письмо 1938 г. Омского обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений (члена Президиума Обкома А.И. Баландина) депутату Верховного Совета СССР от Омского избирательного округа Е.М. Ярославскому // Архив Центра документации новейшей истории Омской области. Материалы Дома ученых (9569, 1, 8).
22. Письмо 1938 г. (апрель) Председателя Омского обкома Союза Кузьмищева, Председателя Облбюро секции научных работников союза высшей школы и научных учреждений Обкома союза ВШ и НУ Хруцкого и председателя комиссии по организации Дома ученых Баландина в адрес Центрального Комитета Союза высшей школы и научных учреждений // Архив Центра документации новейшей истории Омской области. Материалы Дома ученых (9569, 1, 8).
23. Девятярова И.Г., Селюк В.И. Прогулки по старому Омску. Омск : НТО «Феникс», 1991. 62 с.
24. Договор на 1938 год Омского областного Дома партийного просвещения Обкома ВКП(б) и Обкома Союза высшей школы и научных учреждений и Облбюро секции научных работников // Архив Центра документации новейшей истории Омской области. Материалы Дома ученых (9569, 1, 8).
25. Открылся Дом ученых // Омская Правда (Омск). 1938. 27 апр.
26. Программа открытия Дома ученых Обкома союза и Облбюро Секции научных работников союза высшей школы и научных учреждений. 24 апреля 1938 года // Архив Центра документации новейшей истории Омской области. Материалы Дома ученых (9569, 1, 8).
27. Розенбер Л.А. В Омске должен быть Дом ученых // Омская правда (Омск). 1939. 1 июня.
28. Омская правда (Омск). 1938. 17 мая.
29. Омская правда (Омск). 1938. 18 дек.
30. Таскаев И.И. У истоков здоровья Сибири. Омск : Изд-во ОГМА, 1997. 199 с.
31. Белокрыс М.А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – середина XX) : библиогр. словарь. Омск : Наследие ; Диалог – Сибирь, 2001. 192 с.
32. Омская правда (Омск). 1939. 6 янв., 11 мая.
33. Омская правда (Омск). 1941. 31 декабря.
34. Заподошникова А.Г. Очерки истории СибАДИ / под ред. Н.Г. Якушиной. Омск : Изд-во СибАДИ, 2000. 304 с.
35. Омская правда (Омск). 1943. 5 марта.
36. Омская правда (Омск). 1955. 16 фев.
37. Лизунов В.В., Колоколов А.А., Соловьев А.А. О роли Омского Дома ученых в формировании интеллектуального пространства // Материалы IV Всеросс. конференции «Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство XX века» (27–28 сентября 2000 г.). Омск : Институт российской истории, ОмГУ, 2000. Т. 1: Исследование интеллектуального пространства в XX веке: теория и практика.
38. Омский Дом ученых: встреча через десятилетия (к 70-летию Омского Дома ученых) / ред. совет: А.А. Колоколов (гл. редактор), В.В. Лизунов, А.А. Соловьев (заместители гл. редактора), О.А. Кутмина, Г.П. Пономарева, Л.П. Филиппова. Омск : Полиграф. центр КАН, 2008. 68 с.
39. Омский Дом ученых // Памятная книжка Омской области. Год 2008 : информ.-статист. сб. Омск : Омкстат, 2009.

Kolokolov Alexander A., Lizunov Vladimir V., Ponomareva Galina P., Solov'iev Anatoliy A. Omsk House of Scientists (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexander-kolokolov@yandex.ru

OMSK SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMPLEX AND ASSOCIATIONS OF SCIENTISTS IN THE PREWAR YEARS.

Keywords: Revival of culture; development of education and science; associations of scientists; Omsk House of Scientists, the sections.

The article is devoted to the problems of formation of Omsk scientific and educational complex and associations of Omsk scientists in the prewar years. During 1920-s, the city of Omsk hard but quickly overcame the consequences of the civil war: devastation, poverty, diseases, illiteracy. With the use of statistical data and historical approach authors show how the restoration of economy and the formation of industrial enterprises were accompanied by the creation of a system of primary, secondary and higher professional education, different scientific institutions. The article shows how by the end of the 1930-ies the network of higher educational institutions significantly expanded in Omsk: in addition to agricultural, veterinary and medical institutions appeared Siberian automobile and highway Institute, Omsk Institute of transport engineers, Omsk pedagogical Institute, Siberian astronomic and geodetic Institute and the Second West Siberian higher agricultural school. Omsk became one of the largest centers of higher education. In 1938 from every thousand inhabitants of Omsk 35 were students (in 1923 – only 3). During those years, Omsk became a major research center, where agricultural, medical and biological sciences got the greatest development. In the first five-year plan (1929–1932) there were already 15 research institutions in Omsk, where about 250 scientists conducted their researches. In the second five-year plan (1933–1937) the value of Omsk scientific center increased significantly. West Siberian experiment station in 1931 transformed into the country's largest research Institute of grain farming. In 1939 there were 224 scientists in 16 laboratories and experimental fields of the Institute. The article also presents the development of a new urban culture (including hybrid-suburb) in the context of rapid urbanization, the transformation of Omsk in a large industrial, cultural, educational and scientific centre of Siberia. The authors consider the details of the scientific and organizational events in Omsk and Siberia as well as problems of creation and operation of the first Omsk scientific associations, in particular the House of science and technology and Omsk House of scientists. The article describes the measures held by Omsk House of scientists, which had great influence on the cooperation of Omsk scientists, teachers and representatives of culture, the formation of Omsk scientific and cultural community. Special attention is paid to the activity of scientists, which had a key influence on the described events, in particular Alexander Ivanovich Balandin (1891–1962) and Lyubov Alexeevna Rosen-er (1885–1956). The situation in the post-war years also is briefly described.

REFERENCES

1. *Obrazovanie v Omske v 1920–30 gody* [Education in Omsk in 1920–1930]. Available from: <http://www.nashomsk55.ru/his/120-obrazomsk>.
2. Tolochko A.P. (ed.) *Ocherki istorii goroda Omska* [Sketches of the history of Omsk]. Омск: Омск State University Publ., 2005, vol. 2, pp. 161–173.

3. Ogly B.I. *Stroitel'stvo gorodov Sibiri* [Building the cities in Siberia]. Leningrad: Stroizdat Publ., 1980. 271 p.
4. The State Archive of Omsk Region (GAOO). Fund 2122. List 4. File 218. (In Russian).
5. Kasyan A.K. *Omskaya promyshlennost' v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii (1926–1937 gg.)* [Omsk industry in the years of socialist reconstruction (1926–1937)]. In: Gorbunov L.N. (ed.) *Omskaya oblast' za 50 let* [Omsk region for 50 years]. Omsk: West-Siberian Book Publ., 1968, pp. 154–156.
6. Glazychev V.L. *Ot sel'skoy kul'tury k urbanizatsii* [From rural culture to urban]. In: Orlova E.A. (ed.) *Kul'tura v sovetskom obshchestve* [Culture in Soviet society]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 191 p.
7. *Omskaya pravda* (Omsk), 1939, 22nd November.
8. Alisov D.A. *Izmenenie chislennosti naseleniya gorodov Omskogo Priirtysh'ya. 1917 – nachalo 1990-kh godov (po materialam perepisey naseleniya i statisticheskogo ucheta)* [The population change in the cities of Omsk Irtysh region. 1917 – early 1990s (based on the census)]. In: Tolochko A.P. (ed.) *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo kraevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii* [Problems of Historiography, Source Studies and Local History in a high school course of Russian history]. Omsk: Omsk State University Publ., 1995, pp. 168–170.
9. Azadovskiy M.A. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. New York, 1992, vol. IV, col. 163.
10. Kasyan A.K. *Sovetskiy Omsk (1917 – iyun' 1941 gg.)* [The Soviet Omsk (1917 – June 1941)]. In: *Iz istorii sovetskogo Omska (1917 – iyun' 1941 gg.)* [From the history of the Soviet Omsk (1917 – June 1941)]. Omsk: West Siberian Book Publ., 1975.
11. *Iz otcheta o rabote Omskogo obkoma soyuza rabotnikov vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy s 1 yanvarya 1937 g. po 1 iyunya 1939 g. o podgotovke nauchnykh kadrov (13 iyulya 1939 g.)* [Report on the Work of the Omsk regional union of workers in higher education and research institutions from January 1, 1937 to June 1, 1939 on the training of scientific personnel (13 July 1939)]. In: *Iz istorii sovetskogo Omska (1917 – iyun' 1941 gg.)* [From the history of the Soviet Omsk (1917 – June 1941)]. Omsk: West Siberian Book Publ., 1975, pp. 276–278.
12. *Otchet o rabote Omskogo obkoma soyuza rabotnikov vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy s 1 yanvarya 1937 g. po 1 iyunya 1939 g. o podgotovke nauchnykh kadrov (13 iyulya 1939 g.)* [Report on the Work of the Omsk regional union of workers in higher education and research institutions from January 1, 1937 to June 1, 1939 on the training of scientific personnel (13 July 1939)]. The State Archive of Omsk Region (GAOO). Fund 1712. List 1. File 4.
13. *Otchetnyy doklad Omskogo gorkoma VKP(b) na 8-y gorodskoy partiynoy konferentsii 5 aprelya 1940 g.* [The Report of the Omsk City Committee of the CPSU (b) on the 8th city party conference, April 5, 1940]. In: *Iz istorii sovetskogo Omska (1917 – iyun' 1941 gg.)* [From the history of the Soviet Omsk (1917 – June 1941)]. Omsk: West Siberian Book Publ., 1975, pp. 288–294.
14. *Otchetnyy doklad Omskogo gorkoma VKP(b) na 8-y gorodskoy partiynoy konferentsii 5 aprelya 1940 g.* [The Report of the Omsk City Committee of the CPSU (b) on the 8th city party conference, April 5, 1940]. The State Archive of Omsk Region (GAOO). Fund 14. List 11.
15. *Tezisy i avtoreferaty nauchnykh dokladov na III Oblastnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii nauchnykh rabotnikov vuzov i nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniy* [Proceedings and abstracts of scientific papers at the 3rd Scientific and Technical Conference of researchers of universities and research institutions]. Omsk: Omsk regional committee of the Union of workers in higher education and research institutions of the Omsk region Publ., 1940.
16. Akaevskiy A.I. *Sektsiya nauchnykh rabotnikov* [The scientists' section]. *Rabochiy put'*, 1925, 21st January.
17. Sigutov P.T. [On the formation of population in Omsk (1917–1939)]. *Mezhvuzovskaya nauch. konf* [Interuniversity Scientific Conference]. Omsk, 1967.
18. Pystina L.I. *Obshchestvennye organizatsii nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii Sibiri 20–30-e gg.* [Social organizations of scientific and technical intelligentsia in Siberia in 1920–30s]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 220 p.
19. Mashkarin M.I., Yashin V.V. *Omskoe Priirtysh'e v istorii odnogo dnya: khronika sobyitiy XVI–XX vv.* [The Irtysh Omsk in the history of a single day: a chronicle of the 16th – 20th centuries]. Omsk: Dialog Sibir' Publ., 1999. 351 p.
20. *Vysshaya shkola*, 1937, no. 8–9.
21. *Pis'mo 1938 g. Omskogo obkoma Soyuzu rabotnikov vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy (chlena Prezidiuma Obkoma A.I. Balandina) deputatu Verkhovnogo Soveta SSSR ot Omskogo izbiratel'nogo okruga E.M. Yaroslavskomu* [Letter of 1938 from Omsk regional Union of workers in higher education and research institutions (regional committee member of the Presidium A.I. Balandin) to the deputy of the Supreme Soviet of the USSR from Omsk constituency E.M. Yaroslavsky]. In: *Arkhiv Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti. Materialy Doma uchenykh (9569, 1, 8)* [Archive Documentation Centre of the Recent History of Omsk region. Proceedings of the House of Scientists (9569, 1, 8)].
22. *Pis'mo 1938 g. (aprel') Predsedatelya Omskogo obkoma Soyuzu Kuz'mishcheva, Predsedatelya Oblbyuro sektsii nauchnykh rabotnikov soyuza vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy Obkoma soyuza VSh i NU Khrutskogo i predsedatelya komissii po organizatsii Doma uchenykh Balandina v adres Tsentral'nogo Komiteta Soyuzu vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy* [Letter 1938 (April) from the Chairman of the Omsk regional Union Kuzmischev, Chairman of the Regional Committee of the section of scientific workers of higher education and research institutions Khrutsky and the Chairman of the organization of the House of Scientists Balandin to the Central Committee of the Higher Education and Research Institutions]. In: *Arkhiv Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti. Materialy Doma uchenykh (9569, 1, 8)* [Archive Documentation Centre of the Recent History of Omsk region. Proceedings of the House of Scientists (9569, 1, 8)].
23. Devyatyarova I.G., Selyuk V.I. *Progulki po staromu Omsku* [Walking through the old Omsk]. Omsk: NTO Feniks Publ., 1991. 62 p.
24. *Dogovor na 1938 god Omskogo oblastnogo Doma partiynogo prosvetsheniya Obkoma VKP(b) i Obkoma Soyuzu vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy i Oblbyuro sektsii nauchnykh rabotnikov* [The contract for the 1938 of Omsk Regional House of Party education of the CPSU (b) Provincial Committee and the Regional Committee of the Union of Higher Education and Research Institutions]. In: *Arkhiv Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti. Materialy Doma uchenykh (9569, 1, 8)* [Archive Documentation Centre of the Recent History of Omsk region. Proceedings of the House of Scientists (9569, 1, 8)].
25. *Otkrylysa Dom uchenykh* [The House of Scientists opened]. *Omskaya Pravda* (Omsk), 1938, 27th April.
26. *Programma otkrytiya Doma uchenykh Obkoma soyuza i Oblbyuro Sektzii nauchnykh rabotnikov soyuza vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy. 24 aprelya 1938 goda* [The program of the opening of the House of Scientists of the Regional Committee of Union and Regional Section, the Union of Higher Education and Research Institutions. April 24, 1938]. In: *Arkhiv Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti. Materialy Doma uchenykh (9569, 1, 8)* [Archive Documentation Centre of the Recent History of Omsk region. Proceedings of the House of Scientists (9569, 1, 8)].
27. Rozener L.A. *V Omske dolzhen byt' Dom uchenykh* [There should be the House of Scientists in Omsk]. *Omskaya pravda* (Omsk), 1939, 1st June.
28. *Omskaya pravda* (Omsk), 1938, 17th May.
29. *Omskaya pravda* (Omsk), 1938, 18th December.
30. Taskaev I.I. *U istokov zdorov'ya Sibiri* [At the root of Siberian health]. Omsk: OGMA Publ., 1997. 199 p.
31. Belokrys M.A. *Muzykal'naya kul'tura Omskogo Priirtysh'ya v litsakh (XVIII – seredina XX): Bibliograficheskii slovar'* [The musical culture of Omsk Near-Irtysh region in the people (the 18th – mid 20th centuries): The Bibliographical Dictionary]. Omsk: Nasledie. Dialog – Sibir' Publ., 2001. 192 p.
32. *Omskaya pravda* (Omsk), 1939, 6th January.
33. *Omskaya pravda* (Omsk), 1941, 31st December.
34. Zapodovnikova A.G. *Ocherki istorii SibADI* [Essays on the History SibADI]. Omsk: SibADI Publ., 2000. 304 p.
35. *Omskaya pravda* (Omsk), 1943, 5th March.
36. *Omskaya pravda* (Omsk), 1955, 16th February.
37. Lizuнов V.V., Kolokolov A.A., Solov'ev A.A. [On the role of the House of Scientists of Omsk in the formation of the intellectual environment]. *Materialy IV Vseross. Konferentsii "Kul'tura i intelligentsiya Rossii: intellektual'noe prostranstvo XX veka" (27–28 sentyabrya 2000 g.)* [Proc. of the 4th All-Russian Conference "Culture and the intelligentsia of Russia: intellectual environment of the 20th century" (September 27–28, 2000)]. Omsk: Omsk State University Publ., 2000, vol. 1. (In Russian).
38. Kolokolov A.A. (ed.) *Omskiy Dom uchenykh: vstrecha cherez desyatiletiya (k 70-letiyu Omskogo Doma uchenykh)* [The Omsk House of Scientists: the meeting over decades (on the 70th anniversary of the Omsk House of Scientists)]. Omsk: KAN Publ., 2008. 68 p.
39. *Omskiy Dom uchenykh* [Omsk House of Scientists]. In: *Pamyatnaya knizhka Omskoy oblasti. God 2008: informatsionno-statisticheskii sbornik* [The memorial book of Omsk region. Year 2008: Information and statistical collection]. Omsk: Omskstat Publ., 2009.

УДК 94:338.43
DOI 10.17223/19988613/34/11

О.В. Усольцева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Анализируется главный для второй половины 1940-х – начала 1960-х гг. фактор изменения сельского расселения в Томской области. Рассматривается влияние социально-экономического развития томской деревни, в частности тяжёлой ситуации в сельскохозяйственном производстве северных районов области, на нарастание миграции из села и, как следствие, обезлюживания сельских населённых пунктов и их исчезновения. Характеризуются нарабатанные крестьянами за время их сосуществования с колхозами адаптационные практики, в которых власть видела лишь угрозу для общественного производства. Констатируются изменения в логике адаптационного поведения крестьян, вызванные произошедшим у них мировоззренческим переломом под влиянием попытки власти принудить колхозников к большей работе в колхозах путём ограничения личных подсобных хозяйств. Это, в свою очередь, усилило и без того сильную миграцию крестьян из деревни. В итоге власть вынуждена была перейти к регулированию этих процессов посредством расселенческой политики.

Ключевые слова: сельское расселение; вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг.; Томская область; миграции.

Коллективизация советской деревни повсеместно видоизменила сельское расселение. Основная производственная единица сельского хозяйства – крестьянский двор, сменилась коллективным хозяйством, которое объединило производственно-демографические усилия крестьянских дворов. Жизнеспособность доколхозной деревни как поселенческой единицы в обычных условиях не зависела от количества крестьянских хозяйств от их производственно-демографического состояния. А вот численность жителей колхозной деревни как рабочей силы, необходимой для «обрабатывания» исторически заданной производственной мощности колхозного производства, стала необходимым экономическим показателем, другими словами, индикатором жизнеспособности деревни как таковой. Как следствие деревня неизбежно стала более чуткой к социально-экономической действительности, внешней и внутренней по отношению к ней, и к целенаправленной расселенческой политике. Изменение сельского расселения в послевоенном СССР не могло не быть следствием этих двух факторов.

Расселенческой политике в отношении села, сложившейся в начале 1960-х гг. и свидетельствовавшей о полном несоответствии «имевшейся в наличии» деревни модернистским представлениям об индустриальном сельском хозяйстве, предшествовали периоды жёсткого колхозного строительства, испытания колхоза как основной ячейки мобилизованной войной сельскохозяйственного производства и адаптации колхозного крестьянства к послевоенной социально-экономической действительности. Расселенческая политика как комплекс мероприятий по преобразованию сельской поселенческой сети выразилась в создании с начала 1960-х гг. проектов районных планировок, содержащих в себе списки подлежащих сселению перспективных сельских населённых пунктов, и в проведении запланированных сселений.

Ранее же, с середины 1940-х и до начала 1960-х гг., сельские населённые пункты исчезали стихийно, определяющее влияние на развитие поселенческой сети

оказывали исключительно социально-экономические процессы, проходившие на селе. Индустриализация и коллективизация вызвали серьёзный отток населения из деревень, вслед за этим деревня приняла на себя основные тяготы военной мобилизации мужского населения страны. А за годы Великой Отечественной войны количество трудоспособного сельского населения Томской области, на примере которой представляется целесообразным рассмотреть заявленную тему, столь актуальной для извлечения уроков из прошлого, сократилось со 104,5 до 41,5 тыс. человек [1. Л. 140]. Всё это привело в определённый момент к обезлюдению маленьких деревень, трагическая участь которых была предрешена.

К послевоенной деревне, необратимо колхозной по своему сельскохозяйственному производству, была адресована целенаправленная социально-экономическая политика. Суть её заключалась в повышении эффективности колхозного производства. Сельской поселенческой сети исторически предстояло выдержать испытание на предмет: быть или не быть структурообразующей единицей сельскохозяйственного производства.

В 1946–1950 гг. количество трудоспособного сельского населения Томской области росло главным образом за счёт естественного прироста и демобилизации из армии. Кроме того, в колхозы Томской области было завезено 20,2 тыс. спецпереселенцев, из них 14,2 тыс. человек были трудоспособными. Однако одновременно с этим Министерство трудовых резервов СССР завербовало в городах и районах области в порядке оргнабора для работы в лесной отрасли и вывезло за пределы области 17 тыс. человек. Кроме того, 10 тыс. молодых людей, около 80% из которых были взяты из колхозов, было направлено в ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения [Там же]. В январе 1950 г. по постановлению Совета Министров СССР раскулаченные крестьяне, высланные в 1930–1935 гг., окончательно были сняты с учёта спецпоселения и получили право на выезд [2. Л. 15]. Вос-

пользовавшись этим правом, они стали массово покидать деревню, уезжая в основном в прежние места жительства, а также в города и районные центры Томской и соседних областей.

Многие недовольные условиями жизни колхозники уходили из колхозов самовольно. Так, к примеру, в 1950 г. все колхозы Колпашевского района по оргнабору рабочей силы отдали в лесную и рыбную промышленность 78 человек, а самовольно покинуло колхозы под различными предложениями 213 хозяйств [3. Л. 192]. Из колхоза «Молот» Шегарского района за 1950 и 1951 гг. выбыло 200 человек, значительная часть из них самовольно. Самовольно ушедшие из колхозов люди устраивались работать в районных учреждениях, заготовительных, торговых и промышленных организациях [4. Л. 190–191].

Основной причиной выбытия населения из колхозов было их тяжёлое экономическое положение из-за трудностей восстановительного периода. Побывавший в 1950 г. в Васюганском районе, население которого в период с 1940 по 1950 г. уменьшилось с 2 693 до 1 500 человек [5. Л. 59–60], председатель Томского областного комитета радиоинформации Е. Ельцов сообщал секретарю Томского обкома ВКП(б) И.А. Смольянинову о своих наблюдениях следующее. В районном центре Новый Васюган в конце 1940-х гг. были построены новые здания, в том числе электростанция, баня, районный дом культуры с библиотекой, более 160 новых домов для колхозников. Посёлок стал довольно чистым и благоустроенным. Но в колхозах, расположенных в глубине района по течению р. Васюган, он обнаружил большое запустение и отсутствие во многих домах жителей. Рабочих рук в этих колхозах не хватало, люди уезжали, от этого в районе не удавалось восстановить довоенный уровень сельскохозяйственного производства. План сева не выполнялся, был большой падёж скота, не хватало кормов [5. Л. 60].

О серьёзности этой проблемы 5 апреля 1951 г. на областном совещании по вопросам сельского хозяйства говорил секретарь Томского обкома ВКП(б) А. Сёмин. Он констатировал, что население из колхозов северных районов области выбывало, посевные площади уменьшались, планы производства сельскохозяйственной продукции не выполнялись. Ключевой причиной как низких объёмов сельскохозяйственного производства, так и непрекращающегося выбытия из колхозов рабочей силы он называл уже сложившийся дефицит последней в объёме 20–23%. Иными словами, доходность многих колхозов была очень низка, поэтому колхозники плохо обеспечивались хлебом и деньгами. Это, в свою очередь, вызывало у многих колхозников желание уйти из колхоза [6. Л. 2, 7, 12].

В своём выступлении А. Сёмин привёл в пример деревню Шудельку Колпашевского района, которая в 1940-е гг. сильно уменьшилась. В частности, в ней до войны обрабатывали около 2000 гектар земли, а к концу 1940-х гг. только 300–400 гектар. Он отмечал, что

под разными предложениями, например на учёбу, уезжала молодёжь, и в деревне оставались только пожилые жители. А. Сёмин сокрушался, что «такие Шудельки» есть в каждом северном районе области и что «колхозы обезлюживают» [6. Л. 16].

Ещё на один аспект данной темы обращал внимание Пудинский райком ВКП(б) в июне 1951 г. Районные власти констатировали, что более ста учащихся школ района закончили 7–10 классов, но в сельскохозяйственные учебные заведения ни один из них не поступил. Интересы к деревне у них не было, они даже не знали, какие породы скота имел колхоз, в котором они жили. По окончании учебных заведений они в район не возвращались [7. Л. 4].

Массовое выбытие сельского населения неминуемо приводило к недостатку рабочей силы в колхозах. Александровский райисполком констатировал «серьёзное напряжение с рабочей силой в этих колхозах и ухудшение от этого их хозяйственно-финансовой деятельности». Так, в конце 1949 г. в колхозе им. Ворошилова Ново-Никольского сельсовета Александровского района было 54 трудоспособных, в то время как необходимо было 78, в колхозе «Красный Сибиряк» Александровского сельсовета было 61, а нужно было 79, в колхозе им. 1 Мая Александровского сельсовета было 73 и не хватало 21, в колхозе им. Свердлова не хватало 24, в колхозе им. Чкалова – 16. Всего по пяти колхозам не доставало рабочей силы 103 человека [8. Л. 20–21].

В Каргасокском районе в период с 1940 по 1953 г. выбыло 3 149 трудоспособных (в среднем 225 человек в год), в 1954 г. – 352, в 1955 г. – 151, в 1956 г. – 393, в 1957 г. – 296, в 1958 г. – 195, в 1959 г. – 442. Выбытие продолжалось и в 1960 г., за первый квартал 1960 г. выбыло 98 человек. Из колхозов приходила информация, что с открытием навигации планировали уехать 63 семьи, в которых было 107 человек трудоспособных [2. Л. 25]. В Колпашевском районе за тот же период выбыло 630 хозяйств с общим количеством населения 3 891 человек [Там же]. В отдельных колхозах Парабельского района за этот период число трудоспособных сократилось в три и более раза. Например, в колхозе «Красный Октябрь» численность трудоспособных сократилась с 229 до 72 человек, в колхозе «Победа» – с 285 до 72, в колхозе им. 1 Мая – с 221 до 53 человек [Там же. Л. 21].

Численность сельского населения уменьшалась также из-за того, что в деревню почти не возвращались молодые люди, призванные на службу в армию. Так, с 1953 по 1960 г. горвоенкоматом из Колпашевского района были призваны в армию 346 колхозников, из них после демобилизации в колхозы возвратились только 39 человек [Там же. Л. 18].

Угнетающим фактором колхозного производства было отвлечение колхозников от непосредственной работы в колхозах, масштаб которого был велик. В начале 1951 г. в колхозах области насчитывалось всего

71,5 тыс. человек трудоспособного населения [1. Л. 141]. Из них в зиму 1950–1951 гг. 9 200 колхозников работали на предприятиях лесной промышленности области, 1 200 выполняли работу по подвозке сена к лесозаготовительным предприятиям, 3 000 в соответствии с указанием Совета министров СССР были направлены на лов рыбы и охотничий промысел, 650 колхозников занимались перевозкой почты, 6 350 находились на постоянных работах по руководству колхозным хозяйством (председатели, бухгалтеры, счетоводы, бригадиры), 9 320 заняты на физических работах (шофёры, механики, кузнецы, шорники, на подсобных предприятиях), 4 260 колхозников были трактористами, комбайнёрами и работали в МТС по ремонту тракторного парка. Таким образом, в зимнее время для работы по подвозке кормов, уходу за скотом и подготовке к весеннему севу в колхозах области фактически оставалось не более 35–36 тыс. человек. В их числе было 8 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, а остальные были женщины с детьми до 8-летнего возраста [Там же. Л. 142]. Потребность же колхозов в людях зимой составляла 71,1 тыс. человек, а летом ещё больше. В период уборки урожая 1950 г. дефицит рабочей силы в колхозах области составлял 61 тыс. человек [Там же. Л. 143].

Таким многочисленным и длительным отвлечением людей от работы в колхозах выхолащивалась сама имманентная природа деревни как сосредоточия сельскохозяйственной деятельности. Крестьянский труд и деревня как основные институты страхования от голода девальвировались. Это, несомненно, ещё больше провоцировало миграции и тем самым делало сельскую поселенческую сеть менее прочной и устойчивой.

Слабая жизнеспособность сельских населённых пунктов во многом предопределялась тем обстоятельством, что значительная часть территории Томской области, а именно её северные районы, были заселены лишь в 1930-е гг. спецпереселенцами и население в них ещё не успело укорениться. В январе 1950 г. Томский обком ВКП(б), отчитываясь Центральному комитету партии, утверждал, что северные районы Томской области (Александровский, Васюганский, Верхнекетский и Пудинский) к этому времени экономически ещё не сложились и не были освоены, они были слабо заселены (плотность населения составляла в среднем 0,34 человек на 1 кв. км). Транспортное сообщение в этих районах было крайне затруднено из-за большой отдалённости и отсутствия дорог. Зимой сообщение было возможно лишь на лёгких самолётах. Заселение этих районов осуществлялось административным путём через спецкомендатуры МВД ссыльными кулаками большей частью из Алтайского края, а также из центральных районов страны и, позднее, в 1940–1948 гг., ссыльными из прибалтийских республик, западных районов Украины и Бессарабии [2. Л. 16]. К 1950 г. коренное население в этих районах составляло лишь 20–25%. К тому же заселение производилось без учёта

специфических условий районов и перспектив их экономического развития, годы войны не способствовали определению основного профиля и хозяйственному росту этих районов.

Изначально основные доходы колхозы получали от подсобных промыслов и общественного животноводства, однако в 1940 г. их обязали сдавать государству хлеб. Вынужденная переориентация трудовых ресурсов с доходных промыслов на менее доходное зерновое производство, осложнённое ограниченностью и низким качеством пашни, тяжёлыми климатическими условиями, малочисленностью людских и тягловых ресурсов, привела к значительному ухудшению их экономического положения. В этой связи в колхозах северных районов за период с 1940 по 1948 г. численность населения уменьшилась почти в два раза, с 44 200 до 24 400 человек [9. Л. 177–179]. Обком вынужденно просил ЦК ВКП(б) освободить Александровский, Васюганский, Верхнекетский, Каргасокский, Парабельский и Пудинский районы от поставок продуктов полеводства, утверждая, что это будет иметь решающее значение для закрепления населения в северных районах [Там же. Л. 179]. В других отдалённых северных районах области – Бакчарском, Колпашевском, Мочановском, Парбигском, Кривошеинском, Тегульдетском, Пышкино-Троицком и Чаинском – имелось до 180–200 колхозов, находящихся в таком же положении, что и колхозы крайних северных районов. В них также численность населения, по сравнению с 1940 г., уменьшилась в два раза. Обком просил хлебопоставки для этих районов уменьшить на 50% [Там же. Л. 181].

Просьбы были удовлетворены. Начиная с 1950 г. Васюганский, Верхнекетский, Каргасокский и Парабельский районы были полностью освобождены от обязательных поставок зерна государству. Всем остальным северным и Тегульдетскому районам нормы обязательных поставок зерна были снижены на 50%, а также были списаны недоимки прошлых лет по поставкам хлеба [Там же. Л. 182]. Кроме того, остановить обвальные процессы призваны были следующие политические усилия. Госплану СССР, Министерству трудовых резервов и Главному переселенческому управлению было поручено рассмотреть вопрос о переселении в Томскую область сельского населения из других областей страны. Также было уменьшено число крестьян, привлекаемых на лесозаготовки [10. Л. 8].

Помимо прочего, препятствием для экономического роста спецпереселенческих колхозов было то, что в процессе принудительного переселения крестьяне зачастую оказывались на неудобных для сельскохозяйственного производства землях. Яркой иллюстрацией этого было положение шести спецпереселенческих колхозов Белкинского сельсовета Парабельского района в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

В 1950 г. в докладе секретарю Томского обкома ВКП(б) И.А. Смольянинову Парабельский райком

ВКП(б) отмечал, что в послевоенные годы эти колхозы экономически очень ослабли, в результате чего основная масса колхозников оказалась без средств к существованию. Хлеб государству был сдан не полностью, на трудодни не выдавался, семена были засыпаны не полностью. В качестве причин райком называл низкую урожайность и гибель посевов от неблагоприятных метеорологических условий. Земли колхозов были глинистые и малоплодородные, требующие внесения значительного количества удобрений, единственным из которых в местных условиях мог быть навоз.

Однако на территории сельсовета не было сенокосных угодий и скот содержался на заимках, расположенных в 60–70 км от колхоза, поэтому вносить навоз в почву не было возможности. В период с 1939 по 1949 г. посевы данных колхозов почти ежегодно подвергались заморозкам до созревания зерновых. Поля этих колхозов были расположены между двумя большими болотами, на склонах холмов, окружённых большими лесными массивами. Холодный воздух, сгущаясь в ночное время, опускался на низменные поля, образуя заморозок. Заморозкам также подвергались и индивидуальные огороды колхозников, поэтому зимой 1949–1950 гг. большинство колхозных семей не имели средств пропитания. Из-за недостатка семян ежегодно колхозами не засеивалась значительная часть пашни. В колхозах было мало тягловой силы, плохо развивалось животноводство из-за недостатков кормов. У колхозов накопилось много долгов. Такое экономическое состояние колхозов на протяжении ряда лет привело к резкому ухудшению материального благосостояния колхозников и вызвало их выбытие. Количество колхозного населения в 1948 г. сократилось, по сравнению с 1941 г., в 3,5 раза, а число трудоспособных колхозников – почти в 4,5 раза. Лишь в 1949 г. численность населения этих колхозов увеличилась за счёт вселения ссыльных латышей [11. Л. 91–96].

Проблема нехватки кадров ещё больше усугубилась с укрупнением колхозов. Колхозники подвергшиеся реформированию колхозов откликнулись усилением миграции из села. В документах Томского обкома и райкомов ВКП(б) в 1951 г. укрупнение колхозов называли причиной того, что крестьяне стали уезжать из колхозов. Многократно отмечалось, что хотя больших сселений произведено не было, спешка в вопросе сселения в один хозяйственный центр, уменьшение приусадебных участков колхозников привели к ухудшению трудовой дисциплины и недовольству колхозников, росту стремления уйти из колхоза [12. Л. 2–3].

В процессе объединения колхозов в их уставах стали уменьшать размеры приусадебных участков. К примеру, в колхозе «Победа» Асиновского района ранее приусадебный участок был 0,8–1 га, после укрупнения стал 0,15–0,35 га. Местные власти отмечали, что в этом и других колхозах «идут усиленные разговоры о том, что дальше мы останемся без хлеба в связи с объедине-

нием, что приусадебный участок мал, поэтому надо думать о том, чтобы уйти из колхоза всеми способами и средствами» [13. Л. 18].

Итак, в связи с укрупнением колхозов крестьяне, и не только северных районов, действительно стали массово уходить из колхозов. К примеру, из колхоза «Комсомолец» Асиновского района половина мужчин «всякими путями» ушли на производство, в сельпо, в заготовительные организации [Там же. Л. 3]. Уходили колхозники Асиновского района также в леспромхоз и химлесхоз, а руководители этих предприятий без документов принимали их на работу [Там же. Л. 9]. Действовал, можно сказать, принцип: «с лесопромышленных предприятий выдачи нет».

Аналогичная картина демонстрировалась на Пленуме Колпашевского райкома 15 апреля 1951 г. Начальник сплавконторы говорил о том, что слияние колхозов в районе проходило в самый разгар сенозаготовок. К нему в это время десятками шли колхозники устраиваться на работу вместо того, чтобы заниматься заготовкой сена [14. Л. 178]. А в Туганском районе председатель укрупнённого колхоза им. Советской Армии Разин говорил о том, что пущенный слух о переселении колхозников в одно село и непонимание этого вопроса колхозниками привело к тому, что колхозники стали покидать свои местожительства и переселяться в другие сёла, и поэтому сейчас ему, как новому председателю колхоза, очень трудно вести все подготовительные работы к весеннему севу [15. Л. 7]. Более того, в октябре 1950 г. отмечалось, что «большое желание о проведении скорейшего сселения выражает молодёжь из мелких колхозов, которые планом района намечаются объединяться и селиться в крупные сёла» [16. Л. 128].

Надо понимать, что сельское население несколько не выказывало признаков открытой конфронтации с властью, а миграции были обусловлены потребностью выжить в экстремальной ситуации, которая сложилась в послевоенные годы в сельской местности северных районов Томской области. В заселённых раньше районах, экономически более развитых и устойчивых, уровень миграции был намного ниже и миграции носили иной характер. Из этих районов, как правило, уезжали в города и райцентры отдельные представители семьи или рода. Они устраивались работать на производство, в торговые организации. Однако связи с деревней, а именно с оставшимися там родственниками, не прерывались. В период сельскохозяйственных работ они приезжали в деревню, увеличивая тем самым сезонно необходимые личному крестьянскому хозяйству трудовые ресурсы, а в обмен получали продукты питания. Эти практики можно трактовать как своеобразную реанимацию отхожего промысла, бывшего на протяжении значительного периода истории русской деревни довольно успешным механизмом регуляции и поддержания трудопотребительского баланса крестьянского хозяйства. По факту эти люди

оставались частью крестьянского хозяйства, а миграции населения из деревни были проблемой лишь для общественного производства.

Реакцией власти на негативные явления в сельскохозяйственном производстве были послабления по отношению к колхозам. В 1953 г. с целью преодоления отрицательных последствий нарушения принципа материальной заинтересованности, вызванного в целом тяжёлым положением колхозов, на сентябрьском пленуме ЦК КПСС был осуществлён переход к экономическим мерам руководства сельским хозяйством. В частности, была изменена система планирования сельскохозяйственного производства, были увеличены капитальные вложения в деревню и поставки колхозам и совхозам сельскохозяйственных машин, повышены закупочные и заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию с целью привести в соответствие цены на колхозную продукцию, поставляемую государству с затратами на её производство, был уменьшен сельхозналог, снижены налоги с личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и с продажи их продукции на свободном рынке.

Однако к концу 1950-х гг. денежные доходы многих колхозов по-прежнему не покрывали необходимой оплаты труда колхозников и накоплений оборотных средств для расширенного воспроизводства. За эти годы колхозы области накопили большие долги по государственным кредитам. Имели место большие непроизводительные затраты средств на производственные нужды, а именно на покупку семян и фуража, на общехозяйственные нужды и административно-управленческие расходы [17. Л. 60–61].

Что касается северных районов, то, несмотря на осуществлённый в начале 1950-х гг. перевод северных колхозов области с зернового производства на более выгодное для них животноводство и промыслы, население из этих районов продолжало выбывать. В частности, летом 1958 г. Александровский райком КПСС докладывал в Томский обком КПСС о том, что с 1955 по 1958 г. из сельскохозяйственных колхозов района выбыли 276 трудоспособных колхозников, в том числе за 7 месяцев 1958 г. – 145 человек, и много колхозников намереваются выбыть в ближайшее время. По состоянию на 1 августа 1958 г. трудоспособных в сельскохозяйственных колхозах осталось 489 человек [18. Л. 124–126]. С целью остановить такое выбытие колхозников райком КПСС часть сельхозартелей района предполагал перевести с сельскохозяйственного устава на рыболовецкий и провести укрупнение колхозов.

В рассматриваемый период ведущее положение в материальном обеспечении основной массы семей колхозников, работников МТС и совхозов занимало, как уже отмечалось, ЛПХ, в котором производились все необходимые для семьи продукты, не исключая и зерновые культуры [19. С. 212].

По мнению С.И. Толстова, с точки зрения положений организационно-производственной школы

А.В. Чаянова, структура трудозанятости крестьян в рассматриваемый период оставалась такой же, как в традиционном крестьянском хозяйстве. К этому времени в результате адаптационных практик, возникших в деревне первоначально на этапе капитализма, а затем в период коллективизации, крестьянское хозяйство превратилось в набор видов хозяйственной деятельности, осуществляемых как в пределах крестьянского двора (в так называемом ЛПХ, так и за его пределами [20. С. 51]. Крестьяне воспринимали работу в колхозе как один из интегрированных видов хозяйственной деятельности крестьянского двора и поэтому работали в колхозе, только если эта работа была им выгодна. Они не чувствовали личной ответственности за состояние колхозного производства и относились к колхозам потребительно, поэтому если колхоз был слаб и не мог достойно оплатить труд крестьян, от работы в нём стремились избавиться. Попавший в тяжёлую экономическую ситуацию колхоз на помощь крестьян и выправление ситуации за счёт их самоотверженной работы рассчитывать уже не мог и как следствие стремительно обезлюживал.

Как свидетельствуют источники, к колхозам со стороны крестьян в это время имело место двойное отношение. Часть крестьян стремилась их покинуть. Имеются многочисленные свидетельства того, что основная миграция крестьян из сельской местности происходила из экономически слабых колхозов. В частности, на упомянутом выше совещании по вопросам сельского хозяйства, состоявшемся 5 апреля 1951 г., отмечалось, что из тех колхозов, в которых положение тяжёлое, много молодёжи учится в школе медсестёр и других учебных заведениях, стремясь таким образом уйти из колхозов [6. Л. 10].

Подтверждением этому является следующий факт. В связи с тем что Постановлением Совета министров СССР от 7 октября 1949 г. предприятиям лесной промышленности было предоставлено право зачислять по своему усмотрению колхозников в постоянные работники предприятий лесной промышленности, оказалось, что кадровый состав предприятий лесной промышленности составляли колхозники преимущественно из мелких и экономически слабых колхозов, которые и без того испытывали крайне острый недостаток в рабочей силе. Отмечалось, что нередко были случаи, когда из мелких колхозов уходили в лесную промышленность последний кузнец, плотник, машинист и другой необходимый колхозу работник, без которого парализуется вся производственная деятельность в таком колхозе. В то же время из крупных и экономически сильных колхозов, наиболее обеспеченных рабочей силой, колхозники, как правило, не хотели оставаться на лесозаготовках в кадровом составе [9. Л. 107–108].

За время, так сказать, сосуществования крестьян с колхозами ими были наработаны всевозможные адаптационные практики, получившие в крестьяноведческой литературе название «оружие слабых» [21. С. 26–

59], позволявшие крестьянам использовать колхозные ресурсы для нужд крестьянского двора. Это обстоятельство возвращало крестьянам смысл оставаться в деревне. Многочисленные свидетельства таких практик содержатся в решениях райкомов и обкома партии, во всевозможных справках по выявлению и ликвидации фактов нарушений Устава сельхозартели в колхозах. Им стали придавать значение, считая их причиной проблем в колхозном производстве. Первые документы такого рода стали появляться после Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах».

Многочисленные источники на протяжении всего рассматриваемого периода показывают, что в колхозах проживали много нарушителей Устава сельхозартели, власти называют этих людей стяжателями, тунеядцами, колхозными захребетниками, антиобщественными элементами. Говорилось, что они чрезмерно раздували личное хозяйство и систематически уклонялись от участия в колхозном производстве [22. Л. 263]. По наблюдению властей, раздувание ЛПХ непременно совпадало с нерадением к труду в колхозе. Отмечалось также наличие большого числа колхозников, не вырабатывавших минимума трудодней; многочисленные случаи бесхозяйственности, грубого нарушения зоотехнических и ветеринарных правил, отчего происходил большой падёж скота; незаконный расход скота в колхозах на так называемые внутриколхозные нужды; «противоуставной» («пайковой») характер распределения доходов, который приводил к переавансированию колхозников; использование из средств капиталовложений значительных сумм на нужды потребительского характера; использование колхозного имущества, техники, кормов, сенокосных угодий для нужд крестьянских хозяйств [3. Л. 114, 178, 180, 183, 189, 190, 193–194; 4. Л. 190–191; 7. Л. 3; 23. Л. 17, 19; 24. Л. 21; 25. Л. 15; 26. Л. 11; 27. Л. 111–114; 28. Л. 301–303; 29. Л. 24].

Власть предприняла попытку сбалансировать интересы ЛПХ и колхозного производства (данная мера осталась в памяти жителей деревни как «хорошая» реформа Маленкова). В 1953 г. сентябрьским пленумом был снят ряд административных ограничений с ЛПХ. Была списана задолженность по поставкам продуктов животноводства и картофеля, уменьшены нормы обязательных поставок с ЛПХ колхозников, снята полностью недоимка по сельхозналогу прошлых лет. Были снижены налоги с ЛПХ и с продажи их продукции на свободном рынке. В 1954 г. ЛПХ колхозников были освобождены от обязательных поставок зерна. Это ещё больше послужило стимулом для расширения колхозниками ЛПХ. В Томской области в 1951–1959 гг. поголовье свиней, овец и коз в хозяйствах колхозников увеличилось в 2,2 раза (с 56,8 до 127,6 тыс.) [30. Л. 47].

Крестьяне не преминули воспользоваться ситуацией, сконцентрировались на труде в ЛПХ и стали, как

уже отмечалось, индифферентно относиться к труду в колхозе. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в колхозах области было много трудоспособного населения, которое не принимало участия в общественном труде. В начале 1960-х гг. в отдельных колхозах Зырянского района до 40% колхозников не принимали участия в колхозном труде [31. Л. 37]. Как указывалось в документах, «эти колхозники жили своим единоличным хозяйством, зачастую имели своих лошадей и инвентарь (сбруи, телеги и другие средства производства)», несмотря на запрет, содержащийся в Уставе сельхозартели [Там же. Л. 78]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. по-прежнему много нарушителей Устава сельхозартели было в вопросе содержания скота в личном пользовании. К примеру, в колхозе «Россия» Шегарского района три четверти колхозных дворов имели больше скота и большие земельные участки, чем это предусмотрено Уставом [32. Л. 41]. При этом большое количество скота в личной собственности колхозников было, как правило, в отстающих хозяйствах [31. Л. 20]. Продолжалось безучётное и бесхозяйственное расходование колхозного имущества, кормов, сенокосных угодий, техники на непроизводственные нужды. Был большой перерасход горючего. Повсеместно практиковалось предоставление транспорта колхозникам для поездки на базар, вспашки огородов по заниженным ценам или бесплатно [33. Л. 6; 34. Л. 16].

Далеко не все колхозы выдавали сено на трудодни, а большинство разрешало заготавливать его колхозникам самим. Томский обком КПСС 28 апреля 1960 г. в документе «О грубых нарушениях Устава сельхозартели в колхозах области и мерах по их устранению» отмечал, что «такой порядок использования сенокосов приводит к тому, что колхозники заготавливают непомерно большое количество кормов для личного скота, тогда как общественное поголовье ежегодно не обеспечивается кормами» [Там же. Л. 7]. Как и прежде, гибло много общественного скота из-за нерадивого отношения к нему, недостаточного обеспечения его кормами [34. Л. 17]. Конкретные причины гибели скота и птицы зачастую не выяснялись, а списывались на убытки колхозов [35. Л. 6]. Продолжала существовать практика, когда незаконно мало производили отчислений в неделимый фонд, в отдельных колхозах средства неделимого фонда незаконно расходовались на текущие производственные нужды и даже выдавались колхозникам на трудодни [33. Л. 5].

Во многих колхозах не соблюдался принцип демократического управления делами артели. Общие собрания колхозников, собрания уполномоченных и заседания правлений проводились редко. Многие важные вопросы колхозной жизни, подлежащие рассмотрению общих собраний колхозников или собраний уполномоченных, решались правлениями и председателями колхозов [Там же. Л. 7]. Правления редко отчитывались в своей деятельности на общих собраниях. Например, в колхозе им. Калинина Каргасокского района в течение

восьми месяцев 1959 г. не проводились общие собрания. Власти отмечали, что такое положение приводило к тому, что председатели и члены правления колхозов переставали чувствовать ответственность перед колхозниками [34. Л. 17].

Все эти так называемые нарушения устава сельхозартели, приводившие к снижению эффективности колхозного производства и управляемости колхозным производством для деревенской поселенческой сети, имели парадоксальным образом стабилизирующее значение. Деревня на некоторое время вновь стала привлекательной для проживания. Как бы то ни было, но послевоенная долгая и кропотливая работа по восстановлению и развитию сельскохозяйственного производства, а затем и реформы середины 1950-х гг. давали исторический шанс, поняв и приняв логику хозяйственного поведения крестьянства, сохранить деревню, остановить процессы ухода из деревни молодёжи на уровне производственно-демографического баланса, когда только излишняя, с точки зрения функционирования крестьянского хозяйства, рабочая сила должна уходить из деревни. При безусловной ориентации крестьян на развитие собственного хозяйства складывалась ситуация, когда чем более благоприятными были условия для развития ЛПХ, тем больше трудовых ресурсов ему было необходимо и тем меньше была миграция из деревни.

Однако в этих практиках Н.С. Хрущёв разглядел только угрозу для социалистического производства и в конце 1950-х гг. вернулся к практике принуждения колхозников к большей работе в колхозах. В первую очередь была создана идейная атмосфера недоброжелательности вокруг ЛПХ. Утверждалось, что ведение своего хозяйства развивает у колхозников стремление к наживе и обогащению, ведёт к хищению общественной собственности, нарушению трудовой дисциплины, снижению интереса к общественному труду. На декабрьских пленумах ЦК КПСС в 1958 и 1959 гг. заявлялось об отмирании ЛПХ, о том, что колхозникам становится выгоднее получать продукты от колхозов, а не производить их в ЛПХ. Местные власти получили задание производить обмеры приусадебных земель, урезать участки, превышающие нормы, скупать скот у колхозников [36. С. 111].

В результате с 1959 г. численность скота в ЛПХ колхозников Томской области стала падать, количество крупного рогатого скота с 1958 по 1960 г. уменьшилось на 8,3%, в последующие два года — почти на 40%. Уменьшение поголовья свиней, овец и коз было не таким сильным. В 1958 и 1959 гг. по инерции происходил ещё некоторый рост поголовья. С 1960 по 1965 г. уменьшение свиней произошло на 40%, овец и коз — на 45% [30. С. 47]. С 1959 по 1964 г. общая площадь земельных участков личного пользования снизилась в целом по РСФСР на 10%, по Западной Сибири — на 18%. Сократилось количество скота, особенно крупного рогатого. В 1964 г. поголовье от уровня 1958 г. со-

ставляло в Томской области по крупному рогатому скоту — 69,3%, по коровам — 74%, по свиньям — 98%, по овцам и козам — 92,5% [36. С. 111–112].

Констатируя имманентно свойственную крестьянству «мелкобуржуазную сущность», которая проявлялась как раз в стремлении крестьян сосредоточиться на личном хозяйстве, Н.С. Хрущёв искал способы ликвидировать условия, которые «развращают человека и превращают его в собственника» [37. Л. 36–37]. Для него было очевидно, что нужно бороться именно с деревней как с местом сохранения и воспроизводства крестьянской идентичности и превратить крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Для этого в 1955–1957 гг. было осуществлено новое укрупнение колхозов и была возрождена бытовавшая в начале десятилетия идея создания агрогородов. В 1958 г. в Томской области было 283 колхоза, в 1960 г. — 142, в 1963 г. — 106, в 1964 г. — 83. В период с 1953 по 1959 г. в области был один совхоз, в 1960 г. — 13, в 1962 г. — 14, в 1964 г. — 16 [30. Л. 88, 90; 39. Л. 64].

Перманентное реформирование и конкретные усилия власти привели к перелому в логике адаптационного поведения крестьян. Крестьяне не сумели приспособить новые условия хозяйствования к интересам своего хозяйства и вынуждены были лишь маргинально принарабливаться к ним. Старшее поколение, обманувшееся в своих ожиданиях и представлениях, стало провоцировать отъезд детей из деревни в город. Со свёртыванием ЛПХ крестьянскому двору стало нужно гораздо меньше рабочих рук, и детей стали отправлять туда, где жизнь казалась лучше, — в города на производство. Преимущества городской жизни к этому времени приобрели характер психологического давления на селян, а проживание в деревне в условиях запрещения ЛПХ становилось бессмысленным [20. С. 54]. Численность сельского населения Томской области с 1959 по 1965 г. уменьшилась на 9,92%. Доля сельского населения в этот период в общей численности населения области уменьшилась с 51,8 до 45,4% [39. С. 5; 40. С. 3].

Таким образом, ограничительная по отношению к ЛПХ политика власти привела к мировоззренческому перелому у сельских жителей, который, в свою очередь, — к ещё большей, безоглядной миграции крестьян из деревни. В конце 1950-х гг. существовавшая на протяжении всего рассматриваемого периода миграция крестьян из села стала поведенческой доминантой, что, конечно же, не могло не волновать власть. Но истинных оснований миграций она так и не распознала. Причинами выбытия населения из колхозов во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. власти называли низкую оплату труда в колхозах и недостатки в организации культурно-бытового, медицинского обслуживания, школьного образования [41. Л. 85]. Снизить уровень миграции власть планировала путём развития индустриального сельскохозяйственного производства и улучшения культурно-бытового обслуживания сельского населения.

Поставив так вопрос, очень скоро пришли к выводу, что и экономическому, и культурному развитию колхозов мешает исторически сложившееся расселение сельского населения по мелким населённым пунктам. Логическим следствием таких подходов к закреплению кадров на селе стала воплотившаяся на практике с начала 1960-х гг. расселенческая политика, предусматривавшая в первую очередь concentra-

цию сельского населения. Одновременно с этим расселенческая политика разрабатывалась как комплекс практических мероприятий по созданию агрогородов, с одной стороны, и ликвидации «неперспективных деревень» – с другой. И, таким образом, расселенческая политика мыслилась властью инструментом борьбы с существованием традиционной деревни как таковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 733.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2948.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1581.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1474.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1572.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1482.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 935. Оп. 1. Д. 216.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 590.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1152.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1475.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1156.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 935. Оп. 1. Д. 219.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 415.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 490.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 959. Оп. 1. Д. 168.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1402.
17. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 480.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2727.
19. *Крестьянство Сибири в период упорядочения и развития социализма*. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1985. 395 с.
20. Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 44–63.
21. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 26–59.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 888. Оп. 1. Д. 460.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 503.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 252. Оп. 1. Д. 703.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1447.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 535.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 474.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 475.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1470.
30. *Народное хозяйство Томской области*. Статистический сборник. М. : Статистика, 1965. 198 с.
31. ЦДНИ ТО. Ф. 5403. Оп. 1. Д. 3.
32. ЦДНИ ТО. Ф. 888. Оп. 1. Д. 454.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2906.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1023.
35. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 5388.
36. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2003. 190 с.
37. ЦДНИ ТО. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 3.
38. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. 210 с.
39. *Народное хозяйство Томской области за 60 лет*. Статистический сборник. Томск : Статист. управление Томской области, 1977. 191 с.
40. *Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 годы*. Статистический справочник. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 94 с.
41. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1042.

Usoltseva Olga V. Humanitarian lyceum (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usoltseva@list.ru

SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS OF CHANGING RURAL POPULATION DISTRIBUTION OF TOMSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – EARLY 1960S.

Keywords: rural population distribution; the second half of the 1940s – early 1960s; Tomsk region; migration.

At the integration of peasant farms into collective farms the population of the collective village as a labor force required to "treat" the historically given production capacity of collective farming became an indicator of the village viability. The village has inevitably become more sensitive to the social and economic reality, external and internal to it, and to the targeted population distribution policy. Changing rural population distribution in the post-war USSR could not but be caused by these factors. From the mid 1940s to the beginning of the 1960s the rural settlements have spontaneously disappeared as a result of social and economic processes, in particular, due to the difficult situation in the agricultural production of the northern districts of the region, causing migration of people from villages, consequently, the depopulation of rural settlements. Depressing factors of collective farming were a great diversion of the collective farmers from the direct work on the collective farms (e.g., work on logging); the duty of the collective farms of the northern districts of the region (since 1940 year) to carry out the bread delivery, therefore, the necessity to switch to grain production to the detriment to more profitable trades and livestock breeding; the location of many collective farms of specially relocated people on inconvenient land for agricultural production. In the study period ideological, but mostly social and economic background for the formation of population

distribution policies were arisen. During coexistence with the collective farms peasants have acquired the adaptative practices which threaten to the social production in terms of authorities. Farmers are increasingly focused on work in private farms and have an indifferent attitude toward the work on the collective farm. For authorities the fight with the village as a place of preservation and reproduction of peasant identity and the transformation of peasants into agricultural workers became relevant. Therefore, a new consolidation of the collective farms was done and the idea to create agro cities existing in the early decades was revived. By the end of the study period the logic of adaptative peasant behavior is being changed due to their worldview modification under the influence of government attempts to force the collective farmers to work more on collective farms by limiting private farms. In turn, this has reinforced the strong migration of peasants from the countryside. However, in terms of authorities the reasons for the disposal of the population of the collective farms in the second half of the 1950s – early 1960s were low pay in collective farms and shortcomings in the organization of cultural, household, health care, and schooling. The authorities planned to reduce the migration through the development of agricultural production and improvement cultural and household services for the rural population. They very soon come to the conclusion that the economic and cultural development of the collective farms is prevented by the historically established rural population distribution on small inhabited locality. The logical consequence of such approaches to attach the personnel in rural areas was the relocation policy embodied in practice since the early 1960s to eliminate "unpromising villages" and to concentrate of the rural population in the central collective farm.

REFERENCES

1. The Documentation Centre of the Modern History of Tomsk region (hereinafter referred to as TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 733. (In Russian).
2. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2948. (In Russian).
3. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1581. (In Russian).
4. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1474. (In Russian).
5. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1572. (In Russian).
6. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1482. (In Russian).
7. TsDNI TO. Fund 935. List 1. File 216. (In Russian).
8. TsDNI TO. Fund 91. List 1. File 590. (In Russian).
9. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1152. (In Russian).
10. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1475. (In Russian).
11. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1156. (In Russian).
12. TsDNI TO. Fund 935. List 1. File 219. (In Russian).
13. TsDNI TO. Fund 27. List 1. File 415. (In Russian).
14. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 490. (In Russian).
15. TsDNI TO. Fund 959. List 1. File 168. (In Russian).
16. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1402. (In Russian).
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-829. List 3. File 480. (In Russian).
18. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2727. (In Russian).
19. Aniskov V.T. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The peasants in Siberia during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. 395 p.
20. Tolstov S.I. *Krest'yanskaya identichnost' v kolkhozno-sovkhoznoy derevne Sibiri* [The peasant's identity in collective and state farm village in Siberia]. In: *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samoorganizatsiya* [The second Russia: differentiation and self-organization]. Moscow: Delo Publ., 2012, pp. 44-63.
21. Scott J. *Oruzhie slabykh: obydennye formy soprotivleniya krest'yan* [The weapon of the weak: everyday forms of resistance of the peasants]. In: *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Ezhegodnik 1996* [The studies of peasantry. Theory. History. Modernity. Yearbook 1996]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1996, pp. 26-59.
22. TsDNI TO. Fund 888. List 1. File 460. (In Russian).
23. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 503. (In Russian).
24. TsDNI TO. Fund 252. List 1. File 703. (In Russian).
25. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1447. (In Russian).
26. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 535. (In Russian).
27. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 474. (In Russian).
28. TsDNI TO. F. Fund 495. List 1. File 475. (In Russian).
29. TsDNI TO. F. Fund 607. List 1. File 1470. (In Russian).
30. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti. Statisticheskij sbornik* [The economy of Tomsk region. The statistical collection]. Moscow: Statistika Publ., 1965. 198 p.
31. TsDNI TO. Fund 5403. List 1. File 3. (In Russian).
32. TsDNI TO. Fund 888. List 1. File 454. (In Russian).
33. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2906. (In Russian).
34. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 1023. (In Russian).
35. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-829. List 7. File 5388. (In Russian).
36. Karpunina I.B., Melent'eva A.P., Il'nykh V.A. *Sel'skoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gg. (faktory, tendentsii i rezul'taty sotsial'no-demograficheskoy adaptatsii)* [The rural population of Western Siberia 1960–1980. (Factors, trends and results of socio-demographic adaptation)]. Novosibirsk: GUP RPO SO RASKhN Publ., 2003. 190 p.
37. TsDNI TO. Fund 5402. List 1. File 3. (In Russian).
38. Andreenkov S.N. *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v 1953–1964 gg.* [Agrarian reforms in Western Siberia in 1953–1964]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2007. 210 p.
39. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti za 60 let. Statisticheskij sbornik* [The economy of Tomsk region for 60 years. Statistical collection]. Tomsk: Department of Statistics of Tomsk Region Publ., 1977. 191 p.
40. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti za 1976–1980 gody. Statisticheskij spravochnik* [The economy of Tomsk region for 1976–1980. A Statistical Handbook]. Novosibirsk: West-Siberian Book Publ., 1982. 94 p.
41. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 1042. (In Russian).

А.А. Данилов

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РАСШИРЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИК)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-21003.

Анализируются этапы развития государственной информационной политики в области расширения культурно-воспитательной функции телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской республик. Отмечается отсутствие республиканского законодательства, регламентирующего деятельность медийных структур рассматриваемых республик. При оценке современной информационной политики в области расширения культурно-воспитательной функции в исследуемом регионе констатируется сильное влияние государства на средства массовой информации.

Ключевые слова: государственная информационная политика; телевидение; культурно-воспитательная функция; Марий Эл; Мордовия; Чувашия.

В развитии государственной информационной политики в области расширения культурно-воспитательной функции регионального телевидения постсоветского периода следует выделять несколько этапов. С точки зрения ряда авторитетных исследователей отечественной журналистики, в первой половине 1990-х гг. телевидение являло собой один из лучших образцов свободных средств массовой информации, играя самостоятельную, активную роль и проявляясь в среде подлинного демократического общества [1. С. 182]. Этот этап продлился вплоть до 1996 г., когда во время выборов Президента России телевизионные структуры значительно утратили независимость, оказавшись под давлением негосударственных частных компаний – «олигархии», осуществляющей информационную политику ведущих телевизионных каналов. В данный период телевидение вновь выступало в роли средства массовой агитации и пропаганды. В 2000-е гг. после президентских выборов государство вернуло утраченные позиции в области средств массовой информации. На данном этапе утвердилась новая медиаполитическая система – симбиоз политической власти с медийным сообществом. Борьба государства с олигархическими медийными структурами – отличительная характеристика данного этапа. Результатом конфронтации СМИ и власти стала доминирующая позиция последней [2. С. 26; 3. С. 91].

Начало 1990-х гг., сопровождаемое переходом к рыночным отношениям и сопутствующими процессами приватизации, децентрализации, монополизации и деструктуризации, характеризуется возникновением в России альтернативного негосударственного телевидения. Также расширялась сеть независимых телевизионных станций на региональном уровне. Исчезла ситуация, когда центральные государственные телеканалы являлись монополистами в сфере своей деятельности. В 1991 г. принимается Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», который в незначительной степени помог распространению независимых те-

левизионных студий. Закон закрепил в праве общие принципы свободы массовой информации, регулировал функционирование средств массовой информации в постсоветской России. Таким образом, в России закрепилась эра нового информационного порядка. Безраздельная централизация телевидения ушла в прошлое, наравне с федеральными телеканалами в борьбе за зрителя конкурировали местные каналы, возникли негосударственные телевизионные каналы. Однако культурно-воспитательная функция телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской республик в постсоветский период закрепилась именно за государственным телевидением [4. С. 88].

Закон РФ «О средствах массовой информации» регулировал правовые отношения в области телерадиовещания в общем плане. Текст закона содержал ряд отсылочных положений, подразумевающих создание специализированного закона, регламентирующего деятельность телерадиовещания. Среди положений были нормы, закрепляющие порядок лицензирования при осуществлении телерадиовещания, информация о региональных и федеральных комиссиях, курирующих телерадиовещание. В дальнейшем был создан проект закона «О телевидении и радиовещании», в дальнейшем, однако, не закрепившийся в юридическом статусе [5. Л. 19, 49].

В конце XX в. определяющими в развитии культурно-воспитательной функции телевидения стали регионализация и децентрализация. Причиной этих процессов стали появившиеся возможности регионального телевизионного вещания более широко транслировать характерные особенности регионов, учитывая его интересы и запросы, выполняя важную социальную функцию.

В 2004 г. постановлением Правительства Российской Федерации региональные телерадиокомпании, являющиеся дочерними предприятиями ВГТРК, были преобразованы в ее филиалы. Это предопределило построение жесткой вертикали управления с целью качественного улучшения деятельности журналистов, акти-

визации информационной насыщенности выпусков новостей региональных государственных телекомпаний. Данная ситуация существенно изменила национальную сетку вещания. В приоритете оказалось развитие информационных программ за счет уменьшения количества телепередач других жанров и доли культурно-воспитательного вещания в эфире телеканалов рассматриваемых республик.

Важным элементом, обеспечивающим эффективную работу телевизионных компаний на практике, является обеспечение государством правового поля, симбиоза подзаконных актов и законов, регулирующих взаимоотношения телевидения и общества. Закона, регламентирующего деятельность телевидения, в Советском Союзе не существовало. Контроль осуществлялся через директивы и постановления Гостелерадио, ЦК КПСС. Базовым нормативным документом в этой области стал Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (вступил в действие 13 февраля 1992 г.) В нем определен ряд принципов и форм деятельности телевизионных компаний. В соответствии с законом появилась возможность развивать негосударственное телевидение.

Таким образом, в истории отечественных средств массовой информации России возник новый период, характеризующийся большими потерями и приобретениями. Тем не менее закон о телевидении в России до сих пор не принят. В начале XXI в. отечественное телевидение сопровождала обстановка правового хаоса: советские законы были не легитимны, новые не разрабатывались или не соответствовали реалиям времени. К примеру, закон РФ «О средствах массовой информации» содержал статьи о Федеральной комиссии по телевидению и радиовещанию. В действительности же подобной комиссии не было, работала только созданная по указу Президента России Федеральная служба телевидения и радиовещания, в задачи которой входили выдача лицензий на осуществление вещательной деятельности и контролирование выполнения их требований вещательными компаниями. Объем работы службы достигал крупных масштабов: лицензии получили более 1 500 телевизионных компаний. В 1999 г. данная служба была ликвидирована, а ее полномочия закреплены за созданным Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Республиканского законодательства, регламентирующего деятельность медийных структур, рассматриваемые республики не имеют. В разработке проекта законодательного документа СССР «О печати и других средствах массовой информации» [6. С. 3–14] принимал участие тогдашний Президент Чувашии Н.В. Федоров. Действующий в настоящее время Закон России «О средствах массовой информации» создан на основе этого нормативного документа. В условиях отсутствия единой законодательной базы, вводящей деятельность телерадиовещания в правовое русло, регионы самостоятельно регулировали деятельность

местных средств массовой информации. К примеру, в 1995 г. Кабинетом министров Чувашии принято решение «О Чувашской региональной комиссии по телерадиовещанию» (в 1998 г. положение заменено на документ «О Чувашской территориальной комиссии по телерадиовещанию»). Данная комиссия была создана для осуществления лицензионной деятельности с опорой на региональные особенности [7]. Вхождение нескольких ведомств и министерств в центральное Министерство культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики не отразилось должным образом на развитии СМИ региона. В действительности министерство успевало осуществлять лишь контрольную функцию представительства в средствах массовой информации позиции государства [8. С. 41].

В 2000-е гг. информационная политика государства в части расширения культурно-воспитательной функции регионального телевидения была направлена на увеличение роли государственных средств массовой информации, следствием чего явилось неизбежное уменьшение свободы слова. Данная ситуация подтверждается точкой зрения известных отечественных деятелей средств массовой информации. К примеру, Президент Национальной ассоциации телерадиовещателей Э.М. Сагалаев отметил факт малого количества на телевидении правды и большого количества пошлости, проведения информационной политики, изначально не предполагающей прямых эфиров, свободных дискуссий. По мнению же тогдашнего Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, «свобода слова должна быть обеспечена технологическими новациями. Опыт показал, что уговаривать чиновников “оставить в покое” СМИ практически бесполезно. Нужно не уговаривать, а как можно активнее расширять свободное пространство Интернета и цифрового телевидения. Никакой чиновник не сможет препятствовать дискуссиям в Интернете, цензурировать сразу тысячу каналов» [9].

В геноме всякой властной структуры в силу своей природы в определенной степени изначально заложено использование средств массовой информации как инструмента манипулирования общественным мнением. Отличительная политическая характеристика действующей власти в 1990-е гг. – реализация политики посредством первичных источников идентичности: национальных, этнических, религиозных, культурных, территориальных. Современная политическая система подвержена структурной проблеме легитимности, периодически скандализирована, все больше зависит от освещения в средствах массовой информации личностных характеристик лидера(ов), становясь все более обособленной от аудитории. Этим объясняется большое внимание контролю над деятельностью средств массовой информации. События августа 2008 г. (Северный Кавказ) и на Украине (2013–2014 гг.) показали на примере оплота демократического устройства (США) превалирующую роль собственных государственных интересов над свободой слова и

другими принципами демократии. Развязываемая информационная война обнажает стоящие перед средствами массовой информации России задачи, в частности телевизионными структурами как наиболее эффективными носителями культурно-воспитательной функции, одними из самых массовых источников информации.

При оценке современной информационной политики в области расширения культурно-воспитательной функции в исследуемом регионе важно отметить до сих

пор сильное влияние государства на средства массовой информации. В советский период отечественное телевидение составляло неотъемлемую часть партийного аппарата, в настоящее время оно может рассматриваться и определяться как «четвертая власть». Оно способно иметь статус властного органа, его властные полномочия определяются духовно-идеологической сферой. Средства массовой информации Марий Эл, Мордовии и Чувашии в полной мере пока этого не достигли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухин А.А. «Эпохи» новейшей истории СМИ // Вестник Воронежского университета (Филология. Журналистика). 2005. № 2.
2. Егоров В.В. Телевидение: Страницы истории. М., 2004.
3. Хлыстунов С.Ю. Средства массовой информации российского общества в условиях идеологической глобализации : автореф. дис. ... д-ра политол. наук. Саратов, 2008.
4. Данилов А.А. Проблемы формирования информационной среды в условиях социокультурной трансформации российского общества // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-10026. Оп. 1. Д. 1056.
6. О введении в действие закона СССР «О печати и других средствах массовой информации»: постановление Верховного Совета СССР. М., 1990.
7. О чувашской территориальной комиссии по телерадиовещанию: постановление Кабинета министров Чувашской Республики // Чăваш ен: свод офиц. док. 1998. № 22. Приложение.
8. Данилов А.А. Государственная политика в области регионального телевидения в 1990-х годах – начале XXI века // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1.
9. Из Послания Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года. URL: <http://minkomsvjaz.ru/news/xPages/entry.7593.html>

Danilov Andrey A. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: danilov.andrey@mail.ru
FEATURES OF THE STATE INFORMATION POLICY IN THE FIELD OF EXPANSION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF REGIONAL TELEVISION DURING THE POST-SOVIET PERIOD OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY (ON MATERIALS OF THE MARI, MORDOVIAN AND CHUVASH REPUBLICS).

Keywords: State information policy; television; cultural and educational function; Mari El; Mordovia; Chuvashia.

The beginning of the 1990-s accompanied with transition to the market relations and the accompanying processes of privatization, decentralization, demonopolization and a destructurization is characterized by emergence in Russia of alternative non-state television at the regional level. The situation disappeared when the central state TV channels were monopolists in the sphere of the activity. In 1991 the Law of the Russian Federation "About mass media" which in no small measure helped distribution of independent television studios is adopted. At the end of the XX century defining in development of cultural and educational function of television became regionalization and decentralization. The appeared possibilities of a regional television broadcasting more widely to broadcast characteristics of regions became the reason of these processes, considering its interests and inquiries more fully, carrying out important social function. The republican legislation regulating activity of media structures the considered republics is no. In the conditions of lack of the uniform legislative base entering activity of TV and radio broadcasting into the legal course, regions independently regulated activity of local mass media. In the 2000-s information policy of the state regarding expansion of cultural and educational function of regional television was directed on increase in a role of the state media, inevitable reduction of a freedom of speech was a consequence of that. In a genome of any power structure owing to the nature in a certain degree use of mass media as manipulation tool is initially put by public opinion. The distinctive political characteristic of authorities in power in the 1990-s – realization of policy by means of primary sources of identity: national, ethnic, religious, cultural, territorial. The modern political system is subject to a structural problem of legitimacy, periodically the skandalizirovana, depends on lighting in mass media of personal characteristics of leaders more and more, becoming more and more isolated from audience. The great attention to control over activity of mass media is explained by it. At an assessment of modern information policy in the field of expansion of cultural and educational function in the studied region it is important to note still strong influence of the state on mass media. During the Soviet period the domestic television made an integral part of the party device, now it can be considered and be defined as "fourth estate". It is capable to have the status of power body, his powers of authority are defined by the spiritual and ideological sphere. Mass media of Mari El, Mordovia and Chuvashia fully so far didn't reach it.

REFERENCES

1. Zolotukhin A.A. "Epokhi" noveyshey istorii SMI [The "epochs" of modern media history]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta (Filologiya. Zhurnalistika)*, 2005, no. 2.
2. Egorov V.V. *Televidenie: Stranitsy istorii* [TV: the pages of history]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2004. 200 p.
3. Khlystunov S.Yu. *Sredstva massovoy informatsii rossiyskogo obshchestva v usloviyakh ideologicheskoy globalizatsii*: avtoref. dis. d-ra politol. nauk [The media of the Russian society under ideological globalization. Abstract of Political Sciences Doc. Diss.]. Saratov, 2008.
4. Danilov A.A. Problemy formirovaniya informatsionnoy sredy v usloviyakh sotsiokul'turnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva [Problems of formation of the information environment in terms of socio-cultural transformation of the Russian society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4.
5. The State Archive of the Russian Federation (GARO). Fund A-10026. List 1. File 1056. (In Russian).
6. O vvedenii v deystvie zakona SSSR "O pechati i drugikh sredstvakh massovoy informatsii": postanovlenie Verkhovnogo Soveta SSSR [Implementation of the Law of the USSR "On Press and Other Mass Media": the Supreme Soviet of the USSR]. Moscow, 1990.
7. O chuvashskoy territorial'noy komissii po teleradioveshchaniyu: postanovlenie Kabineta ministrov Chuvashskoy Respubliki [Chuvash territorial Broadcasting Commission: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Chuvash Republic]. *Chăvash en*, 1998, no. 22.
8. Danilov A.A. Gosudarstvennaya politika v oblasti regional'nogo televeshchaniya v 1990-kh godakh – nachale XXI veka [The state policy in regional broadcasting in the 1990s – early 21st century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 1.
9. Iz Poslaniya Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii 5 noyabrya 2008 goda [From the Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, November 5, 2008]. Available from: <http://minkomsvjaz.ru/news/xPages/entry.7593.html>.

УДК 311 (075.8) Г18
DOI 10.17223/19988613/34/13

Е.В. Гамерман

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 2014 г.

Исследуются проблемы российско-китайских отношений в сфере безопасности и того, как на взаимодействие двух стран повлияют события 2014 г. (прежде всего Украинский кризис). В центре внимания автора как традиционные, так и нетрадиционные угрозы безопасности на международном и региональном уровнях (в Центральной и Восточной Азии). Отдельное место занимают такие сверхактуальные и важные сферы, как энергетика и продовольствие, взаимодействие в которых будет наиболее интенсивным, а его последствия – самыми значимыми для обоих государств.

Ключевые слова: региональная и международная безопасность; украинский кризис; энергетика; продовольственная безопасность; Китай; Россия.

2014 г. для современных международных отношений становится крайне важным. По сути, он является точкой бифуркации прежней неустойчивой, переходной системы. Украинский кризис, который стал всего лишь кульминацией нарастающего противостояния США и ЕС с РФ на постсоветском пространстве, имеет последствия (как со знаком плюс, так и со знаком минус) для большинства стран и регионов планеты, а также для их сотрудничества и взаимодействия. Серьезным образом он повлиял и будет влиять в дальнейшем, на российско-китайские отношения в сфере безопасности.

На сегодняшний день вопросы национальной, региональной и международной безопасности вышли далеко за рамки традиционных военных аспектов. В XXI в. угрозы безопасности – это не просто вероятность межгосударственных или внутригосударственных военных конфликтов, а уже многоаспектный и многопрофильный пласт проблем. В последние 20 лет мы наблюдаем процессы, которые можно с определенной долей условности назвать экономизацией международных отношений, т.е. на первый план вышли именно вопросы геоэкономики и в сфере безопасности сверхактуальными стали разнообразные угрозы экономической безопасности (энергетика, продовольствие, экология и др.).

В рамках данной статьи мы рассмотрим трансформацию взаимоотношений двух стран (России и Китая) в ходе и после украинского кризиса в сфере традиционных (военных) и нетрадиционных угроз безопасности.

Российско-китайские отношения нельзя назвать простыми. Однако за последние 24 года с момента падения Берлинской стены и последующего распада СССР они все-таки развивались по восходящей. Так, в 2001 г. был заключен договор между двумя государствами «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [1], что можно считать точкой отчета для их стратегического партнерства. Далее, в 2004 г., было подписано, а в 2005 г. ратифицировано обеими сторонами дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе в ее восточной части. Китай получил ряд территорий общей площадью 337 кв. км на островах р. Амур [2]. В результате территориальных уступок удалось снять определенную напряженность и идти по

пути наращивания экономического и политического взаимодействия.

Однако в 2012 г. вновь возникли разногласия в ходе демаркации западного участка границы. Китай требует смещения границы вглубь российской территории в Республике Алтай на 17 гектаров. Данные территориальные претензии стали достаточно неожиданными, так как еще в 2011 г. таковых со стороны Пекина во время переговоров не было [3]. Этот вопрос пока не получил разрешения. Но в современных условиях дефицита партнеров и союзников у РФ можно предположить, что этот спор будет решен в ближайшее время также в пользу Поднебесной. В этот раз следует ожидать более серьезной информационной проработки данных действий (либо полнейшего замалчивания со стороны российских СМИ, либо же, наоборот, тотальной «раскрутки» договора как очередного «соглашения века», на этот раз – политического).

В украинском кризисе две страны принимают разное участие и имеют несколько отличные, хоть и близкие, позиции. Россия принимает в нем непосредственное участие. РФ имеет как политические, так и экономические интересы в данном конфликте. После крымского референдума Москва, так или иначе, является участником всего, что происходит в соседнем государстве. Китай принимает во всем происходящем опосредованное участие, имея в нем сугубо экономические интересы. Еще при президенте В.Ф. Януковиче был заключен ряд договоров между Украиной и Китаем в сфере сельского хозяйства, авиационной техники, а также по развитию Крымского полуострова (портовая инфраструктура) [4, 5]. Сейчас КНР получает дивиденды от «санкционной войны» между Россией и Западом и интенсификации сотрудничества с северным соседом. На международном уровне, в отличие от России, которая выступает в качестве главного антагониста США и ЕС, Китай занял выжидательную позицию и, по сути, не принял ни ту, ни другую сторону. При голосовании в ООН по действиям России в Крыму Китай был в числе воздержавшихся [6]. И в дальнейшем, в выступлениях и комментариях китайских политиков, звучит осуждение любого вмешательства во внутрен-

ние дела иностранных государств [7]. А это можно трактовать и как критику в отношении действий США, так и внешней политики РФ. В целом позицию Пекина можно охарактеризовать как политику нейтралитета, невмешательства в украинский кризис (что для китайской внешней политики является характерным на протяжении уже многих лет) при одновременных действиях по усилению экономических позиций на постсоветском пространстве, в отношениях с Россией и сохранением взаимовыгодного сотрудничества с США. В российских СМИ принято называть позицию Китая пророссийской, однако это не совсем верно. Скорее это можно назвать «дружеским нейтралитетом» с очевидной экономической выгодой от последнего. Но для России важна даже такая диспозиция.

Последствия украинского кризиса для двух стран также будут различными. Для Китая они будут в целом позитивными. В сфере экономики – решение собственных энергетических проблем и обеспечение энергетической безопасности (за счет российских энергоресурсов), усиление экономических позиций в России и Центральной Азии. В политической сфере – отвлечение внимания США от Восточной Азии на события на Украине и Ближнем Востоке; усиление зависимости Москвы от Пекина и повышение уровня «сговорчивости» Кремля по целому ряду вопросов (которые до этого Поднебесная решить не могла); усиление веса Китая в ШОС, интенсификация военно-технического сотрудничества с РФ.

Для России все выглядит не так радужно. Здесь последствия будут скорее негативными. Среди них самыми существенными последствиями в экономике являются, во-первых, снижение инвестиционной привлекательности государства и, соответственно, существенное снижение объемов прямых иностранных инвестиций; во-вторых – увеличение объема оттока капитала [8; 9. С. 2–3]. Эти два фактора могут привести к очень серьезному экономическому кризису, сравнимому по последствиям с началом 1990-х гг. В политической сфере – снижение международного авторитета и влияния; серьезное уменьшение дипломатических возможностей страны для решения важных международных проблем. В таких абсолютно разных исходных позициях начинается новый период во взаимоотношениях между Россией и Китаем. Период, в течение которого Пекин будет доминировать в данном тандеме. Именно сейчас начинаются определенные трансформации на этом направлении. Изменяется отношения, в том числе в сфере безопасности, как традиционной, так и нетрадиционной (невоенной).

В сфере военной безопасности позиции сторон являются наиболее близкими. И Пекин, и Москва выступают за установление многополярного мира, за минимизацию вмешательства США в дела других государств в разных регионах планеты, а также главными угрозами считают угрозы терроризма, сепаратизма и экстремизма (к таковым они относят, в том числе, уй-

гурских сепаратистов в Китае и боевиков с Северного Кавказа в России. Западные страны считают их оппозицией существующих режимов) [10]. Однако и здесь ожидаются определенные изменения. В вопросах обеспечения военной безопасности Китай станет доминировать в российско-китайских отношениях и в регионе Центральная Азия. Будут наращиваться количество и улучшаться качественно вооруженные силы Китая, которые в недалеком будущем догонят по объему обычные вооруженные силы США [11. С. 163, 167]. Россия будет играть роль поставщика современных военных технологий, тем самым способствуя опережающему развитию китайских вооруженных сил (по сравнению с самой РФ). В среднесрочной перспективе на территории Поднебесной будут созданы собственные производственные военно-технологические мощности, не уступающие российским. И тогда военнотехническое сотрудничество между странами будет сведено к минимуму. Однако есть сфера, в которой сотрудничество может не только не прекратиться, но и выйти на новый уровень – это взаимодействие в сфере ПРО (противоракетной обороны). Чем активнее США будут реализовывать свои программы по ПРО в Японии и Южной Корее (а, возможно, в Сингапуре и на Филиппинах) [Там же. С. 626–631], тем более интенсивным будет взаимодействие по данному вопросу между Москвой и Пекином. Как результат – возможное создание единой системы ПРО северо-восточных и восточных провинций Китая и Дальнего Востока России. Но одновременно начнется усиление антагонизма между странами в регионе Центральная Азия, где будут все больше укрепляться экономические и военнополитические позиции КНР [12. С. 333–336]. Подвергнутся определенным изменениям и взаимоотношения двух государств в рамках международных организаций. Шанхайская организация сотрудничества, которая изначально существует как межправительственная организация с двумя «большими» и тремя (а затем четырьмя) «малыми» государственными акторами, начнет превращаться в чисто «китайский проект». В рамках ШОС все-таки будет создан общий банк для финансирования конкретных проектов (надо полагать, в основном в нем будут циркулировать китайские капиталы) и для реализации пекиноориентированных проектов [13].

Кроме того, в долгосрочной перспективе возможно создание единого военного контингента и военных баз ШОС на территории Центральной Азии. Это станет логичным продолжением интенсификации сотрудничества между странами – участницами в военной сфере, увеличения масштабов военных учений в рамках организации. Удельный вес Китая в военном сотрудничестве такого уровня будет также очень высок.

В рамках форума АТЭС также будет повсеместно расти влияние Китая при снижении влияния России. Взаимодействие в рамках данного формата можетвестись только сугубо с помощью взаимной поддержки

инициатив, исходящих от партнера при том, что китайских инициатив будет значительно больше.

Саммит Восточноазиатского сообщества будет иметь схожие тенденции. Однако здесь круг вопросов и проблем будет значительно шире. Именно ВАС в перспективе может стать ведущей организацией в АТР, в рамках которой и развернется основная часть противодействия в регионе между Россией и США, Китаем и США.

Теперь обратимся к взаимодействию двух стран в сфере нетрадиционных (невоенных) угроз, а именно экономической безопасности. И начнем с самой главной для обеих стран отрасли – энергетики. В вопросах энергетической безопасности Москва и Пекин находятся на разных полюсах. Россия является «донором», или одним из основных поставщиков энергоресурсов на мировом рынке. Китай является «реципиентом», одним из самых крупных потребителей углеводородов и других видов энергосырья с самым высоким уровнем роста потребления [14]. В ходе украинского кризиса взаимодействие двух стран в этой сфере стало наиболее актуальным и злободневным.

В условиях обострения отношений со странами ЕС стоят под вопросом объемы поставок газа в западном направлении, и в перспективе можно ожидать переориентации Брюсселя на других поставщиков (Норвегия, Ближний Восток, сланцевый газ США, Иран). Поэтому в условиях кризиса РФ пытается диверсифицировать свои поставки, найдя новых покупателей (или увеличив объемы поставок для старых) по другим направлениям. В случае России другое направление – это Азия, и в первую очередь Восточная Азия.

Сотрудничество со странами региона начато в этом направлении достаточно давно. Так, еще в 1996 г. с помощью иностранных компаний (Mitsui, Mitsubishi, Shell) была начата разработка нефтяных и газовых месторождений «Сахалин-2» [15].

В 2009 г. была запущена первая очередь, а в 2012 г. – вторая очередь проекта «Восточная Сибирь – Тихий Океан», нефтепровода, соединяющего месторождения Сибири с рынками Восточной Азии, в первую очередь с Китаем и Японией от Тайшета (Иркутская область) до Козьмино (Находка, Приморский край) с ответвлением на Дацин (КНР) в районе Сковородино (Амурская область) [16]. Цены на поставляемую в Китай нефть не разглашаются. Но они значительно ниже сложившихся на мировых рынках. Параллельно со строительством нефтепровода велись переговоры с китайским руководством о поставках сжиженного природного газа. Стороны очень долго не могли договориться о цене. И Китай все эти годы сжиженный природный газ из России практически не импортировал [17]. Однако в 2014 г., в условиях острейшего российско-западного антагонизма, переговоры не только возобновились, но и завершились подписанием газового контракта, который тут же с легкой руки Президента РФ окрестили «контрактом века»

[18]. Надо полагать, что России пришлось значительно снизить первоначальную цену. По экспертным оценкам (а содержание самого контракта держится в секрете), цена не превышает 350 долл. за тысячу кубометров газа. Это значительно ниже мировой конъюнктуры и уж тем более не тождественно европейскому направлению (380–400 долл.) [19]. Насколько это соглашение соответствует обеспечению российской энергетической безопасности и шире – национальной безопасности, покажет время. В данной ситуации у Москвы практически не было выбора. Но при этом можно сказать вполне определенно, что КНР обеспечила свою энергетическую безопасность, диверсифицировав поставки и обеспечив себя углеводородами на случай перебоев поставок с Ближнего Востока. А собственные территории российского Дальнего Востока по-прежнему остаются негазифицированными [20].

Дальше необходимо искать новых покупателей сжиженного природного газа и нефти. И речь прежде всего идет о Японии, слухи о возможном контракте с которой давно муссируются в СМИ, и Индии. Это является крайне важным для того, чтобы окончательно не оказаться в ситуации зависимости от крупнейшего покупателя. После 2014 г. ситуация будет развиваться в сторону увеличения присутствия китайских компаний на российских газовых и нефтяных месторождениях, при разработке Арктического шельфа и ряда сопутствующих инфраструктурных проектов. Кроме того, будут заключены еще ряд соглашений в энергетической сфере между двумя странами о поставках углеводородного сырья с западных регионов России (преимущественно через Калининград, и, возможно, через Крым) [21].

Нельзя забывать и еще об одной отрасли в сфере энергетики – электроэнергетике. На территории Амурской области были построены две ГЭС – Зейская (в 1970 г.) и Бурейская (в 2010 г.). С 2011 г., после окончания строительства ЛЭП-500 «Амурская – Хэйхэ» (Первая линия сверхвысокого класса напряжения между Россией и Китаем), был возобновлен экспорт электричества в Китай. А в 2012 г. был подписан долговременный контракт. Однако отпускная цена и стоимость для конечных потребителей российской электроэнергии в Китае вызывают много вопросов, так как и то и другое значительно ниже, чем в наших дальневосточных регионах [22–25]. В скором времени будет построена (уже начато строительство) третья ГЭС на территории Амурской области (а в перспективе и четвертая) с явным ориентиром на экспорт (потреблять электричество в таких объемах на своей территории просто некому) [26]. Избыток продукции гидроэлектростанций придется отдавать Китаю еще дешевле, чем сейчас (так как другого выхода просто не будет), за счет увеличения стоимости на внутреннем рынке. Это окончательно сделает местное российское сельскохозяйственное и промышленное производство убыточным и неконкурентоспособным и приведет к еще большему оттоку российского населения из дальневосточных регионов.

После введения российских ответных санкций против ЕС, Австралии, Норвегии и Канады в сфере сельскохозяйственной продукции очень актуальной стала проблематика продовольственной безопасности. Под запрет попали мясо, молоко, рыба, овощи, фрукты, орехи. В августе 2014 г. Указом Президента РФ был запрещен их ввоз на территорию России из вышеперечисленных государств [27]. Тут же было объявлено о необходимости импортозамещения и подъема собственного сельского хозяйства. Однако по указке сверху сделать это невозможно. Необходимо создавать соответствующие условия – упрощать лизинг, давать реальные налоговые льготы, предоставлять различные варианты кредитов, возможности для start-up в аграрном секторе и т.д., создавать совместные предприятия с иностранными компаниями на территории России. Тогда можно будет ожидать положительного эффекта через 5–7 лет. Сейчас же РФ просто меняет одних поставщиков на других. Место тех, кто попал под российские санкции, займут Белоруссия, Китай, Бразилия, Аргентина, Турция [28]. Все это сопровождается целым рядом негативных эффектов для самой России. И, прежде всего, резким повышением цен на отдельные продукты (так, мясо подорожало в некоторых регионах на 10–40% за 2 месяца) [29, 30]. Это связано и с желанием розничных сетей заработать дополнительную прибыль на сложившейся ситуации, с более высокой отпускной ценой и в целом издержками со стороны новых стран-импортеров (в ситуации, когда у России фактически нет выбора).

Кроме того, нужно отдельно остановиться на качестве продовольственной продукции. Наиболее уязвимым местом в продовольственной безопасности РФ является мясная промышленность. 10 лет назад был запрещен ввоз мяса из Китая, 3 года назад – из Бразилии [31]. Причины – использование генномодифицированных кормов при вскармливании животных в обеих странах и частые вспышки ящура в Поднебесной [32]. В 2014 г. эмбарго на поставки мясной продукции из этих двух стран было снято [33]. Однако сомнительно, чтобы причины, по которым оно было введено ранее, куда-то исчезли. Поэтому, помимо повышения цен, следует ожидать еще и снижения качества. Все это не отвечает российским национальным интересам и способствует снижению уровня продовольственной безопасности. Сейчас следует признать, что РФ будет вынуждена закупать мясную продукцию в Китае и Бразилии. Здесь следует очень внимательно относиться к инспектированию качества Роспотребнадзором при импорте, а в перспективе создавать совместные российско-китайские животноводческие комплексы на территории Сибирского и Дальневосточного федерального округов. Но даже при этом можно ожидать определенного дефицита в отдельных регионах России. В целом российско-китайские отношения в сфере продовольственной безопасности будут характеризоваться более высокой интенсивностью. В октябре

2014 г. в городе Суйфэньхэ прошла 1-я китайско-российская сельскохозяйственная ярмарка, призванная найти упрощенные механизмы для экспортных процедур в сфере продовольствия [34]. В провинции Хэйлунцзян КНР созданы два логистических кластера, для прямых поставок продовольствия в Россию – в городском уезде Нинъюань, и так называемая зона «Баожун» (уезд Дуннин) [35].

Благодаря увеличению объемов сотрудничества в сфере нефти и газа, а также в области продовольствия, в ближайшее время значительно возрастут объемы взаимной торговли между Россией и Китаем. И Китай еще сильнее утвердится в качестве главного торгового партнера.

Теперь рассмотрим взаимодействие России и Китая после украинского кризиса в сфере безопасности в отдельных регионах. Начнем с Центральной Азии (о которой мы уже начинали писать). Именно здесь можно ожидать наибольшего антагонизма между Москвой и Пекином. Государства региона являются сферой традиционного влияния Москвы (прежде всего, политического). Однако в течение 1990–2000-х гг. в силу кризиса и слабости российской экономики и снижения российского влияния происходила постепенная «китаизация» региона (после его частичной политической «американизации» в 1990-е гг.). Количество китайских прямых инвестиций, инфраструктурных проектов, значительно больше, чем американских, российских или европейских. Кроме того, Китай активно осваивает энергетическую отрасль региона [12. С. 131–333]. В ближайшее время КНР будет наращивать свое присутствие, и это вызовет определенное противодействие Москвы. Но, учитывая зависимость в настоящий момент РФ от взаимодействия с Китаем, можно ожидать серьезного усиления роли последнего в регионе и в Шанхайской организации сотрудничества. Вполне логичным следствием будет снижение экономического и политического влияния России.

В Восточной Азии потенциал конфликтности двусторонних отношений значительно ниже, чем в рассмотренном ранее регионе. Самой сложной проблемой региональной безопасности является «корейская проблема». И здесь Россия и Китай занимают близкие позиции, хотя и имеют разный удельный вес и влияние в Северной Корее. КНР является главным и основным экономическим партнером Пхеньяна, и эта тенденция будет только нарастать [36]. Россия, после списания долга режиму Чучхе, продолжит поставлять вооружение и технику в Северную Корею [37]. Кроме того, и Москва, и Пекин продолжат внешнеполитические усилия по возобновлению шестистороннего формата переговоров по данному вопросу.

После «возвращения» США в АТР все более напряженными становятся отношения между Китаем и Североамериканским государством. А после украинского кризиса отношения между Россией и США в среднесрочной перспективе будут на уровне холодной

войны в большинстве регионов мира. Это еще одна точка соприкосновения двух стран. Противодействие американцам будет главным лейтмотивом для сотрудничества государств в Восточной Азии.

Очень важным будет в регионе и взаимодействие обоих акторов с Японией. Можно ожидать улучшения экономического сотрудничества Москвы и Токио в энергетической сфере и в области сельского хозяйства, а также новых технологий. Но достаточно сложными останутся политические связи. Пекин будет добиваться минимизации такого ренессанса своих соседей по Северо-Восточной Азии, и это также станет одним из трендов китайско-российского диалога.

В остальных регионах мира взаимодействие двух стран будет не настолько интенсивным, чтобы на нем останавливаться отдельно.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что взаимодействие России и Китая после 2014 г. в сфере безопасности будет значительно более интен-

сивным. Увеличатся объемы взаимной торговли, сотрудничество в сфере энергетики, продовольствия выйдет на новый количественный и качественный уровень, будет наращиваться диалог в сфере военно-технической, а также в области ПРО. Однако эти процессы имеют негативную сторону в виде усиления зависимости Москвы от Пекина как основного покупателя энергоресурсов и поставщика продовольствия. Помимо сотрудничества между сторонами будут нарастать противоречия и даже конфронтация. В целом можно сказать, что наличие одного сильного соперника на международной арене в лице США будет обуславливать необходимость тесных взаимосвязей обеих стран, однако это сотрудничество можно назвать «дружбой поневоле», т.е. именно внешняя политика американского государства станет одним из главных стимулов для московско-пекинского сближения и нарастания всестороннего диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской народной республикой. URL: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/F4DBD6456728FA1844257D770026A135, свободный.
2. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской народной республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части. URL: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/F4DBD6456728FA1844257D770026A135, свободный.
3. Китай предъявил России территориальные претензии. URL: <http://www.km.ru/world/2012/08/15/pogranichno-vizovye-voprosy-zarubezhom/kитай-predyavil-rossii-territorialnye-prete>, свободный.
4. Контракт на 28 миллиардов долларов: на каких условиях Китай будет покупать украинскую сельхозпродукцию. URL: <http://forbes.ua/business/1351061-kontrakt-na-28-mlrd-na-kakih-usloviyah-kitaj-budet-pokupat-ukrainskuyu-selhozprodukciju>, свободный.
5. Украина и Китай подписали договор о дружбе и сотрудничестве. URL: <http://economics.unian.net/industry/859870-ukraina-i-kitay-podpisali-dogovor-o-drujbe-i-sotrudnichestve.html>, свободный.
6. Генеральная Ассамблея ООН призвала уважать территориальную целостность Украины. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21375#.VEp2afmUeW8>, свободный.
7. Скосярев В. Пекин не вмешивается в спор Москвы и Вашингтона. URL: http://www.ng.ru/courier/2014-03-17/9_china.html, свободный.
8. Иностранные инвестиции в Россию. Прямые иностранные инвестиции. URL: <http://investornow.ru/inostrannye-investicii-v-rossii>, свободный.
9. Комментарии о государстве и бизнесе / под ред. С.В. Алексашенко. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. № 75.
10. Гусейнов В. Эволюция позиции Запада в чеченском кризисе. URL: http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/15_evolution.html, свободный.
11. Ежегодник СИПРИ. 2012. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
12. Савкович Е.В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012). Томск, 2012. 336 с.
13. Банк развития ШОС поможет решить проблему финансирования. URL: <http://finam.info/news/bank-razvitiya-shos-pomoget-reshit-problemu-finansirovaniya>, свободный.
14. Крупнейшие экспортеры и импортеры нефти. URL: http://www.uptrading.ru/main/internet_trejdning_na_finansovyh_rynkah/informacionnyj_blok_trejderainvestora/rynok_syrya_neft_i_gaz/krupnejshie_eksportny_i_importny_nefti, свободный.
15. Проект «Сахалин-2» – добыча нефти и газа. URL: <http://www.shell.com.ru/aboutshell/shell-businesses/shell-businesses-russia/e-and-p/sakhalin.html>, свободный.
16. Экспертный портал «Восточный нефтепровод». URL: <http://www.vstoneft.ru>, свободный.
17. «Газпром» на внешних рынках. URL: <http://www.gazpromquestions.ru/foreign-markets>, свободный.
18. Сделка века. Россия и Китай заключили газовый контракт на 30 лет. URL: <http://smartnews.ru/business/companies/17802.html>, свободный.
19. Россия и Китай заключили контракт на поставку газа. URL: <http://oko-planet.ru/finances/financesday/242982-rossiya-i-kitay-zaklyuchili-kontrakt-na-postavku-gaza.html>, свободный.
20. Инвестиции в промышленность, социальную сферу и инновации. Газификация. URL: <http://investinnoprom.ru/gazificaciya.php>, свободный.
21. Контракт о поставках газа РФ в Китай может быть подписан до конца года. URL: <http://ria.ru/economy/20141004/1026926316.html#ixzz3H9ye4CA0>, свободный.
22. Россия и Китай договорились о поставках электроэнергии. URL: <http://top.rbc.ru/economics/05/12/2012/835043.shtml>, свободный.
23. Экспорт электроэнергии в Китай: плюс или минус? <http://finam.info/news/eksport-elektroenergii-v-kitay-plyus-ili-minus>, свободный.
24. Россия продает электричество Китаю дешевле, чем своим гражданам. URL: <http://www.newsru.com/finance/25feb2013/electro.html>, свободный.
25. О продаже электроэнергии Дальнего Востока в Китай. URL: <http://fuyuan.ru/3875>, свободный.
26. Начато бетонирование здания Нижне-Бурейской ГЭС. URL: <http://www.nbg.es.rushydro.ru/press/news/90017.html>, свободный.
27. Указ о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46404>, свободный.
28. Николаев И. Уроки географии. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/nikolaev/s62993/6189813.shtml>, свободный.
29. В России зафиксирован резкий рост розничных цен на мясо кур. URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/32616281/pochemu-vzleteli-kury#ixzz3HAXvtD8D>, свободный.
30. Сводки с продовольственного фронта: что, где и насколько подорожало. URL: <http://finance.rambler.ru/news/analytics/150198010.html>, свободный.
31. Россия вынуждена прервать поставки мяса из Бразилии. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/722044>, свободный.
32. В Китае зафиксирована очередная вспышка свиного ящура. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/862237>, свободный.
33. Россельхознадзор снял ограничения на ввоз китайской свинины. URL: <http://lenta.ru/news/2014/08/14/chinapork/>, свободный.

34. Первая российско-китайская сельхозярмарка открывается в КНР. URL: <http://ria.ru/economy/20141016/1028506229.html>, свободный.
35. Китайские овощи покоряют Россию. URL: <http://static.gazeta.ru/business/2014/08/11/6170289.shtml>, свободный.
36. Китай останется основным торговым партнером КНДР, считают эксперты. URL: <http://ria.ru/world/20140609/1011371767.html>, свободный.
37. Россия списала КНДР долги на 10 миллиардов долларов. URL: <http://dni.ru/economy/2014/5/5/269926.html>, свободный.

Gamerman Evgeniy V. The Moscow Academy of Entrepreneurship Under the Government of Moscow. Blagoveshchensk Branch (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: egamerman@mail.ru

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE SPHERE OF REGIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY AFTER 2014.

Keywords: regional and international security; Ukrainian crisis; energy; food security; China; Russia.

In this article the author examines the consequences of the Ukrainian crisis for Russian Federation, China and the Russian-Chinese relations in the sphere of traditional (military) and non-traditional security threats. Two states differently involved in the events in Ukraine and the consequences for them are also different. In conditions of acute antagonism between Russia and Western countries becomes a quite natural consequence of activation of Russian-Chinese cooperation. And this process has both positive and negative consequences. In the sphere of military security the positions of the both sides are the closest. A revitalization program in the US missile defense in the East Asia, could(?) make cooperation in this field even more intense. Including attempts to create a unified Russian-Chinese missile defense system. However, over time, in the medium-term perspective, China will become more autonomous in the matter of production of weapons and equipment, and cooperation in this area will be minimized. In the framework of international organizations will also be apparent significant changes in the relations between the two countries. For example, participants in the Shanghai Cooperation Organization will establish a central bank (mostly to finance Chinese projects), and eventually unified military contingent, military bases or without initially. In this case, the organization will increasingly become a "Chinese project", in which the influence of Russia will be minimized. APEC and the East Asia Summits will also strengthen China's influence, by reducing the influence of Russia and suspicion of countries to the actions of Russian and US policy. In the area of non-traditional security threats the energy and food security will be of a great intensity. In general, Russia is increasingly dependent on a single buyer of energy – China, and it is a cause for concern. In May 2014 was concluded gas "contract of the century" on gas deliveries to China, with prices at least 10% lower (but even more so 15%), than in the European direction. And in the case of failure in the future of the European Union to buy Russian gas, the China can negotiate an even lower price tag. It does not meet Russian interests and national security of the Russian Federation. In the area of food after the Russian retaliatory sanctions, China has also become one of the principal partners of our country. Beijing is increasingly playing a major role in Russian-Chinese tandem. However, in this way will inevitably grow the level of antagonism between the two countries. Especially, in Central Asia, where very strong Chinese influence will grow. In general, we can say that the intensity of cooperation between Russia and China in the field of security will grow dramatically. But it would be a "reluctant friendship".

REFERENCES

1. *Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Kitayskoy narodnoy respublikoy* [The Treaty on Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. Available from: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/F4DBD6456728FA1844257D770026A135.
2. *Dopolnitel'noe soglasenie mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Kitayskoy narodnoy respublikoy o rossiysko-kitayskoy gosudarstvennoy granitse na ee vostochnoy chasti* [The Supplemental Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on the eastern part of the Russian-Chinese border]. Available from: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/F4DBD6456728FA1844257D770026A135.
3. *Kitay pred'yavil Rossii territorial'nye pretenzii* [China lays territorial claims to Russia]. Available from: <http://www.km.ru/world/2012/08/15/pogranichno-vizovye-voprosy-za-rubezhom/kitai-predyavil-rossii-territorialnye-prete>.
4. *Kontrakt na 28 milliardov dollarov: na kakikh usloviyakh Kitay budet pokupat' ukrainskuyu sel'khozproduksiyu* [The contract for \$ 28 billion: the conditions under which China will buy Ukrainian agricultural products]. Available from: <http://forbes.ua/business/1351061-kontrakt-na-28-mlrd-na-kakikh-usloviyakh-kitaj-budet-pokupat-ukrainskuyu-selkhozproduksiyu>.
5. *Ukraina i Kitay podpisali dogovor o druzhbe i sotrudnichestve* [Ukraine and China signed a treaty of friendship and cooperation]. Available from: <http://economics.unian.net/industry/859870-ukraina-i-kitay-podpisali-dogovor-o-druzbe-i-sotrudnichestve.html>.
6. *General'naya Assambleya OON prizvala uvazhat' territorial'nyu tselostnost' Ukrainy* [The UN General Assembly called to respect the territorial integrity of Ukraine]. Available from: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21375#.VEp2afmUeW8>.
7. Skosyrev V. *Pekin ne vmeshivaetsya v spor Moskvy i Vashingtona* [Beijing does not interfere in the dispute between Moscow and Washington]. Available from: http://www.ng.ru/courier/2014-03-17/9_china.html.
8. *Inostrannye investitsii v Rossii. Pryamye inostrannye investitsii* [Foreign investment in Russia. Foreign Direct Investment]. Available from: <http://investornow.ru/inostrannye-investitsii-v-rossii>.
9. Aleksashenko S.V. (ed.) *Kommentarii o gosudarstve i biznese* [Comments on the state and business]. *Vysshaya shkola ekonomiki*, 2014, no. 75.
10. Guseynov V. *Evolutsiya pozitsii Zapada v chechenskom krizise* [Evolution of the Western position in the Chechen crisis]. Available from: http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/15_evolution.html.
11. Ezhegodnik SIPRI. 2012. *Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook. 2012. Armaments, Disarmament and International Security]. Moscow: IMEMO RAS Publ., 2013.
12. Savkovich E.V. *Ekonomicheskaya politika Kitaya v postsovetsoy Tsentral'noy Azii (1992–2012)* [China's economic policy in the post-Soviet Central Asia (1992–2012)]. Tomsk, 2012. 336 p.
13. *Bank razvitiya ShOS pomozhet reshit' problemu finansirovaniya* [SCO Development Bank will help solve the problem of financing]. Available from: <http://finam.info/news/bank-razvitiya-shos-pomoget-reshit-problemu-finsirovaniya>.
14. *Krupneyshie eksportery i importery nefiti* [Major exporters and importers of oil]. Available from: http://www.uptrading.ru/main/internet_trejdning_na_finsirovnyh_rynkh/informatsionnyy_blok_trejdainvestora/rynok_syryy_neft_i_gaz/krupneyshie_eksportery_i_importery_nefti.
15. *Proekt "Sakhalin-2" – dobycha nefiti i gaza* [The project "Sakhalin-2" – oil and gas production]. Available from: <http://www.shell.com.ru/aboutshell/shell-businesses/shell-businesses-russia/e-and-p/sakhalin.html>.
16. Available from: <http://www.vstoneft.ru>.
17. *Gazprom na vneshnikh rynkakh* ["Gazprom" on foreign markets]. Available at: <http://www.gazpromquestions.ru/foreign-markets>.
18. *Sdelka veka. Rossiya i Kitay zaklyuchili gazovyy kontrakt na 30 let* [The deal of the century. Russia and China have signed a gas contract for 30 years]. Available at: <http://smartnews.ru/business/companies/17802.html>.
19. *Rossiya i Kitay zaklyuchili kontrakt na postavku gaza* [Russia and China have signed a contract for the supply of gas]. Available at: <http://oko-planet.ru/finances/financesday/242982-rossiya-i-kitay-zaklyuchili-kontrakt-na-postavku-gaza.html>.
20. *Investitsii v promyshlennost', sotsial'nyu sferu i innovatsii. Gazifikatsiya* [Investments in industry, social and innovation. Gasification]. Available at: <http://investinnoprom.ru/gazifikatsiya.php>.

21. *Kontrakt o postavkakh gaza RF v Kitay mozhnet byt' podpisan do kontsa goda* [The contract on gas supplies from the Russian Federation to China could be signed before the end of the year]. Available from: <http://ria.ru/economy/20141004/1026926316.html#ixzz3H9ye4CA0>.
22. *Rossiya i Kitay dogovorilis' o postavkakh elektroenergii* [Russia and China agreed to supply electricity]. Available from: <http://top.rbc.ru/economics/05/12/2012/835043.shtml>.
23. *Eksport elektroenergii v Kitay: plus ili minus?* [Electricity exports to China: plus or minus?] Available from: <http://finam.info/news/eksport-elektroenergii-v-kitay-plus-ili-minus>.
24. *Rossiya prodavet elektrichestvo Kitayu desheвле, chem svoim grazhdanam* [Russia sells electricity to China cheaper than to its citizens]. Available from: <http://www.newsru.com/finance/25feb2013/electro.html>.
25. *O prodazhe elektroenergii Dal'nego Vostoka v Kitay* [On the sale of electricity from the Far East to China]. Available from: <http://fuyuan.ru/3875>.
26. *Nachato betonirovanie zdaniya Nizhne-Bureyskoy GES* [Concreting the building of the Lower Bureya HPP]. Available from: <http://www.nbges.rushydro.ru/press/news/90017.html>, svobodnyy.
27. *Ukaz o primeneniі otel'nykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [The Decree on the application of certain special economic measures in order to ensure the security of the Russian Federation]. Available from: <http://www.kremlin.ru/news/46404>.
28. Nikolaev I. *Uroki geografii* [Geography lessons]. Available from: <http://www.gazeta.ru/comments/column/nikolaev/s62993/6189813.shtml>.
29. *V Rossii zafiksirovan rezkiy rost roznichnykh tsen na myaso kur* [Russia shows a sharp rise in retail prices for chicken]. Available from: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/32616281/pochemu-vzleteli-kury#ixzz3HAXvtD8D>.
30. *Svodki s prodovol'stvennogo fronta: chto, gde i na skol'ko podorozhalo* [Reports from the food front: what, where and how much the price increased]. Available from: <http://finance.rambler.ru/news/analytiks/150198010.html>.
31. *Rossiya vyzhdena prervat' postavki myasa iz Braziliі* [Russia is forced to interrupt the supply of meat from Brazil]. Available from: <http://newsland.com/news/detail/id/722044>.
32. *V Kitae zafiksirovana ocherednaya vspyshka svinogo yashchura* [China records another outbreak of swine foot and mouth disease]. Available from: <http://newsland.com/news/detail/id/862237>, svobodnyy.
33. *Rossel'khoznadzor snyal ogranicheniya na vvoz kitayskoy svininy* [Rosselkhoznadzor lifted restrictions on the import of Chinese pork]. Available from: <http://lenta.ru/news/2014/08/14/chinapork/>.
34. *Pervaya rossiysko-kitayskaya sel'khozyarmarka otkryvaetsya v KNR* [The first Russian-Chinese agricultural exhibition opens in China]. Available from: <http://ria.ru/economy/20141016/1028506229.html>.
35. *Kitayskie ovoshchi pokoryayut Rossiyu* [Chinese vegetables conquer Russia]. Available from: <http://static.gazeta.ru/business/2014/08/11/6170289.shtml>.
36. *Kitay ostanetsya osnovnym trgovym partnerom KNR, schitayut eksperty* [China will remain the main trading partner of North Korea, experts say]. Available from: <http://ria.ru/world/20140609/1011371767.html>.
37. *Rossiya spisala KNDR dolgi na 10 milliardov dollarov* [Russia has written off debts of the DPRK on the \$ 10 billion]. Available from: <http://dni.ru/economy/2014/5/5/269926.html>.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930:39(519.5)

DOI 10.17223/19988613/34/14

Н.Г. Носкова

МИФ О ТАНГУНЕ В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрено современное состояние «тангуноведения» как самостоятельного научного направления, обозначены основные тенденции в изучении мифа о Тангуне, показано, что этот миф вызывает большой интерес исследователей. Анализ тематики работ современных южнокорейских авторов убеждает, что в настоящее время наиболее активно происходит исследование мифа о Тангуне в рамках изучения национальной идентичности. Ярким представителем этого направления является Чон Ёнхун, работы которого были охарактеризованы в статье.

Ключевые слова: миф о Тангуне; тангуноведение; «национализм Тангуна».

Миф о Тангуне занимает особое место в корейском обществе, и это признается как научными кругами, так и всеми корейцами.

Примеры из русскоязычной литературы также указывают на особую роль мифа о Тангуне в современной Южной Корее. Как отмечает А.Н. Ланьков, все корейцы еще с самого рождения хорошо знакомы с формулой «пятитысячелетняя история Кореи», она давно стала стандартной и теперь воспроизводится совершенно автоматически. Любой кореец знает, что история его страны началась пять тысяч лет назад [1. С. 468]. Кроме того, как он пишет, совсем не удивительно встретиться с таким рекламным объявлением: «Мы, жители страны с пятитысячелетней историей, должны знать Китай – страну с трехтысячелетней историей!». А в учебнике корейского языка, предназначенном для российских корейцев, кроха-сын говорит отцу: «У России – тысячелетняя история». Папа (русский кореец) на это немедленно отвечает: «А у Кореи – пятитысячелетняя» [Там же. С. 469]. История же возникновения Корейского государства тесно связана с мифом о Тангуне.

К сожалению, в отечественной научной литературе исследований, посвященных мифу о Тангуне, не так уж и много, и тематика их достаточно ограничена.

Перевод мифа о Тангуне, сделанный Л.Р. Концевичем по «Забытым деяниям Трех государств» (삼국유사, 三國遺事, «Самгук юса», 1285 г.), включен в «Корейские предания и легенды» [2]. В его статье «Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон» приведен текстологический комментарий, содержащий дополнения и разночтения по «Рифмованным записям об императорах и государях» (제왕운기, 帝王韻紀, «Чеван унги», 1287 г.), «Географическому описанию» (지리지, 地理志, «Чиридзи», 1432 г.), «Комментариям к стихам [Квон Гына], сочиненным по случаю аудиенции у императора [династии Мин Тай-цзу в 1395 г.]» (응제시주, 應製詩註, «Ынджеси чу» Квон Нама, 1460 г.) и «Обзору достопримечательностей земель Восточного государства [Кореи]» (신증동국여지승람, 新增東國輿地勝覽, «Синджын Тонгук ёджи сыннам», 1530 г.) [3].

Если Л.Р. Концевич анализирует ономастикон этого мифа, то А.Ф. Троцевич рассматривает миф о Тангуне как литературный памятник, изучает его сюжетную систему [4]. Ю.М. Бутина интересуют вопросы хронологии и географии Древнего Чосона и та информация, которую можно получить об этом из мифа о Тангуне [5]. Ю.В. ИONOва исследует культ медведя, пещер и гор, в связи с чем тоже обращается к этому мифу [6]. Даже эти немногочисленные исследования показывают, что миф о Тангуне дает простор для исследований археологов, историков, этнографов, фольклористов, литературоведов и т.д. Как отмечал Л.Р. Концевич, «в интерпретации мифа о Тангуне наметилось несколько подходов: историко-культурный, этиологический, социологический, этнографический, структурно-функциональный и др.» [3. С. 173–174].

Только на первый взгляд может показаться, что утверждение роли мифа о Тангуне в Корее, а также его влияния на корейское общество, а следовательно, на идентичность корейцев, является несколько надуманным. Однако, на самом деле, роль его важна, а влияние значительно. И это подтверждают многочисленные корейские исследования в этой области.

Чтобы показать, насколько важное значение придается изучению мифа о Тангуне в Южной Корее в последние годы, приведем выдержки из статьи, опубликованной в газете «Кёнхян синмун» (경향신문) за 10 декабря 1997 г. В этой статье сообщается о том, что 45 специалистов, работающих в университетах, различных научных группах и занимающихся исследованием мифа о Тангуне, провели общее собрание и официально объявили о создании научного общества «Общество тангуноведения» (단군학회, «Тангунхаххве»). Несмотря на то что и до этого существовали религиозные группы (например, тэджонгё), а также научные общества, проводившие исследования этого мифа в рамках национальной истории, данная организация является первым научным объединением специалистов в этой области. В статье названы инициаторы, среди которых были историки, религиоведы, филологи, этнографы, политологи, что не может не свидетельствовать

об интересе к мифу о Тангуне специалистов самых разных областей. Также отмечаются объективные причины создания этой организации: несмотря на то что исследования в области Тангуна велись и есть определенные результаты в рамках истории, религиоведения, исследования идеологии, литературоведения, этнографии, большинство из них отрывочны и незначительны, недостаточны для полного понимания этой проблематики.

Кроме того, на образование «Тангунхакхве» не могли не оказать влияние раскопки гробницы Тангуна, проведенные в Северной Корее в 1993 г., и соответствующие северокорейские исследования. Основанное общество «Тангунхакхве» ставит перед собой практические цели: преодоление некоторого хаоса существующего в национальной истории, а также формирование национальной идентичности. Для достижения поставленных целей был определен план работы, который включал следующие пункты: проведение конференций, приуроченных к кэчхонджоль, проведение общих северо- и южнокорейских конференций, посвященных вопросам изучения мифа о Тангуне, совместное исследование Тангуна и корейской национальной идентичности, проведение исследований, связанных с решением национальных задач XXI в. [7].

17 февраля 2011 г. научное общество «Тангунхакхве» объединилось с воссозданным в 2008 г. «Научным обществом по изучению Древнего Чосона» (고조선학회, «Ко Чосонхакхве») и было создано «Научное общество по изучению Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학회, «Ко Чосон Тангунхакхве») [8].

У «Тангунхакхве» есть свой научный журнал, который выпускается с 1999 г. Сейчас он издается под названием «Изучение Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학, «Ко Чосон Тангунхак»). В 2013 г. вышел его 29-й номер. Каждый номер включает в себя более десятка статей. Кроме того, статьи, посвященные Тангуну, постоянно печатаются в научных журналах по корейской истории, культуре и т.д. Таким образом, можно понять, насколько значимым представляется изучение этого мифа на сегодняшний день.

В данной работе не стоит задача проанализировать всю имеющуюся научную литературу, связанную с изучением мифа о Тангуне, мы лишь обозначим направления, тенденции в изучении этого мифа и охарактеризуем некоторые значимые работы.

Чон Ёнхун – один из тех, кто стоял у основания общества «Тангунхакхве». В своей статье «Ситуация в области тангуноведения и задачи», опубликованной в первом номере журнала этого общества, он выделяет четыре основных направления в исследовании мифа о Тангуне. Первые три можно определить как теоретические, в четвертом же ярко выражена практическая составляющая [9].

Первое направление исследований развивается в основном в рамках древней истории и археологии. Цель этих исследований – восстановление древней ис-

тории, поиск ответа на вопросы: существовал ли в действительности Тангун и Чосон Тангуна в истории Кореи, если существовал, то где, когда и в каком виде. Также в рамках этого направления исследуется взаимосвязь Тангуна и Древнего Чосона с развитием корейской нации.

Ко второй группе исследований Чон Ёнхун относит те, которые проводились философами, этнографами, фольклористами. Они раскрывают идеологическое содержание, скрытое в мифе о Тангуне и других записях, в которых идет о нем речь. Анализируя набор идей, компоненты религии, структуру сознания, они пытаются найти истинные, специфические характеристики «корейского».

Третье направление разрабатывается историками, религиоведами, специалистами, занимающимися исследованиями национальных движений. В рамках этого направления особое внимание уделяется историческому и национальному значению Тангуна, «взлетам и падениям» представлений о Тангуне, а также их взаимосвязи с изменениями в национальном самосознании.

Последнее, четвертое, направление ставит перед собой задачи практические. В качестве примера Чон Ёнхун приводит исследования, посвященные изучению единства нации и вопросу объединения [Там же. С. 19–21].

Как можно убедиться, совсем небольшой по размеру миф вызывает интерес у самых разных специалистов. Изучением мифа о Тангуне занимаются не только такие гуманитарные науки, как археология, история, философия, антропология, этнография, религиоведение, фольклористика, литературоведение, он является предметом исследования в рамках таких социальных наук, как политология, социология, культурология, педагогика. Поэтому можно согласиться со следующим мнением: «...это указывает на то, что “тангуноведение” как научное исследование о Тангуне, имеет характер комплексной науки» [Там же. С. 21].

Авторитетный исследователь Древнего Чосона Юн Нэхён в статье «Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения» подчеркивал особую роль специализированных научных обществ в изучении какой-либо проблематики и выделял две основные задачи, стоящие перед «Тангунхакхве». Первая состоит в постановке задач, которые требуют неотложного решения, в создании условий, необходимых для их решения. Он также подчеркивал важность единого мнения относительно базовых вопросов. Вторая заключается в создании обстановки, которая бы позволяла делать доклады, вести обсуждения на темы, которые интересны самим исследователям [10].

Среди важных задач и вопросов, которые необходимо решить в самое ближайшее время, Юн Нэхён выделил следующие: определить значение понятия «Тангун», установить ареал зарождения корейской нации и период ее формирования, выяснить содержание идентичности корейской нации и системы её ценностей,

ответить на вопрос, существовал ли Древний Чосон, и если да, то установить время его образования.

В этой же статье Юн Нэхён подробно рассмотрел указанные вопросы и высказал свое мнение. На основе анализа источников он приходит к выводу, что «Тангун» – это не имя собственное, а существительное, обозначающее титул. Об ареале зарождения корейской нации Юн Нэхён пишет: несмотря на то что на сегодняшний день является общепринятой точка зрения, согласно которой основу корейской нации составляли переселенцы из северных районов Китая, Средней Азии или Сибири, если принять во внимание новые археологические данные, то можно найти подтверждение тому, что на территории Корейского полуострова и Маньчжурии 700 тыс. лет назад жили люди. Учитывая тот факт, что костные останки, найденные в Корее и соседних регионах, сильно разнятся, Юн Нэхён приходит к выводу о том, что корейская нация с самого начала была самобытной и имела специфические черты. В связи с этим он ставит вопрос о необходимости пересмотра вопроса о времени формирования корейской нации и ареале зарождения корейской культуры. Отвечая на первый вопрос, он пишет, что жители Корейского полуострова и Маньчжурии в период Древнего Чосона обладали коллективным сознанием, т.е. в это время уже сформировалась культурная, национальная общность. Поэтому «национальная история корейцев начинается с периода Древний Чосон, а культура Древнего Чосона является основой национальной культуры корейцев» [10. С. 209]. В качестве ядра корейской национальной идентичности и системы взглядов Юн Нэхён определяет идею хоникинган (홍익인간, 弘益人間). Само понятие «Древний Чосон» тоже неоднозначно: есть авторы, которые подразумевают под ним только Чосон Тангуна, но есть и те, кто включает в него Чосон Тангуна, Киджа и Ви Мана или только Чосон Ви Мана. Относительно датировки Древнего Чосона единого мнения тоже пока не выработано. Вопрос датировки тесно связан с решением вопроса о том, признается существование Чосон Тангуна или нет. Юн Нэхён отмечает необходимость библиографических исследований источников по Древнему Чосону [Там же. С. 208–210].

Это только одно из существующих мнений относительно трактовки мифа о Тангуне. Согласно классификации Чон Ёнхуна, такое исследование можно было бы отнести к первой группе, т.е. к тем, которые тесно связаны с археологией и историей.

Остановимся еще на одной статье Юн Нэхёна «Миф о Тангуне – исторический рассказ корейской нации». В ней автор отмечает особенности «национальных мифов» и пишет, что в содержании мифа о Тангуне можно найти важные сведения о религии, идеологии, истории. Так, основным религиозным представлением было поклонение Небу, существовала вера в «триединство», которая в мифе о Тангуне выразилась в следующих элементах: Небо (Хванун), Земля (медведица), Человек

(Тангун), эти три элемента объединены Небом (Хвануном). В мифе о Тангуне в сжатой форме обозначены религиозные, политические и социальные идеи корейской нации. Кроме того, в мифе отражена и историческая ситуация (время и пространство). Если пространство – это гора Пэктусан, то время в мифе Юн Нэхён разделяет на четыре периода: время Хванина – «общество групп» (무리사회, мурисахве), время Хвануна – «общество деревень» (부락사회, пураксахве), время заключения брака Хвануна и медведицы – «общество союзов деревень» (부락연맹체사회, пуракёнмэнчхесахве), время Тангуна – «общество государства Древний Чосон» (고조선의 국가사회, ко чонсоный куккасахве) [11. С. 114].

В современном «тангуноведении» особо выделяются работы Чон Ёнхуна. Именно он ввел в научный оборот такой термин, как «национализм Тангуна» (단군민족주의, тангунминджокджуый). Он рассматривает миф о Тангуне и его влияние на корейские национальные движения, на современное корейское общество. Первыми, кто начал использовать термин «тангунминджокджуый», были профессора Син Ёнха и Хан Ёну. Под этим понятием они понимали сильное идеологическое течение, получившее распространение в период просветительского движения (кемон ундон) и в начале японской колонизации Кореи. Син Ёнха упоминал об этом явлении при анализе истории корейского общества конца периода Чосон. Хан Ёну использовал его в контексте корейской историографии и при исследовании тэджонгё [12. С. 273; 13. С. 148]. Но именно Чон Ёнхун применил это понятие как основное при анализе истории национальных движений, модернизации, в контексте истории политических идей [13. С. 146–147]. Под термином «тангунминджокджуый» он объединяет ряд идей, согласно которым Тангун символизирует «отправную точку» в национальной истории, является основой единого национального самосознания «потомков Тангуна». Эти идеи являются составной частью национальной идентичности. Он отмечает, что с конца XIX в. они становятся ключевыми в корейской национальной идентичности и национальном движении. Основа этих идей, безусловно, содержится в корейской истории [Там же. С. 145–148].

Среди статей Чон Ёнхуна, рассматривающих аспекты «национализма Тангуна», можно выделить «Политические идеи мифа о Тангуне», в которой автор подчеркивал необходимость анализа политических идей мифа [14]. В мифе о Тангуне «описывается “отправной пункт” первого государства, в нем отражены представления древних людей о политике и общности. Эти представления оказали значительное влияние на последующую политическую историю и историю идей» [Там же. С. 6]. Среди политических идей Чон Ёнхун уделяет внимание представлениям древних людей о желаемом государстве, общности, а также о политической идентичности корейской нации, выраженной в понятии «тонгук» (동국). Он видит в мифе о Тангуне не просто рассказ о рождении и создании госу-

дарства, но и его связь с последующей корейской историей. В этой статье он также рассматривал, как политические идеи мифа о Тангуне были интерпретированы в последующей истории корейских политических идей, какое влияние они оказали на их формирование [Там же].

В «Предыстории национализма Тангуна» Чон Ёнхун интересуют следующие три вопроса: исторический и социальный контексты существования «национализма Тангуна»; развитие «национализма Тангуна» накануне Нового времени, его «взлеты и падения»; руководящая роль сонга (선가, 仙家) в представлениях о «национализме Тангуна» [13].

Отдельные работы Чон Ёнхуна посвящены роли идей «тангунминджокджуй» в движениях за национальное объединение. Он указывал на то, что эти идеи становились основой для национального сплочения, «это сила, которая существовала на протяжении долгого периода корейской истории, которая активизирует развитие нации, независимости, единства, демократии, справедливости, счастья» [12. С. 272]. В корейской истории Чон Ёнхун выделяет три этапа национально-объединительного движения, которые связывает с определенными этапами формирования нации. «Нация перед Новым временем» (전근대민족, чонгынтэминджок), для этого периода задачей было создание и сохранение единого государства (Тонгук, Чосон) и культурной идентичности. «Нация Нового времени» (근대적 민족, кындэджок минджок), в это период стояли задачи по преодолению таких характерных для Средневековья явлений разобщенности, как социальное положение, знатность, регионализм и построение национальной идентичности Нового времени. Задачей движений после Первомартовского движения стало преодоление конфликтов между классами и построение единого национального государства, в котором бы были экономическое равенство и счастье [Там же. С. 295–296].

В «Первомартовском движении и национализме Тангуна» Чон Ёнхун акцентирует внимание на первом и на том, что в нем было связано с «тангунминджокджуй», а также рассматривает и объединяющий их контекст. Он подчеркивал, что «тангунминджокджуй» было той силой, которая «стимулировала движение за единство, за независимость и способствовала формированию национальной идентичности» [15. С. 64]. Во время Первомартовского движения очевидным становится соединение идей «тангунминджокджуй» и национальных движений: почти во всех декларациях о независимости говорится о гордости за пятитысячелетнюю национальную историю, используется летоисчисление танги. Важно также и то, что Чон Ёнхун выделяет «национализм Тангуна» в качестве основного фактора влияния на становление идей, связанных с корейской национальной идентичностью, таких как «потомки Тангуна» (단군의 자손론, тангун-ый часоллон), «корейская нация» (배달겨레론, пэдалкёлерон), «единая нация»

(단일민족론, таниль минджоннон), а в качестве времени, когда закладывается основа национальных движений, указывает на Первомартовское движение [Там же].

Отдельно Чон Ёнхун рассматривал «понимание Тангуна» и «веру в Тангуна» в Северной и Южной Корее. Он отмечал, что после разделения Кореи о «национализме Тангуна» не говорилось. Несмотря на то что в Южной Корее «национализм Тангуна» был включен в государственную систему, для его распространения каких-либо усилий не прилагалось. Что касается Северной Кореи, то там, несмотря на то что в рамках национальной истории велись поиски национальной самобытности и гордости, «национализм Тангуна» отвергался. Кардинально изменилась ситуация в конце XX в.: в это время «национализм Тангуна» получает новое развитие. В Северной Корее была открыта гробница Тангуна, что стало импульсом для развития идей «национализма Тангуна», распространились идеи объединения корейской нации, основанные на гордости и национальном сознании «потомков Тангуна». В Южной Корее также стала признаваться важность «вопроса Тангуна», проводятся мероприятия для «спасения» «национализма Тангуна» [16]. Как уже отмечалось, к этому времени относится создание общества, занимающегося изучением мифа о Тангуне.

Интересным, но не исследованным в отечественной литературе является вопрос о влиянии мифа о Тангуне на современное корейское общество. И если многими авторами признается это влияние, то в чем конкретно оно выражается, пока остается не совсем ясным. Ряд статей Чон Ёнхуна посвящены именно этому вопросу. Он рассматривал как «национализм Тангуна» институциализируется в современном корейском обществе и подробно останавливается на летоисчислении от основания государства Тангуном (단기, танги), государственном празднике кэчхонджоль (개천절, 開天節) и идеи хоникинган. Все эти три компонента непосредственно связаны с мифом о Тангуне.

Танги представляет собой летоисчисление, которое начинает отсчет времени с образования Тангуном государства.

Кэчхонджоль – праздник, приуроченный к образованию самого раннего корейского национального государства. Метафорически это событие сравнивается с «открытием небес» (на что указывают иероглифы в названии этого праздника) и отмечается в качестве государственного праздника 3 октября. Это праздник, по сути, является «Днем рождения нации». На вопрос, почему же именно 3 октября отмечают этот праздник, Чон Ёнхун отвечает в статье «Кэчхонджоль, основы этой “созданной традиции”, изменения и контекст». По его мнению, эта дата существовала еще в Средневековье и имеет тесную связь с народными верованиями и проведением жертвоприношений Тангуну [17].

«Хоникинган» – идея, связывающая Хванина с миром людей. В период японской колониальной политики она привлекала внимание как политический тер-

мин и как этическая идея, а после создания государства она становится основной идеей в образовании [18. С. 163–164]. Чон Ёнхун определяет корейцев через эту идею. «Кореец – человек, который в качестве принципа жизни принял хоникинган» [19. С. 146]. Таким образом, он связывает идею хоникинган с идентичностью корейцев. Корейская идентичность включает в себя не только антропологические, культурные особенности корейцев, представление о национальной принадлежности, но и общие идеалы, мечты, жизненные цели и принципы. Именно хоникинган отражала представления предков корейцев о желаемом обществе, государстве и жизни. В XX в. эта идея была принята в качестве основной в образовании. Согласно ст. 1 Закона об образовании, вышедшего 31 декабря 1949 г., «цель образования в воспитании личности в соответствии с идеей хоникинган, приобретении качеств гражданина и способности к независимой жизни, в развитии национального государства и в осуществлении идеалов процветания человечества» (цит. по: [19. С. 151]).

Чон Ёнхун отмечал большой вклад «национализма Тангуна» в преодоление хаоса во время образования государства, по обеспечению народного единства. Эти идеи согласовывались с требованиями, которые ставило время: необходимость объединения под единой идентичностью всех членов нового государства, восстановление национальной гордости и т.д. «Институционализацию национализма Тангуна» Чон Ёнхун объяснял через понятие «создание традиции» Э. Хобсбаума. По его мнению, особенностью «корейской традиции» является то, что главная роль в ее создании принадлежит «не власти и государству, а народным патриотам, преисполненным национальной страстью» [18. С. 190].

Исследования Чон Ёнхуна, одного из современных представителей тангуноведения, посвящены изучению мифа о Тангуне и его взаимосвязи с «корейским национализмом», его влиянию на корейскую идентичность. Чтобы показать, что содержание мифа о Тангуне анализируется не только с точки зрения национальных идей (хотя, как отмечает сам Чон Ёнхун, миф о Тангуне непосредственно связан с идентичностью, поэтому и большинство исследований проходят

именно в этом русле), приведем еще несколько исследований других авторов.

Юн Гёнсу рассматривает взаимосвязь мифа о Тангуне и корейской литературы. В содержании этого мифа он выделял три основных мотива: мотив «схождения, или спуска с небес» (하강적 모티프, хаганджок мотхипхы), мотив «возрождения, или вторичного рождения героя» (재생적 모티프, чэсэнджок мотхипхы); «мотив возвращения героя в исходное положение» (환원적 모티프, хванвонджок мотхипхы) [20. С. 332].

Он рассматривал, как первый и второй мотивы отразились в корейских классических повестях (고소설, ко сосоль), например таких, как «Верная Чхунхян», «Братья Хынбу и Нольбу», «Подвижница Сим Чхон», «Достойный Хон Кильдон», а также в современной прозе и поэзии.

И Хану затрагивает вопрос о воспитании самосознания у корейцев, проживающих в Центральной Азии (корёин), и указывает на необходимость начинать образование с преподавания именно мифа о Тангуне [21].

Отдельные исследования посвящены изучению записей мифа о Тангуне (и шире – упоминаний о Тангуне в письменных источниках) и описанию исторической ситуации создания этих записей. Например, в трудах И Икчу [22]. В работах Ха Юнсопа исследовано содержание представлений о Тангуне и отношение к ним в период Поздний Чосон [23].

Рассмотрение направлений в изучении мифа о Тангуне убеждает в том, что тематика этих исследований очень разнообразна и интерес к этому мифу не уменьшается, а наоборот, в последнее время переживает новый подъем. Наиболее активно происходит исследование этого мифа в рамках изучения национальной идентичности, что показала рассмотренная тематика работ современных исследователей, занимающихся изучением мифа о Тангуне. Причина того, что данный миф чаще рассматривают именно в этом контексте, связана с тем, что вопрос национальной идентичности на сегодняшний день становится все актуальнее в связи с процессами глобализации. В Коре же остроту этому вопросу придают разделение единой нации и существование двух государств. Миф о Тангуне и идеи, которые в нем содержатся, могут быть полезными в решении этих вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Название государственного праздника.

² «Польза людям и создание счастливого государства» [10].

³ Одно из названий Кореи.

⁴ Как отмечает Чон Ёнхун, *сонга* играла главную роль в сохранении и усилении национальной самобытности, древней истории и Тангуна, противостояла таким иностранным традициям, как буддизм и конфуцианство. *Сонга* – это течение, основы которого находятся в самобытной культуре и первом государстве Чосон [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланьков А.Н. Быть корейцем... М. : АСТ : Восток-запад, 2006. 542 с.
2. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М. : Худ. лит., 1980. 286 с.
3. Концевич Л.Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 173–192.
4. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004. 323 с.
5. Бутин Ю.М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск : Наука, 1982. 330 с.

6. Ионова Ю.В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1968. Вып. VI. С. 154–157.
7. Чо Унчхан, «Тангунхакхе» чханниптвенда (Организация «Тангунхакхе») // Кёнхян синмун (газета «Кёнхян синмун») 10 декабря 1997 г. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&edtNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010>, свободный.
8. Ким Тхэсик. Тангун Ко Чосонхакхе тхонхап (Объединение научных обществ по изучению Тангуна и Древнего Чосона) // Ёнхап носы (Информационное агентство «Ёнхап») 18 февраля 2011 г. URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055>, свободный.
9. Чон Ёнхун. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квадже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 1999. Вып. 1. С. 1–28.
10. Юн Нэхён. Тангунхак чоннип-ыль вихан мёт каджи чондже (Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2003. Вып. 8. С. 187–213.
11. Юн Нэхён. Тангунсинхва-нын ханминджок-ый минджоксахвайда (Миф о Тангуне – исторический рассказ корейской нации) // Вольган Сэмтхо (Ежемесячный журнал «Родник»). 1989. Вып. 20, № 5. С. 111–116.
12. Чон Ёнхун. Минджоктхонильундон-гва тангунминджокджуый (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2004. Вып. 11. С. 271–301.
13. Чон Ёнхун. Тангунминджокджуый-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2003. Вып. 8. С. 145–185.
14. Чон Ёнхун. Тангунсинхва-ый чончхисан (Политические идеи мифа о Тангуне) // Тонъян чончхисанса (История восточных политических идей). 2009. Вып. 8. № 2. С. 5–31.
15. Чон Ёнхун. Самильундон-гва тангунминджокджуый (Первомарттовское движение и национализм Тангуна) // Тонъян чончхисанса (История восточных политических идей). 2012. Вып. 11. № 2. С. 63–90.
16. Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква тангунсунап (Понимание Тангуна и вера в Тангуна на Юге и Севере) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2005. Вып. 12. С. 177–219.
17. Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы мандыроджин чонтхон-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (Кэчхонджоль, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2010. Вып. 23. С. 401–444.
18. Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хоникинган кёюкинём (Летоисчисление танги, государственный праздник кэчхонджоль, педагогическая идея хоникинган) // Чонсинмунхваёнгу (Изучение духовной культуры). 2008. Вып. 31. № 4. С. 163–193.
19. Чон Ёнхун. Хангукине чончхэсон-гва хоникинганинём (Идентичность корейцев и идея хоникинган) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2002. Вып. 6. С. 145–169.
20. Юн Гёнсу. Тангунсинхва-ва хангукмунхак-квалый квангэ янсан (Взаимосвязь мифа о Тангуне и корейской литературы) // Пигё минсокхак (Сравнительная этнография). 2000. Вып. 19. С. 331–359.
21. И Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхэсон кёюк (Воспитание идентичности корёин через миф о Тангуне) // Хангуксан-гва мунхва (Корейские идеология и культура). 2010. Вып. 55. С. 459–482.
22. И Икчу. Корёуги тангунсинхва кирик-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) // Мунмёнёнджи (Цивилизация). 2003. Вып. 4. № 2. С. 47–57.
23. Ха Юнсон. Чосон хуги тангун-е тэхан киог-ый пёнхва-ва кы соин (Изменения памяти о Тангуне в период Поздний Чосон и их причины) // Уримунхакёнгу (Изучение корейской литературы). 2013. Вып. 38. С. 253–286.

Noskova Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

THE DANGUN MYTH IN SOUTH KOREAN HISTORIOGRAPHY.

Keywords: Dangun myth; Dangun studies; “Dangun nationalism”.

The article observes the present state of the “Dangun Studies”, as an independent scientific field. The main trends in the study of the Dangun myth are defined. This myth generates interest among researchers in different areas, such as archaeology, history, philosophy, anthropology, folklore, literary, political and cultural studies etc. In 1997 scientific society the “Dangun Society” was established. It is the first scientific union of researchers who study the Dangun Myth. The reason of the society’s establishment, purpose and direction of future activities were determined at the first meeting of this society. Questions and issues concerning the “Dangun Studies”, that should be solved, are discussed in modern researches (for example the articles of Yoon Nae-hyun, Jeong Young-hun). The analysis of subjects of the articles of modern South Korean researchers who study the Dangun myth showed that generally the myth was researched in the context of national identity study. The main reason that today the issue of national identity is becoming more important is processes of globalization. In Korean Peninsula the problem is challenging because of separation of one nation and the existence of two states. The Dangun Myth and its ideas can be useful for solving these problems. A researcher who develops this scientific field and should be worth noticing is Jeong Young-hun. He was one of those who promoted the “Dangun Society”. It was he who introduced the term the “Dangun nationalism» for scientific use and defined it as consciousness and movement which are based on belief that Dangun was the Korean’s common ancestor and promoted the integration of Korean nation. These ideas are part of Korean national identity. By the end of the 19th century they started to play an important role in Korean national identity and national integration movement. The basis of these ideas contains in Korean history. The article also examines papers of Jeong Young-Hun. The key points Jeong Yong-Hun paid attention to were political ideas in the Dangun Myth, the Dangun nationalism in different periods of Korean History, national integration movement, South and North Korean’s understanding of Dangun, and also the influence of the Dangun Myth on modern Korean society that is shown up in *dangi* (chronology which starts from the era of Old-Joseon’s foundation by Dangun), national holiday *gaecheonjeol* and the ideology of *hongikingan*.

REFERENCES

1. Lankov A.N. *Byt' koreytssem...* [Being Korean]. Moscow: AST: Vostok-zapad Publ., 2006. 542 p.
2. Kontsevich L.R., Vitkovskiy E. (eds.) *Koreyskie predaniya i legendy iz srednevekovykh knig* [Korean traditions and legends of medieval books]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1980. 286 p.
3. Kontsevich L.R. *Drevnekoreyskiy mif o Tangune i ego onomastikon* [The old Korean myth of Tangun and its onomasticon]. In: Dzharlygasinova R.Sh., Nikonov V.A. (eds.) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic onomastics]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 173–192.
4. Trotsevich A.F. *Istoriya koreyskoy traditsionnoy literatury (do XX v.)* [The history of Korean traditional literature (up to the 20th century)]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. 323 p.
5. Butin Yu.M. *Drevniy Choson (istoriko-arkheologicheskii ocherk)* [Ancient Chosun (a historical and archaeological survey)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 330 p.

6. Ionova Yu.V. *K voprosu o kul'te medvedya, peshcher i gor u koreytsev* [On the question of the Korean cult of the bear caves and mountains]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow: Nauka Publ., 1968, iss. VI, pp. 154-157.
7. Cho Unchkhan. "Tangunkhakhve" chkhanniptvenda [The organization "Tangunkhakve"]. *Kenkhyan sinmun*, 1997, 10th December. Available from: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010>.
8. Kim Thesik. Tangun Ko Chosonkhakhve tkhonkhap [Association of Learned Societies for the Study of Tangun and Ancient Joseon]. *Enkhap nyusy*, 2011, 18th February. Available from: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055>.
9. Chung Ėnhun. Tangunkhak engu-yy khenkhvan-gva kvadzhe [The situation in Tangun studies]. By *Chosun Tangunkhak*, 1999, iss. 1, pp. 1-28.
10. Yong Nehĕn. Tangunkhak chonnip-yl' vikhan met kadzhi chondzhe [A few preliminary questions to Tangun studies]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2003, iss. 8, pp. 187-213.
11. Yong Nehĕn. Tangunsinkhva-nyn khanmindzhok-yy mindzhoksakhvaida [The myth of Tangun – a historical narrative of the Korean nation]. *Vol'gan Semtkho*, 1989, iss. 20, no. 5, pp. 111-116.
12. Chung Ėnhun. Mindzhoktkhonil'undon-gva tangunmindzhokdzhuy [National Union movements for unitin and Tangun]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2004, iss. 11, pp. 271-301.
13. Chung Ėnhun. Tangunmindzhokdzhuy-yy chonsa [The background of nationalism of Tangun]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2003, iss. 8, pp. 145-185.
14. Chung Ėnhun. Tangunksinkhva-yy chonchkhisasan [Political ideas of the myth of Tangun]. *Ton'yan chonchkhisasansa*, 2009, iss. 8, no. 2, pp. 5-31.
15. Chung Ėnhun. Samil'undon-gva tangunmindzhokdzhuy [The First March Movement and nationalism of Tangun]. *Ton'yan chonchkhisasansa*, 2012, iss. 11, no. 2, pp. 63-90.
16. Chung Ėnhun. Nam-gva pug-yy tanguninsik-kva tangunsunan [Understanding Tangun and faith to Tangun in the South and North]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2005, iss. 12, pp. 177-219.
17. Chung Ėnhun. Kechkhondzhol', ky mandyrodzhin chontkhon-yy yure-va chkhui kyri go pegen [Kechhondzhol, the foundations of this "established tradition", and the context changes]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2010, iss. 23, pp. 401-444.
18. Chung Ėnhun. Tangi enkho, kechkhondzhol' kukkenil', khonikingan keyukinem [Chronology of Tanguy, a public holiday kechhondzhol, the pedagogical idea of honikingan]. *Chonsinmunkhvaengu*, 2008, iss. 31, no. 4, pp. 163-193.
19. Chung Ėnhun. Khangukine chonchkheson-gva khonikinganinem [The identity of the Koreans and the idea of honikingan]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2002, iss. 6, pp. 145-169.
20. Yong Gĕnsu. Tangunsinkhva-va khangukmunkhak-kvayy kvange yansan [The interconnection between the myth of Tangun and Korean literature]. *Pige minsokkhak*, 2000, iss. 19, pp. 331-359.
21. I Khanu. Tangunsinkhva-ryl' tkhonkhan korein chonchkheson keyuk [The formation of Korean identity through the myth of Tangun]. *Khanguksasan-gva munkhva*, 2010, iss. 55, pp. 459-482.
22. I Ikchu. Korekhugi tangunsinkhva kirok-yy sidedzhok pegen [The description of the historical situation, recordings of the myth of Tangun were made in the last period of Goryeo]. *Munmenendzhi*, 2003, iss. 4, no. 2, pp. 47-57.
23. Ha Yunsop. Choson khugi tangun-e tekhan kiog-yy penkhva-va ky soin [Changes in the memory of Tangun in the late Joseon and their causes]. *Urimunkhakengu*, 2013, iss. 38, pp. 253-286.

ИСТОКИ ПРОГРАММЫ «СОЮЗ РАДИ ПРОГРЕССА» В ИДЕЕ «ПАНАМЕРИКАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ» Ж. КУБИЧЕКА

Исследуются истоки программы «Союз ради прогресса» в инициативе Ж. Кубичека. Анализируются предпосылки возникновения концепции президента Бразилии, дается ее характеристика, отмечаются черты, ставшие основой программы Дж. Кеннеди. В результате сравнения бразильской и американской программы преобразований делается вывод о наследовании идей Кубичека программой «Союз ради прогресса». Наряду с родством политических программ отмечается и принципиальное различие в методах и целях решения межамериканских проблем.

Ключевые слова: Дж. Кеннеди; Ж. Кубичек; «Союз ради прогресса»; «Панамериканская операция»; межамериканские отношения.

В 1961 г. в рамках новой внешнеполитической стратегии США в отношении стран Латинской Америки была принята программа «Союз ради прогресса». Несмотря на беспрецедентную масштабность подхода администрации Кеннеди, принципы, лежащие в его основе, не были уникальны. Имея эклектичный характер, программа помощи концентрировала идеи, выработанные за предыдущее десятилетие как в стенах Белого дома и интеллектуальных кругах США, так и за пределами страны.

Наряду с Соединенными Штатами, в конце 1950-х гг. странами Латинской Америки были предприняты попытки выработать новый подход к организации сотрудничества в регионе. Одна из концепций, направленная на преодоление кризиса панамериканских отношений, принадлежала президенту Бразилии Ж. Кубичеку (1956–1961 гг.). 28 мая 1958 г. он обратился с открытым письмом к президенту США Д. Эйзенхауэру, в котором высказал свое предложение по реформированию отношений США со странами Латинской Америки [1].

Предложенная Кубичеком идея трансформации межамериканских отношений, получившая название «Панамериканская операция», была вызвана антиамериканскими выступлениями, сопровождавшими поездку вице-президента Никсона по восьми странам Латинской Америки в мае 1958 г. Выступления студентов в Лиме и манифестации в Каракасе продемонстрировали неэффективность политической стратегии США в регионе.

«Панамериканская операция», как и «Союз ради прогресса», представляла собой образец реформаторского пути для решения проблем, основанный на диалоге и взаимовыгодном сотрудничестве стран Латинской Америки и США. Центральная тема обращения президента Бразилии – экономическая отсталость – проблема, требовавшая безотлагательного внимания не только администраций латиноамериканских стран, но и США, заинтересованных в сохранении своего влияния и стабильности в регионе.

Ж. Кубичек предложил американской стороне весьма неоднозначный механизм для преодоления экономических проблем – привлечение иностранного капитала через долгосрочные займы. Данная стратегия

была выгодна, прежде всего, американскому частному капиталу, заинтересованному в укреплении позиций в регионе. Для латиноамериканских стран внешние займы не столь эффективны. Несмотря на краткосрочное позитивное влияние данной политики, позволяющей финансировать реформирование и индустриализацию экономики, в долгосрочном плане такой подход демонстрирует неэффективность в связи с ростом внешнего долга и зависимости от кредиторов.

Поскольку в конце 1950-х гг. в правящих кругах США латиноамериканскому направлению внешней политики придавалось первостепенное значение [2. Р. 1104, 1107–1109], а Бразилия воспринималась как «доверенный друг и партнер» [3. Р. 303], инициатива Ж. Кубичека была встречена благосклонно.

По мнению советских исследователей, одним из главных факторов, побудивших США начать диалог для поиска путей решения экономических проблем латиноамериканского региона, стало желание предотвратить угрозу коммунизма [4. С. 343]. Для решения данной проблемы Ж. Кубичек предложил обратить внимание на преодоление социально-экономической отсталости в регионе. Подход бразильского президента получил одобрение американских политиков, разделявших мнение госсекретаря Даллеса, что «экономическое развитие может укрепить способность к сопротивлению коммунизму» [5].

Предложение Ж. Кубичека о проведении совещания президентов американских республик для обмена мнениями по экономическим вопросам оказалось для американской стороны также неприемлемым [6. Р. 282]. Поскольку США стремились сохранить контроль над ходом переговоров, обсуждение проектов было перенесено в Организацию американских государств. Для обсуждения проблемных вопросов в рамках ОАГ был создан «Комитет 21». С 1958 по 1960 г. состоялось несколько сессий данного органа, однако совещания не дали существенных результатов. Была реализована лишь небольшая часть идей: создан «Межамериканский банк развития», подписано соглашение на выделение помощи Бразилии в размере 500 млн долл. [7. Т. 3. С. 428]. Несмотря на неоднократные заявления

президента Эйзенхауэра о том, что Латинская Америка является объектом первостепенной заботы для США [8. Р. 281], работа комитета преследовала в большей степени пропагандистские цели, нежели имела практический характер.

В 1961 г. пост президента США занял молодой амбициозный президент Дж. Кеннеди, госсекретарем стал Д. Раск. Смена администрации сыграла существенную роль в определении политики США в отношении стран Латинской Америки. В то время как администрация Д. Эйзенхауэра воспринимала финансовую помощь странам как неплохую, но неприемлемую для Соединенных Штатов стратегию [9. Р. 947], новой командой была выработана стратегия масштабного финансирования региона, получившая название «Союз ради прогресса».

Трансформированный план Кубичека лег в основу новой программы. Преемственность идей была отмечена президентом Кеннеди во время его выступления 13 марта 1961 г.: проект был представлен им как «Союз ради прогресса в рамках Панамериканской операции» [10]. Такая формулировка была использована неслучайно, она символизировала единство региона, отражала стремление как латиноамериканцев, так и США, «дать лучшую жизнь всем людям на континенте» [11].

В начале 1960-х гг. изменились источники финансирования программы помощи. При обсуждении «Панамериканской операции» Кубичека в 1958 г. госсекретарь Дж. Даллес неоднократно высказывал мнение, что латиноамериканские страны должны ориентироваться на частный капитал, в то время как государственные средства должны предоставляться в качестве исключения [12]. При разработке «Союза ради прогресса» позиция США изменилась. Латинская Америка приобрела статус региона первостепенной значимости, чему в немалой степени способствовала революция на Кубе. Для достижения глобальных целей требовалось использование всех доступных источников для финансирования проекта. Если раньше США делали ставку на возможности частного капитала, то теперь центральное место заняло финансирование из государственного бюджета.

Основанный на идейной базе «Панамериканской операции» проект Кеннеди представлял собой прагматичный взгляд на решение американских проблем и задач. Проект был разработан с учетом стратегических интересов США в Латинской Америке. Согласно концепции американского исследователя Дж. Таффета, программа финансирования латиноамериканского региона стала инструментом для реализации внешнеполитических задач США [13]. Программа «Союз ради прогресса», учитывая интересы США, в первую очередь была направлена на политическое и военное сотрудничество стран Западного полушария. Напротив,

для латиноамериканской стороны был важен экономический аспект взаимоотношений с Соединенными Штатами, немедленное решение существующих проблем. Различие в приоритетах партнеров наглядно проявилось в ходе переговоров во время визита госсекретаря Даллеса в Бразилию 4–6 августа 1958 г. [14].

Ключевое отличие принятой США стратегии в отношении стран Латинской Америки от концепции, предложенной Кубичеком, заключалось в критически важном для США распределении ролей и концентрации властных полномочий. Как видно из заявлений бразильского президента, Латинская Америка демонстрировала готовность играть активную роль в процессе разработки стратегии развития региона [15]. Несмотря на этот сигнал, требовавший внимания и пересмотра позиции, США сохранили и воплотили в программе «Союз ради прогресса» привычный для себя односторонний механизм принятия решений, сохраняя отношения в рамках «центр–периферия» [16. С. 122]. В результате в отношениях сохранилась ведущая роль США. Несмотря на официальное принятие «нового курса», Латинская Америка осталась объектом политики, подчиняющимся решениям «сверху», а не активным участником решения проблем.

Как и многие инициативы, проект президента Бразилии Ж. Кубичека «Панамериканская операция» не был реализован, но изложенные им идеи были адаптированы США с учетом собственных интересов и нашли свое воплощение в политике Кеннеди, став основой масштабной программы «Союз ради прогресса».

Программа развития, реализованная Кеннеди, сохранила идейную базу, предложенную президентом Бразилии. «Союз ради прогресса», как и план Кубичека, был основан на механизме привлечения иностранной помощи для активизации экономического роста менее развитого партнера за счет помощи страны-лидера в лице США. Помимо решения экономических, план был направлен на гармонизацию межамериканских отношений.

Сравнение латиноамериканского проекта трансформации отношений и реализованной программы «Союз ради прогресса» отражает различие подходов США и стран Латинской Америки к решению вопросов сотрудничества. Налицо стремление США решить политические вопросы, в то время как латиноамериканский партнер нацелен на социально-экономическое развитие региона. Видна тенденция США к тотальному контролю процесса выработки, принятия и реализации решений, проявившаяся в работе над проектами «Панамериканская операция» и «Союз ради прогресса», вопреки самостоятельности латиноамериканских стран, демонстрировавших готовность к активному решению своих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Public Papers of the U.S. Presidents. Dwight D. Eisenhower, 1958.* URL: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4728421.1958.001/508>, свободный (дата посещения: 10.03.2014).
2. *Department of State Bulletin. 1958. June 9.*

3. *Department of State Bulletin*. 1958. August 25.
4. Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии (1939–1959 гг.). М., 1961.
5. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d248>, свободный (дата посещения: 09.03.2014).
6. *Department of State Bulletin*. 1958. August 18.
7. *Международные отношения после Второй мировой войны* : в 3 т. / Д.Е. Мельников, Д. Г. Томашевский. М., 1965.
8. *Department of State Bulletin*. 1958. August 18.
9. *Department of State Bulletin*. 1958. June 9.
10. *Public Papers of the U.S. Presidents*. John F. Kennedy. 1961. URL: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4730886>. 1961.001/230, свободный (дата посещения: 13.03.2014).
11. *Declaration of Punta del Este*. August 17, 1961. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam15.asp, свободный (дата посещения: 23.02.2014).
12. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d253>, свободный (дата посещения: 27.03.2014).
13. Taffet J. *Foreign aid as foreign policy*. N.Y., 2007.
14. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d254>, свободный (дата посещения: 07.02.2014).
15. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d247>, свободный (дата посещения: 15.02.2014).
16. *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*. М., 2002.

Pivovarova Natalia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalia-piv@rambler.ru

THE ORIGINS OF THE "ALLIANCE FOR PROGRESS" IN THE IDEA OF J. KUBITSCHKE'S "PAN-AMERICAN OPERATION".

Keywords: J. Kennedy; J. Kubitschek; "Alliance for Progress"; "Pan-American operation"; Inter-American relations.

In 1961, under new foreign policy of the United States toward the countries of Latin America, the program called "Alliance for Progress" was adopted. Despite the unprecedented scale of Kennedy administration approach, the principles underlying it, were not unique. With an eclectic nature, the program concentrated upon the ideas developed in the past decade within the walls of the White House and intellectual society of the United States, as well as outside the country. Along with the United States in the late 1950s, Latin American countries made attempts to develop a new approach to the cooperation arrangement in the region. One of the concepts, aimed at overcoming the crisis of Pan-American relations, belonged to J. Kubitschek (1956–1961). This article explores the origin of the "Alliance for Progress" initiative of the Brazilian president, known as the "Pan-American operation". The paper examines the pre-conditions for the concept emergence, considering its contents, marking the traits, which became the basis of John. F. Kennedy program. Also, the study highlights the process of cooperation between the countries of Latin America and the United States during the discussion of the project objectives; also the tasks and objectives of the parties are defined. Number of sources analysis allows the author to come to the following conclusions. Despite the fact that the project of the President of Brazil was not implemented, it set the ideas which were adapted in the United States, taking into account their own interests; they were brought into practice in Kennedy's policy, becoming the basis for a large-scale program called "Alliance for Progress". The program of development and assistance to the countries of Latin America kept an ideological base, proposed by the president of Brazil. The "Alliance for progress" as the plan of Kubitschek, was based on the mechanism of attracting foreign aid to enhance the economic growth of less developed partner due to the help of the leading country presented by the United States. Besides solving economical problems, the plan was aimed to make inter-American relations more harmonious. Comparison of Latin American project to transform relationship and realized program "Alliance for progress" gives an opportunity to talk about the difference in approaches of the United States and Latin America to solve the issues of cooperation. It's obvious that the USA is eager to solve the political issues, while the Latin American partner focuses on social and economic development of the region. It's also clear that the USA tends to totally control the process of decisions developing, making and implementing, manifested in the work at the projects "Pan-American operation" and "Alliance for progress" in spite of the independence of Latin American countries, which demonstrated willingness to solve their problems actively.

REFERENCES

1. *Public Papers of the U.S. Presidents*. Dwight D. Eisenhower, 1958. Available from: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4728421>. 1958.001/508. (Accessed: 10th March 2014).
2. *Department of State Bulletin*, 1958, 9th June.
3. *Department of State Bulletin*, 1958, 25th August.
4. Glinkin A.N. *Noveyshaya istoriya Brazili (1939–1959 gg.)* [The Modern history of Brazil (1939–1959)]. Moscow: IMO Publ., 1961. 402 p.
5. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d248>. (Accessed: 9th March 2014).
6. *Department of State Bulletin*, 1958, 18th August.
7. Mel'nikov D.E., Tomashevskiy D.G. (eds.) *Mezhdunarodnye otnosheniya posle vtoroy mirovoy voyny: v 3 t.* [International relations after the Second World War. In 3 vols.]. Moscow: The State Publishing House of Political Literature, 1965.
8. *Department of State Bulletin*, 1958, 18th August.
9. *Department of State Bulletin*, 1958, 9th June.
10. *Public Papers of the U.S. Presidents*. John F. Kennedy. 1961. Available from: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4730886>. 1961.001/230. (Accessed: 13th March 2014).
11. *Declaration of Punta del Este*. August 17, 1961. Available from: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam15.asp. (Accessed: 23rd February 2014).
12. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d253>. (Accessed: 27th March 2014).
13. Taffet J. *Foreign aid as foreign policy*. New York: Routledge, 2007. 328 p.
14. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d254>. (Accessed: 7th February 2014).
15. FRUS. 1958–1960. Vol. V: *American Republics*. Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v05/d247>. (дата посещения: 15.02.2014).
16. Voskresenskiy A.D. (ed.) *Vostok/Zapad: Regional'nye podsystemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [East/West. Regional subsystems and regional problems of international relations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. 528 p.

Е.Ю. Тройнина

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТАЙВАНЯ В 1970–2000-е гг.: ГРУППЫ ВЛИЯНИЯ

Анализируется эволюция механизма принятия решений в области науки и технологий правительства Тайваня с 1970-х по 2000-е гг. с точки зрения воздействия различных групп влияния на этот процесс. Рассматриваются особенности разработки научно-технологической политики в условиях авторитарного и демократического режимов. На примере одной из приоритетных наукоемких отраслей – биотехнологий – рассмотрена сложная структура групп влияния, участвующих в формировании правительственной политики в данной области.

Ключевые слова: Тайвань; наука и технологии; группы влияния.

В основе динамичного развития науки и технологий на Тайване, начавшегося в 1970-х гг., лежит целый комплекс факторов, таких как отсутствие природных ресурсов, богатое наследие японских колонизаторов в области образования, наличие соседствующих стран-конкурентов с избыточными и дешевыми трудовыми ресурсами. Однако основной движущей силой научно-технологического развития на начальном этапе стала государственная политика правительства Тайваня.

До начала процесса демократизации, инициированного президентом Цзян Цзингю в середине 1980-х гг. и активно проводимого президентом Ли Дэньхуэем с 1988 г., на Тайване сохранялся авторитарный режим правления партии Гоминьдан. При этом курс экономического развития формировался технократами – научно-техническими специалистами, которые занимали высокие должности в административном аппарате правительства и были уполномочены принимать решения, которые определяли государственную политику.

К наиболее ярким представителям технократической группы, которая определяла экономическую политику Тайваня, относятся Янь Цзягань (1904–1993), Ли Годин (1910–2001), Сунь Юньсюань (1913–2006), Юй Гохуа (1914–2000), Ян Цзицзэн (1898–1993) и др. Совокупность следующих сходных характеристик позволяет объединить этих государственных деятелей в одну группу [1. С. 186]:

- западное образование (технического или естественнонаучного профиля), вследствие чего они придерживались западных экономических концепций;

- наличие опыта работы на государственной службе в период, когда правительство Гоминьдана располагалось на территории континентального Китая (до 1949 г.);

- наличие опыта руководства экономикой военного времени, а также послевоенного экономического восстановления;

- представители технократов на Тайване являлись сторонниками экономического национализма, экономической стабильности, фискального и монетарного консерватизма.

Основным подходом технократов стал научный прагматизм, с точки зрения модели развития приоритет

отдавался государственному капитализму, т.е. частной экономике с руководящей ролью государства, они пользовались доверием президентов Чан Кайши и Цзян Цзингю, а их инициативы находили поддержку в правящих кругах США [2. С. 102]. В 1970–1980-х гг. технократы обладали достаточно высокой степенью независимости в сфере принятия финансово-экономических решений, при этом они не претендовали на политическую власть и тем самым обеспечили себе поддержку руководства Тайваня.

Группы влияния оказывали слабое давление на принятие технократами решений как в области экономики, так и в сфере науки и технологий. Поэтому с точки зрения экономической политики правящий режим на Тайване до конца 1980-х гг. можно назвать технократическим. Между тайваньскими технократами и местными группами влияния существовало естественное препятствие, так как тайваньские технократы были выходцами из континентального Китая, а традиционные группы влияния (ассоциации предприятий и собственников земли) имели тайваньское происхождение [3. С. 328].

Технократы занимали ведущие посты в правительстве Гоминьдана (в министерстве финансов и министерстве экономики), входили в состав Комитета по международному экономическому сотрудничеству и развитию при Исполнительном Юане (был учрежден в сентябре 1963 г. и заменил собой Комитет по вопросам американской помощи), который занимался экономическим планированием, вопросами привлечения иностранных инвестиций и заимствования зарубежных технологий. В области развития науки и технологий членами комитета были одобрены программы международных стажировок тайваньских специалистов, приглашались зарубежные специалисты для передачи исследовательского опыта. Технократы в различных комитетах министерства экономики стремились к максимально эффективному использованию экономической поддержки со стороны США, и в то же время их основной целью была экономическая самостоятельность Тайваня [2. С. 98–99].

В 1969 г. состоялся 10-й съезд партии, на котором Чан Кайши провозгласил необходимость проведения

политических реформ, а также сделал акцент на критической важности кадров с точки зрения политического и экономического управления. В рамках заявленного курса в кадровой политике на министерские должности были назначены представители технократической группы [3. С. 327]:

- Ли Годин (1969–1976 гг. – министр финансов);
- Сунь Юньсюань (1969–1978 гг. – министр экономики);
- Юй Гохуа (1969–1984 гг. – глава Центрального банка Тайваня);
- Янь Цзягань (1966–1975 гг. – вице-президент).

После смерти Чан Кайши в 1975 г. и прихода к власти его сына Цзян Цзинго, который был избран президентом Тайваня на Национальной Ассамблее в 1978 г., положение технократов-чиновников стало менее устойчивым. Несмотря на то что Цзян Цзинго продолжал опираться на технократов, его отношение к ним было более настороженным, но, тем не менее, достаточно доверительным, учитывая то, что технократы, в частности Ли Годин, пользовались поддержкой США.

В ноябре 1976 г. была создана группа по вопросам прикладных научно-технологических исследований под руководством одного из наиболее ярких представителей тайваньских технократов Ли Година. В январе 1978 г. была проведена первая общетайваньская научно-технологическая конференция, участие в которой принимали чиновники, представители бизнеса и научных кругов с целью обсуждения основных направлений научно-технологического развития. На этой конференции Ли Годин выдвинул план создания научно-технологического парка по аналогии с американской «Силиконовой долиной». Сунь Юньсюань также активно выступал за создание научного парка Синьчжу (за несколько лет до этого он также активно способствовал продвижению идеи создания Института индустриально-технологических исследований, основанного в 1973 г. [4. С. 14]). Исполнительный Юань поддержал план Ли, а также создал Консультативную группу по вопросам науки и технологий, в которую были приглашены тайваньские и иностранные эксперты. В результате с 1982 г. началось активное развитие передовых технологий в области энергетики, создания новых материалов, информатики, автоматизации, оптоволоконной промышленности, биотехнологий, медицины.

Технократическая система обеспечивала государственный аппарат чиновниками, которые имеют специальные знания и одновременно являются принимающими решения лицами. Так как технократы в своей деятельности опирались на американскую экономическую теорию и, ввиду своего образования, были более восприимчивы к американским идеям, они фактически стали проводником американского влияния, которое отразилось на концепции экономического управления и развития. Технократический аппарат государственного управления способствовал проникновению американских ценностей, взглядов и опыта на Тайвань

[2. С. 103]. Кроме того, технократы, которые получили образование в США или европейских странах, сохранили достаточно тесные связи с научными, предпринимательскими, финансово-экономическими и политическими кругами соответствующих государств. Эти связи повлияли на склонность тайваньских технократов к интернационализации, обеспечили необходимую техническую и кадровую поддержку в процессе экономической модернизации Тайваня.

В результате осуществления технократами научно-технологической политики к 1988 г. был создан фундамент для развития инновационной системы Тайваня: система высшего образования, основные исследовательские институты и лаборатории, технологические корпорации. Расходы на исследования и разработки в 1988 г. составили 1,24% от ВВП [5. С. 20], из них 56,5% были получены из государственных источников, 43,5% – из частного сектора [6. С. 166].

В то же время при технократическом режиме проявился следующий ряд проблем:

- Ориентация на крупные корпорации с государственным капиталом привела к тому, что малые и средние предприятия выпали из поля зрения технократов с точки зрения научно-технологического развития [7. С. 93]. Этот разрыв усиливался китайским происхождением технократов и тайваньским происхождением предпринимателей.

- Социальное напряжение, связанное с недостатком легитимности полномочий технократов, и политическая неопределенность в вопросах передачи власти, которые обострились в середине 1980-х гг. [8. С. 283–284].

- Координация инновационной системы в течение технократического периода носила характер почти ручного управления, которое само по себе является наиболее эффективным на начальных стадиях развития или в периоды кризиса. Появление и эволюция научно-технологической системы (на фоне трансформации политической системы) потребовали нового – системного – метода управления, при котором все элементы системы интегрируются таким образом, чтобы каждый из них работал максимально эффективно для достижения общей системной цели.

Демократизация режима, начавшаяся в середине 1980-х гг., поставила перед обществом вопрос о том, чьи интересы защищает технократический режим: интересы народа или свои собственные, т.е. вопрос о доверии народа по отношению к существующей системе экономического управления. После начала процесса демократизации, усиления групп влияния и ухода со своих постов «старой технократической гвардии» уровень знаний и квалификации чиновников стал снижаться, и после прихода к власти Демократической прогрессивной партии (ДПП) авторитет технократов как правящей прослойки на Тайване был подорван [9], а отклик высших государственных деятелей в отношении предложений технократической группы значительно ослабел.

Тем не менее к этому времени экономика Тайваня и составляющие ее элементы были готовы к повышению самостоятельности системы, а бизнес уже начал тяготиться государственной опекой. Данные трансформации привели к значительному усложнению процесса разработки экономического курса. В регулярно принимаемых планах экономического развития (Десятилетний план национального развития на 1980–1989 гг., Шестилетний план национального развития на 1991–1996 гг., Национальный план развития «Вызов-2008», 2002–2008 гг.) ставятся традиционные цели повышения конкурентоспособности тайваньской экономики за счет создания и развития инноваций. Однако в демократических условиях государственная экономическая политика представляет собой распределение на конкурентных началах имеющихся ресурсов между теми или иными правительственными департаментами, которые, в свою очередь, распределяют эти средства среди организаций, чьи интересы они представляют в правительстве.

Вовлеченность различных институтов и групп влияния в процесс принятия правительством решений хорошо прослеживается на примере одной из наиболее приоритетных инновационных отраслей экономики Тайваня – биотехнологий. В данной отрасли в процесс принятия решений вовлечены следующие институты и группы:

1. Институты исполнительной власти: Академия Синика (аналог Российской Академии Наук), Национальный совет по науке (фактическое Министерство науки), Министерство экономики, Министерство здравоохранения, Министерство образования и Совет по сельскому хозяйству (министерство). Между этими учреждениями идет соперничество за ресурсы, которые будут распределены государством на развитие биотехнологий, практически отсутствуют механизмы институциональной координации.

2. Институты законодательной власти: Законодательный Юань – высший законодательный орган Тайваня – является ареной политического противостояния «зеленой» коалиции под эгидой ДПП и «голубой» коалиции, возглавляемой партией Гоминьдан. По мнению тайваньского исследователя Чао Чэня, детальная разработка законопроектов по развитию биотехнологий нередко уходит на второй план, в связи с чем законодательные акты принимаются недоработанными [10. С. 10].

3. Неправительственные внутренние группы влияния включают:

а) местные малые и средние предприятия, работающие в области биотехнологий. Обычно эта группа представлена стартапами, чей экономический вес недостаточно велик, чтобы оказывать серьезное влияние на государство в области принятия соответствующих решений. В то же время преобладание малых и средних предприятий в тайваньской экономике в целом (их доля в 2000-е гг. в среднем составляла 97% от общего

числа предприятий [11. С. 15]) обусловило тот факт, что при принятии решений в области экономического и научно-технологического развития так или иначе учитываются интересы малого и среднего бизнеса [12. С. 35];

б) государственные исследовательские институты в лице академиков, методы влияния которых включают взаимодействие с государственными служащими, предоставление экспертного мнения, участие в формальных и неформальных встречах, участие в правительственных программах и проектах. Однако их мнение не является решающим, а носит рекомендательный характер. В случае, если рекомендации ученых и экспертов противоречат политическим интересам лиц, принимающих решения, приоритетными являются политические интересы [10. С. 12], тогда как технократическая модель отдавала предпочтение профессиональной точке зрения и научному подходу формирования государственной политики;

в) университеты, влияние которых также осуществляется в форме личного участия отдельных ученых.

Данные группы влияния характеризуются разобщенностью, отсутствием артикуляции общих требований и координации совместных действий, вследствие этого совокупная эффективность влияния оказывается низкой и сводится к воздействию через личные знакомства и связи.

Несмотря на то что основные политические силы (Гоминьдан и ДПП) в целом придерживаются одного мнения касательно направления развития биотехнологий (модернизация сельского хозяйства, медицины, медицинской техники и т.д.), представители данных направлений в правительстве стараются представить свою зону ответственности как наиболее важную, тем самым создавая конфликт интересов: Министерство здравоохранения акцентирует внимание на эффективности здравоохранения, необходимости принятия строгих стандартов утверждения медицинских препаратов, Министерство экономики воспринимает эти меры в качестве препятствий для привлечения частных инвестиций. Совет по сельскому хозяйству, в свою очередь, стремится к получению субсидий для развития сельскохозяйственных биотехнологий.

В то же время каждое из упомянутых учреждений проводит независимые исследования и разработки, т.е. не сотрудничает с исследовательскими центрами, находящимися в ведении остальных учреждений, а также самостоятельно занимается коммерциализацией полученных результатов исследований. Данные учреждения создают в рамках инновационной системы Тайваня независимые организации: например, Национальный совет по науке занимается биотехнологиями в рамках Центрального научного парка, Совет по сельскому хозяйству создал на юге Тайваня плантацию орхидей (где разрабатываются новейшие биотехнологии для выращивания этого вида цветов, а продукция плантации активно экспортируется на мировой рынок [13]),

Министерство экономики сформировало Биотехнологический кластер в Наньгане. С одной стороны, такая борьба интересов обеспечивает диверсификацию исследований и внедрения инноваций, с другой стороны, она приводит к распылению ограниченного количества ресурсов и кадров по разным исследовательским организациям, тем самым снижая общую эффективность инноваций, особенно когда разные организации одновременно работают по схожим проектам.

В других инновационных отраслях на правительство оказывают влияние крупные корпорации и отраслевые объединения. Например, в электронной промышленности это крупные корпорации UMC, TSMC, Acer. Такие отраслевые объединения, как Ассоциация предприятий информационной промышленности, Тайваньская Ассоциация производителей электротоваров и электроники, осуществляют взаимодействие с органами государственной власти, лоббирование политического и экономического курса, благоприятного для предприятий отрасли, участвуют в государственных проектах в области электронной торговли, ориентированных на коммерческий сектор и на малый и средний бизнес [14, 15].

Несмотря на значительное ослабление технократов и усложнение процесса принятия решений в области науки и технологий, инновационная система Тайваня продолжила демонстрировать хорошие показатели роста в демократических условиях: в 2010 г. доля расходов на исследования и разработки составила 2,9% от ВВП, из них 27,5% были выделены государством, 71,2% – частными предприятиями, 1% – учреждениями высшего образования, 0,3% – частными некоммерческими организациями [16. С. 131–132]. За это время Тайвань достиг впечатляющих результатов в области электронной промышленности и, несмотря на ряд но-

вых вызовов, до сих пор остается одним из мировых лидеров в области производства электронной техники, в том числе ноутбуков и мониторов.

Таким образом, в результате политической демократизации процесс разработки и принятия решений в области научно-технологического развития остров претерпел существенные изменения. С конца 1960-х гг. до конца 1980-х гг. основные решения в области развития науки и технологий принимала технократическая верхушка, представленная чиновниками-учеными, которые не имели притязаний на политическую власть (и, отчасти благодаря этому, пользовались доверием высшего руководства Тайваня), принимали решения исходя из своих профессиональных знаний и опыта, и для которых наука и исследования в силу их личных убеждений имели большое значение.

Демократизация авторитарного режима, созданного еще при Чан Кайши, привела к тому, что фактически единоличное руководство экономикой острова, осуществляемое группой технократов, стало невозможным в новых условиях. Демократизация режима, начавшаяся в середине 1980-х гг., обусловила участие более широкого круга лиц в разработке научно-технологического курса развития. При этом профессиональный уровень лиц, принимающих решения, снизился, а политические интересы стали определяющим фактором в процессе разработки научно-технологической политики. Более существенное влияние стали оказывать группы интересов (отраслевые объединения предприятий, исследовательские институты и университеты). Вместе с тем повышение самостоятельности научно-технологической системы Тайваня и ее постепенный переход в частный сектор обеспечили повышение ее совокупной эффективности в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wu Yu-Shan. Comparative Economic Transformations: Mainland China, Hungary, the Soviet Union and Taiwan. Stanford University Press, 1994.
2. Ван Цзюнь. Ли Годин: цзишу гуаньялю юй тайваньдэ сяньдайхуа [Ли Годин: технократы и модернизация Тайваня]. Кэсюэ вэньхуа пинлунь. 2009. № 5 [Electronic resource]. URL: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html>, free (access data: 25.10.2014).
3. Ken Morita, Yun Chen. Transition, Regional Development and Globalization: China and Central Europe. World Scientific Publishing, 2010.
4. Noble G. Incomplete Democratization and Unreconciled Rivalries: Economic Relations Across the Taiwan Strait and Regional cooperation. ISS Comparative Regionalism Project [Electronic resource]. URL: <http://project.iss.u-tokyo.ac.jp/crep/pdf/dp/dp6.pdf>, free (access data: 25.10.2014).
5. Taiwan Statistical Data Book. Council for Economic Planning and Development, Taiwan, 2005.
6. Ash R., Greene J.M. Taiwan in the 21st Century: Aspects and Limitations of a Development Model. London: Routledge, 2007.
7. Chu Yin-Wah., Wong Siu-Lun. East Asia's New Democracies: Deepening, Reversal, Non-liberal Alternatives. NY: Routledge, 2010.
8. Chou Yang-Sun., Nathan A.J. Democratizing Transition in Taiwan. Asian Survey, 1987. Vol. 27. № 3.
9. Сюй Жэньхуэй. Хэсе шэжун юй гунгун чжили [Гармоничное общество и общественное управление]. Чжэцзян дасюэ чжубань, шэжун юй гунгун чжэньцэ сюэшу яньтаохуэй. 2007 [Electronic resource]. URL: <http://epm.shu.edu.tw/file/hsu/b0605.doc>, free (access data: 25.10.2014).
10. Chao Chen. Government, governance and innovation policies in small states. Taking Taiwan and Ireland's biotechnology industrial policies for examples (2000–2008). 2008 Doctoral Conference, University of Twente (Netherlands). 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.prime-noe.org/spip.php?action=acceder_document&arg=33&cle=c11ae74ff6337526529589e0e36665fac77d54bf&file=pdf%252FChao_Chen.pdf, free (access data: 25.10.2014).
11. White Paper on SMEs in Taiwan 2012. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan.
12. Lauridsen S.L. State, Institutions and Industrial Development in East Asian NICs. The Copenhagen Journal of Asian Studies, 1993. № 8 [Electronic resource]. URL: <http://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/1820>, free (access data: 25.10.2014).
13. Taiwan Orchid Plantation in Tainan a success in orchid industry. Info Taiwan, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.taiwan.gov.tw/ct.asp?xItem=20908&ctNode=1940&mp=999>, free (access data: 25.10.2014).
14. Service Scope. Information Service Industry Association, Taiwan, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.cisanet.org.tw/En/ServiceScope>, free (access data: 25.10.2014).
15. Domestic business services. Taiwan Electrical and Electronic Manufacturers' Association [Electronic resource]. URL: <http://www.teema.org.tw/english/about-teema.aspx?unitid=114>, free (access data: 25.10.2014).
16. Taiwan Statistical Data Book 2012. Council for Economic Planning and Development, Taiwan.

Troynina Ekaterina Y. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shkrob_katya@mail.ru

EVOLUTION OF SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY OF TAIWAN'S GOVERNMENT IN THE 1970–2000S: INTEREST GROUPS.

Keywords: Taiwan; science and technology; interest groups.

Dynamic science and technology development of Taiwan since 1970-s was entailed by the number of internal and external factors, the main of them, however, was the government policy. Till 1987, while the state of emergency remained valid and under the conditions of authoritarian political regime of Kuomintang, it was Taiwanese technocrats who worked out science and technology policy. The technocrats being loyal to presidents Chiang Kai-Shek and Chiang Ching-Kuo, to some extent were under the ideological influence of the Western science schools, had extensive personal and business relations with the Western, mostly American, businessmen and officials. The technocrats faced little influence from local interest groups as the latter were weak and discrete. Taiwanese technocratic government set up a strong science and technology base, promoted the establishment of state-funded research institutes (ITRI, III) and Hsinchu Science Park, which became the basement for the rapid S&T development of Taiwan. Political and social changes started in the second half of 1980-s resulted in democratic transition, emergence of legal opposition in 1986 (Democratic Progressive Party) and the transformations of how political decisions were taken. Democratization of Kuomintang regime has led to complication of science and technology policy: on one hand, the competition between various governmental agencies has started, on the other hand, different interested groups gained enough power to put pressure on the government. Taking biotechnology as an example, in 2000-s, under the democratic conditions Taiwan's S&T policy has been a compromise of the following political powers: 1) executive agencies (National Science Council, Council of Agriculture, Ministry of Health and Welfare, Academia Sinica, etc.); 2) political parties (green coalition under DPP, blue coalition under Kuomintang); 3) business groups: small and medium-sized enterprises as they are the most wide business layer, 4) academics, scientists and experts. Each power strives for promotion of its interests, allocation of resources and subsidies, carries out independent researches in its own realm. The power of the technocrats has eroded in the 2000-s, and this term is now seldom used to describe politicians in Taiwan. Although democratic transition has undermined the power of technocrats who created science and technology system of Taiwan in 1970–1990-s, by the 2000 the private sector has become mature enough to sustain S&T development. The quantitative S&T indicators show that Taiwan S&T system remained its growth pace and become more private-funded and independent.

REFERENCES

1. Wu Yu-Shan. *Comparative Economic Transformations: Mainland China, Hungary, the Soviet Union and Taiwan*. Stanford University Press, 1994.
2. Wang Jun. Li Godin: tszishu guan'lyao yuy tayvan'de syan'daykhua [Lee Godin: technocrats and modernization of Taiwan]. *Kesyue ven'khua pinlun'*, 2009, no. 5. Available from: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html>. (Accessed: 25th October 2014).
3. Ken Morita, Yun Chen. *Transition, Regional Development and Globalization: China and Central Europe*. World Scientific Publishing, 2010. 506 p.
4. Noble G. *Incomplete Democratization and Unreconciled Rivalries: Economic Relations Across the Taiwan Strait and Regional cooperation. ISS Comparative Regionalism Project*. Available from: <http://project.iss.u-tokyo.ac.jp/crep/pdf/dp/dp6.pdf>. (Accessed: 25th October 2014).
5. *Taiwan Statistical Data Book. Council for Economic Planning and Development, Taiwan*. 2005.
6. Ash R., Greene J.M. *Taiwan in the 21st Century: Aspects and Limitations of a Development Model*. London: Routledge, 2007. 304 p.
7. Chu Yin-Wah., Wong Siu-Lun. *East Asia's New Democracies: Deepening, Reversal, Non-liberal Alternatives*. New York: Routledge, 2010. 328 p.
8. Chou Yang-Sun., Nathan A.J. Democratizing Transition in Taiwan. *Asian Survey*, 1987, vol. 27, no. 3.
9. Xu Zhenhuey. *Khese shekhuey yuy gungun chzhili* [Harmonious society and public administration]. In: *Chzhetszyan dasyue chzhuban', shekhuey fach-zhan' yuy gungun chzhentse syueshu yan'taokhuey*. Available from: <http://eppm.shu.edu.tw/file/hsu/b0605.doc>. (Accessed: 25th October 2014).
10. Chao Chen. [Government, governance and innovation policies in small states. Taking Taiwan and Ireland's biotechnology industrial policies for examples (2000–2008)]. *2008 Doctoral Conference, University of Twente (Netherlands)*. 2008. Available from: http://www.prime-noe.org/spip.php?action=acceder_document&arg=33&cle=c11ae74ff6337526529589e0e36665fac77d54bf&file=pdf%252FChao_Chen.pdf. (Accessed: 25th October 2014).
11. *White Paper on SMEs in Taiwan 2012*. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan.
12. Lauridsen S.L. State, Institutions and Industrial Development in East Asian NICs. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 1993, no. 8. Available from: <http://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/1820>. (Accessed: 25th October 2014).
13. *Taiwan Orchid Plantation in Tainan a success in orchid industry. Info Taiwan*. 2010. Available from: <http://www.taiwan.gov.tw/ct.asp?xItem=20908&ctNode=1940&mp=999>. (Accessed: 25th October 2014).
14. *Service Scope. Information Service Industry Association, Taiwan*. 2012. Available from: <http://www.cisanet.org.tw/En/ServiceScope>. (Accessed: 25th October 2014).
15. *Domestic business services. Taiwan Electrical and Electronic Manufacturers' Association*. Available from: <http://www.teema.org.tw/english/about-teema.aspx?unitid=114>. (Accessed: 25th October 2014).
16. *Taiwan Statistical Data Book 2012. Council for Economic Planning and Development, Taiwan*.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ. ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ (2006–2008 гг.)

Исследуется контртеррористическая политика США в Афганистане после обострения ситуации и активизации террористических и радикальных группировок с 2006 г. Атака на Америку заставила Вашингтон прибегнуть к ответным мерам – была начала война в Афганистане. Успехи, достигнутые США на первом этапе в Афганистане, были в значительной степени подорваны усилиями движения «Талибан», а также последующими неадекватными мерами, принятыми руководством США.

Ключевые слова: США; терроризм; Афганистан; Ближний и Средний Восток; безопасность.

Борьба с терроризмом после трагических событий 11 сентября 2001 г. стала необходимостью. США были вынуждены принять ответные шаги, которые в свою очередь поддержало международное сообщество. Однако после этого США и НАТО продолжают оставаться в регионе на протяжении более десяти лет, что нельзя обосновать реальной борьбой с терроризмом. В тот же день, 11 сентября, президент Соединенных Штатов Дж. Буш-мл. выступил с обращением к нации, в котором говорилось, что «Америка была атакована», что «США не будут делать различий между теми, кто совершил акты, и теми, кто прикрывал террористов». Глава США ввел режим чрезвычайной ситуации. Успокаивая нацию, он заявил, что «наша армия сильна и готова» и что он «направил все ресурсы разведки на поиски террористов». Президент США ясно дал понять, что его страна готовит ответные действия против организаторов терактов и тех, кто поддержал их. «Америка, – заметил он, – сокрушала своих врагов прежде и сделает это и в этот раз» [1].

Террористические акты 11 сентября 2001 г. дали повод США применить силу против своих врагов в исламском мире. Позиции «ястребов» в администрации Соединенных Штатов окончательно перевесили убеждения своих оппонентов: была объявлена война до победного конца. Это, очевидно, давало возможность на проведение стратегии, предусматривающей силовые действия, в том числе вторжение на территорию суверенных стран. Главным врагом был назван международный терроризм в лице У. бен Ладена, главы «Аль-Каида»¹, которая прочно засела на территории Афганистана [2. С. 3–4; 3. С. 75].

Международная реакция на теракты 11 сентября 2001 г. была однозначной: необходимость уничтожения террористического подполья, которое нашло убежище в Афганистане, понимали все ведущие страны мира. Так, действия США в Афганистане были поддержаны рядом государств. Уже к 1 октября 2013 г. число стран, входящих в антитеррористическую коалицию, достигло 49 с общей численностью в 87 207 военнослужащих, направленных на противодействие афганскому терроризму. Совбез ООН единогласно принял резолюцию № 1386, которая регламентировала

создание Международных сил содействия безопасности (МССБ) Афганистана, которые позже были переданы под руководство НАТО. США и их союзники отправили в Афганистан военные контингенты и со временем увеличивали их количество.

Однако, несмотря на огромные усилия США и международного сообщества в целом, ситуация в Афганистане начиная с 2006 г. начала резко ухудшаться. Лидеры талибов, которых не удалось уничтожить ни в 2001 г., ни в 2002 г., сумели переждать активную фазу боевых действий, скрыться на афгано-пакистанском приграничье и трансформировать тактику ведения партизанской войны против ВС США и НАТО. Талибы не только смогли перегруппироваться и изменить тактику, которая вводила военнослужащих США и НАТО в замешательство, но даже начали чаще нападать на иностранных солдат. Экстремисты в Афганистане также переняли формы радикального сопротивления, которые активно использовались в Ираке с 2003 г., такие как атаки смертников и террористические акты. Данное обстоятельство существенным образом изменило формат боевых действий и нанесло существенный моральный вред военнослужащим иностранного контингента.

С первых дней начала боевых действий в Афганистане США и НАТО и до начала летней кампании 2006 г. боевики движения «Талибан»² и экстремисты «Аль-Каиды» не вступали в прямые столкновения с военнослужащими США. С лета 2006 г. такие случаи начали фиксироваться и их количество стало расти. Боевики движения не только проводили более решительные военные действия, но и периодически захватывали города, уезды и провинции. Американских солдат начали атаковать хаотично и с любых позиций, что застало врасплох командование армии США в Афганистане. Ранее талибы только отступали, в лучшем случае отстреливались и проводили единичные атаки на конвои и группировки американских солдат в южных и восточных провинциях страны. Данные факты показали кратковременность успеха всего предыдущего периода контртеррористической операции США в Афганистане. Безусловно, отдельные удачные операции имели место, так, например, были устранены некоторые лидеры «Аль-Каиды», но, как стало известно летом 2006 г., сопротивление сломить не удалось: движение «Талибан»

перегруппировалось, активизировалось и пошло в наступление.

Одновременно с активизацией движения «Талибан» и других экстремистских группировок внутри международной коалиции начало меняться мнение об афганской компании. Многие государства, которые принимали участие в МССБ, также отправили свои войска в Ирак. И если к 2006 г. ситуация в Ираке была на грани катастрофы и было понятно всем, что достижение успеха в этой стране невозможно, то операция в Афганистане, которая к тому же была одобрена Совбезом ООН, считалась успехом США и НАТО.

Другой серьезной проблемой, стимулирующей дробление Афганистана, является наличие в стране влиятельных полевых командиров. После свержения талибов в стране де-факто произошел процесс разделения страны на сферы влияния между полевыми командирами, исходя из этнических и религиозных различий. Так, около 40% правительства Афганистана составляли выходцы из групп, близких к тем или иным полевым командирам. В их числе были такие влиятельные фигуры, как: М. Фахим, Х. Кадыр, А. Халили, М. Кануни, М. Садек, А. Вардак и др. На севере Афганистана самой влиятельной фигурой на протяжении долгого времени являлся узбек А. Рашид Дустум. На западе, а именно в стратегически важном городе Герате, особым влиянием пользовался полевой командир Туран Исмаил (Исмаил Хан) [4. С. 111, 157].

Важным фактором фрагментации Афганистана является сохранившаяся до сих пор племенная психология населения, влияющая и на полевых командиров. В соответствии с трайболистским менталитетом, который распространен на Ближнем и Среднем Востоке, все, что находится в зоне расселения племен, принадлежит этому племени. Это стимулировало не только дестабилизацию обстановки в Афганистане, но и его частичную фрагментацию.

Начиная с 2006 г. ситуация в Афганистане существенно обострилась. Движение «Талибан» активизировало свои действия, участились нападения на военнослужащих США и контингента МССБ. Дело в том, что ВС США постепенно продвигались и увеличивали присутствие в самых опасных афганских провинциях, происходило постепенное продвижение военнослужащих США в южные и восточные провинции Афганистана. Как известно, на юго-востоке страны активность талибов куда выше, чем на севере, который традиционно считается относительно безопасной территорией. Так, министр обороны США Роберт Гейтс в свое время отметил, что причиной возросшей нестабильности в Афганистане являются «решительные действия коалиционных сил, которые вторгаются в пуштунские анклавы на афганско-пакистанской границе» [5; 4. С. 295].

Большое внимание США и НАТО уделяли делу создания сил безопасности Афганистана, которые могли бы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности страны и самостоятельно бороться против движе-

ния «Талибан» и террористической угрозы. Исторически афганцы считались великими воинами, однако свои лучшие качества они могли проявить в повстанческой форме вооруженного сопротивления. Что касается регулярной армии, то исторически Афганистан не обладал боеспособными вооруженными силами, которые могли бы отвечать за безопасность его территории. Главными проблемами афганской армии традиционно считались слабая дисциплина, а следовательно, высокий уровень дезертирства и слабая техническая оснащенность. Вследствие низкого качества подготовки афганской армии и полиции большее количество потерь приходилось на афганцев – до 90%, остальные 10% приходились на ВС США и НАТО.

На период 2007–2008 гг. ВС коалиции составляли 38 тысяч военнослужащих, из которых 27 тысяч солдат были из США. Из них в миротворческой операции МССБ участвовали 17 тысяч солдат США, а оставшиеся 10 тысяч военнослужащих участвовали в антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» [6]. Исходя из анализа вооруженных действий в Афганистане и истории этой страны, можно прийти к выводу, что подобная боевая группировка недостаточна для стабилизации ситуации в этой стране и тем более для реализации успешной антитеррористической операции.

Ситуация в Афганистане с 2006 г. существенным образом отличалась от состояния этой страны в период 2001–2005 гг. Если в начальный период афганской компании США и их союзники не встречали существенного противодействия со стороны движения «Талибан» и боевиков «Аль-Каиды», то начиная с 2006 г. боевики начали не только оказывать заметное сопротивление, но и нередко шли в наступление. ВС США не удавалось даже подавить сопротивления в открытых местностях, например в пустыне Дашти-Марго, а также в относительно равнинной провинции Гильменд. Что касается высокогорных и труднопроходимых провинций Хост, Забуль и юго-востока Афганистана в целом, то там ВС США встречали жестокое сопротивление, которое приводило к большим потерям среди личного состава американской армии. Активизация сопротивления со стороны радикального движения «Талибан», террористов «Аль-Каиды» и различных исламистских группировок, таких как «Хезб-и-Ислами» и «Сеть Хаккани», не была единственным фактором ухудшения ситуации в Афганистане. США и их союзники столкнулись с серьезной и очень сложной проблемой, которой стало движение афганского сопротивления. В его состав входили не только перечисленные движения и организации, но и различные криминальные группировки, наркомафия, представители племен Афганистана и Пакистана.

После обострения ситуации в Афганистане талибы все более активно начали вести пропагандистскую работу среди местного населения. Несмотря на гигантские усилия международного сообщества, экономическая, социальная и гуманитарная ситуация в Афгани-

стане оставалась крайне сложной. Значительная финансовая помощь, оказанная Афганистану, не давала желаемого результата – Афганистан оставался нищей страной, следовательно, правительство Хамида Карзая не пользовалось достаточной поддержкой. Слабое и неэффективное правительство было неспособно гарантировать не только безопасность страны, но и поддержание законности и порядка. Оно не было в состоянии эффективно управлять гигантскими ресурсами, которые были выделены Афганистану на различных международных форумах. Все это и, в особенности, нахождение чужеродного иностранного военного контингента стимулировало рост числа недовольных среди мирного населения. Афганцы начали искать другие способы влияния на ситуацию в своей стране, что стало удобной базой для радикалов, которые вели свою пропагандистскую работу, в отличие от США, весьма успешно. Как следствие повстанческая деятельность в Афганистане постепенно начинала набирать обороты. К подрывной деятельности талибов и боевиков «Аль-Каиды» добавилась активность повстанческих группировок, возглавляемых старейшинами племен, полевыми командирами, целью которых было свержение неуправляемого правительства Хамида Карзая.

Мотивами активизации радикального сопротивления со стороны талибов, других радикальных групп и зарождения существенного повстанческого движения против США, сил НАТО и правительства Афганистана можно считать межэтнические, межнациональные и религиозные противоречия, борьбу за экономические ресурсы и политическую власть. После начала операции «Несокрушимая свобода» и свержения режима «Талибан» этнический состав Афганистана был следующим: примерно половину населения составляли пуштуны; национальные меньшинства были представлены такими народностями, как таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены и другие этносы. Острые, временами враждебные противоречия между главным афганским этносом – пуштунами – и представителями национальных меньшинств существовали в Афганистане на протяжении многих веков. Часто в истории Афганистана встречались периоды острой борьбы за власть между представителями различных племен и кланов, которые велись именно по этническим мотивам.

Более того, противоречия были как между пуштунами и представителями национальных меньшинств – таджиками, узбеками, хазарейцами, так и среди различных пуштунских племен. Так, еще в 2001 г. в одном из докладов ЦРУ говорилось, что существуют большие противоречия и разногласия между народами, представляющими национальные меньшинства Афганистана. В докладе было отмечено, что ЦРУ «обнаружило серьезные разногласия и конкуренцию между таджиками, хазарейцами и узбеками». Движение «Талибан», которое являлось в основном пуштунским, было оттеснено от власти в Кабуле и Афганистане в целом во многом военными усилиями «Северного Альянса», который состо-

ял из таджиков, узбеков и хазарейцев. Поэтому существует небезосновательное мнение, что «одной из причин гражданской войны являются межэтнические проблемы, в частности недовольство пуштунов в том, что их выбросили на обочину национальные меньшинства» [7. С. 85–85]. «Афганистан – это игра, в которой действительно не может быть победителей. Стоит какому-то этносу вырваться вперед, другие сразу считают, что это делается за их счет» [8. С. 219].

Ежегодные отчеты Государственного департамента США наглядным образом показывали динамику критического ухудшения ситуации в Афганистане. Согласно докладу Госдепа США, количество террористических атак, осуществленных в основном против иностранных военных, увеличилось на четверть по сравнению с прошлым годом. Так, если в Афганистане в 2005 г. был совершен 491 теракт, то в 2006 г. тот же показатель достиг отметки в 749 атак [9]. Естественно, одновременно с увеличением терактов росло и число жертв убитых и раненых, что существенно влияло на боевой дух ВС США и настроения населения Афганистана. Американские политики и военные причиной такого поворота афганской кампании называли активизацию боевиков «Аль-Каиды» и движения «Талибан». Афганская кампания, которая некогда была крупным международным успехом США и НАТО, постепенно превращалась в большую неудачу [10]. Всплеск террористической и повстанческой активности в Афганистане, в свою очередь, негативно влиял не только на ситуацию на Среднем Востоке, но и оказывал негативный дестабилизирующий эффект на обстановку на Ближнем Востоке и в исламском мире в целом. Из точки, где в 2001 г. международному терроризму был нанесен непоправимый удар, Афганистан снова превращался в центр террористической активности [11].

Большинство боевых действий в период 2006–2008 гг. между ВС США и талибами происходило в юго-восточных провинциях Афганистана. Военнослужащим США приходилось крайне трудно в таких провинциях, как Кандагар, Гильменд, Хост, Забуль, Урузган, Пактика, Газни, Нангархар. В целом география данных провинций представляет собой достаточно равнинные и пустынные территории, что является положительным фактором для организации действий регулярной армии. В связи с этим теоретически проводить боевые операции в подобных географических зонах легче, однако даже там ВС США не были в состоянии оказать должного отпора боевикам и обеспечить свое превосходство.

Параллельно ухудшению ситуации в Афганистане стремительно росли расходы на эту войну. Так, если в 2003 г. США потратили на афганскую кампанию 14,7 млрд долл. США, а в 2005 г. 20 млрд, то уже в 2007 г. затраты Вашингтона оценивались в 39,2 млрд долл. В 2008 г. цифра затрат США на военную кампанию в Афганистане достигла отметки в 43,5 млрд долл. Динамика сравнения затрат на войну в Афганистане и Ираке приведена на рис. 1 [12].

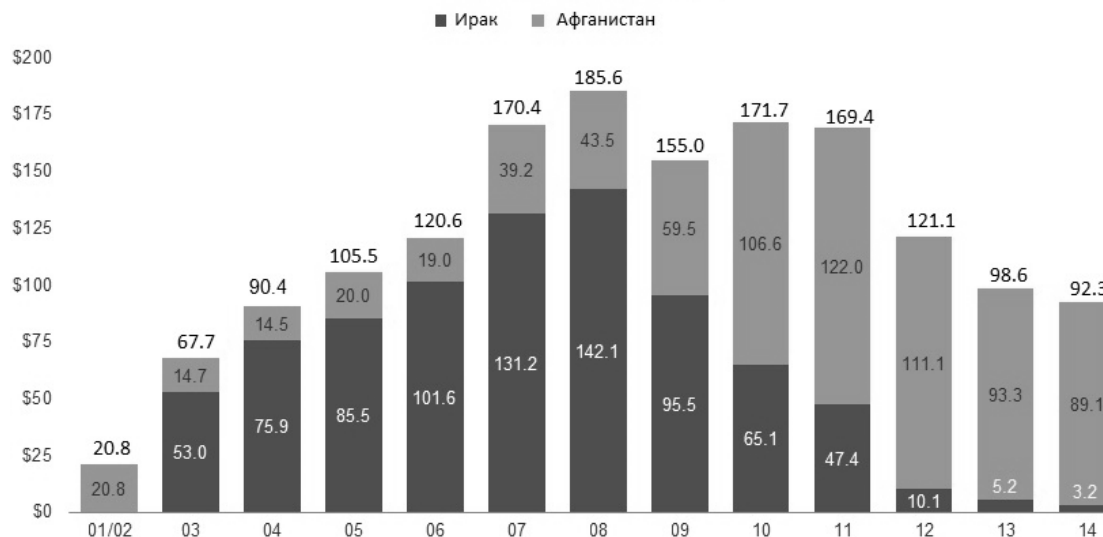

Рис. 1. Финансовые затраты на войну в Ираке и Афганистане, млрд долл

Следует отметить закономерность снижения затрат на афганскую кампанию США после 2003 г., т.е. после того, как Вашингтон начал вторжение в Ирак. Так, если в 2002 г. Америка тратила на боевые действия в Афганистане 20 млрд долл. США в год, то в 2003 г., в год американского вторжения в Ирак, Вашингтон выделил на афганскую кампанию 14,7 млрд долл. – сумму, значительно уступающую прошлогодней [13].

Можно констатировать крайне успешную тактику ведения боевых действий талибов, которые сумели навязать ВС США и их союзникам свой формат войны, тем самым минимизировать потери среди своего боевого состава. Экстремисты движения не вступали в прямые боестолкновения с военнослужащими США, так как понимали несостоятельность подобной тактики. Военнослужащие США и МССБ были лучше экипированы, обладали более современным вооружением и превосходили талибов по численности. Часто после начала боевого столкновения талибы отстреливались, пытаясь нанести урон противнику, затем уходили в горы или растворялись среди мирных жителей.

После каждого боестолкновения выходили официальные статистические данные о потерях сторон.

Очень часто в американских и натовских документах фигурировали туманные словосочетания наподобие «ликвидировано несколько боевиков», что не показывало, была ли та или иная операция успешной или провальной. В скором времени ведущие западные СМИ, в том числе такие, как CNN, Reuter и AP, начали обращать на этот факт внимание. Критике со стороны СМИ в скором времени подверглась и вся афганская кампания.

Можно сделать вывод, что успехи США и их союзников на начальном этапе афганской кампании в 2001–2005 гг. были временными. В последующих 2006–2008 гг. экстремистское подполье Афганистана оказало серьёзное сопротивление усилиям западных стран. Исходя из данных фактов, можно сказать о том, что стратегия и тактика, которые использовали США и страны НАТО в Афганистане в период 2006–2008 гг., не привели к успеху, а силы и средства не были достаточными для урегулирования ситуации в этой стране. Движение «Талибан» и боевики «Аль-Каиды» в свою очередь сумели перегруппироваться и оказать существенное сопротивление США и международным силам в Афганистане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Аль-Каида» – террористическая организация радикальных исламистов ваххабитского толка, возглавлявшаяся У. бен Ладеном и А. аз-Завахири. Создана в конце 1980-х гг. Организовала и осуществила теракты 11 сентября 2001 г. в США.

² «Талибан» – радикальная исламистская группировка, действующая в Афганистане и Пакистане. Создана в 1994 г. в Кандагаре и состоит из учеников религиозных школ – медресе, которые находятся на территории Афганистана и северо-запада Пакистана. Лидер группировки – мулла Мохаммад Омар.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Statement by the President in His Address to the Nation*. September 11, 2001.
2. Kissinger H. «Does America Need a Foreign Policy». N.Y. 2001. P. 3–4.
3. Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане. 1978–1989 гг. М.: Главархив Москвы, 2014. С. 75.
4. Христофоров В.С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. С. 111, 157.
5. Ann Scott Tyson. More Recruits, U.S. Arms Planned for Afghan Military: Gates Voices Concern Over Growing Level of Violence // The Washington Post. 05.12.2007.

6. ISAF. International Security Assistance Forces. ISAF Regional Commands and PRT Locations. 31. May. 2007.
7. Thomas H. Johnson and M. Chris Mason «Understanding the Taliban and Insurgency in Afghanistan» // *Orbis*. Vol. 51, № 1. 2007. P. 85–86.
8. Ralph Pezzullo and Gary Berntsen. *Jawbreaker*. New-York, 2005. P. 219.
9. National Counterterrorism Center: Annex of Statistical Information. Country Report on Terrorism. State Department. Report 2008.
10. Bruce Riedel. Al Qaeda Strikes Back // *The Foreign Affairs*. May–June 2007.
11. Bearden M. Redefining Victory in Afghanistan and Pakistan // *The Foreign Affairs*. April 9. 2009.
12. National priorities. Counter Notes and Sources. More About the Cost of War Counters. URL: <https://www.nationalpriorities.org/cost-of/notes-sources>, free.
13. Joseph E. Stiglitz and Linda J. Bilmes. The true cost of the Iraq war: \$3 trillion and beyond // *Washington Post*. September 5, 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/09/03/AR2010090302200.html>, free.

Asatryan Georgi E. The Russian State University for Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: asatryangeorgi@yahoo.com
THE ANTI-TERRORIST POLICY OF THE US IN AFGHANISTAN. DESTABILIZATION OF THE SITUATION IN AFGHANISTAN (2006–2008).

Keywords: Afghanistan; foreign policy of the U.S.; terrorism; security.

This paper investigates the U.S anti-terrorist policies in Afghanistan after 2006, following the escalation of the situation and activation of terrorist and radical groups. The successes achieved by the US in the first phase in Afghanistan, have been largely undermined the efforts of the movement "Taliban", which after 2006 began their offensive. The events of September 11, 2001 became a kind of Rubicon for the modern world. The terrorist acts in New York and Washington, D.C were the unprecedented acts of terrorism ever. The preparation and implementation of such actions were definitely beyond the power of any marginalized group of terrorists. The study of the "Counter-Terrorist policy of the U.S" (2001–2008) requires the research of the official documents of two countries from 2001 through 2009, which is possible to do only in the named countries, using the best available opportunities. Besides, it is very important to conduct thorough research in the archives of these two countries so as to find out what officials say and write about the issue. This article is about the military component of the U.S strategy in Afghanistan. On the same day, September 11, U.S. President George W. Bush delivered an address to the nation, in which he said that "America was attacked" and that "the U.S. will not make a distinction between those who commit acts and those who covered the terrorists." The head of the U.S. declared a state of emergency to calm the nation. He said: "Our army is strong and ready." The U.S. president made it clear that his country was preparing retaliatory measures against the organizers of the terrorist attacks and those who supported them. "America, – he said – crushed its enemies before and will do it this time". At the beginning of the U.S antiterrorist operation in Afghanistan, Washington achieved considerable success. It should be noted that the major factor of destabilization of Afghanistan was the war in Iraq. Washington transferred its attention and put all resources on military operations in Iraq, and forgot Afghanistan. This article qualitatively explores the real reasons of destabilisation the situation in Afghanistan and the U.S counter-terrorism policy. Serious concern was expressed about Pakistan, which, though not included in the list of the countries that support terrorism, has a substantial influence on the Islamic Movement of "Taliban". During the civil war in Afghanistan, Pakistan provided all possible assistance to the Taliban. After winning the civil war in Afghanistan, the Taliban regime was officially recognized by Islamabad. Although the Taliban was not included in the list of terrorist organizations, Washington did not recognize the Taliban as a legitimate government in Afghanistan. In regard to the Taliban, the U.S. administration issued a separate document imposing sanctions against the regimes that sponsor terrorism. On the conclusion, the author wrote that the arsenal of action and mechanisms of implementation U.S is not enough to stabilize the situation in Afghanistan.

REFERENCES

1. *Statement by the President in His Address to the Nation*. September 11, 2001.
2. Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy*. New York, 2001, pp. 3-4;
3. Khristoforov V.S. *KGB SSSR v Afganistane. 1978–1989 gg.* [KGB in Afghanistan. 1978–1989]. Moscow: Glavarkhiv Moskvyy Publ., 2014, p. 75.
4. Khristoforov V.S. *Afganistan. Pravyashchaya partiya i armiya (1978–1989)* [Afghanistan. The ruling party and the army (1978–1989)]. Moscow: Granitsa Publ., 2009, p. 111, 157.
5. Tyson A.S. More Recruits, U.S. Arms Planned for Afghan Military. Gates Voices Concern Over Growing Level of Violence. *The Washington Post*, 2007, 12th May.
6. ISAF. International Security Assistance Forces. *ISAF Regional Commands and PRT Locations*, 2007, 31st May.
7. Johnson T.H., Mason M.C. Understanding the Taliban and Insurgency in Afghanistan. *Orbis*, 2007, vol. 51, no. 1, pp. 85-86.
8. Ralph Pezzullo and Gary Berntsen "Jawbreaker". New York, 2005, pp. 219.
9. National Counterterrorism Center: *Annex of Statistical Information*. Country Report on Terrorism. State Department. Report 2008.
10. Riedel B. Al Qaeda Strikes Back. *The Foreign Affairs*, 2007, May-June.
11. Bearden M. Redefining Victory in Afghanistan and Pakistan. *The Foreign Affairs*, 2009, 9th April.
12. National priorities. Counter Notes and Sources. More About the Cost of War Counters. Available from: <https://www.nationalpriorities.org/cost-of/notes-sources>.
13. Stiglitz J.E., Bilmes L.J. The true cost of the Iraq war: \$3 trillion and beyond. *The Washington Post*, 2010, 5th September. Available from: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/09/03/AR2010090302200.html>.

С.К. Песцов, А.М. Бобыло

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМА ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Идея «мягкой силы», предложенная в 1990 г. Дж. Наем, сегодня превратилась в одну из наиболее популярных концепций в теории международных отношений. Вместе с тем, несмотря на очевидный рост интереса, в содержательном плане концепт «мягкой силы» все еще остается во многом не вполне ясным. Важным шагом в деле превращения этого концепта в реальный инструмент международной политики стали предпринятые в последние годы усилия по операционализации, измерению и оценке национальной «мягкой силы». Вместе с тем многие такого рода исследования не свободны от методологических недостатков, вызывающих сомнения в обоснованности полученных результатов. Часто это является следствием чрезмерно редуцированной содержательной трактовки концепта «мягкая сила», что и создает основу для многочисленных критических замечаний и оценок измерений «мягкой силы». В данной статье предлагается вариант детализированного структурного шаблона концепта «мягкая сила», позволяющий уточнить и упорядочить основные составляющие его компоненты.

Ключевые слова: внешняя политика; политические измерения; мягкая сила; влияние; привлекательность; имидж государства; национальный бренд; общественная дипломатия.

Идея «мягкой силы», предложенная в 1990 г. Дж. Наем, к настоящему времени превратилась в одну из довольно популярных концепций в теории международных отношений [1]. Она оформилась как результат многочисленных предшествующих дискуссий о сущности власти и силы, различных их формах и проявлениях в мировой политике. Быстрому росту популярности этого концепта способствовала сама меняющаяся международная реальность, все более наглядно проявляющая его описательный, объяснительный и прогностический потенциал.

Вместе с тем, несмотря на очевидный рост интереса, в содержательном плане концепт «мягкой силы» и после более чем двух десятилетий своего существования во многом остается не вполне ясным. Сам автор, уточняя его смысл, неоднократно дополнял и корректировал свое первоначальное определение «мягкой силы». Критики отмечали и продолжают находить многочисленные слабости и изъяны в логических построениях, лежащих в основе этой идеи [2. Р. 7]. Еще большее количество вопросов высветили первые попытки операционализации и измерения «мягкой силы», без чего вести речь о превращении данного концепта в реальный инструмент международной политики довольно проблематично.

Исследования, непосредственно связанные с измерением «мягкой силы» основных государств современного мира, стали появляться с середины 2000-х гг. Одним из первых, масштабы которого ограничивались региональными рамками, стал проект «Мягкая сила в Азии 2008» Чикагского совета по глобальным вопросам (CCGA) [3. Р. 16]. Одновременно с этим Денверская исследовательская группа (DRGI) запускает проект под названием «Барометр глобальной мощи» (GPB) в качестве инструмента для оперативной оценки и визуального представления показателей, отражающих силу влияния отдельных стран, идеологий и политических движений [4]. В 2010 г. Дж. МакКлори представляет результаты совместного исследования Института

государственного управления (IG) и журнала «Мониторинг», посвященного глобальному измерению «мягкой силы» и ранжированию основных государств мира по данному показателю [5]. Два следующих доклада, расширивших масштаб охвата и уточняющих предмет исследования, увидели свет в 2011 и 2012 гг. [6, 7]. В 2012 г. результаты измерений и оценки «мягкой силы» группы государств, состав которой определялся сходством их позиций в глобальной экономике, были представлены компанией «Эрнст & Янг» совместно с Московской школой управления и Институтом исследования развивающихся рынков Сколково [8]. Собственные подходы к измерению «мягкой силы» активно разрабатываются китайскими исследователями, наиболее известным среди которых является социометрическая модель Янь Сюэтуна [9].

И хотя отличия в целях, масштабах охвата и используемых индикаторах затрудняют сопоставление полученных в ходе всех этих исследований результатов, их обзор дает возможность составить общее представление как о содержательной стороне рассматриваемого феномена, так и о возможных способах его измерения. В данном случае речь в основном пойдет о смысловом наполнении концепта «мягкая сила» и его операционализации, поскольку сравнительное сопоставление эффективности предлагаемых подходов к измерению невозможно без выяснения того, что же в действительности они измеряют или пытаются измерить¹.

Что измеряется: содержание концепта «мягкая сила». Во всех рассматриваемых проектах содержание измеряемого феномена – «мягкой силы» – определяется, со ссылкой на Дж. Наем, как способность акторов (стран) достигать своих целей, меняя поведение других в желательном направлении, опираясь на привлекательность и/или убеждение, а не на принуждение либо подкуп. Способность эта выступает производным от имеющихся в распоряжении страны нематериальных ресурсов, к каковым относят ее культуру, политические ценности и внешнюю политику. Данное опреде-

ление трансформируется в довольно простую номологическую цепь, состоящую из трех основных звеньев. Исходным ее элементом выступает утверждение, согласно которому государства обладают и могут оперировать некими нематериальными активами, способными производить (вызывать) привлекательность. Второй элемент образует предположение, в соответствии с которым привлекательность способна менять (модифицировать) предпочтения и поведение других (целевых) государств. И завершает эту цепь утверждение, согласно которому возможность менять предпочтения других позволяет государству – обладателю превосходящей «мягкой силы» – более эффективно (с меньшими затратами) достигать своих целей.

Общий (итоговый) показатель размера, или величины, «мягкой силы» конкретного государства – «Индекс мягкой силы» («Soft Power Index») – во всех трех проектах конструируется в виде сводной комбинации оценочных величин отдельных ресурсов (компонентов), которые, в свою очередь, определялись совокупностью значений релевантных индикаторов. Составляющие итоговый индекс компоненты выступают в роли субиндексов (самостоятельных измерений), позволяя ранжировать страны не только в соответствии с общим показателем «мягкой силы», но и по отдельным ее аспектам.

Несмотря на то что все проекты отталкивались от сходной общей трактовки измеряемого концепта, конкретное его содержание в разных случаях претерпевает определенные модификации. Эти модификации обуславливались спецификой количественной и качественной ревизии образующих его компонентов, а также селекции и группировки индикаторов. В двух проектах исходный набор компонентов «мягкой силы» был расширен за счет их детализации и включения дополнительных измерений. В исследовании Чикагского

совета исходные элементы – культура, политика и дипломатия (без дополнительного обоснования) – были дополнены такими компонентами, как «экономика» и «человеческий капитал» [3. Р. 7].

В проекте Д. МакКлори компонент «политика» был заменен измерением «правление» («government»), а в качестве дополнительных выступили похожие, хотя и не вполне совпадающие по своему содержанию, элементы – «бизнес/инновации» и «образование». С помощью первого предполагалось оценить относительную привлекательность экономической модели страны с точки зрения открытости, способности к инновациям и качества регулирования. Второй, как указывали авторы, был выделен в отдельную категорию в связи с наличием многочисленных свидетельств его влияния на общую величину национальной «мягкой силы» [7. Р. 7].

Еще более существенную трансформацию набор составных элементов «мягкой силы» претерпел в проекте компании «Эрнст & Янг». В этом случае общее их количество, наоборот, сократилось до трех. И теперь в роли таковых выступали: «глобальный имидж» (global image), т.е. глобальная популярность и привлекательность страны, особенно ее культуры; «глобальная целостность» (global integrity) – соответствие внутренней политики в стране нормам этического и морального кодекса; и «глобальная интегрированность» (global integration), характеризующая степень взаимосвязи страны с остальным миром. И хотя в целом данные параметры отчасти повторяли исходную триаду «столпов мягкой силы», очевидно, что здесь измеряемый феномен приобретал несколько иной характер [8].

Еще больше отличий обнаруживается в их подходе к селекции, группировке и количественному распределению по отдельным компонентам измеряемого феномена релевантных индикаторов (табл. 1).

Таблица 1

Число измерений и индикаторов в общем показателе (индексе)
«мягкой силы» страны [3. Р. 7–10, 36; 7. Р. 17–22; 8. Р. 7–9, 18]; расчеты авторов

Итоговый показатель (сводный индекс)	Компоненты/измерения (субиндексы)	Количество индикаторов
«Индекс “мягкой силы” в Азии» 2008 (Чикагский совет)	Политика	2
	Культура	7
	Человеческий капитал	4
	Дипломатия	8
	Экономика	12
Всего:	5	33
«Глобальный индекс “мягкой силы”» Д. МакКлори 2010–2012	Правление	11
	Культура	12
	Образование	4
	Дипломатия	10
	Бизнес/инновации	6
Всего:	5	43
«Индекс “мягкой силы” быстрорастущих экономик» 2012 (компания «Эрнст & Янг»)	Глобальная целостность	4
	Глобальный имидж	5
	Глобальная интегрированность	4
Всего:	3	13
Общее число измерений и индикаторов	13	89

Суммарное число индикаторов во всех трех проектах составляло 89 и только два из них – «качество (рейтинг) университетов» и «туризм (туристические потоки)» – практически в неизменном виде присутствовали во всех трех исследованиях. Еще три – «мировое (богатое) культурное наследие», «олимпийские достижения» и «конкурентоспособность экономики (деловая конкурентоспособность)» – использовались в двух из них. Большая же часть используемых индикаторов в большей или меньшей степени различалась своими формулировками. И, что гораздо важнее, даже будучи близкими по смыслу они часто выступали показателями разных компонентов (измерений) мягкой силы. Так, индикатор «иностранный туризм», близкий по смыслу индикаторам «помощь азиатским странам» или «гуманитарная помощь» из компонента «экономика» в исследовании Чикагского совета, в проекте Д. МакКлори был включен в измерение «дипломатия». Индикатор «передовые наука/техника» из категории «человеческий потенциал» Чикагского совета в виде двух схожих индикаторов – «инновации» и «международные патенты» – в проекте Д. МакКлори входил в такой компонент «мягкой силы», как «бизнес/инновации». Индикатор «наиболее привлекательные компании», включенный в исследование компании Эрнст & Янг в категорию «глобальный имидж», в проекте Чикагского совета в виде двух индексов – «вклад компаний» и «ведущие многонациональные корпорации» – присутствует в категории «экономика».

Однако важно даже не то, что использование схожих по содержанию индикаторов в качестве показателей разных аспектов «мягкой силы», а также разного их числа при характеристике одних и тех же параметров осложняет сопоставление результатов измерений (сводных индексов и субиндексов) «мягкой силы». Более се-

рьезной проблемой является то, что индикаторы, используемые для оценки «мягкой силы», в действительности характеризуют (оценивают) разные аспекты данного концепта. В качестве таковых могут быть, как минимум, выделены следующие: 1) источники, или ресурсы, – все то, что теоретически способно производить (вызывать) «мягкую силу»; 2) инструменты, и/или действия, – то, посредством чего имеющиеся возможности и ресурсный потенциал конвертируются в желаемый результат; и, наконец, 3) собственно результат – эффекты, предположительно обусловленные имеющимися ресурсами и предпринятыми действиями. Так, например, сложно не заметить, что такие индикаторы, как «богатое культурное наследие», «иностранный туризм» (или «количество культурных миссий») и «число иностранных студентов», выступают в качестве показателей трех разных сторон рассматриваемого явления. И, соответственно, их смешение вряд ли можно считать логически оправданным, тем более что в ряде случаев одни из этих аспектов выступают функцией других.

Условное распределение используемых всеми тремя проектами индикаторов в соответствии с данным критерием дает следующую картину (табл. 2). Преобладающее большинство (больше половины) индикаторов может быть отнесено к категории «ресурсов» «мягкой силы». В исследованиях Чикагского совета и Д. МакКлори примерно треть индикаторов входит в категорию «инструменты/действия», и только меньшая их часть может рассматриваться как показатели «результата». В случае с проектом компании «Эрнст & Янг» общий шаблон распределения индикаторов выглядит несколько иначе. Здесь меньшинство индикаторов образует категорию «инструменты/действия», тогда как большая их часть примерно поровну распределяется по категориям «ресурсы» и «результаты».

Таблица 2

Три смысловых аспекта «мягкой силы»: распределение измерений [3. Р. 7–10, 36; 7. Р. 17–22; 8. Р. 7–9, 18]; расчеты авторов

Смысловые аспекты концепта «мягкая сила»	Количество индикаторов		
	«Индекс «мягкой силы» в Азии» 2008 (Чикагский совет)	«Глобальный индекс мягкой силы» Д. МакКлори 2010–2012	«Индекс «мягкой силы» быстрорастущих экономик» 2012 («Эрнст & Янг»)
Ресурсы	17	23	7
Инструменты /действия	11	13	1
Результаты	5	7	5
Общее число индикаторов:	33	43	13

Следует оговориться, что под «результатами» в данном случае имеются в виду не конечные (желательное поведение), а только лишь промежуточные (привлекательность) эффекты. И это недвусмысленно указывает на то, что логика всех измерительных проектов, по сути дела, основывается на допущении, согласно которому степень возможного изменения предпочтений того или иного государства-реципиента примерно соответствует величине привлекательности к другому государству, соизмеримой с суммой имеющихся у него ресурсов «мягкой силы». А если это так, то оценка первого эле-

мента – ресурсов «мягкой силы» – может, с определенными оговорками, выступать и оценкой собственно «мягкой силы» как результата. Таким образом, «мягкая сила» превращается в сумму соответствующих ресурсов, величина которых проще поддается измерению. В этой связи показательным является предостережение, содержащееся в докладе Дж. МакКлори, о том, что хотя итоговый показатель назван «индексом мягкой силы», полученные результаты являются не абсолютным выражением влияния государств, а скорее показывают лишь потенциал такого влияния [7. Р. 5].

Концепт «мягкая сила»: критика редуцированной трактовки. Многие из указанных противоречий и недоразумений обусловлены, на наш взгляд, чрезмерно редуцированной содержательной трактовкой концепта «мягкая сила», что с неизбежностью расширяет пространство для критических замечаний и оценок принятых измерений «мягкой силы» [10–15]. Как отмечалось выше, простая формула «мягкой силы» включает три основных элемента: ресурсы, привлекательность и желательное поведение. В единое целое они объединяются двумя механизмами – производства привлекательности и производства желаемого поведения. Критические замечания, касающиеся первой части данной формулы, обычно сводятся к следующему:

- говоря о ресурсах (источниках) «мягкой силы», необходимо разграничивать, во-первых, факторы (например, культурное наследие) и актуальные действия (например, помощь развитию), которые могут быть использованы для производства привлекательности, и, во-вторых, собственно ресурсы и инструменты, предназначенные (проектируемые) для формирования привлекательности;

- следует разделять ресурсы «мягкой силы», обладающие универсальной силой с точки зрения формирования привлекательности, и ресурсы с ограниченным потенциалом (масштабом) соответствующего воздействия;

- не все виды поведения, использующиеся в качестве индикаторов привлекательности (например, стремление получить образование за границей), в действительности могут быть таковыми, а не являться следствием иных, возможно противоположных по своему смыслу, стимулов;

- смысл и содержание сознательно предпринимаемых для повышения привлекательности действий и усилий далеко не всегда могут адекватным образом «расшифровываться» и интерпретироваться целевыми аудиториями;

- одним из неперенных условий формирования привлекательности является осведомленность и различимое присутствие среди множества конкурирующих стимулов тех, которые потенциально способны формировать (повышать) привлекательность конкретного актора и которые зачастую обусловлены ресурсами не «мягкой», а «жесткой» силы (например, финансы).

Что касается второй части формулы, устанавливающей взаимосвязь между привлекательностью и последующим поведением, то высказываемые сомнения чаще всего касаются:

- устойчивости привлекательности как стимула, определяющего поведение таких акторов, как государства;

- отсутствия явно подтверждаемой взаимосвязи между социально-культурной привлекательностью и позитивными политическими убеждениями, между привлекательностью культуры и симпатией к государству;

- степени непосредственного влияния привлекательности на принимаемые решения и поведение государства в силу того, что, во-первых, любое общество состоит из разных социальных групп, симпатии которых в разной степени могут формироваться различными активами «мягкой силы»; и, во-вторых, далеко не все общественные группы в равной степени способны влиять на решения и внешнее поведение государства;

- отсутствием ясности того, в какой степени комплиментарное поведение целевых государств обуславливается и/или стимулируется привлекательностью, а не их собственными эгоистическими и/или конъюнктурными расчетами.

Поскольку многие из этих критических замечаний являются следствием чрезмерной редукции концепта «мягкая сила», то одним из возможных шагов, связанных с преодолением возникающих недоразумений, может быть попытка «развернуть» его, представив в виде более детализированной и развернутой логической схемы, охватывающей весь процесс реализации «мягкой силы»².

Рассмотрение «мягкой силы» как процесса позволяет упорядочить основные содержательные элементы этого концепта в рамках некоторого общего шаблона, в границах которого происходит трансформация исходных факторов в конечный результат. В данном случае мы сознательно ограничиваемся описанием общих контуров этого шаблона, не вдаваясь в существо многочисленных дискуссий относительно содержания или формулировок включенных в его состав отдельных компонентов.

В качестве первого элемента, или звена, в общей структуре процесса «мягкой силы», безусловно, выступают **«источники»**, или **«ресурсы»**, «мягкой силы». Следует иметь в виду, что таковыми могут быть национальное достояние, в значительной степени не зависящее от текущих политик или действий государства (культура), а также поведение и действия государства внутри и за пределами его национальных границ (политика и дипломатия). Конвертация ресурсов «мягкой силы» в активы осуществляется посредством **«механизма конвертации»**, который выступает в качестве следующего важного элемента концепта «мягкая сила». Составными частями этого механизма являются **«технические средства»** (финансы, инфраструктура, каналы коммуникации) и **«технологии»** – согласованные наборы операций и действий, предназначенные для решения конкретных задач и достижения соответствующих целей. Наиболее очевидными примерами последних в нашем случае выступают публичная дипломатия, культурные связи и национальный брендинг. Очевидно, что включение в механизм конвертации некоторых элементов, к примеру финансов, способно породить некоторое недоразумение, поскольку вступает в противоречие с достаточно распространенным подходом к разграничению «жесткой» и «мягкой» силы посредством их идентификации, соответственно, с ма-

териальными и нематериальными ресурсами. Однако такой подход, как отмечается все большим числом исследователей, вовсе не является бесспорным и опровергается существованием очевидной зависимости, например, между популярностью массовой культуры и величиной затрат и/или маркетинговых усилий, направленных на ее продвижение [12].

Довольно распространенное ошибочное отождествление «мягкой силы» с ее ресурсами, которое А. Вавин определил как «заблуждение средства доставки» («vehicle fallacy»), диктует необходимость выделения в структуре концепта «мягкая сила» еще одного компонента. В этом качестве выступают **«активы»** или то, что А. Вавин определил как **«валюту силы»** («power currencies»). В качестве таковых, полагает А. Вавин, выступают «доброта» как выражение позиции и способа поведения во взаимодействиях с другими, «яркость» как характеристика успешности и эффективности действий в разных сферах и областях и «красота» как отражение идеалов, ценностей и представлений, определяющих поступки и действия [16. Р. 9–12]. Четвертый элемент внутренней структуры концепта «мягкая сила» образуют **«инструменты»**. Инструменты – это все то, посредством и с помощью чего может быть приобретена привлекательность. К таковым могут быть отнесены **«образ»** государства, его **«имидж (бренд)»** и **«присутствие»**.

До настоящего момента речь шла о возможностях, инструментах и действиях актора-обладателя «мягкой силы», нацеленных на обеспечение желаемой ответной реакции – комплиментарного поведения – других (целевых) акторов. Однако теперь возникает необходимость переноса внимания с актора-субъекта на актор(ы)-цель(и), с усилий, направленных на вызов желаемой реакции, собственно к самой этой реакции и ответным действиям. Это, вероятно, наиболее важный и одновременно один из наименее ясных и исследованных переходов в концепции «мягкой силы».

Однако прежде необходимо упомянуть еще один компонент «мягкой силы» – **«промежуточные эффекты»**, основными индикаторами (показателями относительной эффективности) которых выступают **«репутация»** и **«осведомленность»**. Репутация, представляет собой обратную сторону имиджа. Осведомленность, в свою очередь, как результат усилий, связанных с обеспечением и расширением присутствия, может быть определена как общий уровень известности страны-субъекта и отдельных ее характеристик, потенциально способных выступить в качестве источников «мягкой силы», для внешней (целевой) аудитории. Осведомленность и репутация в качестве промежуточных эффектов, по сути, являются связующим звеном между государством-субъектом и целевым государством или государством-реципиентом.

В связи с тем что в реальной действительности (международное окружение) взаимодействия не ограничиваются двумя сторонами – субъектом «мягкой

силы» и реципиентом, а представляют собой множество перекрещивающихся контактов, в качестве следующего элемента логической цепи, вероятно, должен быть выделен так называемый **«механизм селекции»**. Он может быть определен как совокупность рациональных и эмоциональных, сознательных и интуитивных процедур и инструментов селекции (отбора) внешних воздействий. Действие этого механизма включает ряд последовательных этапов, соединяющих внешние стимулы и последующие реакции (отношение), каждый из которых выступает отражением определенного уровня привлекательности: внимание – интерес – благожелательное отношение – симпатия – восхищение.

И, наконец, последним, завершающим элементом данной логической схемы – **«конечным результатом»** – является собственно внешняя активность реципиента(ов). Можно предположить, что степень соответствия поведения государства-реципиента представлениям и варианту выбора стратегии действий государства-субъекта как раз и является наиболее очевидной и достоверной демонстрацией (измерением) «мягкой силы». Однако именно здесь возникает целый ряд сложностей и труднопреодолимых препятствий³. Первая трудность заключается в отсутствии ясности, каким образом в каждом конкретном случае (и в случае каждого конкретного общественного организма) функционирует механизм трансформации разнородных и разнонаправленных мнений и устремлений различных социальных общностей в конкретные действия государства на международной арене. Вторая проблема связана со сложностью отделения внешних стимулов «мягкой силы» от внешних воздействий иного рода («жесткой силы»), даже если признать, что внешние воздействия способны определять (оказывать ощутимое воздействие) международное поведение государства-реципиента. И третьим препятствием является отсутствие ясных теоретических оснований для определения, хотя бы в виде общих закономерностей, соотношения внешних воздействий, ситуативных особенностей, характера окружения и внутренних целей и общественных потребностей как факторов, определяющих поведение государств во взаимоотношениях с другими государствами.

Несмотря на то что «жесткая сила» и военная мощь продолжают играть важную роль в мировой политике, глобальные перемены все более настойчиво требуют поиска новых и более адекватных современным условиям стратегий действий на международной арене. В этой связи очевидный рост интереса к «мягкой силе» как инструменту внешней политики и средству обеспечения национальной безопасности можно считать скорее закономерным, нежели случайным. Тем не менее «мягкая сила», по общему признанию, как в концептуальном, так и в практическом смысле, все еще остается феноменом, не вполне ясным и даже парадоксальным [17].

Увеличивающееся в последние годы число различных исследований и проектов, связанных с операционализацией, измерениями и оценками «мягкой силы», отражая растущие запросы внешнеполитической практики, одновременно способствует продвижению в общем понимании смысла и содержания данного концепта. Несомненным достоинством всех упомянутых выше измерительных проектов являются попытки придания «мягкой силе» операционной четкости, попытки определения ключевых ее компонентов и круга измеримых индикаторов, позволяющих трансформировать «мягкую силу» в относительно управляемый процесс. И даже те недостатки, которые ранее нами упоминались, вряд ли можно считать таковыми, поскольку они открывают

путь для дальнейшей работы и продолжения исследований. Результаты их осмысления варьируются от констатации изъянов в теоретической конструкции концепта «мягкой силы» и необходимости замены его рядом взаимосвязанных самостоятельных аналитических категорий до разного рода предложений, пытающихся придать «мягкой силе» большую концептуальную строгость. Одним из возможных вариантов последнего является шаблон, представленный в данной работе. Потребность и важность в более детальном обсуждении данной проблемы основывается на нашем понимании того, что «мягкая сила» действительно может способствовать повышению национальной мощи и укреплению позиций государства на международной арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее будут рассматриваться только три из упомянутых проектов измерения «мягкой силы» – проекты Чикагского совета, Института государственного управления (Дж. МакКлори) и компании «Эрнст & Янг». Исследования Денверской исследовательской группы и модель Янь Сюэтуна по разным причинам оставлены за рамками данной работы.

² Отдельные примеры анализа «мягкой силы» как процесса можно найти в некоторых работах последнего времени (см.: Goldsmith, Horiuchi). URL: <http://ssrn.com/abstract=1932478>, free).

³ Необходимо отметить, что, несмотря на это, отдельные и достаточно интересные попытки оценить конечные эффекты «мягкой силы» на примере отдельных случаев уже существуют [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 336 p.
2. Ying Fan. Branding the Nation: Towards a Better Understanding. London : Brunel Business School, Brunel University, 2009. 11 p.
3. Whitney C.B., Shambaugh D. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion. Chicago : The Chicago Council on Global Affairs, 2009. 41 p.
4. Global Power Barometer. URL: <http://www.drgi.com/globalpowerbarometer.html>, free.
5. McClory J. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. London : Institute for Government, 2010. 13 p.
6. McClory J. The New Persuaders II: A 2011 Global Ranking of Soft Power. London : Institute for Government, 2011. 35 p.
7. McClory J. The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power. London : Institute for Government, 2012. 23 p.
8. Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. EYGM Limited, 2012. 24 p.
9. Yan Xueton and Xu Jin. Sino-U.S. Comparison of Soft Power // Contemporary International Relations. Vol. 18. No 2. 2008. P. 24–29.
10. Goldsmith Benjamin E., Horiuchi Yusaku. In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? // Crawford School Research Paper. No 8. URL: <http://ssrn.com/abstract=1932478>, free.
11. Hedman Marc. Why a Soft Power Index that Measures Resources is not Terribly Helpful. URL: <http://fourtherecordpd.wordpress.com/2012/10/24/why-a-soft-power-index-that-measures-resources-is-not-terribly-helpful>, free.
12. Hall Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. URL: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/3/2/189.full>, free.
13. Monti Narayan Datta. The Decline of America's Soft Power in the United States // International Studies Perspectives. Vol. 10. Is. 3. August 2009. P. 265–284.
14. Morrison Caitlin. Can you really measure soft power? URL: <http://fourtherecordpd.wordpress.com/2012/10/25/can-you-really-measure-soft-power>, free.
15. Ying Fan. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. No 2. P. 147–158.
16. Vuving A.L. How Soft Power Works // Paper presented at the panel «Soft Power and Smart Power» American Political Science Association Annual Meeting. Toronto, September 3, 2009. P. 1–20.
17. Putting the Power in Soft Power? Wilton Conference Report WP 1117. Wednesday 12 – Friday 14 October 2011. URL: www.wiltonpark.org.uk, free.

Pestsov Sergey K. E-mail: skpfox@mail.ru; Bobylo Andrey M. E-mail: sibiryak_84@mail.ru Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

SOFT POWER" IN CONTEMPORARY WORLD POLITICS: THEORETICAL CONCEPT OPERATIONALIZATION ISSUE.

Keywords: foreign policy; political dimensions; soft power; influence; attractiveness; state image; national brand; public diplomacy.

The idea of soft power, proposed in 1990 by Joseph Nye, has grown today into one of the most popular concepts in the theory of international relations. However, despite the obvious growth of interest in terms of content, the soft power concept is still not entirely clear. In recent years, the efforts to operationalize, measure and evaluate national soft power were an important step in turning this concept into a real instrument of international policy. Nevertheless, a number of such studies are not free from methodological limitations which cause doubts about the obtained results. For example, the use of similar content indicators as indexes of different aspects of soft power, as well as their different numbers when describing the same parameters, complicates the comparison the results of soft power measurements (composite indices and sub-indices). A serious problem is the fact that the indicators, used to assess soft power, characterizes (estimates) the different aspects of this concept. This is often the result of excessively narrow interpretations of the “soft power” concept that forms the basis for numerous critical comments and evaluations of measuring soft power. It should be noted that many researchers often don't understand the “results”, like the final (desired behavior), but only as intermediate (appeal) effects. This clearly indicates that, in fact, the

logic of all measurement projects, based on the assumption, that the degree of possible changes in the preferences of a particular state – recipient, approximately corresponds to the attraction to another state, which is commensurate with the amount of available resources of soft power. And if it so, the estimate of soft-power resources can be a proper assessment of soft power as a result, but with some limitations. Thus, the soft power is converted into the corresponding amount of resources. The value of them is easier to measure. In this article there is the authors' opinion about the detailed structural pattern of the "soft power" concept to clarify and streamline its main components. The need and the importance of a more detailed discussion, concerning this problem, according to the authors, based on the understanding that soft power can really enhance national power and strengthen the position of the state on the international arena.

REFERENCES

1. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
2. Ying Fan. *Branding the Nation: Towards a Better Understanding*. London: Brunel Business School, Brunel University, 2009. 11 p.
3. Whitney C.B., Shambaugh D. *Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion*. Chicago: The Chicago Council on Global Affairs, 2009. 41 p.
4. *Global Power Barometer*. Available from: <http://www.drgi.com/globalpowerbarometer.html>.
5. McClory J. *The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government, 2010. 13 p.
6. McClory J. *The New Persuaders II: A 2011 Global Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government, 2011. 35 p.
7. McClory J. *The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government, 2012. 23 p.
8. *Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012*. EYGM Limited, 2012. 24 p.
9. Yan Xueton, Xu Jin. Sino-U.S. Comparison of Soft Power. *Contemporary International Relations*, 2008, vol. 18, no. 2, pp. 24-29.
10. Goldsmith B.E., Horiuchi Yusaku. In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? *Crawford School Research Paper*, no. 8. Available from: <http://ssrn.com/abstract=1932478>.
11. Hedman M. *Why a Soft Power Index that Measures Resources is not Terribly Helpful*. Available from: <http://fourtherecordpd.wordpress.com/2012/10/24/why-a-soft-power-index-that-measures-resources-is-not-terribly-helpful>.
12. Hall T. *An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category*. Available from: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/3/2/189.full>.
13. Datta M.N. The Decline of America's Soft Power in the United States. *International Studies Perspectives*, 2009, vol. 10, iss. 3, pp. 265-284.
14. Morrison C. *Can you really measure soft power?* Available from: <http://fourtherecordpd.wordpress.com/2012/10/25/can-you-really-measure-soft-power>.
15. Ying Fan. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 147-158.
16. Vuving A.L. [How Soft Power Works]. 'Soft Power and Smart Power' *American Political Science Association Annual Meeting*. Toronto, September 3, 2009, pp. 1–20.
17. [Putting the Power in Soft Power?] *Wilton Conference Report WP 1117*. Wednesday 12 – Friday 14 October 2011. Available from: www.wiltonpark.org.uk.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 316.422.42:299.572+265
DOI 10.17223/19988613/34/19

К.А. Жарчинская, О.В. Хазанов

ОТ КАББАЛЫ ДО «РАСКРЕЩИВАНИЯ»: ПРОБЛЕМА ОСОЗНАННОГО ВЫБОРА В СОВРЕМЕННОМ И ТРАДИЦИОННОМ МИСТИЦИЗМЕ

Анализируется проблема «ухода из официальной традиции» в классических и современных оккультных сообществах. Предполагается, что предпосылкой этого явления становится императив осознанного выбора в мистицизме. Эмпирической базой для исследования стал ряд примеров из известных восточных учений (каббалы, суфизма) и описания обрядов «раскрещивания» и «имянаречения» у славянских неоязычников. Основания для сравнения предлагается считать «ответами» мистических доктрин на вызовы ортодоксальных монотеистических религий, в которых в наибольшей степени проявился разрыв между социальным и сакральным миропорядком.

Ключевые слова: мистицизм; мистика; неоязычество; традиционализм; раскрещивание.

У человека существует масса возможных вариантов выбора путей познания и саморазвития – от рационалистической научной или обыденной парадигмы до специфической иррациональной религиозной или культурной традиции. Но сегодняшняя реальность турбулентна и многовариантна – и выбор в ней нередко оказывается множественным, временным или сделанным лишь частично. В подобной ситуации окончательные и безусловные «уходы в мистику» на первый взгляд могут быть восприняты как нечто противоестественное. Но если принять во внимание некоторые теоретические подходы к осмыслению мистики, появление современного мистицизма оказывается вполне закономерным.

Дискуссии о сущности и природе мистического понимания истории наверняка еще долго будут актуальны в науке, поскольку мистику как форму религиозного сознания трудно объективно исследовать с позиций «внеаходимости» [1]. Определяя ее вслед за Фомой Аквинским как «сумму теологии» (*cognitio Dei experimentalis*) – «*познание Бога посредством опыта*», – мы будем считать мистику *разновидностью религиозной практики, основанной на непосредственно воспринимаемых чувственных связях с божественным миром* [2. С. 14], а мистицизм – как *совокупность доктрин, регламентирующих эту мистическую практику в рамках конкретной традиции*.

Г. Шолем писал, что существует не мистика вообще, а лишь определенные ее формы – например, христианская или мусульманская. Именно эти формы мы будем иметь в виду, говоря о еврейском, суфийском, неоязыческом мистицизме. Но, ориентируясь на функциональный подход к изучению этого феномена, можно считать, что, несмотря на многообразие структурных форм, есть единая по своей природе мистика [3. С. 102].

С точки зрения исследователей, разделяющих неэциентистский подход к изучению этого явления, между традиционным и современным мистицизмом нет существенных различий. Мистика возникает из осознания пропасти между профаническим и сакральным миропо-

рядком и ставит своей основной задачей преодолеть этот разрыв [2. С. 41], иными словами, является способом познания истины – *осознанным движением человека на пути к её самостоятельному постижению*.

Мистицизм некоторые востоковеды предлагают изучать в контексте концепции «Осевого времени» философа-экзистенциалиста К. Ясперса [4, 5]. Когда возникает идея разрыва между профаническим и сакральным миром, формируется представление о противоречии между социальным и сакральным порядком [5] как между «насущным» и «должным». Мистицизм – это форма индивидуалистического ответа на это противоречие. Традиционно мистики не ставили перед собой задачу преобразовать социальный строй. Их стремления были в гораздо большей степени направлены на контакт человека и бога, чем на взаимоотношения между человеком и человеком.

Еврейская мистика начала активно развиваться после разрушения Второго Храма (70 г. н.э.). До того момента долгое время основной формой общения с сакральным миром у евреев являлось храмовое жертвоприношение. После изгнания появляются формы общения с Всевышним «через текст» (фарисейский иудаизм), а в Средневековье – каббала (с иврита «*получение, принятие*») как традиция *получения* содержащегося в Торе тайного знания и проникновения в сакральную «материю» мира. Некоторые исследователи предполагают, что учение ранних каббалистов о сефирот (древо жизни, строении мира) восходит к гностическим зонам – духовным сущностям, заполняющим пространство между человеком и богом [6]. В другом средневековом каббалистическом трактате, написанном в Испании в XIII в. «Книге созерцания», излагается учение о 13 мидот – эманациях божественного милосердия, которые «сливаются» с сущностными проявлениями человека на пути его мистического общения с богом (через напоминающее мантру постоянное перечитывание мистического трактата). Каббалисты в жажде непосредственного индивидуального контакта с са-

кральным миром как бы участвовали в его «самопо-рождении» [7].

Для современного мистицизма, как и для классического, характерна ситуация «падения авторитетов». В рамках изучения проблемы осознанного «отрыва от традиции», на наш взгляд, актуальны вопросы соотношения в мистических течениях личного выбора и фактора социализации, процессов «создания» и «потребления» возможных мистических практик и – главное – целей и задач, которые ставит перед собой мистик. Чем *мистик* отличается от *мага* или *пророка*? Почему, например, в иудаизме магия была запрещена, а мистика получила чрезвычайно широкое распространение? И наоборот – почему в славянском неоязычестве магия, пророчество и мистицизм часто оказываются соединены воедино в одной религиозной практике?

Главное сходство между мистиком, магом и пророком заключается в их возможности вступать в непосредственный контакт с сакральным миром, которой нет у остальных членов общества. Поэтому по отношению к социуму они нередко оказываются в «пограничном положении», независимо от положительного или отрицательного исхода их практик. Основные различия вытекают из разных задач и методов достижения поставленной цели.

Задача мага – использовать свои священные знания для решения земных проблем. В определенном смысле это одностороннее действие, в котором он оказывается главным. Пророк – напротив, внешне выступает «ведомым», он не сам выбирает свой путь, а только транслирует «истины», которые ему сообщает Бог. Возникновение мистики связано с ощущением «ограниченности» человека, которое может вызываться социально-экономическими изменениями или репрессивным гнетом со стороны ортодоксальной религии. Посредством визионерских практик мистик обретает «душевное блаженство» и конечную человеческую индивидуальность, осознающую себя таковой в результате прорыва «Осевого времени». Он радикально отличается от пророка тем, что сам «прорывается наверх» [4. С. 147–148]. Очевидна «опасность» этого выбора в монотеистических религиозных традициях и закономерно следующее за ним «отчуждение». Пример того, как это происходило в еврейской мистике, можно наблюдать в одном из трактатов Талмуда:

Четыре мудреца вошли в «Пардес», т.е. достигли высшей степени проникновения в сакральный мир. Но судьба их оказалась разной. Бен Зом сошел с ума, Бен Азай умер, Элиша бен Абуя стал еретиком, и вся последующая еврейская традиция после этого именвала его «Ахэр», т.е. «Чужой». И только р. Акива как вошел, так и благополучно вышел (Хагига, 146).

Осознавший бессмысленность религиозных границ мистик, как, например, Элиша Бен Абуя, однажды переставший чтить религиозные запреты Торы, рискует превратиться в еретика. Тем не менее он обладал безусловным авторитетом для некоторых духовных лидеров иудаизма. Один из авторов Талмуда, Рабби

Мейер, до самой смерти продолжал брать у Элиши Бен Абуя уроки.

Роль репрессивного аппарата ортодоксальных религий оказывала свое влияние не только на развитие еврейской мистики. Суфийские авторы также могли доходить до крайней степени свободомыслия:

«В мире 72 верования и секты, но на самом деле их не существует. Ибо, клянусь Аллахом, если и есть всякое верование и всякая секта, то это я» (Дж. Руми) [8. С. 34].

Неоязычество как «бесхрамовое» движение, не обладающее единой организацией с харизматическим авторитетным лидером, по мнению некоторых исследователей, трудно сравнивать с религиозными учениями традиционного типа. Но именно отсутствие церковных институтов, препятствующих непосредственному общению с богом, здесь является свидетельством мистического характера переживаемого религиозного опыта [3. С.104].

В славяно-арийском неоязычестве или ведизме, распространяющемся в России 1990-х гг., также присутствует рефлексия относительно неизбежности отчуждения, возникающего на пути к самостоятельному постижению истины: «Вся история человечества насквозь пронизана борьбой формалистов против мистиков, святых, просветлённых и просто непохожих на других, вышедших за пределы обывательского понимания личностей» [9. С. 18].

Обращение к мистике начинается для неоязычников с ритуала отречения от христианской религии – «*раскрещивания*». Снятие крещения, как и подобные обряды в других монотеистических вероучениях, можно считать частным проявлением общеисторической традиции «секуляризма». Но в 1990-е гг. ритуалы раскрещивания актуализируются в связи с конкретно-исторической ситуацией распространения национал-патриотических и анархо-экологических движений славяно-арийского толка. Сегодня в литературе родноверов, а также опубликованных в Интернете фото- и видеоматериалах можно найти массу документально зафиксированных свидетельств проведения этого обряда.

В книге Велимира¹ «Русское язычество и шаманизм» так описывается ритуал, проведенный 23 июня 1993 г. членами неоязыческой общины волхва Доброслава² (авторская орфография и пунктуация сохранены): «Откуда-то сзади Доброслав вынул большую икону – Христа с золотым нимбом и мелкими святыми. В руках у него оказался еще и топор <...>. Он обратился к нам. Нас 30–40 человек, половина в белом, кое-кто в камуфляже. *"Я ничего не имею против этого обрезанного иудея. Был он или не был – мне все равно. Пусть они там его обожествляют. Но вот за то, что через него на Руси сделали тысячелетнее рабство, и тысячи русских волхвов и ведьм пожгли? <...> Я его не как человека, как символ тысячелетнего рабства уничтожаю!"* <...> Сталь лезвия прошла через лик и раздвоила доску <...>. *"А ну, кто его дальше добывать будет?"* тут упрашивать не пришлось. Выбежали ребята

наперегонки и давай топор друг у друга выхватывать. Искромсали икону и за другие принялись. <...> Остатки икон бросили в костер за спиной Доброслава. Туда же пошли христианские книги <...>. Туда же пошел чей-то нателный крест. <...>. После начался обряд очищения, посвящения, принятия в Род и наречения именем. Доброслав вызвал первого – длинного парня, с опущенной головой и плечами. Он что-то натворил, и был вроде как под следствием. <...>. Был он наречен именем Светозар. Сглазила его ведьма – в глаза дунула, и великая тоска его охватила, а по чем – не знает. Подался в христиане. Там его заездили, а облегчения не получил. Отказался, пришел в язычники. Доброслав все знает, но спрашивает его по обряду: “– Крещенный? – Да. – Во взрослом возрасте? – Во взрослом. – Э-э-э. Плохо, брат. Да ты и болен, тебя надо исцелить”. <...>. Доброслав берет кувшин с заговоренной водой и оттирает темя – где попы замазали при крещении родничок – связь с Родом. Наконец, промыл: “– Ну, вот теперь я восстановил твою связь с предками”. Поставил кувшин на место, взял волшебное кольцо <...>. Три раза одел его на голову до плеч, и снял. “Да хранят тебя берегини!”» [11. С. 522–523].

Текст может создать у читателя впечатление намеренно утрированного отождествления современного оккультизма и крайнего экстремизма. Но на самом деле данный отрывок, как и судьба самого Доброслава, показывает, что религиозно-мистическая активность неоязычников может быть не только проявлением их идеологической борьбы, но и переживанием ситуации маргинализации³. Причем «неопределенность» может быть как личной, так и групповой, возникающей вследствие изменения социальной структуры общества. Неслучайно всплеск развития данного движения приходится на ранние девяностые, а его «переиздание» – на середину первого десятилетия двухтысячных.

Присущее «воинствующему» антихристианству уничтожение религиозно-исторических артефактов (икон, крестов, христианских книг) в современных обрядах снятия крещения [14] не упоминается. Но остается сохранена риторика *сознательного выбора*, спровоцированного ощущением *репрессивного гнета* со стороны церкви как «символа рабства». Обязательные омовения, смывающие «печать христианства», символизируют *осознанный уход из официальной традиции* через мистическую парадигму «очищения».

Готовность мистика контактировать с новыми сакральными силами воплощается в соотношении в его речи диалоговых и монологических форм. И для современного, и для традиционного мистицизма характерно присутствие диалога. Разница в том, кто актер. У суфиев мистик иногда сливается с абсолютным. У язычников также целью ставится единство человека и природы, поэтому мистик, который совершает обряд раскрещивания, выражает волю природы. Особенность еврейской мистики – в сохранении идей нетождественности человеческой души и Абсолюта. Так же как у проро-

ков, при их контакте с Богом человек всегда сохраняет осознание своего собственного Я при всей его малости перед ликом Всевышнего [4. С. 151].

Центральное место в неоязыческих обрядах раскрещивания занимает «разговор» с адептом, в котором он должен ясно выразить осознанную (хоть и, как правило, формализованную по сценарию) позицию: «1. Отрекаешься ли ты от церкви? Отрекаюсь. 2. Отрекаешься ли ты от христианской троицы? Отрекаюсь. 3. И от Иеговы отрекаешься? Отрекаюсь...» [15] и т.д.

После обряда «раскрещивания», символизирующего смерть в старой религиозной традиции, происходит обряд «имянаречения». «Ведическое имя», как правило, сложносоставное – Доброслав, Любомудр – позволяет родноверу преодолеть разрыв между профаническим (в понимании родноверов современным) и сакральным (древним) миропорядком в новой системе верований, родиться в новом «старом» качестве. Среди неоязычников распространено представление о том, что выбор ведического имени – это одновременно и социально-значимый, и священный мистический ритуал. При этом своим значением ведическое имя призвано подчеркнуть осознанный характер выбора человеком духовного пути: «Если человек не может отжаться больше пяти раз, и при этом берёт имя «Лютобор», то иначе как маразмом это не назовёшь» [16].

В неоязычестве существует множество форматов «раскрещивания» – от общинного, группового, до индивидуального, но проводимого «жрецом при свидетелях» или самостоятельного, осуществляемого «в домашних условиях»⁴ ритуала снятия крещения. Отдельного внимания заслуживает возможность не регламентированного жесткими рамками, произвольного ухода из традиции, иногда осознаваемого «стихийно», под влиянием «зова богов», «природы», «крови». Ведическое имя также может быть получено неоязычником в ходе почти пророческого опыта, т.е. быть «сообщено богом», а не выбрано самостоятельно. Если речь идет о снятии крещения и имянаречении детей, принимать за них решение могут родители⁵.

Сложно оценить соотношение давления религиозных и социальных авторитетов и самостоятельной, личностной инициативы современных мистиков на пути к духовному прорыву. В неоязычестве, как в формирующейся религиозной традиции, существуют разные подходы. Известный идеолог экологического славяно-арийства, мистик-целитель А. Трехлебов, называющий своим учителем буддийского ламу Нгаванг Джангбо, говорит, что в снятии крещения вообще нет смысла, поскольку люди изначально «*подсоединены генами и духом к эгрегору Вселенной*», который действует на земле 1,5 миллиарда лет и никоим образом не пострадал от тысячелетней истории христианства [18].

Можно сказать, что в славяно-арийской мистике не сложилось не только единого ритуала, но и единого смысла раскрещивания. Существуют два основных подхода к по-

ниманию этого обряда: 1) раскрещивание как «социализация», ритуал, выраженный «языком» официальной ортодоксальной религии и призванный ее симулировать, или легитимно заменять одну традицию на другую; 2) раскрещивание как индивидуализирующий путь свободного осознания. Именно последняя форма, на наш взгляд, может создавать предпосылки для постижения неоязычниками истории посредством мистического опыта.

Уход из официальной традиции является для мистика только первым шагом. Следующий этап, с которым сталкивается человек, вставший на путь самостоятельного постижения истины, – **поиски трансперсональных методик**, позволяющих преодолеть разрыв между профаническим и сакральным миром.

Визионерские практики предполагают погружение в измененное состояние сознания. И здесь нельзя утверждать наверняка, что у всех современных славянских язычников есть предпосылки для самостоятельного созидания (а не только лишь потребления) таких практик. Если в классическом восточном мистицизме считается, что источник откровения должен находиться внутри самого человека [4], в неоязычестве адептов призывают быть частью «традиции», прислушиваться к тому, что говорят языческие боги, «ведующие» волхвы, религиозные предписания, старшие члены общины или семья.

Неоязычник зачастую оказывается «ведомым». Возможно, это неким образом связано с ситуацией поиска религиозных авторитетов, характерной для моло-

дой, формирующейся «бесхрамовой» традиции. Возможно, на этот процесс оказывает свое влияние роль «репрессивного аппарата» официальной религии (ортодоксального христианства). В еврейском мистицизме, где роль иудаизма исторически оказалась более слаба, существовала возможность большей самостоятельности в толковании священного текста, из которой вытекали более активное участие мистиков в производстве мистической традиции и меньшая «одиозность» риторики «разрыва со старой традицией», свойственная для воинствующего антихристианства.

Кроме того, есть существенная разница между пониманием в упомянутых формах мистицизма профанического и сакрального начал. Для суфия или еврейского мистика категория «сакрального» означает независимый по отношению к «социальному» священный миропорядок (который присутствует во всем, но не является объяснимым с позиции «профанического» мировоззрения). В неоязычестве (по крайней мере, в славянском) «социум» присутствует и в профаническом, и в священном. Категория «сакрального» здесь, по сути, является «калькой» с человеческой действительности, о чем свидетельствует тот факт, что вся неоязыческая мифология строится на образах антропоморфных богов и предков. Современный мистик от неоязычества переживает о том, какова будет потенциальная оценка его действий, и потому сталкивается с большим количеством препятствий на пути к визионерской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящее имя – Н. Сперанский, один из первых идеологов неоязычества, писатель, кандидат физико-математических наук.

² Настоящее имя – А. Добровольский, советский диссидент, участник знаменитого «Процесса четырех» (Дела Гинзбурга и Галанскова), который после доноса на товарищей был осужден на два года и отбывал наказание в одном из мордовских лагерей. В заключении, под влиянием С.Р. Арсеньева-Хоффмана, бывшего белого офицера, увлекся восточным оккультизмом и идеями Е. Блаватской. Приняв ведическое имя, с конца 1980-х гг. участвовал в жизни Московской славянской языческой общины, но после изгнания из нее решил сам стать идеологом национал-патриотов [10. С. 118]. Именно к этому периоду относится дневниковая запись Велимира, которая, по его словам, была сделана через несколько часов после совершения обряда. Книга Велимира «Русское язычество и шаманизм» была издана в 1996 г. и переиздана в 2006 г. тиражом 3000 экземпляров. Автор характеризует ее как труд «кученого», долгие годы изучавшего «основы национальной культуры» и итог многолетней духовной практики. Дневниковые записи Велимир помещает в заключение, предлагая рассматривать их как «источник по истории развития неоязычества» в России 1990-х гг. [11].

³ Подробнее о феномене маргинальных интеллектуальных реформаторов в контексте религиозного историзма написано в одной из наших прошлых статей [12]. Подробнее о методологических перспективах применения концепта маргинальности в исторических исследованиях ранее было написано Н.А. Сайнаковым [13].

⁴ Так этот обряд описывается в социальной сети родноверов «Славянская культура» (>12 000 обращений к статье): «Раздеваемся и произносим: *Крещение от себя удаляю, рабский ошейник ломаю, я не раб, а внук богов Русских! (берем мечик [для анализов крови. – К.Ж.], прокалываем палец, выдавливаем несколько капель крови в воду и ПРОДОЛЖАЕМ).* – *Кровь Богов – Предков в моих жилах течет, Чистой Воде первозданность вернет! (Садимся в ванну).* – *Крещение вода причинить помогла, его же вода и смыть смогла! (погружаемся с головой и держимся под водой секунд 20, затем выныриваем)*» [17].

⁵ Например, в 2006 г. на праздник Летнего солнцестояния была «раскрещена» несовершеннолетняя дочь одного из малоярославских неоязычников, получившая ведическое имя Властелина. Документальная запись обряда, завершающегося римскими приветствиями общинников, скандирующих «Слава Властелине», опубликована на канале Veda Rod в сети U-tube и просмотрена более 10 000 раз. (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=6COF7QONX18>, свободный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарин И. Что такое мистика? М., 2004. Т. 1–2.
2. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Гешарим / Мосты культуры, 2004.
3. Балагушкин Е. Сущность и структурное разнообразие мистики. Электронный журнал «Религиоведение» / Амурский государственный университет, МГУ им. Ломоносова. (2010). № 2. С. 102–113. URL: http://www.amursu.ru/attachments/1320_2010_2.pdf, свободный.
4. Хазанов О.В. Мистика: ее природа и социальные функции в контексте концепции «Осевого времени». Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН-УРСС, 2006. Вып. 16. С. 147–158.
5. Эйзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий. Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. М.: Наука, 1992.
6. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997.
7. Нечипуренко В.Н. Каббалистическое учение «Книги созерцания» (Сефер га-ийон): опыт текстуального комментария. Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009.

8. Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.
9. Волхв Велеслав. Фундаментализм // «Родноверие» (журнал). 2010. № 1 (2).
10. Шнирельман В.А. Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2012. 302 с.
11. Волхв Велимир. Русское язычество и шаманизм. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2006. 608 с.
12. Жарчинская К.А., Хазанов О.В. Трансформация национальной идеи и религиозный историзм в условиях модернизации на примере славянского неоязычества и еврейского ортодоксального движения // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 120–124.
13. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
14. Волхв Бозумил. Обряд раскрещивания. URL: <http://velesova-sloboda.vho.org/heath/name-giving.html>, свободный.
15. Ритуал раскрещивания. Славянская культура, «Информационно аналитический ресурс по культуре и истории славянства и ариизма». URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/slavjanskije-obryady/ritual-raskreshchivaniya.html>, свободный.
16. Обряд раскрещивания. Текст сообщества «Славяне – мистика». URL: http://vk.com/slavorum?w=wall-37140683_2715, свободный.
17. Славянская культура, «Информационно аналитический ресурс по культуре и истории славянства и ариизма». URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/slavjanskije-obryady/ritual-raskreshchivaniya.html>, свободный.
18. Трехлебов А.В. Крещение и раскрещивание. URL: http://trehlebov.ru/trehlebov/o_kulture/125-kreshhyonim-delat-li-raskreshhivanie.html.

Zharchinskaya Xeniya A. E-mail: zharch@mail2000.ru, Khazanov Oleg V. E-mail: klio@yandex.ru Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

FROM JEWISH KABBALAH TO NEOPAGAN "DISAFFILIATION": THE PROBLEM OF CONSCIOUS CHOICE IN MODERN AND TRADITIONAL MYSTICISM.

Keywords: mysticism; neo-paganism; traditionalism; new religious movement; disaffiliation, apostasy.

The article is devoted to the problem of leaving the religious denomination in classical mysticism and modern occult communities. It is assumed that the desire of conscious choice and individualized mind of mystic derives from the "Axial age" in terms of German philosopher Karl Jaspers. Yet the empirical basis for this study was the medieval Kabbalah, eastern Sufism and modern Russian neo-pagan movements, which are outside the period. Although modern and traditional mysticism have a few differences caused by long chronological gap between them and cultural factors, there are some strong similarities in different forms of mysticism. Being aimed at self-bridging the gap between the sacred and the profane world Mystic makes a challenge to the religious tradition and social norms. At the same time his spiritual experience is different from the prophetic and magical approach. Exploration of the historical determinants of mystical experience could provide the better understanding of some processes occurring in new religious movements, e.g. the exclusion of orthodox Christianity in modern Russia. Mysticism has a mutual functional dependence with the situation of marginalization. Sometimes it radicalizes the religious practice and leads to the total negation of authorities or public destruction of symbols of faith described in the article. The purposes of the study were to examine the factors of making «conscious decision» by early and modern mystics and to determine what had influence on them. It is hypothesized that the actor of the decision-making in Jewish mysticism is «self-responsible» for his choice, while the Neo-pagans or Sufi are often led by irrational sense of the call of Nature or God. The question of the extent of freedom of modern «mystic» demands a particular consideration. Authors suggest that understanding of «sacred» and «profane» in Neo-paganism is different from the early traditions. «Sacred» is perceived as not something transcendental there, but as «social-like» (patrimonial, ancestral) category. Findings made in the article demonstrate that modern mysticism can be defined both as a response to the repressive pressure of orthodoxy and the situation of group «uncertainty» caused by the social upheavals.

REFERENCES

1. Garin I. *Chto takoe mistika?* [What is mysticism?]. Moscow: Terra Publ., 2004, vol. 1–2.
2. Sholem G. *Osnovnye techeniya v evreyskoy mistike* [Main Currents in Jewish mysticism]. Mosty kul'tury / Gesharim Publ., 2004. 510 p.
3. Balagushkin E. The essence and structural variety of mysticism. *Religiovedenie – Study of Religion*, 2010, no. 2, pp. 102–113 [Elektronnyy resurs]. Available from: http://www.amursu.ru/attachments/1320_2010_2.pdf (In Russian).
4. Khazanov O.V. *Mistika: ee priroda i sotsial'nye funktsii v kontekste kontseptsii "Oseвого времени"* [The mysticism: its nature and social functions in the context of the concept of "axial time"]. In: *Dialog so vremenem* [The dialogue with time]. Moscow: IVI RAN-URSS Publ., 2006, iss. 16, pp. 147–158.
5. Eisenstadt Sh. "Oseвая epokha": *vozniknovenie transtsendentnykh videniy i pod'em dukhovnykh sosloviy* [The "Axial Age": the emergence of transcendental visions and the rise of the clergy]. In: Reysner L.I. (ed.) *Orientsiya – poisk: Vostok v teoriyakh i gipotezakh* [Orientation – Search: East in the theories and hypotheses]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 228 p.
6. Torchinov E.A. *Religii mira: Opyt zapredel'nogo: Transpersonal'nye sostoyaniya i psikhotehnika* [Religions of the world. Experience the beyond. Transpersonal status and psychotechniques]. St. Petersburg, 1997.
7. Nechipurenko V.N. *Kabbalisticheskoe uchenie "Knigi sozertsaniya" (Sefer ra-yyun): opyt tekstual'nogo kommentariya* [The Kabbalistic doctrine of *The Book of Contemplation* (Sefer ha-yyun): the experience of textual commentary]. Rostov on Don: SKNT's VSh YuFU Publ., 2009.
8. Akimushkin O. F., Prigarin N.I. (eds.) *Sufizm v kontekste musul'manskoj kul'tury* [Sufism in the context of Muslim culture]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 337 p.
9. Cherkasov I. (Magus Veleslav). *Fundamentalizm* [Fundamentalism]. *Rodnoverie*, 2010, no. 1 (2).
10. Shnirelman V.A. *Russkoe rodnoverie. Neoyazychestvo i natsionalizm v sovremennoy Rossii* [Russian native faith. Neo-paganism and nationalism in contemporary Russia]. Moscow: BBI Publ., 2012. 302 p.
11. Speranskiy N.N. (Magus Velimir). *Russkoe yazychestvo i shamanizm* [Russian paganism and shamanism]. Moscow: Institute for the Humanities Publ., 2006. 608 p.
12. Zharchinskaya K.A., Khazanov O.V. Transformation of the national idea and religious historicism in the context of modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 378, pp. 120–124. (In Russian).
13. Saynakov N.A. The Definition of Marginality. Methodological perspectives in historical studies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 375, pp. 97–101. (In Russian).
14. Gassanov D.A. (Magus Bogumil). *Obryad raskreshchivaniya* [Religious disaffiliation]. Available from: <http://velesova-sloboda.vho.org/heath/name-giving.html>.
15. *Ritual raskreshchivaniya* [Religious disaffiliation]. Available from: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/slavjanskije-obryady/ritual-raskreshchivaniya.html>.
16. *Obryad raskreshchivaniya* [Religious disaffiliation]. Available from: http://vk.com/slavorum?w=wall-37140683_2715.
17. *Slavyanskaya kul'tura* [Slavic culture]. Available from: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/slavjanskije-obryady/ritual-raskreshchivaniya.html>.
18. Trekhlebov A.V. *Kreshchenie i raskreshchivanie* [Baptism and religious disaffiliation]. Available from: http://trehlebov.ru/trehlebov/o_kulture/125-kreshhyonim-delat-li-raskreshhivanie.html.

А.Н. Петренко

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рассматриваются воззрения русских мыслителей конца XIX – начала XX в. относительно понятия социального прогресса. Приводится краткий анализ взглядов сторонников субъективного подхода в социологии: Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова, а также их современника П.Н. Ткачева. Особое внимание уделяется концепции Л.И. Мечникова, выделявшего в качестве основного критерия прогресса степень кооперации в обществе на ранних этапах истории и сознательную солидарность людей как основу для прогресса в будущем. Уделяется внимание критике, высказанной русскими православными философами начала XX в. по данному вопросу.

Ключевые слова: теория прогресса; Л.И. Мечников; кооперация; солидарность; народничество.

Явление прогресса – сложное и неоднозначное понятие. Несмотря на то что данный вопрос впервые предстал еще перед мыслителями древности, он по сей день служит предметом для многочисленных споров в исторической науке. Одна из основных причин этого – оценочный характер данного понятия. Разумеется, в разное время критерии прогресса различались. Первоначально понимание исторического процесса, а следовательно, и прогресса, в значительной степени было связано с религиозным мировоззрением. Так, известный философ и богослов Августин Блаженный в труде «О граде Божьем» представил идею линейного исторического времени и морального прогресса. С наступлением Нового времени теологическое понимание истории уступило место научным представлениям. В частности, в кругах просветителей в XIX в. стало господствовать предложенное Сен-Симоном представление о прогрессе, который полагал, что в обществе основой прогресса является «совершенствование нравственной концепции». Позднее к данному понятию обращались такие исследователи, как О. Конт, Г. Гегель, К. Маркс и др. Последний в качестве одного из основных критериев прогресса, как и Г. Гегель, выделял степень свободы в обществе.

Во второй половине XIX в. в исследовании социального прогресса широкое применение нашел эволюционистский подход, позднее оформленный в виде социологической теории социал-дарвинизма. Одним из наиболее известных сторонников применения данного подхода к осмыслению прогресса, в том числе и историческом процессе, был Г. Спенсер. В обобщенном виде данный подход представлял попытку применения теории естественного отбора Ч. Дарвина при осмыслении общественных отношений.

В России, пожалуй, наибольшее внимание к понятию прогресса было приковано на рубеже XIX и XX вв. Заметную роль в этом сыграли представители народничества: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев и др., что неудивительно ввиду их поиска благоприятного пути развития общества и государства. Определенную критику по данному вопросу высказывали русские религиозные философы, в частности Л.П. Карсавин.

Одним из первых подверг критике идеи Спенсера Н.К. Михайловский. В статьях «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и других он обосновал свое видение прогресса. Прогресс, по мнению Михайловского, – прежде всего прогресс личности. Соответственно, более прогрессивным он считал общество, в котором личность может свободно и разносторонне развиваться.

Н.К. Михайловский поставил интересный вопрос: «Спрашивается теперь, каковы результаты приспособления человеческой личности к условиям общественной жизни? Расширяют ли они наше Я или сужают?...», используя диалектический подход, спрашивал автор и отвечал: «И да, и нет...» [1. С. 476]. Конфликт между личностью и обществом Михайловский усматривал прежде всего в разделении труда. В качестве наиболее яркого примера он приводил средневековую Индию с ее строгой системой каст. В то время как элитарная часть общества, брамины, берет на себя роль «мозга» в этом общественном организме, индивидам, занимающим низкое положение на сословной социальной лестнице, отводится роль простого орудия труда. Конечно, такое положение вещей не может не препятствовать гармоничному развитию личности. Однако автор отмечал, что общество играет и положительную роль в развитии личности прежде всего за счет «сочувственного опыта» и «кооперации» между людьми.

Похожие взгляды относительно прогресса были у П.Л. Лаврова. Свое представление о критериях прогресса он сформулировал в «Исторических письмах» таким образом: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом...» [2. С. 54].

Разумеется, под физическим развитием Лавров не имел в виду греческий идеал красоты физически развитого тела или нечто подобное. Речь шла скорее об удовлетворении минимальных насущных потребностей человека. Он указывал, что без победы над голодом, без укрепления элементарных гигиенических норм и удовлетворения базовых материальных потребностей

человечество никогда не выберется из состояния страданий, болезней и повседневной борьбы за эти блага [Там же. С. 54–55]. Как следствие этого, дальнейший прогресс будет невозможен, пока эти условия не будут выполнены для большей части населения. Лавров отмечал: «Лишь тогда, когда физическое развитие личности возможно, когда умственное ее развитие прочно, когда нравственное ее развитие вероятно, лишь тогда, когда общественная организация включает в себя условия достаточной свободы слова, достаточного минимума среднего образования, достаточной доступности для изменений в общественных формах, – лишь тогда прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным...» [Там же. С. 57].

Очевидно, что для дальнейшего прогресса, после удовлетворения материальных благ, необходимо появление условий для свободного формирования личности. Такими условиями должны стать возможность защиты своей жизни, чести, достоинства, защита от гонений, свобода слова и т.п. Лишь после этого будет возможен переход к некоторым высшим духовным и нравственным формам прогресса.

Применительно к сказанному, можно провести аналогию между этим утверждением и современной «Пирамидой потребностей по Маслоу» с той лишь разницей, что идеи Лаврова были высказаны значительно раньше и характеризовали этапы развития общества в целом, а не потребностей отдельных индивидов.

Несложно заметить, что, как и Михайловский, Лавров отмечал большое значение роли личности в качестве основного фактора прогресса: «Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть в нем, лежит исключительно на критически мыслящих личностях <...> Его семя есть действительно идея, но не мистически присутствующая в человечестве: она зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно <...> и становится общественною силою...» [Там же. С. 415–416].

Продолжая ряд мыслителей, уместно упомянуть и П.Н. Ткачева. Как и его современники, он уделял немало внимания теории социального прогресса. Ткачев подверг критике органический подход Г. Спенсера к социологии, охарактеризовав его как грубую аналогию общества и организма. Основную особенность общества, в отличие от биологических организмов, он усматривал в его возможности к саморазвитию: «Общественный организм отличается от всякого другого организма тем, что он способен сам себя совершенствовать. Но никакой другой животный организм сделать этого не может, потому что законы, по которым он развивается, не создаются его самопроизвольной деятельностью; они даются ему как бы извне, – они существуют прежде него и останутся после него» [3. С. 183]. Ясно, что как народника и революционера его не устраивал фатализм, присущий теории Спенсера. Он считал, что последняя теория обесценивает человеческие поступки и нивелирует роль че-

ловека в истории, но сам-то верил в возможность людей сделать общество лучше.

Вместе с тем Ткачев был не согласен с субъективным подходом в социологии Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. «Исторические письма» последнего он подверг критике в статье «Что такое партия прогресса». Однако отдельные исследователи, например Б.А. Чагин, полагают, что, в сущности, философская концепция Ткачева также является субъективной [4. С. 142–144]. Ткачев считал, что «революционное меньшинство» способно воплотить идеи прогресса революционным путем.

Теория прогресса в истории является одной из основных тем в работе «Цивилизация и великие исторические реки» Л.И. Мечникова. Он однозначно высказал свое мнение о значимости понятия прогресса в исторической науке: «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений...» [5. С. 232].

По своим взглядам он был близок к народникам. Однако, если П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский в вопросах прогресса придерживались определенной элитарной позиции, Мечников не был склонен преувеличивать роль отдельных личностей. В качестве примера можно привести статью «Герои и толпа» Н.К. Михайловского, в которой тот доказывал, что историю творят отдельные выдающиеся личности, а широкие людские массы безмолвно за ними следуют. Мечников, напротив, указывал на то, что именно «безмолвные людские массы» есть истинные творцы исторического процесса: «Незаметный труд многочисленных поколений, живших до нас, является творцом исторических формаций, но эта работа безвестных поколений ускользает от исследователя...» [Там же. С. 236].

Он также предупреждал читателя, что не следует отождествлять прогресс человечества лишь с прогрессом техническим, поскольку последний лишен нравственной составляющей. «Какое дело страдающей и мыслящей личности до того, красив ли памятник, воздвигнутый на ее могиле, или хорошо ли оружие, которым ее убивают» [Там же. С. 235]. Уточнение это представляется важным для конца XIX в., когда в обществе царил эйфория от невиданного ранее взлета технической мысли. Актуально оно и в наше время.

Конечно, Мечников также был против применения в социологии принципа борьбы за существование Ч. Дарвина. Он считал, что в человеческом обществе основополагающим принципом является кооперация, даже если она не является добровольной. На ранних этапах развития общества кооперация всегда является вынужденной. Людям приходится объединять усилия для охоты, защиты или даже нападения. Но по мере развития общества она становится все более осознанной и добровольной. Место простой, бессознательной кооперации занимает сознательная солидарность людей. Именно это движение от принудительного к добровольному Мечни-

ков считал основным критерием прогресса: «Таким образом, социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания, или безвластия, анархии» [Там же. С. 252].

В соответствии с данной концепцией он выделял три основных этапа, являющихся стадиями социального прогресса: «Низший период», в котором преобладают «подневольные союзы», возникшие для противодействия внешним силам, «Переходный период», основными признаками которого являются социальная дифференциация и разделение труда, и, наконец, «Высший период», отмеченный преобладанием свободных и добровольных союзов, будь то творческие объединения или группы, созданные в силу общности интересов [Там же. С. 258, 270–271].

Однако даже при поверхностном анализе данной теории возникает ряд вопросов. Например, почему некоторые туземные народы, которые были описаны самим Мечниковым, и чей общественный строй являлся чуть ли не идеалом свободы и демократии в плане прогрессивности их культуры и технологий, находятся едва ли не на уровне каменного века? Напротив, Древний Египет и Ассирия, несомненно, являлись более прогрессивными государствами, несмотря на их деспотический характер. Объяснение кажущемуся противоречию, конечно, существует.

Неслучайно Мечников в своей работе так много уделил внимания вопросу географического детерминизма. Именно среда в ее широком понимании является фактором, который принуждает людей к кооперации. Когда природные условия «дружелюбны» к человеку и дары моря и джунглей могут накормить каждого человека, то людям в такой среде нет нужды прибегать к кооперации. Следствием этого является отсутствие социальной дифференциации и необходимости в разделении труда, а, соответственно, социальный прогресс у таких народов практически отсутствует.

Однако в менее благоприятных природных условиях сотрудничество становится необходимым. Так, колыбель цивилизации – Месопотамия – до появления человека была довольно пустынным краем. Лишь небольшие полосы земли вдоль рек, протекавших по этой равнине, были пригодны для выращивания ячменя. Однако уже в древности жители, населявшие её, были знакомы с ирригацией, являвшейся необходимым условием для их выживания. И чем больше людям приходилось взаимодействовать друг с другом, тем более сложным и развитым становилось их общество. Несмотря на деспотизм, уровень кооперации в этих ранних речных цивилизациях был действительно высок.

Уместным будет вспомнить также родину демократии и прародителя нынешней западной цивилизации – Древнюю Грецию, чьи природные ресурсы были столь ограничены, что их неразумная растрата могла привести к катастрофе населявших её жителей. «Бедность –

сводная сестра Эллады», – так писал о своей родине знаменитый историк Геродот. Весьма вероятно, что именно это обстоятельство стало причиной появления полиса как особой формы самоуправления.

Еще легче понять, какой смысл Л.И. Мечников вкладывал в понятие среды и географического детерминизма, помогает его вывод: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [Там же. С. 262].

Несмотря на явные различия в воззрениях между Мечниковым и его предшественниками относительно критериев социального прогресса, они все же не ставили под сомнение сам факт существования социального прогресса, а также возможность определения его критериев. Такой энтузиазм относительно теории прогресса был характерен для второй половины XIX в. и был, вероятно, связан с особой атмосферой, царившей в обществе. Ситуация несколько изменилась с началом XX в. В это время скептическое и даже отрицательное отношение к данной теории проявилось среди русских православных философов.

Одной из первых работ такого рода было сочинение В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», опубликованное в 1900 г., незадолго до смерти его автора. Следует отметить, что прежде Соловьев придерживался достаточно оптимистической точки зрения на историю человечества. Он был уверен в том, что человек своими добрыми деяниями способен сделать мир и других людей лучше. Как следствие и сама история должна привести к формированию совершенного общества, в его понимании, конечно, теократического [6. С. 127]. Однако в последней работе он основательно пересмотрел свои взгляды. Так, в разговоре, повествующем о конце всемирной истории «Г[–н] Z.», который, вероятно, является голосом автора, говорит: «Я думаю, что прогресс, то есть заметный, ускоренный прогресс, есть всегда *симптом конца*» [7. С. 159]. История, по мнению Соловьева, судя по данному сочинению, закончится самым ужасным образом: силы, противоположные христианству, будут выдавать себя за истинное христианство, и человечество им поверит. В конце истории победит зло. Лишь Бог сможет преобразить мир и привести его к добру. Человечеству же остается только плыть по течению истории.

В целом «Три разговора» оставляет гнетущее впечатление трагической безысходности, что вдвойне неприятно, учитывая ранние, оптимистичные работы В.С. Соловьева.

Причины, побудившие его написать данное сочинение, остаются не вполне понятными. Возможно, он предчувствовал приближающуюся смерть, что не могло не повлиять на его мироощущение. Но разве история не

знала случаев, когда мыслители впадали в пессимизм? Вспомним хотя бы библейскую книгу Екклесиаст, насыщенную фатализмом её легендарного автора.

Однако позднее подобный отрицательный, даже тревожный подход к прогрессу стал характерен и для других религиозных философов.

Так, следующей работой, которую следует отметить, была статья С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса», опубликованная в 1902 г. Он утверждал, что теория прогресса основывается на вере в победу лучших качеств человечества, которая неизбежно наступит. То есть на вере, которая, как он считал, ничем не обоснована. Развивая эту идею, он отмечал, что данная теория, в современном ему понимании, сама является своеобразной религией.

Он также выявил противоречие, по его мнению, неизбежно возникающее между данной «верой в прогресс» и господствовавшим в позитивной науке принципом «механической причинности»: «Первая и основная задача, которую ставит себе теория прогресса, состоит в том, чтобы показать, что история имеет смысл, и исторический процесс есть не только эволюция, но и прогресс. Она доказывает, следовательно, конечное тождество причинной закономерности и разумной целесообразности, является в этом смысле, как мы уже сказали, теодицеей. Она ставит себе, таким образом, целью раскрытие высшего разума <...> Что же значит найти смысл истории? Это значит, прежде всего, признать, что история есть раскрытие и выполнение одного творческого и разумного плана, что в историческом процессе выражена мировая, провиденциальная мысль...» [8. С. 32–34].

Отметим, что по-своему Булгаков был, конечно, прав, но безоговорочно согласиться с ним все-таки невозможно. Возьмем, к примеру, современную синтетическую теорию эволюции, которая, в отличие от теории социального прогресса, является более или менее законченной и признанной концепцией. В рамках этой теории было убедительно доказано развитие живых существ от простейших одноклеточных организмов к сложнейшим многоклеточным существам с развитой нервной системой вплоть до человека. Таким образом, наличие объективных законов и направлений развития организмов в естественном эволюционном процессе почти ни у кого не вызывает сомнения, исключая немногочисленных сторонников альтернативных теорий. Кроме того, теория эволюции в разной степени является принятой как материалистами, так и католической церковью. Так почему же нахождение объективных оснований в теории прогресса обязательно должно привести к провиденциальной мысли, если, к примеру, из теории эволюции это прямо не следует?

Позднее идеи Булгакова развил в «Философии истории» Л.П. Карсавин. Он не подверг детальному анализу отдельные уже существовавшие теории прогресса, будь то теория П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского либо Л.И. Мечникова. Объектом его критики стало скорее утопическое представление социалистов об иде-

альном обществе будущего с бессмертием человеческого тела и прочими благами. Поэтому и сама его критика носила до некоторой степени абстрактный характер. Как правило, он указывал на определенные нравственные и логические противоречия теории прогресса.

Первое противоречие заключается в том, что идеал теории прогресса, как ее понимал Карсавин, фактически является недостижимым: «Прогресс не отождествляется с современным состоянием и современность не признается началом идеального бытия. Идеальное состояние или переносится в неопределенно далекое будущее, вызывая ослабление эсхатологизма, или мыслится как непрерывно становящееся, т.е. подменяется идеалом дурной бесконечности совершенствования» [9. С. 234].

Второй обозначенной проблемой является необходимость жертвовать многим сегодня ради сомнительного и не слишком вероятного удовольствия в далеком будущем: «Нет ни малейшего основания предпочитать эмпирическое будущее эмпирическому настоящему, жертвовать благом ныне живущих во имя еще не родившихся и нам неизвестных» [Там же. С. 235].

Карсавин констатировал определенное нравственное противоречие: «В этой релятивистической тенденции своей теория прогресса неизбежно абсолютизирует настоящее и обесценивает прошлое. Пршлое для нее «хуже» и «меньше» настоящего. Ценность прошлого может быть лишь относительной ценностью, ибо прошлое понимается только в смысле средства к достижению настоящего, а средство нужно лишь до той поры, пока не достигнута цель. Поэтому из теории прогресса вытекает глубокое пренебрежение к прошлому: к религиозным исканиям, к философии, к науке, к технике прошлого» [Там же. С. 245].

Отметим, что данное высказывание является по меньшей мере спорным. Приведем пример. Первый космонавт Юрий Гагарин провел в космосе немногим больше часа и выполнял, по сути, простейшие эксперименты. Современные космонавты проводят в космосе месяцы и выполняют значительно более сложные программы, но сколько любви и уважения в наших сердцах к Гагарину, и как мало мы думаем о нынешних космонавтах. Точно так же никто в здравом уме и с чистой совестью не станет выказывать пренебрежение к труду наших отцов и предков.

Развивая данную идею, Карсавин пришел к любопытному заключению: «Последовательное (хотя бы и бессознательное) отождествление идеала прогресса с идеалом современности должно обесценивать и будущее <...> В самом деле, пренебрежение к будущему ясно в нежелании допускать, что потомки наши могут по-иному понять задачи социальной и личной жизни» [Там же. С. 245]. Это заключение представляется вполне естественным. То, что заглянуть в будущее невозможно, — очевидно, как очевидно и то, что нельзя с полной определенностью назвать критерии социального прогресса будущего. Однако абсолютно справедливым это суждение также не является. История науки тому подтверждение. Существует множе-

ство примеров, когда научные концепции прошлого, будучи опровергнутыми или основательно пересмотренными, в будущем сыграли, тем не менее, важную роль в накоплении научного знания и являлись необходимым этапом развития науки и техники. Так, без классической механики не возникла бы теория относительности, частным случаем которой она, в сущности, является. Весьма вероятно, что осознание принципов социального прогресса и выделение его критериев в настоящем необходимо для осуществления прогресса в будущем. К похожему выводу пришел Карсавин. Подводя итог своей критики, он заметил: «Но сколько бы мы теорию прогресса ни разрушали, она постоянно возрождается в новых формах и формулах. Так, с нашей точки зрения, и быть должно. — Раз всякое историческое явление обладает в каком-то смысле своею неповторимую ценностью, обладает ею и теория прогресса, также являясь умаленным моментом всеединства. Ошибочны (недостаточны) ее формулиров-

ки, ее определения, но основной мотив ее должен быть правильным» [Там же. С. 246–247].

Поэтому неверно было бы утверждать, что критика, высказанная Карсавиным, была несправедлива. Напротив, он совершенно точно отметил противоречия теории прогресса. Он доказал, что критерии прогресса не могут быть неизменными и то, что для каждой эпохи и каждого поколения критерии прогресса будут различными. Он показал, что даже существующие теории не могут быть однозначно, без каких-либо исключений и искажений, приложены к фактическому историческому материалу. Однако следует ли из данной критики, что создание более или менее объективной теории прогресса невозможно в принципе? Вовсе нет. Это лишь означает, что такая теория до сих пор не создана. В данном контексте оригинальный, но малоизвестный подход к решению этой проблемы, изложенный Л.И. Мечниковым, является весьма актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. 986 с.
2. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 703 с.
3. Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 655 с.
4. Чагин Б.А. Социологическая мысль в России. Л. : Наука, 1978. 416 с.
5. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 464 с.
6. Евлампиев И.И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. 2011. № 2.
7. Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб. : Просвещение, 1914. Т. 10. 527 с.
8. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма : сб. М., 1902. 47 с.
9. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 352 с.

Petrenko Alexandr N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandr_n@mail.ru

THEORY OF PROGRESS IN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: The progress theory; Leo Metchnikoff; co-operation; solidarity; the Narodniks.

Social progress problem is being met in work of many philosophers and thinkers from the XIX century. Auguste Comte, Georg Hegel and Karl Marx used this notion more than once. The general feature of many works of this time was an idea that freedoms level in society is the main criterion of social progress. However in future after Charles Darwin's discovery Social Darwinism, that maintains principle of identity of social and biological progress, became widely used. One of the most known supporters of this principle was Herbert Spencer. In Russia this theory was called in question by many representatives of the progressive intellectuals and other thinkers among which were Nikolay Mikhaylovsky, Pyotr Lavrov and Pyotr Tkachev. The first two investigators made an accent on the persons with critical thinking in history. Leo Metchnikoff had another point of view. He did not exaggerate importance of separate "heroes" in history. On the contrary, Metchnikoff thought that main creator of historical formations is not vivid persons but "work of many generations which lived before us". He saw the main progress criterion in the level of cooperation in society on early stages of history and in the deliberate solidarity of people as basis of future progress. Nominally he could be classified as supporter of the Environmental determinism. By his own definition he was considering influence of natural conditions on progress of society as "the correlation between environment and ability to cooperation and solidarity of people who lives in this environment". It's necessary to note this conception will be a part of the Civilization theory in future. The progress theory had supporters and opponents. The most telling criticism about this question was said by Russians orthodox philosophers. It's necessary to note that Leo Karsavin was one of them. He pointed out idealism of the progress theory and criticized its partisans for not enough using of scientific methods. Also Karsavin thought that at that moment no theory could be used without exceptions and distortions for a real historical material. As well he was noting some logical contradiction of the progress theory. However is it true that this criticism tell that creation of more or less objective progress theory is not possible at all? Not at all. It just means that this theory is not created yet. In this context, original but not popular solution of the problem, which Leo Metchnikoff described, is highly topical.

REFERENCES

1. Mikhaylovskiy N.K. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1906, vol. 1, 986 p.
2. Lavrov P.L. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya* [Philosophy and sociology. Selected Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1965, vol. 2, 703 p.
3. Tkachev P.N. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1975, vol. 1, 655 p.
4. Chagin B.A. *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii* [Sociological thought in Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 416 p.
5. Meechnikov L.I. *Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskie reki* [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: Pangeya Publ., 1995. 464 p.
6. Evlampiev I.I. *Zhiznennaya drama Vladimira Solov'eva* [The life drama of Vladimir Solovyov]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 2.
7. Solovyov V.S. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1914, vol. 10, 527 p.
8. Bulgakov S.N. *Osnovnye problemy teorii progressa* [The main problems of the theory of progress]. In: *Problemy idealizma* [Problems of Idealism]. Moscow: M.A. Kolerov Publ., 1902. 47 p.
9. Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. St. Peterdurg: Komplekt Publ., 1993. 352 p.

РЕЦЕНЗИИ

Н.С. Ларьков

КОЛИЧЕСТВО БЕЗ КАЧЕСТВА, ИЛИ СНОВА «В КРОССОВКАХ ПО ИСТОРИИ»

РЕЦЕНЗИЯ: КОКОУЛИН В.Г. «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ»:

СИБИРЬ, ПОВОЛЖЬЕ, УРАЛ (МАЙ–НОЯБРЬ 1918 г.). НОВОСИБИРСК, 2014. 548 с.

Проблема «третьего пути» с давних пор разрабатывается в отечественной историографии Революции 1917 г. и Гражданской войны. Однако до сих пор она «исследована явно недостаточно», о чём справедливо напомнил И. Урилов на страницах журнала «Российская история» [1. С. 64]. Важнейшей составляющей этой многоплановой темы выступает так называемая «демократическая контрреволюция» на востоке России, которая также нуждается в дальнейшем изучении. Поэтому предпринятая доктором исторических наук В.Г. Кокоулиным попытка её монографического исследования вполне объяснима. Вместе с тем сложность, многогранность темы, наличие множества нюансов и полутонов, присущих «демократической контрреволюции», равно как и в целом истории Гражданской войны, требуют от исследователя серьёзной теоретической подготовки, безусловного владения методологией и методами исторического исследования, широкого кругозора. В противном случае научная смелость на деле может оказаться банальной самонадеянностью.

Предисловие в рецензируемой монографии практически целиком посвящено историографии темы. Здесь содержится во многом справедливая, хотя и далеко не оригинальная, оценка ряда работ предшественников, прежде всего советского периода. Что же касается постсоветской историографии темы, то она грешит перекосами, пробелами, а порой крайним субъективизмом. Обращает на себя внимание избирательность автора. На фоне детального анализа работ одних историков (А.В. Добровольского, А.Д. Казанчиева, М.В. Шиловского и некоторых других) публикации других в лучшем случае упоминаются (при этом не самые значимые), а то и попросту не замечаются. Среди них, в частности, монографии В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова, В.А. Дробченко, А.П. Шекшеева, диссертации Н.С. Ларькова, О.Ю. Никоновой, А.А. Мышанского, С.С. Салазниковой, Д.Л. Шереметьевой и др. В работах названных авторов многие аспекты и сюжеты «демократической контрреволюции» исследованы на более высоком научном уровне, нежели в рецензируемой монографии.

Особенно воинственно В.Г. Кокоулин настроен по отношению к В.И. Шишкину — одному из ведущих российских специалистов по истории Гражданской войны. Его публикации автор демонстративно игнорирует. Лишь однажды, да и то в примечании (С. 501–505. Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссыл-

ки на страницы рецензируемой монографии), он обрушивается на В.И. Шишкина (не называя при этом его фамилии) с надуманной критикой предисловия к сборнику документов «Временное Всероссийское правительство», в котором В.И. Шишкин дал краткую оценку публикаций по теме этого сборника. К слову сказать, многие из перечисленных выше авторов проигнорированных В.Г. Кокоулиным работ являются учениками Владимира Ивановича. Не потому ли в основе историографических умолчаний лежат вовсе не научные, а какие-то совсем иные причины?

Некорректное отношение к научным работам ряда историков в монографии В.Г. Кокоулина проявляется не только в сознательном замалчивании фамилий авторов, отсутствии ссылок на них, но также и в демонстративном игнорировании сборников документов, составителями которых выступают неугодные ему исследователи. Такая участь постигла, в частности, сборник документов, посвящённый Уфимской Директории. По утверждению В.Г. Кокоулина, этому сборнику якобы «присущи многочисленные недостатки, которые препятствуют его использованию в научных целях» (С. 35). Между тем «многочисленные недостатки» на деле свелись лишь к двум-трём несущественным, мелочным придиркам на с. 504–505. В действительности же главным «недостатком» и «препятствием» для В.Г. Кокоулина стало то, что составителем критикуемого сборника документов выступает всё тот же неугодный ему В.И. Шишкин. Другому, составленному опять же Владимиром Ивановичем, фундаментальному сборнику документов, посвящённому Временному Сибирскому правительству, повезло ещё меньше — он ни разу даже не упомянут на страницах монографии.

В результате книга В.Г. Кокоулина пестрит ссылками на архивные документы и газетные публикации периода Гражданской войны, тогда как многие десятки из них опубликованы и обстоятельно прокомментированы В.И. Шишкиным. Особенно это бросается в глаза при знакомстве с разделом «2.1. Временное Сибирское правительство», в котором не содержится ни одной ссылки на опубликованные документы. Цитируемые автором архивные источники в большинстве своём содержатся в упомянутом сборнике, где приводятся к тому же преимущественно по подлинникам [2].

Впрочем, В.Г. Кокоулин, ничтоже сумняшеся, точно так же ссылается и на другие архивные документы, газетные публикации, воспоминания, хранящиеся в

архивах, не подозревая, что многие из них давным-давно опубликованы. Приведу лишь несколько примеров: воспоминания Н.К. Обухова о Минусинском восстании [3, 4], резолюции и постановления съездов, конференций и совещаний социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций сибирских губерний и областей с марта 1917 г. по ноябрь 1918 г. [5–11] и т.д.

Как тут не согласиться с Б. Соколовым, точно подметившим, что «сегодня, как никогда ранее, распространённым стало выборочное использование источников и упоминание тех предшественников, кто автору несимпатичен». «Тут открываются большие возможности для того, чтобы, по примеру Карла Линнея, не ссылаться на своих оппонентов и просто на тех авторов, которые тебе не нравятся, чтобы не оставлять их имён в истории и историографии...» [12. С. 331, 334].

Обратимся, однако, к основному содержанию монографии. Она состоит из трёх глав, каждая из которых дробится на разделы, общее количество которых составляет 21. «Демократическая контрреволюция» прослеживается на обширной территории Поволжья, Урала и Сибири на протяжении около полугода. Своё повествование В.Г. Кокоулин начинает с выступления Чехословацкого корпуса, даже не упомянув при этом, откуда вдруг на российских просторах он появился. Точно так же читателю совершенно не понятно, откуда и как возникла внутренняя контрреволюция в момент антисоветского вооружённого выступления этого корпуса. Первое упоминание о Западно-Сибирском комиссариате и его вооружённых отрядах (С. 42–43) лишь множит вопросы, поскольку не ясно, что это за орган и откуда он взялся. Последующее утверждение о том, что этот комиссариат не имел никакого отношения к Временному правительству автономной Сибири (С. 86), вызывает, по меньшей мере, недоумение. То же самое можно сказать о Сибирской областной думе. В результате предыстория этих, как, впрочем, и некоторых других органов «демократической контрреволюции», остаётся тайной за семью печатями. По В.Г. Кокоулину, получается, что «демократическая контрреволюция» в конце мая 1918 г. выскочила как чёрт из табакерки, а в ноябре того же года, как явствует из содержания, она так же бесследно сгинула. Между тем эсеры и их союзники, прежде чем оказались в конце весны–летом 1918 г. у власти, прошли многомесячный подпольный период своей деятельности. И после ноября 1918 г. они никуда не исчезли. Достаточно вспомнить попытки сибирских эсеров в конце 1919 – начале 1920 г. вновь перехватить инициативу в антибольшевистской борьбе. Хотя бы кратко напомнить обо всём этом требует основополагающий принцип исторического исследования – принцип историзма. Однако до принципов ли В.Г. Кокоулину, в том числе научных?

Справедливости ради отмечу, что автором был собран в архивах и библиотеках значительный источниковый материал. В какой-то мере он позволил расши-

рить представление о «демократической контрреволюции». Подчеркну – расширить, но не углубить, поскольку количество использованных исторических источников так и не перешло в качество, не обернулось глубиной анализа. Причина кроется, на мой взгляд, не только в методологической ограниченности, но также и в ущербной методике исследования, основу которой составляют иллюстративность и цитатничество как способ изложения мыслей и доказательств.

Взяв за труд выяснить процентное соотношение авторского текста и цитат, я проанализировал взятый наугад раздел из середины монографии «3.1. Уфимское государственное совещание» (С. 303–326). При подсчёте оказалось, что из 939 строк этого раздела почти половину (440 строк, или 46,9%) составляют прямые цитаты из воспоминаний, газет, политических документов. С небольшим отклонением в ту или иную сторону это процентное соотношение можно распространить на остальные разделы монографии. При этом авторский текст нередко служит лишь для перехода от одной цитаты к другой. Типичный пример (С. 313): «В.В. Сапожников разъяснял» (далее следует пространная цитата); «М.Я. Гендельман возразил» (цитата...); «В.Г. Болдырев стал успокаивать» (цитата). В результате почти две трети данной страницы заняли цитаты без сколько-нибудь вразумительного авторского анализа. То же самое на с. 297, 405, 410, 445–446 и др. Не редкость, когда одна цитата может занимать целую страницу и даже до полутора страниц текста (С. 142–143, 296, 387–388, 471–473 и др.).

Цитаты из воспоминаний и газет для В.Г. Кокоулина настолько привлекательны и универсальны, что сплошь и рядом используются вместо собственных выводов в конце разделов (С. 145, 261, 351, 372 и др.). Иногда итоговые выводы за неимением собственных он заимствует (правда, со ссылками) у других авторов. В частности, раздел «2.7. Уральское областное правительство» завершается на с. 279 ссылкой на статью Е.П. Сичинского, посвящённую этому правительству. Таким образом, В.Г. Кокоулин признаёт, может быть, сам того не желая, что спустя два с лишним десятилетия после публикации своего предшественника он ничего нового в изучение данного сюжета не внёс. Впрочем, отсутствие либо дефицит научного анализа, научной новизны присущи и остальным разделам.

Монография практически лишена необходимой для серьёзного исторического исследования авторской критики источника, как внешней, так и внутренней. Поэтому В.Г. Кокоулин с лёгкостью нагромождает многочисленные цитаты, более того, принимает на веру содержание случайно выхваченного из архива анонимного письма, на основе которого формулирует, по меньшей мере, спорный вывод, будто бы его сочинитель выступал выразителем настроения «общественности» (С. 471–473). Многие события автор излагает исключительно на основе воспоминаний, игнорируя другие доступные историкам документальные источники,

в частности о крестьянских восстаниях конца лета – осени 1918 г.

Точно так же некритически В.Г. Кокоулин подходит и к некоторым выводам историков, по старым шаблонам рассматривая, в частности, расстановку сил в лагере контрреволюции, поверхностно оценивая её внутренние противоречия. Он по-прежнему полагает, что «офицерский корпус в большинстве своём был настроен монархически» (С. 169), хотя в современной исторической литературе этот вывод давно уже доказательно опровергнут. Многие другие суждения и выводы В.Г. Кокоулина, равно как и используемая им терминология, также не выходят за рамки советской историографии. Особенно наглядно это демонстрируется в таких разделах, как «2.3. “Народная” власть и крестьянство», «3.4. Рабочие забастовки и крестьянские восстания» и др.

Отсутствие глубины исследования, оригинальности суждений проявилось в ограниченности выводов в конце первой и второй глав, лишь частично вытекающих из их содержания и давно известных. Третья глава не удостоилась даже и этого. Вопреки логике научного исследования монография лишена какого бы то ни было заключения. То ли у автора не нашлось подходящей цитаты для завершения своего труда, то ли он устыдился повторить выводы, сделанные другими историками, а собственных попросту не оказалось.

В довершение ко всему в монографии можно встретить массу фактических ошибок и противоречащих друг другу фактов. Вот лишь некоторые из них. На с. 46 отмечается, что через Тобольск «прошли три парохода Томского военно-революционного штаба», тогда как на с. 50 речь идёт лишь о двух пароходах, к тому же название одного из них приводится неверно. На с. 99 утверждается, что частные совещания Сибирской областной думы продолжались до 4 июля, а на с. 237 сообщается, что они проходили на протяжении июня – августа 1918 г. На с. 51 ошибочно утверждается, будто бы Кузбасс оказался в руках белогвардейцев и чехов к концу июня 1918 г. В действительности это

произошло на две недели раньше, к середине июня. На с. 170 отмечается, что Омский областной крестьянский съезд проходил с 30 июня по 7 июля 1918 г., тогда как он состоялся с 1 по 9 июля (30 июня было частное совещание делегатов). На с. 344 ошибочно утверждается об аресте И.А. Якушева в сентябре 1918 г. В действительности он сумел избежать ареста, найдя убежище у чехословаков.

Немало ошибок допущено автором в написании фамилий действующих лиц: вместо Перевалова – Привалов (С. 57), вместо Линдберга – Линдберг (С. 87), вместо Н.В. Фомина – Н.В. Фоминых (С. 224), вместо Урбанковского – Урбановский (С. 391) и т.д.

В конечном счёте намерение В.Г. Кокоулина создать некий обобщающий научный труд о «демократической контрреволюции» обернулось очередной его скороспелой и поверхностной интеллектуальной поделкой. По такому же незатейливому лекалу скроено большинство других монографических изданий этого автора. К примеру, его книге «Томск в годы революции и Гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.)» (Новосибирск, 2012. 312 с.) в полной мере присуще такое же пренебрежительное отношение к методологии и методам научного исследования, те же иллюстративность и цитатничество, поверхностный анализ источников, игнорирование выводов в конце глав и разделов, отсутствие в целом итогового заключения, наличие фактических ошибок и т.п.

В конце 1980-х гг. известный отечественный учёный Ю.А. Поляков писал о публицистах, во время «перестройки» и «гласности» с лёгкостью игнорировавших принципы и методы исторической науки, поверхностно освещавших многие страницы прошлого, бегущих, образно говоря, «в кроссовках по истории» [13. С. 10]. С той поры минуло четверть века. Что изменилось? Приходится с сожалением констатировать, что по-прежнему не перевелись любители пробежаться в кроссовках по истории. Причём в их рядах, как видим, стали мелькать уже и доктора наук, не отягощённые к тому же этическими нормами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урилов Илья. Большевики и начало Гражданской войны в России // Российская история. 2014. № 6.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и матер. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 818 с.
3. Обухов Н.К. Минусинские крестьяне в 1918 г. // Сибирские огни. 1929. № 6. С. 140–151.
4. Обухов Н.К. Минусинское вооружённое восстание крестьян // Записки сибирских партизан. Новосибирск, 1961. С. 8–26.
5. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск : Том. гос. ун-т, 1992.
6. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Енисейской губернии. Томск : Том. гос. ун-т, 1991.
7. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Иркутской губернии. Томск : Том. гос. ун-т, 1991.
8. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Акмолинской области. Томск : Том. гос. ун-т, 1992.
9. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Алтайской губернии. Томск : Том. гос. ун-т, 1992.
10. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Тобольской губернии. Томск : Том. гос. ун-т, 1992.
11. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Томской губернии. Томск : Том. гос. ун-т, 1992.

12. Соколов Борис. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011.
13. Поляков Ю. В кроссовках по истории // Неделя. 1989. Март. № 10.

Larkov Nicolay S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

QUANTITY WITHOUT QUALITY, OR SUPERFICIAL KNOWLEDGE OF HISTORY. REVIEW : KOKOULIN V.G. DEMOCRATIC COUNTERREVOLUTION: SIBERIA, THE VOLGA REGION, URAL (MAY–NOVEMBER 1918 y.). NOVOSIBIRSK, 2014. 548 p.

REFERENCES

1. Urilov I. Men'sheviki i nachalo Grazhdanskoy voyny v Rossii [The Mensheviks and the beginning of the Civil War in Russia]. *Rossiyskaya istoriya*, 2014, no. 6.
2. Shishkin V.I. (ed.) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [The Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)]. Novosibirsk: Sova Publ., 2007. 818 p.
3. Obukhov N.K. Vosstanie minusinskikh krest'yan v 1918 g. [Minusinsk peasants revolt in 1918]. *Sibirskie ogni*, 1929, no. 6, pp. 140-151.
4. Obukhov N.K. *Minusinskoe voozuzhennoe vosstanie krest'yan* [Minusinsk armed uprising of peasants]. In: *Zapiski sibirskikh partizan* [The notes by Siberian guerrillas]. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publ., 1961, pp. 8-26.
5. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Zabaykal'skoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in the Trans-Baikal region (March 1917 – November 1918.)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1992.
6. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Eniseyskoy gubernii* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in Yenisei region]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1991.
7. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Irkutskoy gubernii* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in Irkutsk region]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1991.
8. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in Akmola region]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1992.
9. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Altayskoy gubernii* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in Altai province]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1992.
10. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Tobol'skoy gubernii* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in the province of Tobolsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1992.
11. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy v Tomskoy gubernii* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations in Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1992.
12. Sokolov B. *Nravy sovremennykh rossiyskikh istorikov: predposylki k padeniyu i nadezhdy na vrozozhdenie* [The moral of modern Russian historians: the preconditions for the fall and hopes for the revival]. In: Boryugov G.A. (ed.) *Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen* [The scientific community of Russian historians: 20 years of change]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2011. 519 p.
13. Polyakov Yu. V krossovkakh po istorii [In sneakers on the history]. *Nedelya*, 1989, no. 10.

А.В. Бузгалин

**РЕЦЕНЗИЯ: ВОРОНИН Д.В. РОЛЬ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920–1950-е годы).**

**ТОМСК : ООО «РГ «ГРАФИКА»», 2012. 220 с.; ВОРОНИН Д.В. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКУЮ ЭКОНОМИКУ:
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (1950–1980-е годы).
ТОМСК : ООО «РГ «ГРАФИКА»», 2013. 280 с.**

Монография в двух частях кандидата исторических наук, доцента Д.В. Воронина – первая попытка исследовать достаточно полно и в широких хронологических и территориальных рамках историю республиканских и региональных органов государственного арбитража и их роль в экономике региона и страны. Эта тема, безусловно, актуальна, так как процесс интенсивного развития институтов арбитража и арбитражного судопроизводства еще далёк от завершения. Об этом свидетельствует недавнее решение об объединении Высшего арбитражного и Верховного судов России. В работе отмечается, что советский Госарбитраж пережил в своей истории несколько реформ, которые были не всегда удачными. Исходя из имеющегося исторического опыта, можно предположить, что и эта реформа не даст желаемого результата.

Автор монографии, используя комплексный подход, достаточно полно и глубоко проанализировал процесс становления и развития органов государственного арбитража, совершенствования норм арбитражного процессуального права, проследил взаимосвязь развития арбитражных институтов и хозяйственного права с развитием экономики СССР и регионов Западной Сибири.

По мнению Д.В. Воронина, изучение деятельности советского арбитража носит междисциплинарный характер и требует комплексного подхода. Можно согласиться с точкой зрения автора, что «чисто исторический, правовой или экономический подход не дает полноты картины, не позволяет увидеть контекст и внутренние механизмы развития, влияние внешних факторов. История Госарбитража в значительной большей степени связана с развитием советской экономики, нежели правовых институтов. И в этом смысле, как справедливо отмечал Й. Шумпетер, только экономическая история «может сообщить нам каково было то общество, к которому мы хотим применить теоретические схемы... В наше время средний экономист и средний социолог совершенно безразличны друг к другу и предпочитают пользоваться наукой собственного производства, вместо того, чтобы применить научные результаты, полученные соседом»...» [1. С. 5].

Научная новизна представленной автором монографии состоит в том, что она восполняет имеющиеся как в российской исторической, так и в историко-правовой и историко-экономической науке пробелы. Роль орга-

нов государственного арбитража в развитии регионов России почти не изучена. Отдельные юбилейные публикации, посвященные становлению арбитражных судов в России, не раскрывают деятельность органов Госарбитража в регионах, развития институтов арбитража и арбитражного судопроизводства. Необходимость исследования истории арбитража вызвана отсутствием работ, посвященных данной проблеме. До последнего времени не были востребованы историками архивные материалы. Не стали предметом изучения проблемы деятельности арбитража у исследователей истории экономики и права. Работа написана на основе глубокого изучения двух федеральных и пяти региональных архивов. Абсолютное большинство документов впервые введено автором в научный оборот.

Особый научный интерес для понимания механизмов функционирования советской экономики представляет проведенный автором монографии анализ разрешения экономических споров между предприятиями и организациями на республиканском и региональном уровнях, взаимодействия Госарбитража с советскими и политическими институтами.

Рассматривая роль системы государственного арбитража в развитии экономики, Дмитрий Васильевич показал роль экономических совещаний и арбитражных комиссий в качестве одного из рычагов регулирования планового хозяйства региона и страны. В разделе, посвященном принципам и институциональным основам разрешения хозяйственных споров в формирующейся плановой экономике, показаны трудности процесса трансформации арбитражных комиссий в систему органов государственного арбитража.

Особое внимание автор уделил становлению системы арбитража в Западной Сибири в период ускоренной индустриализации в СССР, когда одновременно шел процесс становления и развития арбитража наряду с другими органами управления.

Во второй части монографии автором анализируется процесс развития института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику на республиканском и региональном уровнях с послевоенного периода и до изменения его статуса в результате создания арбитражных судов. В работе рассматривается деятельность органов Госарбитража после принятия в 1977 г. Конституции СССР, когда их статус существенно повысился, получив конституционное закреп-

ление. Это позволило усилить их влияние на советскую экономику.

Автор аргументированно доказал, что Госарбитраж на протяжении своей деятельности мало контактировал с партийными органами, чаще всего взаимодействуя с органами исполнительной власти, отраслевого управления и Советами. Оставаясь органом государственного контроля, арбитраж активно вмешивался в производственно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов.

Автором подчеркивается, что арбитраж, обладая всесторонней и объективной информацией, знал истинное положение дел в экономике, готов был предоставить ее тем, кто определял экономическую политику страны, но подобная информация не была востребо-

вана. В годы перестройки Госарбитраж во многом содействовал реформированию экономики. Одновременно шел процесс постепенного преобразования государственного арбитража в арбитражный суд.

Д.В. Воронин в своей монографии, опираясь на архивные материалы, показал важную роль, которую играли органы государственного арбитража как на республиканском, так и на региональном уровне в экономической системе советского государства. В целом, несмотря на некоторые недостатки, встречающиеся на страницах монографии, необходимо отметить ее безусловную новизну и прикладную значимость, что позволяет рекомендовать ее специалистам по истории экономики и права, а также всем, кто интересуется отечественной историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин Д.В. Роль системы государственного арбитража в экономическом развитии Западной Сибири (1920–1950-е годы). Томск : 000 «РГ «Графика»», 2012.

Buzgalin Alexander V. Moscow State University. (Moscow, Russian Federation). E-mail: alternativy@tochka.ru

REVIEW TO THE MONOGRAPH OF D.V. VORONIN THE ROLE OF STATE ARBITRATION IN ECONOMIC DEVELOPMENT OF WEST SIBERIA (1920–1950)». TOMSK : LTD. «RG “ГРАФИКА”», 2012. 220 p.; THE DEVELOPMENT OF STATE ARBITRATION INSTITUTE AND ITS IMPACT ON SOVIET ECONOMY: REPUBLICAN AND REGIONAL ASPECT (1950–1980). TOMSK : LTD. «RG “ГРАФИКА”», 2013. 280 p.

REFERENCES

1. Voronin D.V. *Rol' sistemy gosudarstvennogo arbitrazha v ekonomicheskom razvitii Zapadnoy Sibiri (1920–1950-e gody)* [The role of the state arbitration in economic development in Western Siberia (1920–1950)]. Tomsk: Grafika Publ., 2012.

Н.С. Ларьков

ПАМЯТИ КУЗНЕЦОВА М.С.

16 февраля 2015 г. ушёл из жизни заслуженный деятель науки РСФСР, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный профессор Национального исследовательского Томского государственного университета Михаил Сергеевич Кузнецов.

М.С. Кузнецов родился 29 января 1922 г. в с. Кольцово Калачинского уезда Омской губернии в крестьянской семье. В 1929 г. его отец, Сергей Иванович, был репрессирован, а спустя год мать, Варвара Макаровна, с тремя сыновьями сослана в Нарымский округ – в с. Берёзовку Колпашевского района (север современной Томской области).

Будучи на спецпоселении Михаил Сергеевич окончил семилетнюю школу в с. Инкино, затем поступил в фельдшерско-акушерскую школу в г. Томске, которую с отличием окончил в самый канун Великой Отечественной войны. Уже в начале июля 1941 г. он добровольцем ушёл на фронт и в течение трёх с половиной месяцев воевал в должности военфельдшера, лейтенанта медицинской службы в составе 920-го стрелкового полка 247-й стрелковой дивизии на Запад-

ном и Калининском фронтах. Был дважды легко ранен. После тяжёлого ранения, полученного 22 октября 1941 г. в бою под г. Калинином, около четырёх месяцев находился на излечении в госпиталях. В марте 1942 г. был демобилизован как инвалид второй группы и вернулся в Томск.

В 1946 г. М.С. Кузнецов с отличием окончил Томский государственный педагогический институт. До 1959 г. работал инструктором отдела агитации и пропаганды Томского обкома ВЛКСМ, преподавателем истории и политэкономии в Томском горном техникуме. Одновременно окончил заочную аспирантуру при кафедре истории СССР Томского государственного университета. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию «Культурное строительство на советском Дальнем Востоке в восстановительный период (1922–1925 гг.)», выполненную под научным руководством высланного в Томск из Москвы лауреата Сталинской премии профессора И.М. Разгона. С этого времени вся последующая жизнь Михаила Сергеевича была связана с Томским государственным университетом, где он прошёл путь от ассистента до профессора. После защиты в 1973 г. докторской диссертации на тему «Деятельность Дальневосточной краевой партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928–1937 гг.)» на протяжении двадцати лет возглавлял кафедру истории КПСС (в 1991–1993 гг. – кафедра политической истории естественных факультетов). Впоследствии трудился профессором кафедры истории России (с 2000 г. – кафедра истории и документоведения) исторического факультета.

М.С. Кузнецов – автор около 140 научных работ, в том числе 4 монографий (две из них в соавторстве). Его научные изыскания были посвящены проблемам культурного строительства на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг., истории сибирского крестьянства в послевоенный период, а также истории высшего образования и науки в Западной Сибири. Под его научной редакцией был издан двухтомный сборник документов и материалов «Культурное строительство на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг.» (Владивосток, 1982, 1988). М.С. Кузнецов входил в состав редколлегий и авторских коллективов «Истории советского Дальнего Востока» и 5-го тома «Истории крестьянства Сибири. 1959–1980», принимал участие в написании 4-го тома «Истории Сибири». В составе творческого коллектива историков Томского государственного университета на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг. был обладателем престижного гранта ведущей научной школы Российской Федерации.

Будучи одним из ведущих учёных-историков Сибири Михаил Сергеевич внёс большой вклад в подготовку кадров высшей квалификации для учебных заведений региона. Под его научным руководством защищены около 60 кандидатских диссертаций. Он являлся научным консультантом 5 докторских диссертаций. На протяжении

многих лет состоял членом Проблемного совета «Партийное руководство культурным строительством» и Головного совета по истории КПСС при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, председателем Западно-Сибирской региональной экспертной комиссии по истории КПСС. В течение нескольких десятилетий М.С. Кузнецов возглавлял советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим специальностям в ТГУ. В последние годы он являлся председателем диссертационного совета по этнографии, этнологии и антропологии, истории науки и техники при ТГУ.

Одновременно Михаил Сергеевич занимался широкой общественной деятельностью. С 1974 по 1991 г. состоял членом Томского горкома КПСС. За заслуги в сфере пропагандистской и просветительской деятельности был занесён в 1985 г. в Книгу почёта общества «Знание» РСФСР.

За свой ратный труд и высокие достижения в научной и педагогической деятельности М.С. Кузнецов был удостоен многочисленных наград, в том числе ордена Красной Звезды (1942), Дружбы народов (1981), Отечественной войны 1-й степени (1985).

Михаилу Сергеевичу были присущи исключительное трудолюбие, скромность, деликатность, уважение к иному мнению, доброжелательное отношение к окружающим. Таким он и останется в памяти всех, кто его знал, кто у него учился и вместе с ним работал.

В.П. Зиновьев

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ – БЛИНОВА Н.В.

БЛИНОВ Николай Васильевич родился 15 августа 1929 г. в деревне Старая Покровка Судженского района Томского округа Сибирского края, умер 6 марта 2015 г. в Москве.

Николай Васильевич относился к тем сибирским самородкам, талант которых выносил их из дремучих деревень к вершинам науки. Отец Н.В. Блинова Василий Александрович (1905–1994) был крестьянином, после возвращения со службы в Рабоче-крестьянской Красной армии работал плотником, построил себе крепкий дом, женился на молоденькой польке Пелагее, но с началом коллективизации, чтобы не попасть под раскулачивание, бросил хозяйство и перебрался на Щербиновские копи в Анжеро-Судженске. О брошенном доме он вспоминал всю жизнь и знал, что он еще стоит. На копиях он работал плотником, с 1933 г. – коновозчиком, окончив курсы, стал работать счетоводом, с началом Великой Отечественной войны ушел на фронт. После демобилизации работал инспектором по качеству угля. Мать Н.В. Блинова, Пелагея Адамовна (1911–1990), была домохозяйкой и воспитала четверых детей (Николая, Анну, Тамару и Валентину). В 1941 г. Н.В. Блинов окончил начальную школу и в связи с

уходом отца на фронт был вынужден помогать матери, прервав учебу. В 1943 г. он окончил неполную среднюю школу № 3 в г. Анжеро-Судженске и продолжил учебу в 8-м классе мужской средней школы № 32. После демобилизации из армии отца в 1945 г. Н.В. Блинов сбежал из дома, чтобы попасть на фронт. Преодолев массу препятствий, он добрался до Владивостока. Став воспитанником бригады морской пехоты, в августе 1945 г. принял участие в боях с японскими войсками. Участником войны он себя, тем не менее, не считал и никогда не добивался льгот, положенных ему как юнг-фронтовику. Затем он поступил в Военно-морское подготовительное училище. За два года учебы окончил 9-й и 10-й классы, получив специальную военно-морскую подготовку. В училище избирался комсоргом и руководил литературным кружком. При прохождении медицинской комиссии был признан негодным для обучения в военном училище и отчислен. В связи с непризывным возрастом (ему еще не исполнилось 18 лет) был демобилизован и в сентябре 1947 г. поступил во Владивостокскую школу мореходного обучения № 7 по специальности «радиооператор», где проучился до февраля 1948 г. Затем перешел на должность воспитателя той же школы и был направлен на курсы повышения квалификации в Новосибирск.

С 1 сентября 1948 г. Николай Васильевич стал студентом исторического отделения историко-филологического факультета ТГУ. Во время учебы принимал активное участие в общественной работе: был председателем спортклуба университета, председателем президиума областного добровольного спортивного общества «Наука», избирался депутатом Кировского райсовета депутатов трудящихся. Его учителями и наставниками были профессор И.М. Разгон, доценты, позднее профессора З.Я. Бояршинова, А.П. Бородавкин, доцент Л.В. Алякринский. Н.В. Блинов окончил университет в 1953 г., защитив дипломную работу на тему «В.И. Ленин и И.В. Сталин об особенностях русского империализма». Активный студент привлек внимание партийных органов, в 1952 г. вступил в ВКП(б), ему прочили карьеру руководящего работника, однако Николай Васильевич наотрез от этого отказался. Тем не менее он постоянно был членом или руководителем какого-нибудь партийного комитета.

С 1 сентября 1953 г. Н.В. Блинов стал преподавателем кафедры марксизма-ленинизма, затем кафедры истории КПСС ТГУ, с 1 февраля 1960 г. – аспирантом кафедры истории СССР. После защиты диссертации по истории сибирских организаций РСДРП в 1962 г. он с 1964 г. стал доцентом кафедры истории КПСС. Однако Николай Васильевич хотел заниматься отечественной историей, так как он, как и его учитель профессор И.М. Разгон, не считал историю КПСС особой наукой, а всего лишь частью политической истории страны. С 1966 г. Николай Васильевич стал доцентом кафедры истории СССР дооктябрьского периода в ТГУ, читал лекции по истории Сибири. Они были отнюдь не блестящими, так как готовились накануне ночью. Последующим поколениям студентов повезло

больше. Позднее он читал курсы лекций «История СССР периода империализма», «Историография и источниковедение истории СССР», «Теория и методика исторических исследований». Какой он был преподаватель, можно судить по тому, что из пяти участников нашего спецсеминара трое стали докторами наук: А.П. Толочко, Л.И. Галлямова, В.П. Зиновьев, из другого семинара докторами стали двое – В.П. Бойко и Ю.А. Сорокин, из третьего – П.Ф. Никулин. Его консультации превращались в многочасовые беседы с учениками.

1 сентября 1972 г. Николай Васильевич – старший научный сотрудник (докторант), с 1976 г., после защиты докторской диссертации в 1975 г., – профессор кафедры истории СССР дооктябрьского периода. В 1968 г., когда была организована проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) при ТГУ, Николай Васильевич возглавил в ней группу молодых ученых, занимавшихся историей рабочего класса Сибири. В 1979–1981 гг. он был заведующим ПНИЛ ИАЭС при ТГУ.

В 1981 г. Н.В. Блинов переехал в Москву, был с 1981 по 1991 г. старшим, затем главным научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Некоторое время возглавлял отдел публикаций института. С распадом партийных учреждений в 1992–1996 гг. работал ведущим научным сотрудником Института социальных и национальных проблем образования Министерства образования РФ, а с 1996 по 2013 г. – профессором кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, преподавал историю государства и права России.

Научную деятельность Н.В. Блинов начал с изучения социал-демократического движения в Сибири. В 1960–1970-е гг., когда под эгидой Института истории, филологии и философии СО АН СССР было предпринято издание ряда обобщающих фундаментальных трудов по истории Сибири, Н.В. Блинов принял участие в написании 3-го тома академического 5-томного издания «История Сибири» (Л., 1968–1969). Затем он возглавил группу сотрудников ПНИЛ ИАЭС, которая подготовила 1-й том «Истории рабочего класса Сибири» (Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982). Уехав в Москву, он сохранил прочные связи с учениками, участвовал в подготовке трехтомной монографии «Рабочее движение в Сибири», которая остается единственной в России региональной хроникой рабочего движения с XVII в. до 1917 г. Всего перу Н.В. Блинова принадлежит более 100 работ по различным проблемам социально-экономической и политической истории, историографии, источниковедения, археологии и государствоведения, в том числе десятка монографий. Под научным руководством Н.В. Блинова подготовлено 19 кандидатов наук, в том числе 3 по юридическим наукам в РУДН, 3 доктора исторических наук.

Николай Васильевич был глубокоэрудированным добросовестным ученым, для которого главным было – докопаться до истины. Он всегда любую, даже мелкую проблему рассматривал всесторонне, используя весь методологический, методический и источниковедческий арсенал историка. В советское время, когда историк, как сапер, ошибался один раз, Николай Васильевич учил нас быть честными исследователями, писать на грани возможного, показывал, что реальный марксизм и советский – это две разные теории. Халтуру и конъюнктурщину он не переносил органически. В нашей памяти он останется примером служения науке, наставником и другом [1–5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П. Список научных трудов профессора Н.В. Блинова // Сибирь в составе России : сборник историко-статистических материалов / под ред. Б.К. Андрищенко. Томск, 1999. С. 107–114.
2. Профессора Томского университета : биографический словарь (1945–1980) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск, 2001. Т. 3. С. 38–41.
3. Блинов Николай Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 225.
4. Блинов Николай Васильевич // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/blinov-nikolay-vasilevich>, свободный (дата обращения: 12.10.2014).
5. Блинов Николай Васильевич // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index>, свободный.

REFERENCES

1. Zinovev V.P. *Spisok nauchnykh trudov professora N.V. Blinova* [The list of scientific works by Professor N.V. Blinov]. In: Andriushchenko B.K. (ed.) *Sibir' v sostave Rossii: Sbornik istoriko-statisticheskikh materialov* [Siberia as a part of Russia: Collection of historical and statistical data]. Tomsk, 1999, pp. 107–114.
2. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L. et al. *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1945–1980)* [Professor of Tomsk State University: A Biographical Dictionary (1945–1980)]. Tomsk, 2001, vol. 3, pp. 38–41.
3. *Blinov Nikolay Vasil'evich* [Nikolai Blinov]. In: Klimenko V.I. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [The Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 1, p. 225.
4. *Blinov Nikolay Vasil'evich* [Nikolai Blinov]. In: *Biblioteka sibirskogo kraevedeniya* [Siberian Library of Local History]. Available from: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/blinov-nikolay-vasilevich>. (Accessed: 12th October 2014).
5. *Blinov Nikolay Vasil'evich* [Nikolai Blinov]. In: *Elektronnaya entsiklopediya TGU* [The TSU Electronic Encyclopedia]. Available from: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСАТРЯН Георгий Эминович, аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: asatryangeorgi@yahoo.com

БОБЫЛО Андрей Михайлович, кандидат политических наук, докторант кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: sibiryak_84@mail.ru

БУЗГАЛИН Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: alternativy@tochka.ru

ГАЙДУК Мария Юрьевна, магистрант кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: mary.gaydouk@mail.ru

ГАМЕРМАН Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент юридического факультета Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы. E-mail: egamerman@mail.ru

ДАНИЛОВ Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары). E-mail: danilov.andrey@mail.ru

ЖАРЧИНСКАЯ Ксения Александровна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета, ассистент кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета. E-mail: zharch@mail2000.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КОЛОКОЛОВ Александр Александрович, доктор физико-математических наук, профессор, председатель Совета Омского Дома ученых. E-mail: kolo@ofim.oscsbras.ru

КУЗНЕЦОВ Денис Евгеньевич, аспирант гуманитарного факультета Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул). E-mail: goodjobman@inbox.ru

КУРЫШЕВ Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, социально-экономических и общественных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Ишиме. E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

ЛАРЬКОВ Николай Семёнович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: larkov@mail.tsu.ru

ЛИЗУНОВ Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель председателя Совета Омского Дома ученых. E-mail: kolo@ofim.oscsbras.ru

МАСЛЮЖЕНКО Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета. E-mail: denmas13@yandex.ru

НИКИФОРОВА Анастасия Михайловна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: nastya368@inbox.ru

НОСКОВА Наталья Геннадьевна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

ПЕСЦОВ Сергей Константинович, доктор политических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: skpfox@mail.ru

ПЕТРЕНКО Александр Николаевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: alexandr_n@mail.ru

ПИВОВАРОВА Наталья Сергеевна, соискатель исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: natalia-piv@rambler.ru

ПОЛЯКОВА Елена Александровна, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: elena2873@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Галина Петровна, член Омского Дома ученых. E-mail: kolo@ofim.oscsbras.ru

СИТНИКОВА Елена Владимировна, кандидат архитектуры, доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: elensi@vtomske.ru

СОЛОВЬЕВ Анатолий Алексеевич, кандидат физико-математических наук, профессор, член Совета Омского Дома ученых. E-mail: kolo@ofim.oscsbras.ru

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, аспирант гуманитарного факультета Омского государственного технического университета. E-mail: stelmakmm@mail.ru

ТРОЙНИНА Екатерина Юрьевна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: shkrob_katya@mail.ru

УСОЛЬЦЕВА Ольга Васильевна, преподаватель Гуманитарного лицея г. Томска. E-mail: usolzeva@list.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: klio@yandex.ru

ХРАМЦОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент инженерно-экономического института Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ШАНДАЛА Даниил Евгеньевич, студент второго курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 2 (34)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 13.04.2015 г. Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура Times.

Печ. л. 16,04; усл. печ. л. 17,25.

Тираж 60 экз. Заказ № 956.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28